

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ФЕДЕРАЛЬНОЕ АГЕНТСТВО ПО ОБРАЗОВАНИЮ
ГОУ ВПО «АЛТАЙСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»
Кафедра археологии, этнографии и музеологии

ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

ВЫПУСК 4

Барнаул

Издательство Алтайского
государственного университета
2008

ББК 63.4я43

Т338

Редакционная коллегия:

доктор исторических наук **В.В. Горбунов;**

доктор исторических наук **Ю.Ф. Кирюшин;**

доктор исторических наук **Н.Н. Крадин;**

доктор культурологии **Л.С. Марсадолов;**

доктор исторических наук **А.А. Тишкин** (отв. ред.);

доктор исторических наук **А.В. Харинский;**

доктор исторических наук **Ю.С. Худяков**

Т338 **Теория и практика археологических исследований** : сборник научных трудов / отв. ред. А.А. Тишкин. – Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2008. – Вып. 4. – 196 с.: ил. + вкл.

ISBN 978-5-7904-0866-3

В сборнике представлены актуальные, дискуссионные и информационные статьи, в которых отражены различные аспекты изучения археологических материалов.

Издание рассчитано на исследователей, занимающихся теоретическими, методическими и практическими проблемами археологии.

ББК 63.4я43

*Сборник научных трудов подготовлен при поддержке гранта
Президента России НШ-5400.2008.6 «Создание концепции
этнокультурного взаимодействия на Алтае
в древности и средневековье»*

ISBN 978-5-7904-0866-3

© Оформление. Издательство Алтайского
государственного университета, 2008

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	5
РЕЗУЛЬТАТЫ ИЗУЧЕНИЯ МАТЕРИАЛОВ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ	
<i>Волков П.В.</i> Первые «деньги».....	7
<i>Ковтун И.В.</i> Изобразительные композиции сейминско-турбинских кинжалов.....	18
<i>Сотникова С.В.</i> Образ колеса в обряде и представлениях синташтинского населения.....	30
<i>Руденко К.В.</i> Уздечный набор ананьинского времени: проблемы реконструкции (по материалам IV Мурзихинского могильника IX–VII вв. до н.э.).....	37
<i>Мец Ф.</i> О золотом предмете из кургана Передериева Могила.....	43
<i>Семибратов В.П., Матренин С.С.</i> Исследование погребальных и поминальных памятников тюркской культуры в зоне строительства Алтайской ГЭС в 2007 г.....	54
ЗАРУБЕЖНАЯ АРХЕОЛОГИЯ	
<i>Тишкин А.А., Нямдорж Б., Серегин Н.Н., Мунхбаяр Ч.</i> Плановые археологические обследования в долине Буянта (Западная Монголия).....	67
<i>Кунгуров А.Л., Тишкин А.А.</i> Местонахождение каменных артефактов около г. Ховда.....	73
<i>Тишкин А.А., Грушин С.П., Мунхбаяр Ч.</i> Археологическое изучение объектов эпохи бронзы в урочище Улаан худаг (Ховдский аймак Монголии).....	85
<i>Горбунов В.В., Тишкин А.А., Шелепова Е.В.</i> Исследования ритуальных комплексов Монгольского Алтая на памятниках Бугатын узуур-I и II.....	92
<i>Ковалев А.А.</i> Великая Тангутская стена (к интерпретации неожиданных данных радиоуглеродного датирования).....	103
РАБОТЫ МОЛОДЫХ ИССЛЕДОВАТЕЛЕЙ	
<i>Павленок К.К.</i> Новое местонахождение палеолитической культуры верхнего плейстоцена в Южном Приангарье – Костомаха.....	117
<i>Тюрина Е.А.</i> Опыт изучения ориентационных систем афанасьевской культурно-исторической общности.....	124
<i>Сутягина Н.А.</i> История изучения памятников культуры Шацзин (провинция Ганьсу, КНР).....	133

<i>Шульга Д.П.</i> К вопросу о стилизованных изображениях грифона (по материалам Алтая и прилегающих территорий Китая).....	137
<i>Серегин Н.Н.</i> Опыт и перспективы реконструкции социальной организации кочевников тюркской культуры Саяно-Алтая.....	145
<i>Куклин А.Ю., Бердников И.М., Сизова М.С., Пержакова А.С.</i> Результаты археологических исследований территории Иркутского острога у храма Спаса Нерукотворного Образа.....	157
<i>Ябыштаев Т.С.</i> О родовой основе возрожденного зайсаната в Республике Алтай.....	162

АСТРОАРХЕОЛОГИЯ

<i>Ларичев В.Е.</i> Мархинский дракон и время (астрономический, календарный и космогонико-мифологический аспекты семантики небесного чудовища и зооантропоморфных фигур святилища Суруктах-Хая, верхняя композиция).....	165
<i>Миллер Н.О., Марсадолов Л.С., Дементьева А.А.</i> Формирование предпосылок развития астрометрии у древних кочевников Алтая.....	185
Список сокращений	194

ПРЕДИСЛОВИЕ

Когда разрабатывалась концепция этого регулярного издания кафедры археологии, этнографии и источниковедения АлтГУ, то предусматривалось отражение нескольких научных направлений в области археологии. Часть из них действительно реализовывается, а некоторые даже успешно закрепились в виде постоянных разделов. В частности, наиболее востребованной стала тема «Результаты изучения материалов археологических исследований». В данном разделе, как правило, сгруппированы статьи, в которых не только публикуются сведения о раскопках или обследованиях, но и отражены обобщения разного уровня, обозначены новые и дискуссионные проблемы, а также рассматривается широкий спектр тематических разработок теоретического и практического характера. В представляемом сборнике научных трудов материалы указанного плана присутствуют.

Особенностью же данного (четвертого) выпуска является целый ряд ранее не реализованных направлений. Среди них – «Зарубежная археология». На протяжении нескольких лет сотрудники АлтГУ совместно с преподавателями Ховдского государственного университета работают в Западной Монголии. Пока идет процесс последовательного накопления материалов для разработки культурно-хронологической концепции при изучении истории Монгольского Алтая. Некоторые полученные результаты уже публиковались в предыдущем аналогичном выпуске, а также в других изданиях России и Монголии. В этом сборнике аккумулировано несколько статей, демонстрирующих результаты обследований и осуществленных раскопок в прошедшем полевом сезоне. Полученные археологические свидетельства демонстрируют возможности для продолжения исследований в выбранных направлениях. Еще одна работа отражает результаты осуществленных российско-монгольских изысканий в пустыне Гоби, где зафиксированы многочисленные остатки крепостных сооружений. Стоит надеяться на то, что обозначенный раздел закрепится в следующих выпусках и произойдет его расширение за счет представления научной информации об археологических исследованиях в других странах Евразии.

В 2008 г. сотрудниками кафедры и специализирующимися студентами, магистрантами и аспирантами на базе АлтГУ была подготовлена и проведена XLVIII региональная археолого-этнографическая студенческая конференция «Этнокультурная история Евразии: современные исследования и опыт реконструкций». Этот форум уже давно перерос свой региональный характер. Поэтому уже четвертый раз он обозначается как всероссийский и с международным участием. Эта ежегодная конференция является настоящей «кузницей» подготовки молодых исследователей. На ней приобретает опыт публичной дискуссии, проверяется уровень самостоятельной научной

деятельности и ее перспективы, апробируются современные методы изучения археологических материалов, вводятся в научный оборот новые результаты и открытия, происходит обмен литературой, изданной в разных городах, и т.д. Но главным является общение увлеченных единомышленников между собой и с ведущими археологами Сибири. Многие ныне известные ученые прошли такую школу. По результатам РАЭСКа-XLVIII в качестве поощрения за лучшие доклады было предоставлено право публикации научной статьи в очередном выпуске сборника «Теория и практика археологических исследований». В результате были присланы статьи, которые размещены в разделе «Работы молодых исследователей». Там же помещены и некоторые другие аналогичные труды. Все они приняты на основе письменных рекомендаций научных руководителей.

Еще один выделенный в сборнике раздел называется «Астроархеология». Указанное направление интенсивно развивается за рубежом и находит своих последовательных сторонников в России. В публикуемых статьях изложены не только конкретные результаты, но и демонстрируется специфика новой области знаний. Стоит отметить, что работа В.Е. Ларичева посвящена особенно важной для сибирской археологии дате – 100-летию со дня рождения выдающегося исследователя, академика Алексея Павловича Окладникова. Стоит указать, что в 2008 г. исполнилось бы 100 лет и таким крупнейшим отечественным археологам, как Б.А. Рыбаков и Б.Б. Пиотровский. Именно этим трем величинам мирового уровня был посвящен II (XVIII) Всероссийский археологический съезд, состоявшийся в Суздале.

Таким образом, в очередном выпуске представлен довольно значительный объем научных знаний разного плана. Стоит надеяться, что сборник станет востребованным и принесет пользу для развития археологии. Порядок расположения статей в вышеобозначенных разделах остается традиционным и соответствует хронологическому определению представленных материалов. В этот раз публикации прислали авторы различных учреждений таких городов России, как Новосибирск, Санкт-Петербург, Барнаул, Кемерово, Казань, Иркутск и Горно-Алтайск. Кроме этого, участвуют и наши зарубежные коллеги из Нюрнберга (Германия) и Ховда (Монголия).

В заключение необходимо отметить такой момент. После двадцати лет своего существования название кафедры археологии, этнографии и источниковедения АлтГУ было подкорректировано. Это изменение обусловлено реалиями современной реформы высшего образования и потребностями коллектива. На протяжении пяти лет кафедра является ведущим подразделением исторического факультета АлтГУ, отвечающим за подготовку студентов по специальности «Музеология». В 2009 г. состоится первый выпуск. Это обстоятельство, а также существенный задел в области реализации музееведческого подхода при интерпретации археологических и этнографических знаний обеспечили новое название, обозначенное на титуле данного издания.

А.А. Тишкин

РЕЗУЛЬТАТЫ ИЗУЧЕНИЯ МАТЕРИАЛОВ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

П.В. Волков

Институт археологии и этнографии СО РАН, Новосибирск

ПЕРВЫЕ «ДЕНЬГИ»

Размышления о сущности денег
свели с ума гораздо больше людей,
чем несчастная любовь.

лорд Гладстон

Иногда в периоды тяжелых раздумий перед пустым холодильником и за неделю до выдачи зарплаты представляется, что в каменном веке все было намного хуже. И ничего тогда не было: ни кредитных карточек, ни «национальных проектов», ни американской демократии...

Стереотип представлений о примитивной жизни людей в далеком прошлом устойчив. Но современная археология в последние годы постепенно приходит к предположениям о достаточно высоком интеллектуальном и, пожалуй, нравственном облике наших предков, живших в эпоху камня.

Развитие техники, палеоэкономики, конечно, постепенно меняло быт людей, но сам человек в период позднего палеолита–неолита, похоже, не отличался от нас. Что же касается социальной организации, то в те далекие века люди часто находили решения возникающих проблем, порой настолько гармоничные, что подобные действия дали бы повод гордиться и нашим современникам.

Роль денег в обществе всегда значительна. Их всегда хочется найти. И не менее интересно узнать время их первого появления.

Необходимые условия обитания человека

Идеальных условий для жизни человека в эпоху палеолита было совсем немного. И как бы ни была велика наша планета, заселить всю ее поверхность наши предки в то время не смогли. Причина не только в общей малочисленности населения. Напротив, похоже, что именно неспособность осваивать новые земли была определяющим фактором, сдерживающим общий рост населения.

Отнюдь не любая территория могла стать местом обитания человека в те времена. Место для поселений всегда выбиралось по принципу «двух основ»: близости должны быть (1) угодья для стабильной добычи пропитания и (2) источники сырья для производства орудий.

Пищу давали собирательство, охота и рыболовство. О собирательстве нам говорить трудно. Археологических данных об этом, несомненно, важном компоненте жизнедеятельности людей в эпоху камня у современных исследователей крайне мало. Наши знания базируются на свидетельствах исключительно косвенных. Рыболовство могло пропитать людей только на побережье моря либо же у сравнительно крупных рек или озер. Как источник пищи рыболовство достаточно надежно, но внутриконтинент-

тальные просторы Азии, например, такими ресурсами не богаты. Вероятно, что именно мясная, т.е. высококалорийная, пища придавала людям необходимое чувство уверенности в своих силах. Можно предположить, что именно стабильная охота позволяла коллективам наиболее активно проникать на новые, ранее необжитые территории.

Человеку необходимы орудия. Без них невозможно обойтись даже в очень примитивном хозяйстве. Инструменты крайне необходимы для домашних работ, и тем более они востребованы охотниками или рыболовами. Без прочных вспомогательных инструментов невозможно выполнение даже самых элементарных действий с добычей: для разделки туши животного и дальнейшей обработки мяса человеку требуется нож; для обработки шкуры – скребок; для дробления костей – хотя бы сечка и т.д. Наиболее прочные инструменты делались из камня. Полноценно заменить камень невозможно ни расщепленной костью, ни куском рога, ни твердой древесиной. Именно наличие или отсутствие каменного сырья было основным практическим критерием при оценке древними людьми достоинств или недостатков новых территорий.

Далеко не из каждой твердой породы камня можно изготовить необходимый человеку инструментарий. Оптимальным для расщепления и пригодным для изготовления является изотропное сырье. Это означает, что камень должен быть однородным по составу, без видимых трещин или пустот, износоустойчивым к истиранию, желателен мелкозернистым. К таковым относится, прежде всего, кремь, из экзотических пород – обсидиан, липарит, некоторые разновидности яшмы. Идеальный для работы кремь попадает редко. Встречается он только в особых, сравнительно небольших районах.

Технология производства орудий в палеолите была такова, что для получения необходимых изделий требовалось сравнительно большое количество сырья. Доля отходов производства была очень высока. Даже генезис и развитие пластинчатой технологии расщепления камня не принесли радикальных перемен в тотальном дефиците сырья. Хороший камень продолжал требоваться в большом количестве.

В палеолите трудно предположить и сколько-нибудь продолжительное «временное» переселение большого количества людей. Экспедиции охотников на бедные сырьем территории могли быть только краткосрочными.

Расход орудий всегда был высок. Каменный инструментарий не может служить бесконечно долго. Подправлять, оживлять износившийся каменный нож нельзя слишком часто. Его практическое использование возможно в течение только нескольких «рабочих» часов. Переносить с собой запасы сырья для новых орудий нелегко. Вес пренуклеусов (заготовок сырья особой формы), с которых можно было бы периодически получать (скальвать) заготовки для новых инструментов, иногда достигает 1 кг и более.

К печальным особенностям условий производства орудий в Северной Азии следует отнести и общую редкость качественного сырья. Каменный инструментарий чаще всего приходилось вырубать из «среднего» материала. Главной особенностью таких изделий являлась как раз именно слабая износоустойчивость в работе.

Все это означает, что при временных «вылазках» на бедные сырьем территории людям приходилось переносить с собой особенно значительное по весу, обременительное для охотника, количество жизненно необходимого камня. Иначе говоря, далеко уходить от источника сырья в эпоху палеолита человек не мог.

Есть основания полагать, что в финале палеолита на территориях с хорошим каменным сырьем и предоставляющих людям удобные условия для охоты возникло

новое в истории человечества явление – перенаселенность. Территориальный ресурс палеолита оказался выработанным.

«Микролитизация» как «транспортная необходимость»

Неолит – поистине «новый» век в истории человечества. Происходит нечто, прежде совершенно невероятное. Это время – период рождения множества гениальных изобретений. В эпоху неолита в быт, повседневную жизнь людей «приходят» технологии, вещи, явления, в прежние годы немыслимые, бывшие или редкостью или не существовавшие вовсе. Изобретены лук и стрелы, колесо, ткацкий станок, керамика, придуман гончарный круг, приручены ранее дикие животные, рождается земледелие, появляются новые транспортные средства, камень теперь не только раскалывают, но и шлифуют, виртуозно режут, часто сверлят и гравировывают, повсеместно распространяются предметы искусства, меняются жилища, бытовые инструменты, орудия промыслов... Радикально эффективнее становится охота, появились легкая тканая одежда, женские украшения и даже хмельные напитки... Казалось бы, жизнь резко изменилась к лучшему. Но, кроме радостей обильного и комфортного потребления, человечество, вероятно, впервые столкнулось и с оборотной стороной прогресса. Меняется рацион питания. И, как выяснилось, – не к добру. Антропологи отмечают появление неслыханных ранее болезней (кариес, остеохондроз, желудочные проблемы), падает показатель продолжительности жизни, растет и детская смертность.

Происходит еще и вероятная замена старых общественных ценностей на новые, – изменения в технологии обработки камня делают непосредственное производство орудий занятием «общедоступным». Наиболее важная и ранее, вероятно, наиболее престижная отрасль палеохозяйства перестает быть уделом профессионалов. Уважение в народе вызывает теперь уже не прежний умелец, не знаток, не хранитель секретов старых мастеров, а энергичный «производственник», освоивший примитивную в своей реализации, но эффективную и производительную технологию. Именно такие люди теперь поставляют «на рынок» основную массу каменных орудий труда, они создают популярный «ширпотреб».

Что же послужило стимулом для невиданного, скачкообразного технологического прогресса? Ради чего же произошла «неолитическая революция»? Если же человечество пошло на определенные жертвы, то, очевидно, не случайно?

Среди новшеств неолита наиболее значительными являются изменения в технологии обработки камня. Здесь произошли два наиболее важных события: 1) открыты возможности *шлифовки* материала; 2) в технологии *расщепления* камня произошла *микролитизация* индустрии. Оба эти явления очень важны.

В первом случае это означает возможность изготовления орудий из материалов, ранее принципиально непригодных. Шлифовке поддаются не только традиционный кремний, но и множество пород для расщепления неудобных или даже не подлежащих (например, нефрит). Наиболее существенным является то, что технология шлифовки проста, не требует значительного времени. И, наконец, все это означает, что «территории с плохим сырьем», если там имелись источники пищи, стало возможным заселять.

Второе событие неолита – микролитизация инструментария. Это еще более важный фактор прогресса. Вспомним, что предшествовало этому новшеству.

На рубеже среднего и позднего палеолита, в Центральной Азии происходит эволюция в способах расщепления камня и зарождается пластинчатая технология, быстро

распространившаяся с Алтая к востоку. Орудия из пластин становятся основой позднепалеолитического инструментария огромных регионов. Главное достоинство новой технологии – экономичность в расходе сырья.

Если в мустьерское время с одного сырьевого блока производилось только несколько стандартизованных снятий заготовок орудий, то в позднем палеолите, из того же объема сырья, при расщеплении призматических нуклеусов можно получить до двух десятков каменных пластин, каждая из которых может быть преобразована в нож, скребок или другой инструмент. Количественное обогащение инструментария человека в позднем палеолите сыграло свою роль, – это также способствовало расширению ойкумены. Хотя и не радикально. Людям по-прежнему требовалось все еще значительное количество сырья, причем достаточно высокого качества. Транспортировка сырьевых блоков или пренуклеусов позднего палеолита на большие расстояния продолжала быть крайне затруднительной.

Необходимость «микрولитизации» технологии производства оставалась актуальной. Появление в обиходе человека первых *микропластин* стало знаменем истинно нового времени и больших перемен.

Цели и задачи «неолитической революции»

Зарождение микропластинчатой техники расщепления камня происходит в «раннюю пору позднего палеолита» на территории Алтая (Деревянко А.П., Волков П.В., Петрин В.Т., 2002). Популярными становятся «вкладышевые» орудия. Теперь для изготовления одного инструмента требуется не одна пластина-заготовка как прежде, а набор микропластинчатых вставок в особую деревянную основу инструмента. Микропластина-вкладыш *на порядок* меньше пластины с призматического нуклеуса той же эпохи. Расход сырья на производство орудия резко сокращается. Инструментарий, необходимый запас сырья становятся портативными, легко транспортабельными. Перенесение людьми *микроренуклеусов* на места, удаленные от сырьевых источников, перестало быть серьезной проблемой.

Микропластинчатое расщепление быстро становится доминирующим в Северной и Центральной Азии. Именно это поистине революционное новшество в технологии практически радикально меняет жизнь человека на рубеже плейстоцена – голоцена.

Все новшества неолита в принципе вели к одной цели – обеспечить высокую мобильность человека. Успешное и радикальное решение этой задачи и являлось главной целью «неолитической революции».

Многое было подготовлено еще в позднем палеолите. Местами уже была «изобретена» керамика, изредка пробовали шлифовать камень... Но долгое время все это проявлялось эпизодически. Пока не была решена главная проблема (микрولитизация каменной индустрии), весь опыт подобного рода открытий оставался мало востребованным. *Резкое сокращение потребности в камне для производства орудий было главным явлением неолита.* Именно это способствовало пробуждению интереса к освоению и широкому распространению множества тех инноваций, которые мы обычно именуем неолитическими: распространение керамических сосудов позволяло не только готовить пищу с иным, чем прежде, вкусом, но и хранить *запас* продуктов; новые способы охоты, луки стрелы помогали освоить охоту на фауну новых территорий; изобретение колеса, изготовление лодок облегчили переезды; новые жилища, тканая одежда сделали багаж более легким. Человек мог теперь позволить себе

удаляться на сотни километров от привычных источников сырья, почувствовал себя много увереннее, стал больше путешествовать, больше узнавать, активнее обмениваться житейским опытом со своими соседями.

Три стадии в производстве орудий

Потребность в качественном каменном сырье не исчезла. Она осталась, но перестала быть довлеющей. Для того чтобы понять, как была практически решена проблема транспортировки сырья, необходимо рассмотреть некоторые немаловажные в такой ситуации аспекты процессов расщепления камня.

Работу с камнем, т.е. всю технологическую цепочку производства позднелитического орудия, можно разделить на три этапа:

– *первичное расщепление*: преобразование исходной формы сырья в форму, пригодную для снятия в дальнейшем одной или множества заранее определенных стандартных заготовок будущих рабочих инструментов;

– *вторичное расщепление*: процесс снятия/получения заготовки или серии заготовок будущих рабочих инструментов;

– *третичное расщепление*: преобразование, как правило, стандартной снятой с нуклеуса заготовки в рабочий инструмент, предназначенный для выполнения определенных производственных операций (Волков П.В., 2002).

Исходя из этого *нуклеусом* следует считать артефакт, образовавшийся в результате *завершения* этапа/процесса снятий различного рода заготовок орудий с пренуклеуса. Нуклеус – итог вторичного расщепления. На нуклеусе должны отчетливо фиксироваться «основная ударная площадка» и «основной фронт снятий» с негативными следами отделенных заготовок орудий. На такого рода артефакте должны быть зафиксированы *причины* прекращения процесса получения снятий-заготовок.

Пренуклеус – суть артефакт, представляющий собой изделие, *подготовленное* к серийному снятию с него различного рода заготовок орудий. Пренуклеус – итог первичного расщепления. На пренуклеусе должны проследиваться основная ударная площадка и место, *подготовленное* для снятий заготовок. Объемный потенциал расщепления должен быть явно не израсходован. Иначе говоря: пренуклеус есть завершенное изделие промежуточного этапа в технологическом процессе производства орудия из камня.

Все эти определения артефактов при изучении палеолита, казалось бы, носящие несколько отвлеченный характер, при исследовании неолитических материалов имеют особую актуальность.

При типологии позднелитических и неолитических нуклеусов Северной Азии археологи часто испытывали серьезные трудности. В принципе, однотипные артефакты, предназначенные для скалывания с них микропластин, получали такие наименования, как «гобийские» нуклеусы, «нуклеусы-скребки», «клиновидные», «торцовые микронуклеусы» и ряд других. В зависимости от размера изделия, способа оживления ударной площадки, оформления кия, общих пропорций изделия и на основе ряда других технологических и морфологических характеристик такого рода артефактов выделялось множество их подтипов. Учитывая принципиальную субъективность всякой морфологической типологии, можно понять и появление неизбежных трудностей в корреляционных исследованиях археологических коллекций.

Экспериментально-технологический анализ собраний «гобийских нуклеусов» в целом прояснил и обосновал выбор наиболее значимых характеристик, необходимых

для плодотворной классификации. На основе специфики крепления нуклеусов в процессе их расщепления, как предполагается, в расщепленной древесине, предложен и вариант их общего именованья – «клиновидные». В целом клиновидные нуклеусы, как тип, достаточно едины.

Следует сказать, что технологические методы исследования позволяют всегда достаточно достоверно определить *причину* завершения процесса работы с каждым нуклеусом. В подавляющем большинстве случаев расщепление камня, с которого производились снятия заготовок орудий, прекращалось вследствие трех обстоятельств:

1) потенциал пренуклеуса истощался и его дальнейшая утилизация становилась невозможной (как правило, возникали проблемы фиксации артефакта при его раскалывании);

2) в процессе расщепления мастер обнаруживал в материале ранее скрытый недостаток (пустоты, трещины, посторонние включения и т.п.);

3) оператор совершал грубую, неустранимую ошибку, приводящую раскалываемый камень в негодность.

Знания о причинах прекращения процесса расщепления являются первоосновой технологической типологии нуклеидных артефактов.

На месте древних поселений встречаются преимущественно *истощенные* нуклеусы. Последствия выявления «природного брака» пренуклеусов не часты. Еще реже встречаются следы грубых ошибок операторов.

При изучении обширнейших археологических коллекций Монголии, собранных сотрудниками Института археологии и этнографии СО РАН за десятилетия полевых исследований, был отмечен довольно необычный феномен. Наряду с очевидно истощенными нуклеусами в коллекциях находок отмечается достаточно заметная доля *пренуклеусов*, расщепление которых практически *и не начиналось*. Причем такого рода артефакты обнаруживались археологами отнюдь не только на месте добычи камня, где их наличие было бы естественным, но и в местах, достаточно удаленных от источников сырья.

Доведение до стадии готовности к регулярному расщеплению (получению стандартных заготовок орудий) и немотивированный отказ от непосредственной утилизации пренуклеусов первоначально представляется странным. Но вполне логично и предположение, что умышленное сохранение пренуклеуса могло быть и своего рода «запасом» на будущее, когда вторичное расщепление предполагалось произвести позже.

Необходимость товарообмена в эпоху камня

Технологии палеолита достигли к финалу эпохи очень высокого уровня. Одновременно с этим росла и их сложность. Специализация в труде по производству каменных орудий представляется естественной. Мастера в технологии расщепления постоянно нуждались в достаточно большом времени для поддержания и совершенствования своего мастерства и, что очень вероятно, должны были получать некоторое «освобождение» от большинства других занятий в коллективе.

Кроме «общих работ», при занятости всего коллектива, например, при нерестовом ходе рыбы или при сезонном собирательстве, вероятно, шел и определенный процесс «общественного разделения труда», в результате которого могли выделяться группы людей, занятые преимущественно только охотой, производством орудий или только домашним хозяйством.

Серийность в производстве изделий из камня в эпоху позднего палеолита есть явление достаточно распространенное. Каждый специализирующийся производитель мог создавать продукции значительно больше, чем это было ему необходимо для личных потребностей. Это, в свою очередь, предполагает и обмен «излишков производства» на результат труда других специалистов.

Все это кажется естественным, но попробуем посмотреть на привычные нам, археологам, итоги по расщеплению камня немного иначе, несколько с необычной стороны.

Наиболее сложным этапом в производстве орудий является *первичное* расщепление (изготовление пренуклеуса). Эта работа требует большого объема знаний, опыта, поистине творческой работы, несомненной специализации оператора. Именно в первичном расщеплении проявляется мастерство производителя. Именно первичное расщепление является *уникальной* работой. Именно на этом этапе в изделие вкладывалось наибольшее количество *специализированного* труда.

Сравним работу мастера по расщеплению камня с деятельностью охотников или собирателей.

Продукты охоты нужны всем. Но добычей пропитания может достаточно успешно заняться практически любой член первобытного коллектива.

Пренуклеус также нужен всем. *Использовать* его, т.е. произвести *вторичное* расщепление и собрать потом вкладышевый инструмент, может каждый. Но *изготовить* пренуклеус доступно не каждому. Его производство сложно и не может быть серийным.

Среди всех предметов обихода и производства в эпоху позднего палеолита – неолита такое изделие, как пренуклеус, получает особый статус – артефакт приобретает *универсальную* ценность.

Без каменных орудий в то время была невозможна никакая, сколько-нибудь важная активность человека. Без ножа нельзя получить мясо от убитого зверя; без специальных инструментов невозможны выделка шкур и качественная раскройка материала для производства одежды; массовая обработка рыбы немыслима без специальных высокопроизводительных инструментов. Существовать «без камня» в «каменном веке» можно было пребывая только на низшем уровне жизни того времени. Вне сомнений, специалист, изготавливающий наиболее необходимый продукт эпохи, должен был занимать наиболее почетное место в социальной иерархии древних обществ. Результат его труда, его качество и количество становились естественным мерилем степени процветания человеческого сообщества. Богатство коллектива или индивидуума, особенно в местах, скудных сырьем, определялось потенциалом орудийного производства. Его материальным воплощением становится наличие, ресурс определенных артефактов.

На языке палеоэкономики можно сказать – стандартный пренуклеус в финале палеолита приобретает признаки «абсолютной ценности».

Вполне вероятно, что не только производитель пренуклеусов обменивал продукт своего труда на результат работы других. Обмен такой продукцией могли делать и другие члены общества. Если же «товарообмен» вообще совершался, то естественно и возникновение такого понятия, как «сравнительная ценность». Следствием процесса товарообмена в обществе должно стать формирование символа ценности – «разменный стоимостной эквивалент», фактически – «деньги».

Наилучшим «претендентом» на роль денег, как мы знаем, является предмет, имеющий непреходящую ценность, предмет, необходимый всем, предмет, с которым всегда

можно сопоставить ценность любого другого продукта труда. Но для того, чтобы какой-либо артефакт можно было бы считать денежной единицей, он должен обладать еще и рядом других, достаточно важных свойств.

Общие признаки денег

В энциклопедическом словаре Брокгауза и Ефрона читаем: «Деньгами в обширном смысле могут быть названы всякие знаки ценности, служащие для размена, для приобретения других предметов... Весьма обширное распространение имели в отдаленной древности, и имеют еще местами и теперь, в качестве денег некоторые раковины..., полированные цилиндрики, ... шерстяные одеяла, ... зубы акул, ... кожаные деньги, ... шкуры, ... бобы какао... В Австралии, в некоторых местностях, единицей ценности еще недавно служила бутылка рома...». Деньги определяются как, «во-первых, самостоятельная ценность, служащая предметом оборота, и, во-вторых, как общее мерило ценности других вещей» (Деньги, 1983, с. 404–406). Деньги как «особый товар, всеобщий эквивалент, форма стоимости других товаров...» в более современном словаре (Зварич В.В., 1980, с. 57) определяются как «стихийно выделяемый всеобщий эквивалент». «Заключенный в них конкретный труд является всеобщей формой проявления абстрактного труда». И еще несколько более конкретно: «Содержащийся в них частный труд выступает как труд в непосредственно общественной форме» (Зварич В.В., 1980, с. 57).

В любой период человеческой истории деньги должны обладать рядом определенных, обязательных качеств. Деньги должны быть:

- трудоемкими в производстве (сами по себе иметь ценность);
- компактными (ограниченными в размерах, объеме);
- способными дробиться на мелкие доли;
- физически долговечными.

Рассмотрим, правомерна ли версия интерпретации позднепалеолитических и, в особенности, неолитических пренуклеусов как наиболее ранней формы денег.

1. Производство пренуклеуса трудоемко и требует высокой квалификации мастера. Человеку, далекому от знаний наивысших достижений неолитической технологии расщепления камня, изготовить пренуклеус требуемых характеристик не под силу. Неумелую «подделку» легко отличить от действительно качественного изделия. Массовое производство неолитических «денег» невозможно и в силу затратности такого рода производства.

2. Размер неолитического пренуклеуса на порядок меньше пренуклеуса позднепалеолитического. Если последние и обменивались на продукты других производств, то неолитический пренуклеус стал значительно более удобен для таких целей. Неолитический пренуклеус компактен и ограничен в объеме.

3. При совершении крупных сделок можно легко определить количество «денег», увеличивая число расчетных артефактов. Более того, легко определима и «составляющая цена» каждой из денежных единиц – с каждого неолитического пренуклеуса можно получить определенное количество заготовок будущих орудий. Денежная единица неолита делится, таким образом, на мелкие, стандартные доли.

4. «Физическая долговечность» неолитических денег несомненна. Пренуклеусы, изготовленные 10–15 и даже 20 тыс. лет назад, до сих пор пригодны к расщеплению.

Неолитические пренуклеусы имеют стандартный объем и, следовательно, четко фиксируемый потенциал. Средний вес исследовавшихся пренуклеусов Монголии составляет 56,0 г. Отличие от этого весового стандарта обычно незначительно и

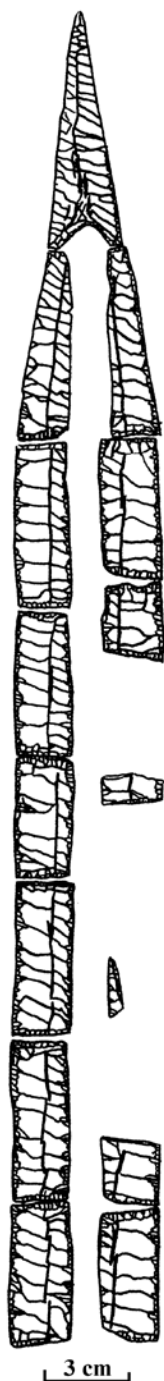

Рис. 1. Вкладышевый нож
(Древние погребения...,
2004, рис. 33.-5)

не превышают 10%. Средний вес утилизированных артефактов (нуклеусов) этого же региона равен 9,7 г. Расход их объема при расщеплении пренуклеуса (при производстве из него заготовок орудий) составляет таким образом около 80%.

Экспериментально установлено, что со стандартного неолитического пренуклеуса (фото 1 на вклейке) можно получить 40–45 (не более 50) микропластин (фото 2 на вклейке). Из этого количества заготовок получается в среднем 10–12 вкладышевых ножей (или орудий иного типа) (рис. 1). В результате «истощения» пренуклеуса, иначе говоря, после снятия с него все возможных микропластин, мы находим уже никуда не годные «ядрища» (нуклеусы) (фото 3 на вклейке).

Итак, можно считать, что исследуемые артефакты (пренуклеусы) имеют достаточно стандартный «стоимостной потенциал», все необходимое для выработки «стоимостного эквивалента».

Точно определить «меновую стоимость» денег эпохи камня невозможно (хотя это можно, с определенной погрешностью, предположить, просчитав трудозатраты на производство плюс транспортировку пренуклеусов и соответствующие показатели стоимости производства других товаров в каждой конкретной местности).

Среди прочих характеристик денег есть и такое понятие, как «демонстрация ими своего достоинства». Как это ни покажется странным, но такая «денежная» деталь есть и на изучаемых нами каменных артефактах.

У большинства пренуклеусов Монголии есть отчетливые следы демонстрации их качества. Практически на каждом из исследованных артефактов имеются негативы одного-двух (не более) снятий, *обнаруживающих достоинство материала*, из которого эти пренуклеусы изготовлены, наглядно показывающие потенциальные возможности его дальнейшего расщепления.

И, наконец, уже упоминавшийся нумизматический словарь подсказывает нам еще одну любопытную особенность денег. «Особый характер денег как всеобщего эквивалента, который может быть обменен на любой товар, служит стимулом к накоплению сокровищ. Для выполнения этой функции деньги должны быть одновременно и полноценными и реальными» (Зварич В.В., 1980, с. 178–179).

Есть ли следы *тезаврации* денег в эпоху неолита? Есть. Именно пренуклеусы обнаруживаются в *кладах* неолита.

Что может быть более полноценным, не подверженным порче, трудоемким в производстве, не предполагающим подделки и массового производства, компактным и транспортабельным, имеющим стандартное число долей при делении, физически долговечным, всеми и во все времена «каменного века» более востребованным «товаром», чем пренуклеус?

Практически все формальные, обязательные качества, присущие «деньгам», свойственны и для исследуемых нами артефактов.

Дискуссия

Поиск денег всегда актуален. Желание обнаружить их хотя бы в неолите очень заманчиво. Печальный опыт подсказывает, что научные дискуссии перестают быть сдержанными, как только предметом обсуждения становятся деньги. Взаимопонимание исследователей в таких вопросах формируется с трудом. Особенно редко это происходит в тех областях знаний, где природа наблюдаемых явлений не совсем ясна, а объект изучения достаточно расплывчат. Деньги – привычные и, порой, обиходные предметы. Но даже в экономических науках нет отчетливого понимания их сущности. Неизмеримо сложнее эта проблема для археологов.

Гипотеза об использовании пренуклеусов в качестве древнейшей формы денег может вызвать ряд возражений:

1. Известно, что клады пренуклеусов существовали и значительно ранее неолита, когда товарообмен представляется еще маловероятным, экономически невостребованным. Установлено, что позднепалеолитические пренуклеусы часто изготавливались впрок и транспортировались на значительные расстояния от места их изготовления к месту их утилизации (Гиря Е.Ю., Леон Ана Ресино, 2002). Но неолитические пренуклеусы, по ряду показателей, несопоставимы с технологически аналогичными изделиями палеолита. Предназначенные для распространенного в этот период позднего палеолита призматического расщепления, пренуклеусы имеют значительный большой вес. На них нет следов демонстрации качества. При стандартных пропорциях они часто имеют различный общий объем, что делает их потенциальную ценность неодинаковой и затрудняет обмен на другие товары. Использование *позднепалеолитических* пренуклеусов в качестве денег маловероятно.

2. Стандартность размеров пренуклеусов неолита есть следствие общей стандартизации процесса расщепления камня в неолите. Действительно, в целом технология расщепления камня в неолите достигает хотя и рационального, но удивительного однообразия. Установлено, что месторождения пригодных для расщепления пород на территории нынешней Монголии, например, предоставляли людям исследуемой эпохи сырьевые блоки самых разнообразных, в том числе и *больших* размеров. Технологические знания людей того времени позволяли им изготавливать пренуклеусы хотя и стандартных пропорций, но любых размеров. Но, несмотря на эту возможность, все же отмечается явное стремление людей производить изучаемые нами изделия именно *стандартного размера*. Это явление не может быть случайным.

3. Пренуклеус, обнаруженный на территории древней мастерской или поселения, не всегда следует воспринимать как предмет, предназначенный исключительно для товарообмена. Он может быть просто случайно неиспользованным материалом (утерянным, например). Предположить, что на поселении был утерян один, два или три пренуклеуса, можно. Но количество обнаруживаемых археологами скоплений («комплексов») пренук-

леусов неолита часто превышает разумную долю забываемых артефактов. Рассмотрим для примера клады неолитических жилищ у деревни Новопетровка на Дальнем Востоке России (Деревянко А.П., 1970).

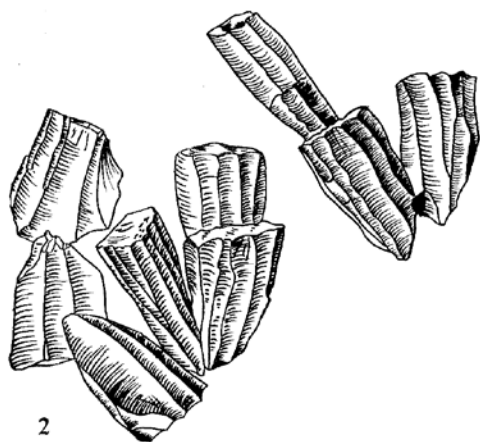
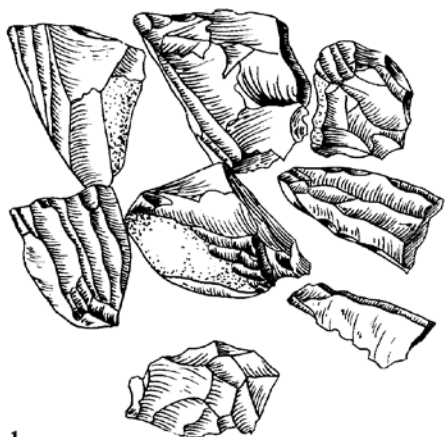

Рис. 2. Клады неолитического поселения Новопетровка (1 – жилище №1; 2 – жилище №5)

В результате исследований археологического памятника Новопетровка-II была вскрыта и изучена достаточно большая территория. Обнаружено восемь жилищ. Внутри хорошо выделяемых сооружений зафиксировано множество «кладов». Часть из них представляла собой хранилища орудий или их заготовок, часть – скопления еще не полностью истощенных нуклеусов и стандартных, относительно близких по размеру пренуклеусов (рис. 2). Такие клады обнаружены в шести жилищах из восьми (№1, 2, 4, 5, 6, 8) (Деревянко А.П., 1970, с. 43–44, 67, 76, 79, 101). «Накопления» изделий такого рода представляются слишком частыми, как если это был бы просто запас сырья мастера-специалиста. «Клады» обнаруживались почти в каждом доме. Все это больше похоже на тезаврацию денег, на «семейный банк», чем на «зачачку» мастера.

Дискуссия на этом, вероятно, не закончится, но меж тем можно сделать и некоторые обобщения проведенных исследовательских наблюдений.

Заключение

В неолите отмечается стремительное расселение людей по территориям, прежде непригодным для жилья. Этот процесс стал возможным благодаря успешному внедрению в быт и в палеохозяйство наших предков ряда технических инноваций, открытых ранее или непосредственно на рубеже плейстоцена и голоцена. Главной задачей всех нововведений было придание коллективам необходимой мобильности, меньшей зависимости от природных ресурсов. В первую очередь, этому способствовала микролитизация каменных индустрий эпохи неолита.

Вполне реальная специализация в хозяйственной деятельности внутри человеческих сообществ и вероятная специализация самих коллективов неизбежно должны были породить товарообмен. Каменное сырье – наиболее широко востребованная,

«универсальная ценность» в эпоху камня. Наилучшей формой хранения, транспортировки и обмена сырья являлся пренуклеус. Пренуклеусы стандартных качественных и объемных характеристик вполне могли быть и «абсолютной ценностью», и ее символом, т.е. выполнять функцию денег при товарообмене в период нового каменного века.

В целом предполагается, что появление денег в товарообороте населения стимулировало не только производство предметов потребления и повышение «качества жизни», но и активизировало освоение людьми новых, ранее не обитаемых земель, привело к заселению человеком практически всей территории нашей планеты.

Библиографический список

Волков П.В. «Системные» и «бессистемные» нуклеусы палеолита (терминология исследований генезиса пластинчатого расщепления) // Проблемы археологии, этнографии и антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2002. Т. VIII. С. 44–47.

Воронов Ю.П. Страницы истории денег. Новосибирск: Наука, 1986.

Гиря Е.Ю., Леон Ана Ресино. С.А. Семенов, Костенки, палеолитоведение // Археологические вести. 2002. №9. С. 173–190.

Деньги // Энциклопедический словарь / Изд-во Брокгауз и Ефрон. СПб.: Типо-литография И.А. Ефрона, 1893. Т. 10. С. 404–412.

Деревянко А.П. Новопетровская культура Среднего Амура. Новосибирск: Наука, 1970.

Деревянко А.П., Волков П.В., Петрин В.Т. Зарождение микропластинчатой техники расщепления камня (опыт экспериментальных исследований и технологического анализа материалов памятника Кара-Бом). Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2002.

Древние погребения могильника Улярба на Байкале (неолит–палеометалл) / О.И. Горюнова, А.Г. Новиков, Л.П. Зяблин, В.И. Смотров. Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН. 2004.

Зварич В.В. Нумизматический словарь. Львов: Вища шк., 1980.

И.В. Ковтун

Институт экологии человека, Кемерово

ИЗОБРАЗИТЕЛЬНЫЕ КОМПОЗИЦИИ СЕЙМИНСКО-ТУРБИНСКИХ КИНЖАЛОВ

Помимо сходства клинков, сейминский, галичский и пермский кинжалы (табл. 1.-1; 3.-1; 4.-1; фото 4 на вклейке) объединяет бинарный принцип построения их скульптурно-изобразительных композиций. Навершием рукояти является голова (или головы) одного персонажа, а собственно рукоять украшена изображением (или изображениями) другого. При этом ключевое смысловое значение данных композиций обусловлено сочетанием всех трех сейминско-турбинских кинжалов со змеиными изображениями. На сейминско-турбинских ножах подобных образов нет. Поэтому смысловое наполнение змеиной символики олицетворяет функциональные и, вероятно, церемониальные отличия сейминско-турбинских кинжалов от сейминско-турбинских ножей.

Содержание идеи, переданной изображениями на рукояти сейминского кинжала, связано с композиционным сочетанием образов змеи и лося. Если не считать фигурки тигра или горного барса (?) на втулке наконечника омского копья (Черных Е.Н., Кузьминых С.В., 1989, с. 67), змея остается единственным хищником сейминско-турбинского бестиария. Схематичные рисунки трех змей присутствуют на литейной форме кельта

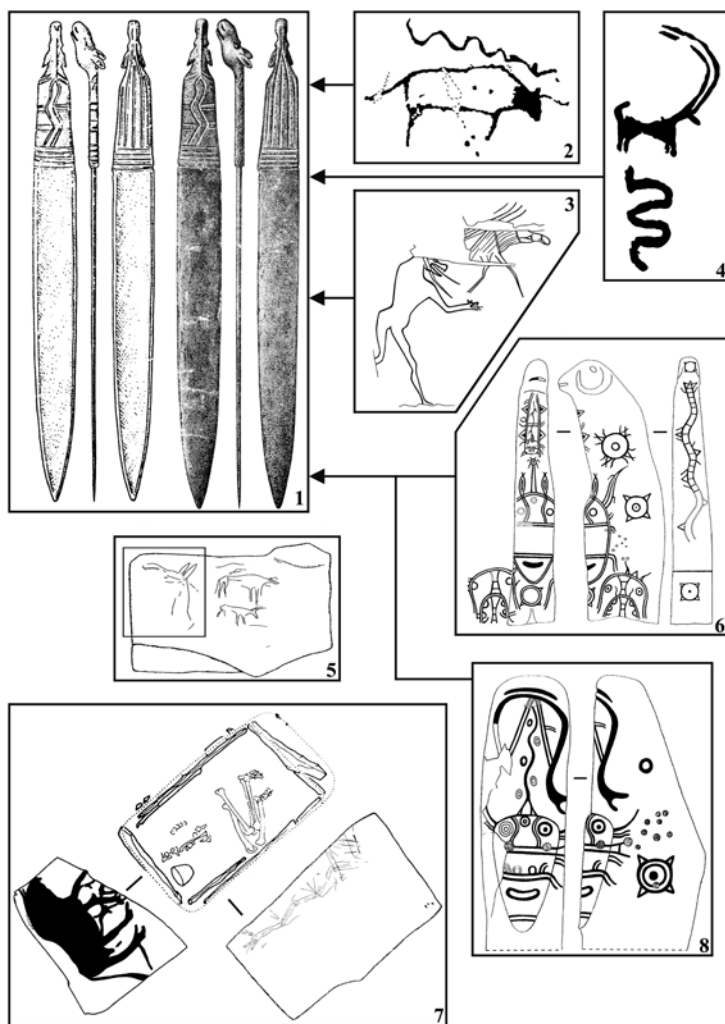

Таблица 1. Композиция сейминского кинжала и ее изобразительные параллели:

1 – Сейма; 2 – Цагаан Салаа-IV; 3 – Сулекская писаница; 4 – Саймалы-Таш;

5 – Черновая-XI; 6 – Устьбюровский чаатас; 7 – Мохово-6; 8 – Ербинское,

Усть-Абаканский р-н, РХ (по: Бадеру, Капелько, Киргинекову, Кубареву, Кузьминых, Леонтьеву, Ранову, Самашеву, Ташбаевой, Хужаназарову, Цээвэндоржу, Черных, Якобсон)

из Сопки-II, но в сочетании с иным зооморфным образом. На сейминско-турбинских изделиях змеи фигурируют только дважды: на кинжалах из Сеймы и, вероятно, на изделии из-под Перми (табл. 1.-1; 4.-1; фото 4.-2 на вклейке). Неразделимость этой иконографической связки составляет основу интерпретации сюжета, одновременно являясь и критерием отбора адекватных параллелей.

Иная серия «параллелей» сейминско-турбинским бронзам охватывает изобразительные материалы с территории Прибайкалья и Приангарья. Начало подобных сопос-

тавлений положил А.П. Окладников, констатировавший сходство петроглифов Большой Кады, Саган-Забы и бухты Ая с самусьскими рисунками и отметивший сочетание байкальских антропоморфов с изображениями змеи (Саган-Заба, Ая). По мнению исследователя, это «...напоминает об изображении змеи на одном из сейминских кинжалов» (Окладников А.П., 1973, с. 23). Непонятно, почему сочетание антропоморфов с изображениями змеи, а не змеи с образом лося, как на кинжале из Сеймы, вызвало у А.П. Окладникова ассоциацию с последним изделием? Но для подтверждения своей идеи автор использует фактор среды обитания, одновременно предполагая близость сейминских материалов и скульптурных (вероятно, антропоморфных) изображений галичского комплекса: «Существенно и то, что змея выступает в сейминских бронзах вместе с образом лося, характерным для сибирской тайги. От сейминских бронз пролегает дорога и к скульптурам галичского клада» (Окладников А.П., 1973, с. 23). Этот довод также весьма уязвим, так как устойчивый ареал обитания лося охватывает не только территорию «сибирской тайги», но и лесную зону Восточной Европы. Неправомерно и обращение к галичским материалам. Высказанное позднее предположение о соответствии галичских идолов серии антропоморфных петроглифов Прибайкалья и Приангарья (Студзицкая С.В., Кузьминых С.В., 2001, с. 148) гипотетично и, следовательно, не может служить аргументом (*petitio principii*), связующим Галич и Сейму как сопоставимые результаты влияния общего «байкальского иконографического комплекса». Для галичских антропоморфов известны альтернативные серии менее удаленных и более похожих изобразительных параллелей. Прямое же сходство галичских и сейминских бронз ограничивается типологическим тождеством двух пластинчатых кинжалов с различными навершиями. Этого не достаточно для обоснования прибайкальских истоков приема сочетания изображений змеи и лося на сейминском и «удвоенного» образа змеи на галичском изделиях.

Тезисы А.П. Окладникова получили развитие в работах С.В. Студзицкой, С.В. Кузьминых (2001, с. 141–145, 146, 148, 157) и Ю.И. Михайлова (2001, с. 11–12). Параллели, проводимые С.В. Студзицкой и С.В. Кузьминых (2001, с. 141), главным образом касаются вышеупомянутого галичского кинжала, который «...несет в себе многократно усиленный образ змеи». Поэтому, применительно к сейминскому изделию, можно оценивать только приводимую авторами ситуацию в прибайкальском могильнике Шумилиха, где «было обнаружено костяное изображение змеи, которое, очевидно, находилось в семантической связи с женской фигуркой, с одной стороны, и с фигуркой лося – с другой» (Студзицкая С.В., Кузьминых С.В., 2001, с. 142). К сожалению, предполагаемая контекстуально-смысловая связка двух схематичных скульптурок змеи и лося (Студзицкая С.В., 2002, с. 144) хронологически несопоставима ни с сейминским, ни с галичским кинжалами. Комплекс захоронений шумилихинской группы могильника Шумилиха, к которым относятся упомянутые изображения, датируется IX–VIII вв. до н.э. (Горюнова О.И., 2002, с. 8, 10, 54, рис. 3.-27). Комментируя находки из этого погребения, С.В. Студзицкая (2002, с. 144) отмечает: «Взаимосвязь образов лося и змеи четко прослеживается в археологическом материале. Устойчивое их сочетание встречается как в пластике, так и в наскальных рисунках лесной полосы Евразии, относящихся к эпохе бронзы». В другой работе автор конкретизирует этот весьма дискуссионный тезис: «Совмещение изображений лося и змеи широко представлено в наскальных рисунках бронзового века Восточной Сибири и Верхнего Приамурья» (Студзицкая С.В., 2001, с. 185). В ангарских местонахождениях имеются несколько

сюжетов такого рода. Они зафиксированы в петроглифах Второго Каменного острова, и в одном (сомнительном) случае в Большой Каде, где змея фигурирует в композиционной связке с лосем, а лось со змеей (табл. 2) (см.: Окладников А.П., 1966, с. 44, 54, 94, 185, 201, 209, 225, 299, табл. 41.-1, 3; 57.-1; 65.-1; 81; 156.-2). Итого, имеется не более четырех-пяти случаев, не считая еще трех весьма схематичных и трудноопределимых изображений с р. Басынай и р. Арби, упоминающихся со ссылкой на А.П. Окладникова и А.И. Мазина (Студзицкая С.В., 2001, с. 185–186, рис. 4.-1–2). Количественное соотношение данной серии с общей численностью восточносибирских наскальных изображений лося заставляет усомниться в том, что композиционные сочетания змеи и лося «...широко представлены в наскальных рисунках бронзового века Восточной Сибири и Верхнего Приамурья» (Студзицкая С.В., 2001, с. 185). Маловероятна и связь подобных петроглифических композиций (?) с персонажами, запечатленными «на двулезвийных пластинчатых кинжалах» (Студзицкая С.В., Кузьминых С.В., 2001, с. 140).

Сочетания изображений серпентоморфного хищника и растительного представителя подотряда жвачных парнокопытных встречаются на среднеенисейских менгирах. Серпентоморфный персонаж присутствует на изваянии Устьбюрьского чаатаса, увенчанном скульптурным изображением головы барана, а на Ербинском менгире змеевидный рисунок выполнен «под мордой» зооморфного образа, в котором Л.Р. Кызласов (1986, с. 102) усматривал голову лося (табл. 1.-6, 8). В обоих случаях проекция композиции на статуарных сооружениях адекватна компоновке изображений на рукояти и навершии сейминского кинжала. Серпентоморфный персонаж сориентирован по вертикальной оси в направлении венчающей скульптурно-изобразительную композицию головы или морды барана или лося (табл. 1.-6, 8). Возможно, содержательно близкая сцена запечатлена и на Сулекской писанице, где змееподобная рука «фантастического хищника» протянута в направлении передних ног изображенной выше фигуры бегущего лося (табл. 1.-3). Кроме того, на двух стыкующихся стенках каменного ящика из окуневского кургана Мохово-6 зафиксирована бинарная композиция, включающая изображения массивного быка и серпентоморфного существа – «змея» (табл. 1.-7). Плита «...с рисунком быка была обращена к торцевой, юго-западной стенке могильной ямы и установлена так, что изображение оказалось перевернутым головою вниз» (Киргинеков Э.Н., 1997, с. 130). Это позволило Э.Н. Киргинекову (1997, с. 133) увидеть в изображении быка «образ жертвенного животного», противопоставление которого фантастическому змею «усиливается «неправильным» размещением плиты с быком и «правильным» – плиты со змеем». Зооморфные изображения, «перевернутые» головою вниз, составляют навершие другого «княжеского» кинжала, найденного под Пермью (табл. 4.-1; фото 4.-2 на вклейке). Но в целом бинарная композиция моховского «диптиха» соответствует идее сочетания – противопоставления серпентоморфного образа представителю подотряда жвачных парнокопытных, запечатленных на вышеупомянутых среднеенисейских менгирах, в сцене с Сулекской писаницы и на рукояти сейминского изделия. Причем плита с изображенным быком, установленная лицевой стороной к стенке могильной ямы, напоминает о рукояти сейминского кинжала, где змея передана ползущей именно по «спине» лося (табл. 1.-1, 7). Графическая реконструкция диорамы моховской мизансцены обнаруживает еще одно композиционное совпадение. Подобно сейминской, устьбюрьской и сулекской змеям, на моховской плите серпентоморфный хищник также передан нападающим (?) сзади (табл. 1.-7).

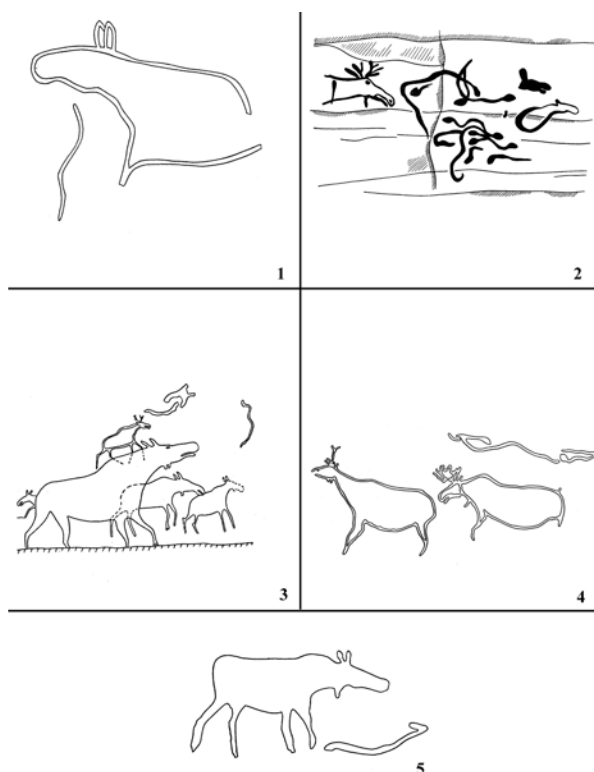

Таблица 2. Композиционные сочетания образов змеи и лося в петроглифах Ангары:
1–4 – Второй Каменный остров; 5 – Большая Када (по: Окладникову)

Содержательно близкие изобразительные сюжеты известны в петроглифических комплексах Монгольского Алтая и в среднеазиатских памятниках наскального искусства (табл. 1.-2, 4). По мнению В.И. Сарияниди (1986, с. 41), «...наиболее популярная, если не сказать генеральная, тема бактрийско-маргианской глиптики – это композиции, на которых рептилии (преимущественно змеи) тянутся к задним ногам животных». С этим солидарна Е.В. Антонова (2001, с. 81), уточняющая вероятные истоки самого мотива: «Змея – один из самых часто встречающихся представителей животного мира на печатях БМАК. Они изображаются отдельно и в различных сочетаниях, в частности, под животами животных в области гениталий. Этот мотив не нов и для южных районов Центральной Азии и областей к западу от них. На сосудах из энеолитических поселений Ирана известны изображения козлоподобных и, возможно, хищных животных с более или менее жизнеподобно переданными змеями под их животами». Все это свидетельства эпохальной актуальности изображаемой сцены, один из персонажей которой видоизменялся в зависимости от места и (или) времени действия. Однако во всех рассмотренных случаях фабула сюжета и образ серпентоморфного хищника оставались неизменными. В этом смысле бинарная композиция сейминского кинжала тяготеет к перечисленным среднеенисейским параллелям. Природа сопряженности указанных изобразительных материалов остается неясной. Но об этой же связи свидетельствуют находки специфических форм сейминско-турбинского инвентаря в окуневских или близких им комплексах.

Фактор восточносибирских влияний на сейминско-турбинскую иконографию представляется достоянием историографии. В обосновании западных связей «таежных племен Восточной Сибири» А.П. Окладников (1974, с. 75) опирался на «...изображения человечков, аналогичные обнаруженным в низовьях р. Томи во 2-й половине II тыс. до н.э., в сейминско-турбинское время», находки «...в Восточной Сибири бронзовых вещей, сходных с сейминско-турбинской бронзой», а также на факты нахождения «...на Урале и в Поволжье белонефритовых колец глазковского (или шиверского) типа». Сейчас из трех перечисленных аргументов к числу обоснованных можно отнести лишь последний, хотя сторонники доминирующей версии прибайкальского происхождения сейминско-турбинского нефрита (В.А. Городцов, С.В. Киселев, А.П. Окладников, М.Ф. Косарев, Е.Н. Черных, С.В. Кузьминых, С.В. Студзицкая и др.) так и не смогли безоговорочно опровергнуть серию альтернативных предположений (О.Н. Бадер, Н.Л. Членова, Д.Ф. Винник, Е.Е. Кузьмина и др.). Кроме того, между опубликованными А.П. Окладниковым (1974, табл. 1–41 и др.) байкальскими петроглифами (Саган-Заба, бухта Ая, Сахюртэ, Орсо, Елгазур) и сейминско-турбинской металлопластикой нет никаких изобразительных, стилистических или композиционных соответствий. Так, в петроглифах Саган-Забы и бухты Ая, отнесенных к «протосейминско-турбинским» материалам «байкальского иконографического комплекса» (Студзицкая С.В., Кузьминых С.В., 2001, с. 141–142), зафиксировано всего одно (!) стилизованное изображение лося (см.: Окладников А.П., 1974, с. 22–31, 35–39, табл. 1–26). Среди байкальских петроглифов встречаются композиции, объединяющие антропоморфных и серпентоморфных персонажей (Окладников А.П., 1974, с. 73, табл. 4.-2; 26а), но неизвестны изобразительные сочетания змеи и лося, подобные сейминскому. Скорее всего, «сейминско-турбинские» черты, усматриваемые исследователями в «байкальском иконографическом комплексе» (Е.Н. Черных, С.В. Кузьминых, С.В. Студзицкая), отражают влияние изобразительных традиций верхне- и среднеенисейских культур. Не исключено и опосредованное участие в этом воздействии иконографических дериватов посткаракольского и самусьского комплексов. Соответственно, распространение изобразительных стереотипов происходило не только с востока на запад, но и в диаметрально противоположном направлении. Но в обоих случаях «культуртрегерским» центром указанного процесса оставались районы местонахождения статуарных и наскальных изображений, относимых к конгломерату «окуневских» древностей, и территории, охваченные петроглифами ранних этапов «ангарской» традиции. В хронологически поздних вариациях этого стиля выполнены упоминавшиеся выше ангарские композиции, сочетающие образы змеи и лося (табл. 2.-1, 3, 5). Это указывает на их «постсейминско-турбинский» возраст и исключает какое-либо отношение к формированию сейминско-турбинского иконографического комплекса.

Реминисценции «окуневской» изобразительной традиции усматриваются в изобразительном оформлении не только сейминского, но также галичского (табл. 3.-1; фото 4.-1 на вклейке), и пермского кинжалов (табл. 4.-1; фото 4.-2 на вклейке). Симптоматична «производность» сейминской змеи от аналогичного персонажа, скульптурка которого украшает прорезь рукояти галичского изделия (табл. 3.-1, 2; фото 4.-1 на вклейке). Перемычки, призванные поддерживать отлитую в бронзе фигурку змеи, имитированы на сейминском рисунке двойными поперечными линиями, отходящими от изображения извивающейся рептилии к обеим граням рукояти (табл. 1.-1; 3.-2). Это

соответствие дает повод для сравнения с проявлениями «окуневской» изобразительной традиции не только сейминского, но и галичского навершия. Речь идет о сопоставлении навершия и рукояти галичского кинжала (табл. 3.-1; фото 4.-1 на вклейке) с «жезлом» из могилы-21 кургана №8 Черновой-VIII (Вадецкая Э.Б., Леонтьев Н.В., Максименков Г.А., 1980, с. 114, табл. XXIII.-1) (табл. 3.-3). В обоих случаях наблюдается принципиальное единство сюжета и образов: одна змея поглощает (или изрыгает?) другую. Возможно, сочетанием изображений навершия и рукояти галичского кинжала передано то, что только домысливается в сюжете черновского «жезла», или наоборот (Ковтун И.В., 2001, с. 114–115). Но если здесь, как считал Г.А. Максименков, запечатлены серпентоморфный персонаж и его жертва (баран) (Вадецкая Э.Б., Леонтьев Н.В., Максименков Г.А., 1980, с. 24), то черновский «жезл» содержательно ближе композиции сейминского (?), а не галичского кинжала.

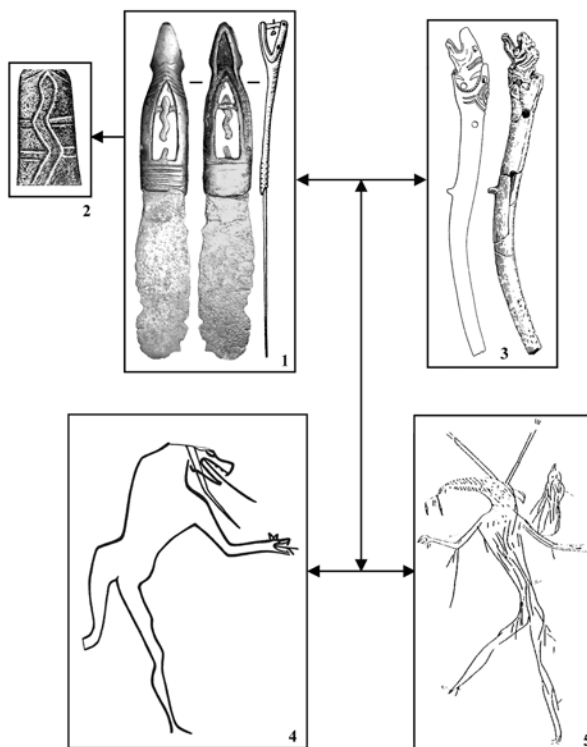

Таблица 3. Композиция галичского кинжала и ее предметные и изобразительные параллели: 1 – Галичский клад; 2 – Сейма; 3 – Черновая-VIII; 4 – Сулекская писаница; 5 – Тас-Хазая (по: Бадеру, Вадецкой, Капелько, Ковтуну, Кузьминых, Леонтьеву, Липскому, Максименкову, Черных)

На мой взгляд, более очевидные серпентоморфные признаки обоих черновских персонажей позволяют сравнивать их с изображениями не сейминского, а галичского кинжала. Рисунок на рукояти и навершие последнего образуют композицию, лейтмотивом которой является изобразительная аллитерация образа змеи. Иносказательно, но предельно точно сущность подобного приема передана определением «двойная

хищность», предложенном для «фантастического хищника» с Сулекской писаницы (Студзицкая С.В., 1997, с. 254) (табл. 3.-4). Помимо композиции галичского кинжала и сулекского хищника, формулировка С.В. Студзицкой применима и к другим изображениям, олицетворяющим аналогичную идею. Например, к изображению «фантастического существа» с «кистью» в форме «клешни-клюва» из могильника Тас-Хазая (табл. 3.-5). Причем симптоматичной оказывается сопоставимость морды подобного персонажа с окончанием его руки, повторяющей специфические детали «головной хищности» в миниатюре. Например, у сулекского изображения морда и окончание руки имеют серпентоморфные признаки, а у персонажа из могильника Тас-Хазая, кисть руки и голова демонстрируют «удвоение» орнитоморфных черт (табл. 3.-4-5). Идея подобного «сдвоенного» сочетания содержательно схожих образов сближает галичскую композицию с рассмотренными примерами. Но по характеру имеющегося соответствия сулекская и тас-хазинская аналогии отличаются от параллели между галичским кинжалом и вышеупомянутым черновским «жезлом». В первом случае «двуглавость» является атрибутом только одного «фантастического существа», а во втором очевидно присутствие уже двух композиционно связанных, но самостоятельных персонажей.

В конечности сулекского хищника Ю.И. Михайлов (2001, с. 11) усматривает метафорическое обыгрывание способности «реальных змей заглатывать добычу», в результате чего «хватаящая конечность превратилась в изображение змеи». Оформление «жезла» из Черновой-VIII и появление образа змеи на рукоятях пластинчатых кинжалов (Сейма, Галич, Пермь) автор связывает с влиянием метонимии – ассоциации по смежности. Соединяя оба предположения в единый ассоциативно-семантический ряд, исследователь заключает: «С учетом реконструированной метафоры рука–змея можно предполагать, что на рукоятях сейминско-турбинских кинжалов образ змеи мог появиться под влиянием ассоциации по смежности» (Михайлов Ю.И., 2001, с. 12). Не всегда понятно: «смежность» каких объектов сравнения, и какой из двух упомянутых тропов в данный момент имеется в виду? (см.: Михайлов Ю.И., 1997, с. 227; 2001, с. 11–12). Удерживаемый в руке кинжал с изображением змеи функционально призван «колоть», «резать», «поражать» или, в конечном итоге, «умерщвлять». Следовательно, к этому перечню возможных значений изображений сейминского, галичского и пермского кинжалов «способность змеи заглатывать добычу и способность руки брать, хватать предметы» (Михайлов Ю.И., 1997, с. 227) никакого отношения не имеет. Тем более, что на двух из трех перечисленных изделий изображены и другие персонажи. Для «разящей» символики кинжала гораздо убедительнее выглядит ассоциация с «поражающей» способностью змеи. Правда, в этом сравнении нет места изобразительной формуле «рука–змея», и проявляется значимость иных смысловых связок: «кинжал–змея», «змея–кинжал–жертва» и т.п. Изображения змей на всех трех сейминско-турбинских кинжалах и их отсутствие на сейминско-турбинских ножах подтверждают наличие ассоциативной связи между серпентоморфным образом и определенным типом колюще-режущего орудия. При этом сходстве наблюдается и заметная разница в составе персонажей данных композиций и, следовательно, в системе символизируемых ими значений. Смысловое наполнение скульптурной группы галичского кинжала отображает изобразительную аллегорию «кинжал–змея». Здесь присутствуют только две рептилии, олицетворяющие идею «двойной хищности» и, следовательно, метафорически усиливающие поражающую способность кинжала, как символической алло-

формы змеи (табл. 3.-1; фото 4.-1 на вклейке). Мизансцена, запечатленная на рукояти сейминского кинжала, скорее всего, иллюстрирует нападение змеи, обладающей убийственной силой кинжала, на лося. Поэтому содержание данного сюжета сводится к метафорической связке: «змея–кинжал–жертва» (табл. 3.-1). Для фигуративно-знаковой композиции пермского кинжала возможны оба приведенных истолкования. Здесь изображены либо змеи, «впивающиеся» в морды лосей, либо лосеподобные персонажи, из пасти которых в направлении клинка «вырываются» змеевидные «жалящие языки», поражающие жертву (табл. 4.-1; фото 4.-2 на вклейке).

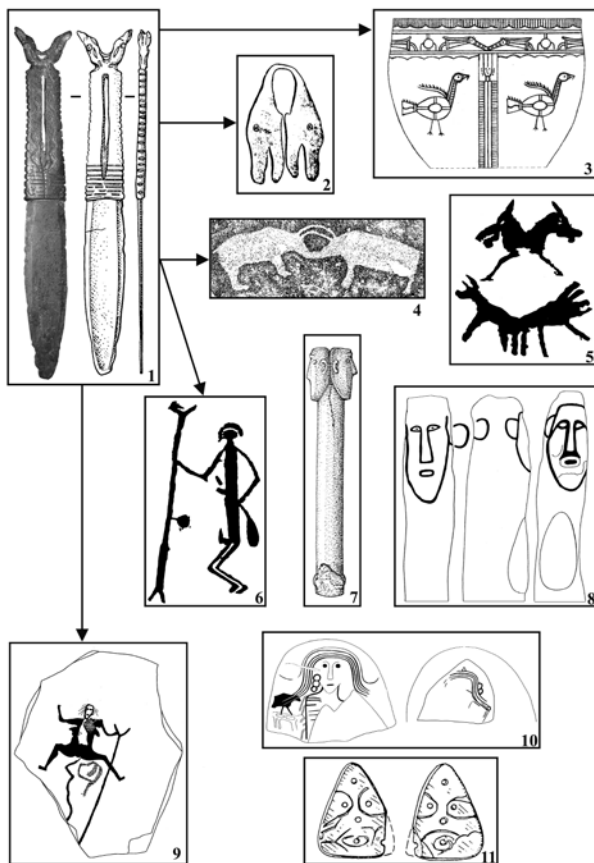

Таблица 4. Билатеральное навершие пермского кинжала и его изобразительные параллели: 1 – Пермь; 2 – Галичский клад; 3 – Самусь-IV; 4 – Узунгур; 5 – Бага Ойгур-I; 6 – Калбак-Таш; 7 – «Ирский жезл»; 8 – Первое изваяние Кызылкульского чаатаса; 9 – Лебязье-1; 10 – Изваяние «Хыс тас» с р. Есь; 11 – Черновая-VIII (по: Бадеру, Вадецкой, Есину, Капелько, Ковтуну, Кубареву, Кузьминых, Леонтьеву, Максименкову, Цэвэндоржу, Ченченковой, Черемисину, Черных, Якобсон)

На пермском кинжале запечатлены образы, аналогичные персонажам сейминского изделия, но переданные с использованием приема их «удвоения», характерном для галичского экземпляра и его изобразительных параллелей. Оформившаяся билатеральная

композиция включает изображения двух змеек (?) на рукояти клинка и прилитую к ней симметричную пару лосиных голов (табл. 4.-1; фото 4.-2 на вклейке). Это напоминает об общем принципе «янусовидных» изображений, отображенном в «Ирском жезле» (табл. 4.-7), и в ряде статуарных памятников и предметов «окуневского» (?) искусства (табл. 4.-8, 10, 11). Антропоморф с раздвоенным посохом в руке зафиксирован в поздне-бронзовом комплексе петроглифов Калбак-Таша (табл. 4.-6) (Ченченкова О.П., 1996, с. 173, рис. 8.-а; Кубарев В.Д., 1987, с. 153, рис. 3), а «оплодотворяемая» змеевидным персонажем или рожающая его (?) женщина с аналогичным калбак-ташскому раздвоенным посохом в руке запечатлена на плите из окуневского могильника Лебяжье-1 (Леонтьев Н.В., Капелько В.Ф., Есин Ю.Н., 2006, с. 94, 174, рис. 186.-1) (табл. 4.-9). По-видимому, пермский кинжал также являлся ритуальной принадлежностью, сопоставимой с культовым жезлом или посохом. Следовательно, статус «княжеского» оружия, включенного в ритуальный контекст, адекватен сакральному назначению указанных «янусовидных» атрибутов.

У билатерального навершия пермского кинжала имеется еще одна необычная черта. Головы лосей соединены перемычкой и прилиты к рукояти не основанием шеи, а окончанием морды обоих персонажей. В качестве параллелей внимание привлекают рисунки на самусьской керамике и узунгурские петроглифы (табл. 4.-3, 5). Как и на кинжале, самусьские изображения парциальны, т.е. запечатлены только головы животных (табл. 4.-3; фото 4.-2 на вклейке). Самой симптоматичной особенностью навершия пермского кинжала является ориентация его персонажей. Морды лосей обращены к двум резным извилистым линиям, каждая из которых может имитировать змею. Подобная компоновка отличается и от сейминской, и от галичской иконографической схемы, где оба персонажа обращены в сторону, противоположную клинку (табл. 1.-1; 3.-1; фото 4.-1 на вклейке). Возможно, «перевернутостью» зооморфной пары пермского кинжала подчеркивался жертвенный характер изображенных животных. Но имеется и принципиально иное «прочтение» рассматриваемой мизансцены. Зооморфные персонажи пермского навершия достаточно стилизованы. Возможно, это лоси, а может быть, ирреальные существа, наделенные внешними признаками сохатого? Поэтому не исключено, что в навершии пермского изделия изображены головы существ, подобных персонажам с подвески Галичского клада (табл. 4.-2). Данная подвеска «в виде парных голов рептилий или птиц» (Студзицкая С.В., Кузьминых С.В., 2001, с. 128) также демонстрирует прием «удвоения» морфологически сложного образа (табл. 4.-2). Но в отличие от «автономных» изображений галичского кинжала на этом украшении (?), как и на пермском кинжале, «удвоение» персонажей выполнено в билатеральной проекции. Головы зооморфных существ идентичны и симметричны друг другу. Это свидетельствует о передаче не двух самостоятельных, а одного, двуединого образа, что подчеркнуто билатеральностью исполнения пермских скульптурок. Изображения двух змеек на рукояти пермского кинжала выглядят продолжением («язык», « жало») пары ирреальных существ (?), составивших навершие данного изделия. Следовательно, сюжетная перспектива скульптурно-изобразительной композиции разворачивается от навершия рукояти по направлению к клинку. Это созвучно фигуральному уподоблению «разящей» функции клинка кинжала, «поражающей» способности змеи, извергающейся из пасти зооморфного (?) персонажа (табл. 4.-1; фото 4.-1 на вклейке). Билатеральность изображений змеи и «лося» символизирует «удвоение», т.е. усиление указанного качества, аллегорически отождествляемого с прямым назначением пермского образа «княжеского» оружия.

Схожий иконографический прием использовался при передаче некоторых «фантастических хищников», связываемых с «окуневской» изобразительной традицией. Общей чертой подобных персонажей является билатеральность и «удвоение» запечатленного образа. Такие изображения представлены на стеле из Разлива-Х и на миниатюрном яйцевидном изваянии из с. Аскиз (табл. 5.-9, 10). Стилизованная, но содержательно

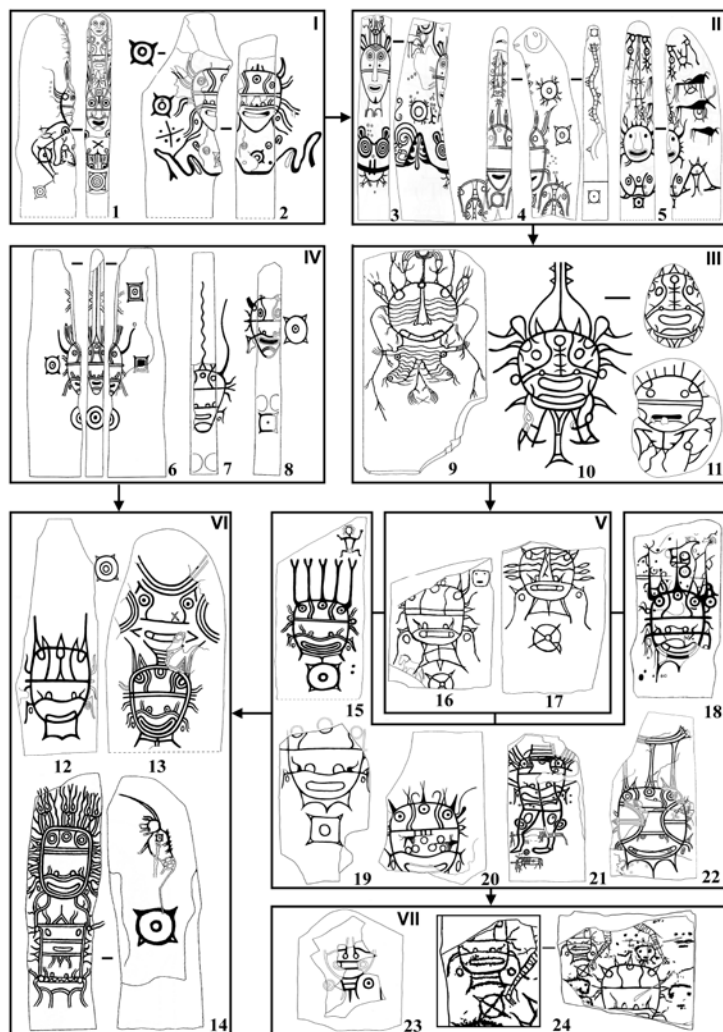

Таблица 5. Объемно-плоскостные трансформации и стилизация одного из образов «фантастического хищника»: 1 – ст. Шира; 2 – Уйбатская степь; 3 – Усть-Бюрьский чаатас; 4 – оз. Белё; 5 – с. Троицкое, р. Тесь; 6 – Ташебинский чаатас; 7 – р. Бюрь; 8 – чаатас у д. Новая Черная; 9 – Разлив-Х; 10 – с. Аскиз; 11 – устье ручья Тибик; 12 – с. Николопетровка; 13 – п. Аххол; 14 – улус Тазмин; 15 – Верхний Аскиз-1, курган №2; 16, 17 – Лебяжье-1, курган №1; 18 – Есинский совхоз; 19 – Черновая-VIII, курган №3; 20 – Черновая-IX; 21 – Абаканский чаатас; 22 – улус Чарков; 23 – р. Карыш; 24 – Лебяжье-1, курган №2 (по: Капелько, Леонтьеву)

аналогичная композиция запечатлена на стеле с устья ручья Тибик (табл. 5.-11). Сюжет изображений идентичен: из нижней части личины «исходит» билатерально «удвоенная» голова «фантастического хищника» с таким же раздвоенным «языком-жалом» (табл. 5.-9–11). Как и на пермском кинжале, здесь изображен двуединый персонаж, обращенный мордой книзу, с вырывающимся из пасти «языком-жалом». Истоки подобных «окуневских» образов восходят к более ранним изображениям на среднеенисейских менгирах (табл. 5.-5–7). Характеризуя некоторые из них, Е.Г. Фурсикова (2002, с. 249) отмечает, что хищник «...представлен как бы заглывающим каменный ствол». Поэтому их билатеральность (двусторонность или двубокость) становится очевидной только при буквально всестороннем восприятии объекта (табл. 5.-II). Это очередной пример объемно-плоскостных трансформаций, присущих эволюции «окуневского» искусства (табл. 5). Вероятно, «кусающим столб» персонажам (табл. 5.-II) предшествовали схожие, но более «естественные» барельефные образы (табл. 5.-I). На этих двух первых этапах трансформации еще не утрачена трехмерность изображения, и потому отсутствуют признаки удвоения «фантастического хищника» (табл. 5.-I, II). С переносом фантастического персонажа с разинутой пастью на плоскость образ билатерально «удваивался», моделируя иллюзорный «объем» (табл. 5.-9, 11). При этом «двуугловость» хищника, как имитация глубины композиции, обрела самостоятельный статус, воплощаясь не только на плоскости, но и в объемных формах (табл. 5.-10). В дальнейшем развертка «удвоенной» головы и морды «фантастического хищника» предельно стилизовалась. От абриса головы сохранились только части внешних контуров с глазами и «ушами» или «рогами». «Язык- жало» приобрел конфигурацию обращенной вершинами книзу трехглавой «короны» (табл. 5.-V, VII). Вероятно, параллельно похожим образом шел процесс стилизации данного образа на менгирах (табл. 5.-IV, VI).

Библиографический список

- Антонова Е.В. «Цивилизация Окса»: признаки преемственности развития и чужеземных влияний // МИФ 7. София: СД Симолини, 2001. С. 78–86.
- Вадецкая Э.Б., Леонтьев Н.В., Максименков Г.А. Памятники окуневской культуры. Л.: Наука, 1980. 148 с.
- Горюнова О.И. Древние могильники Прибайкалья (неолит – бронзовый век). Иркутск: Изд-во Иркут. ун-та, 2002. 84 с.
- Киргинеков Э.Н. Окуневский курган около у. Мохов // Окуневский сборник: Культура. Искусство. Антропология. СПб.: Петро-РИФ, 1997. С. 128–133.
- Ковтун И.В. Изобразительные традиции эпохи бронзы Центральной и Северо-Западной Азии. Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2001. 184 с.
- Кубарев В.Д. Антропоморфные хвостатые существа Алтайских гор // Антропоморфные изображения: Первобытное искусство. Новосибирск: Наука, 1987. С. 150–169.
- Кызласов Л.Р. Древнейшая Хакасия. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1986. 295 с.
- Леонтьев Н.В., Капелько В.Ф., Есин Ю.Н. Изваяния и стелы окуневской культуры. Абакан: Хакас. кн. изд-во, 2006. 236 с.
- Михайлов Ю.И. Особенности семантики образа змеи в культурных традициях древнего населения Западной Сибири // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 1997. Т. III. С. 226–229.

Михайлов Ю.И. Мировоззрение древних обществ юга Западной Сибири (эпоха бронзы). Кемерово: Кузбассвуиздат, 2001. 363 с.

Окладников А.П. Петроглифы Ангары. М.; Л.: Наука, 1966. 322 с.

Окладников А.П. Проблема связи между племенами Западной Сибири и Прибайкалья (на материалах петроглифов) в раннем бронзовом веке (тезисы) // Из истории Сибири. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1973. Вып. 7. С. 20–25.

Окладников А.П. Петроглифы Байкала – памятники древней культуры народов Сибири. Новосибирск: Наука, 1974. 124 с., 41 табл.

Сарианиди В.И. Месопотамия и Бактрия во II тыс. до н.э. // СА. 1986. №2. С. 34–46.

Студзицкая С.В. Тема космической охоты и образ фантастического зверя в изобразительных памятниках окуневской культуры // Окуневский сборник: Культура. Искусство. Антропология. СПб.: Петро-РИФ, 1997. С. 251–262.

Студзицкая С.В. Некоторые мотивы древнего искусства лесной Евразии (семантический аспект) // МИФ 7. София: СД Симолини, 2001. С. 172–190.

Студзицкая С.В. Семантика культовых предметов из погребения шамана в могильнике Шумилиха // Первобытная археология: Человек и искусство. Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2002. С. 141–146.

Студзицкая С.В., Кузьминых С.В. Галичский «клад»: К проблеме становления шаманизма в бронзовом веке Северной Евразии // Мировоззрение древнего населения Евразии. М.: ИА РАН, 2001. С.123–165.

Фурсикова Е.Г. О стилистических параллелях в окуневском и скифо-сибирском искусстве // Степи Евразии в древности и средневековье. СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2002. Кн. I. С. 247–250.

Ченченкова О.П. О стилистическом единстве древней каменной скульптуры Западно-Сибирской лесостепи и сопредельных территорий // Археология Сибири: историография и источники. Омск: ОмГУ, 1996. С. 150–180.

Черных Е.Н., Кузьминых С.В. Древняя металлургия Северной Евразии (сейминско-турбинский феномен). М.: Наука, 1989. 320 с.

С.В. Сотникова

Тобольский государственный педагогический институт, Тобольск

ОБРАЗ КОЛЕСА В ОБРЯДЕ И ПРЕДСТАВЛЕНИЯХ СИНТАШТИНСКОГО НАСЕЛЕНИЯ

В эпоху бронзы в среде синташтинского и петровского населения получают распространение погребальные комплексы, содержащие остатки колес со спицами в сочетании с парой взнузданных лошадей (или комплексов из их голов и костей ног), что свидетельствует не только о существовании конной боевой колесницы, но и является достаточно убедительным подтверждением индоиранской принадлежности носителей этих культур (Кузьмина Е.Е., 1981, с. 114–117; Грантовский Э.А., 1998, с. 64–65).

Колесницы играли значительную роль не только в быту, но и в ритуалах и представлениях индоиранского населения. Т.Я. Елизаренкова и В.Н. Топоров (1999, с. 490, прим. 7) отмечают, что в «Ригведе» повозка или колесница – это не столько реалии ведийского быта, сколько сакрализованный и мифологизированный предмет. Находки

отдельных колес в погребениях культур индоиранского круга (Костюков В.П. и др., 1995, с. 162 и т.д.) позволяют предположить, что сакрализованным предметом была не только колесница в целом, но и само колесо.

Образ колеса имел самостоятельное значение в ритуале и был связан с определенным кругом представлений. Для выяснения символики колеса в индоиранской традиции значительный интерес представляет текст «Гимна-загадки», содержащийся в «Ригведе» (I, 64), который является собранием загадок (brahmodya). Брахмодья по своему происхождению связаны с ритуалами, приуроченными к стыку старого и нового годов, началу нового солнечного цикла (Елизаренкова Т.Я., Топоров В.Н., 1997, с. 327). В этом гимне содержится ряд загадок о времени как о годе, причем год загадывается через образ колеса со спицами. «О двенадцати спицах – ведь оно не изнашивается! – / Вращается колесо закона по небу. / На нем, о Агни, парами сыновья / Стоят, семь сотен и двадцать» (I. 164. 11). В примечании к гимну сказано, что в виде колеса изображается год с двенадцатью месяцами и 720-ю днями и ночами (Ригведа. Мандалы I–IV, 1999, с. 646, прим. 11). «О пятиногом, двенадцатичастном говорят» (I. 164. 12); «На этом вращающемся по кругу колесе о пяти спицах / Пребывают все существа» (I. 164. 13) – здесь продолжается изображение года, так как индийский год состоит из пяти сезонов (Ригведа. Мандалы I–IV, 1999, с. 646, прим. 12, 13). Особенно выразительна одна из этих загадок: «Косяков двенадцать, колесо одно, / Три ступицы – кто же это постигнет? / В нем укреплены вместе колышки, / Словно триста шестьдесят подвижных и (одновременно) неподвижных» (I. 164. 48). Здесь подразумевается год в виде колеса с 12 месяцами, тремя двойными временами года и 360 днями (Ригведа. Мандалы I–IV, 1999, с. 649, прим. 48). Таким образом, колесо в гимнах и ритуалах ведийских ариев выступало символом времени (Годе), так как этот образ наиболее полно воплощал представления о круговращении жизни человека и Вселенной.

Вероятно, подобные представления начинают складываться еще в эпоху бронзы, когда у населения степных культур появляются погребения, содержащие колеса, колесницы или их части. Колесо в погребальном обряде, вероятно, выступало символом обновления жизни, перехода к новому жизненному циклу: «Колесо вместе с ободом вращается, нестареющее» (РВ, I. 164. 14). Для периода мифологического мышления с его циклическим восприятием времени характерны представления, что жизнь человека, Вселенной движется по замкнутому кругу, поэтому, пройдя свой путь до конца (до смерти), человек оказывался в начале нового жизненного цикла (возрождение) (Сотникова С.В., 2008, с. 86–88).

С определенной долей вероятности можно предположить, что идея замкнутого временного цикла (Годе) в образе колеса со спицами нашла отражение в архитектурно-планировочном решении погребальных сооружений с радиально-круговой конструкцией. Наиболее яркие памятники с такой планировкой были созданы синташтинским населением. На территории Актюбинской области в могильнике Восточно-Курайли-I исследован курган, планировка которого имеет радиальную структуру. Курган был окружен кольцевым рвом шириной до 2 м и глубиной до 1 м. С внутренней стороны рва была выявлена каменная конструкция круглой формы, представлявшая собой кромлех из вертикально поставленных плит. Диаметр оградки составлял 12,5 м. В центре кургана располагалась могильная яма, окруженная внутренним кромлехом, сохранившимся только в юго-восточном секторе. Между двумя кромлехами зафиксировано пять

радиальных выкладок-«лучей». Автор раскопок отмечает, что в плане каменная конструкция выглядела в виде колеса, и считает, что она символизировала Солнце (Ткачев В.В., 1992, с. 158, 161).

Погребальный комплекс синташтинского кургана №25 Большекараганского могильника, относящегося к Аркаиму, представлял собой круглое, диаметром около 19 м, могильное поле, окруженное широким и достаточно глубоким рвом. Ров был не сплошной, во многих местах между стенками рва имелись узкие, радиально ориентированные грунтовые перемычки. По мнению автора раскопок, ров прерывался 12 раз (Зданович Д.Г., 1995, с. 45). Такая конструкция рва, имеющего круглую форму с 12 радиальными перемычками, наиболее полно соответствует индоиранским представлениям о Годе, где число 12 символизировало годовой цикл, состоящий из 12 месяцев (РВ, I. 164. 11, 12, 48).

Наиболее грандиозным синташтинским погребальным сооружением с радиальной конструкцией является храм-святилище Синташтинского большого кургана (СБ). Радиально расходящиеся деревянные клетки образовывали девять ярусов. Согласно реконструкции, сделанной исследователями данного памятника, девятиступенчатый храм имел высоту более 9 м. На поверхности площадок каждого яруса совершались обряды и разводились «священные огни», от которых сохранились прокалы. Наверху располагалась площадка, на которой был выложен бревенчатый накатник и сооружен круглый купол с основанием 18 м. На вершине, возможно, было установлено «древо жизни» (Генинг В.Ф. и др., 1992, с. 367).

Радиально-круговая планировка была характерна не только для погребальных комплексов, но и для городищ синташтинского населения. Поселение Аркаим представляло собой сложную архитектурно-планировочную структуру, которая включала два концентрических кольца оборонительных стен из заливного грунта, два круга жилищ (внешний и внутренний) и центральную площадь. Торцы жилищ вплотную примыкали к внутренней стороне оборонительных стен. Длинные стороны жилищ располагались строго радиально по отношению к дуге оборонительных укреплений, что придавало поселению четкую радиально-кольцевую планировку (Зданович Г.Б., 1995, с. 24–27). Многие исследователи сопоставляли круглоплановые городища типа Синташты и Аркаима с авестийской Варой (Йеттмар К., 1981, с. 226; Стеблин-Каменский И.М., 1995, с. 167; Членова Н.Л., 1995, с. 177–184; Пьянков И.В., 1999, с. 281; Медведев А.П., 1999, с. 283–285). И.В. Пьянков высказал предположение, что такие памятники, как Аркаим, являлись культовыми объектами, посвященными Йиме/Яме. Он обратил внимание на такую деталь: в Аркаиме обнаружены следы металлургического производства. Известно, что металлургия у индоиранцев часто носила характер культового действия, и ее возводили к Йиме, а кузнецы занимали высокое положение и были связаны с воинской кастой и с царской властью (Пьянков И.В., 1999, с. 281). Ю.И. Михайлов (2000, с. 90–92) сравнивает с Варой курган-храм Большого Синташтинского кургана.

Для интерпретации погребальных конструкций с радиально-круговой планировкой несомненный интерес представляет II фрагмент Видевдата, где дается описание крепости, возведенной мифическим царем Йимой для спасения всего живого от грядущих катастроф – долгих зим со смертельными холодами и сильными снегопадами, а также наводнений, вызванных таянием снега. Это описание содержит указания на конкретные черты сооружения, что позволило исследователям сравнивать его с различными археологическими объектами. В первых переводах «Авесты» Вара (Var) описывалась

как ограда «длиною в лошадиный бег по всем четырем сторонам» (Залеман Г.К., 1880, с. 179–180. Цит. по: Авеста в русских переводах, 1998, с. 83), поэтому в Варе видели квадратное в плане укрепление (Лелеков Л.А., 1976, с. 12–15; 1997а, с. 215; Членова Н.Л., 1995, с. 179–181; и др.). Л.Л. Гуревич (1983, с. 31) обратил внимание на то, что схема «квадратной Вары» обнаруживает несоответствия с текстом Видевдата. Для выяснения деталей И.М. Стеблин-Каменским был выполнен новый перевод II фрагарда (Авеста: Избранные гимны, 1993, с. 176–180) и, соответственно, внесены уточнения в описание Вары (Вид., II, 33): «И вот Йима сделал Вар размером в бег на все четыре стороны и принес туда семья мелкого и крупного рогатого скота, людей, собак, птиц и красных горящих огней. И Йима сделал Вар размером в бег на все четыре стороны для жилья людей и размером в бег на все четыре стороны для помещения скота». Согласно примечаниям И.М. Стеблин-Каменского к уточненному переводу, Вар состоял из трех концентрических кругов-стен. Бег (имеется в виду «лошадиный бег») – мера длины, равная двум хатрам, т.е. около двух тысяч шагов (Авеста: Избранные гимны, 1993, с. 196–197, прим. 5, 6). Как отмечает Л.Л. Гуревич (1983, с. 31), нет оснований утверждать, что сооружение было квадратным, так как «Йима сделал Вар размером в бег на все четыре стороны», т.е. ограда возводилась на постоянном удалении от центра и потому могла быть и ломаного контура, и круглой. К этому следует добавить, что новый перевод в большей степени соответствует традициям мифологического мировоззрения, согласно которому творение пространства происходит из центра – наиболее сакральной точки. Можно предположить, что последовательность перечисления кругов стен в тексте отражает этапы строительства мифической обители царем-первопредком Йимой. В самый центр (первый круг стен) он поместил «семья мелкого и крупного рогатого скота, людей, собак, птиц и красных горящих огней». «Семья» обеспечивает возрождение жизни, ее неуничтожимость, поэтому оно наиболее сакрально. Второй круг стен он сделал «для жилья людей», третий – «для помещения скота». Таким образом, строительство крепости для спасения всего живого происходит из центра. Причем, как следует из текста источника, сакральность пространства уменьшается в направлении к периферии.

Синташтинские комплексы с радиально-круговой планировкой находят определенное соответствие с текстом второго фрагарда Видевдата. Опираясь на индоиранские источники, становится возможным реконструировать некоторые представления и ритуальные действия, связанные с радиально-круговыми сооружениями эпохи бронзы.

Представления о Варе тесно связаны с культом Йимы/Ямы. Во втором фрагарде, по мнению Л.А. Лелекова, нашла отражение глубочайшая индоиранская архаика. Йима здесь выступает как первопредок человечества, культурный герой, владыка мира в эпоху тысячелетнего золотого века. Важнейшее отличие второго фрагарда от остальных частей «Авесты» в том, что Йима здесь – божество, демиург, а не простой смертный (Лелеков Л.А., 1979а, с. 180–181; 1997б, с. 599). В ведийской мифологии ему соответствует Яма. Обитель Ямы описывается в «Ригведе» следующим образом: «Где не меркнущий свет, / В (том) мире, где помещено солнце, / Туда помести меня, Павамана, / В бессмертный, нерушимый мир!... / Где царь – сын Вивасвата, / Где замкнутое пространство неба, / Где те юные воды, – / Там сделай меня бессмертным!» (IX. 113. 7–8); «Под деревом с прекрасными листьями, / Где пьет с богами Яма, / Там наш отец, глава рода / Озирается в поисках древних... / Это обитель Ямы, / Которая называется жилищем богов» (X. 135. 1, 7). Яма хотя и пирует вместе с богами, но прямо богом нигде не назван, а указан

только «царем мертвых». Яма – господин над Питарами – обожествляемыми умершими предками, пребывающими на небе. К Питарам относили первых древних прародителей, проложивших путь, по которому следуют и недавно умершие. Питары пируют на небе вместе с Ямой (Топоров В.Н., 1997, с. 316). К предкам обычно обращались с просьбой о богатстве, долгой жизни и даровании потомства. Л.А. Лелеков (1976, с. 13–15; 1997а, с. 215) неоднократно отмечал, что описание обители Ямы в одном из гимнов «Ригведы» (IX. 113. 7–8) является определенным аналогом Вары. Однако трудно согласиться с его трактовкой выражения «замкнутое место неба», как указания на квадратную форму обители Ямы, и с тем, что именно квадратное сооружение выступало символом упорядоченного мира. Безусловно, Вара и обитель Ямы – это символы упорядоченного мира среди хаоса и смерти. Но главными характеристиками как иранской, так и ведийской обители, вероятно, следует считать, во-первых, то, что это созданные пространства, которые противостоят несозданному хаосу, во-вторых, это замкнутые, т.е. огороженные пространства, имеющие четко выделенные границы, в-третьих, это пространства, имеющие центр. Последний признак менее определенно выражен в описании царства Ямы, но с определенной долей вероятности можно предположить, что этим центром является дерево, под которым пирует Яма с богами. Именно такое созданное, замкнутое и имеющее центр пространство являлось упорядоченным и служило символом обители бессмертия, где пребывали, согласно ведийской традиции, предки-питары.

Для выяснения роли индоиранской крепости типа Вары, построенной первоначально Йимой/Ямой, значительный интерес представляет мифология кафиров Гиндукуша, в которой сохранились многие черты древних индоиранских верований. Йима/Имра был верховным божеством в пантеоне кафиров Гиндукуша. В мифологии кафиров сохранилось представление о божественной крепости, предназначенной, однако, не для богов, а для душ (вероятнее всего, для душ умерших). Эта крепость упоминается не в связи с Имрой, а в связи с женским божеством Дизани/Дисни. Но Дизани тесно связана с Имрой – она появилась на свет из правой стороны его груди. Дизани построила золотой замок с четырьмя углами и семью воротами. Согласно другому тексту, она воздвигла башню, от которой расходилось семь улиц. По мнению К. Йеттмара, если сопоставить эти тексты, то можно реконструировать план центральной крепости и план окружающей ее территории с радиально расходящимися улицами, причем все это заключено в прямоугольник (Jettmar K., 1981, p. 226-227; Йеттмар К., 1986, с. 193). К. Йеттмар сравнивал постройку Йимы с деревней кафиров Гиндукуша, в центре которой хранят останки предков и празднуют Навруз (Новый Год), а также с сооружением эпохи бронзы Дашлы-III в трех концентрических стенах и с курганом раннескифского времени Аржан. Он считал комплексы такого рода церемониальными центрами для празднования Навруза. В центральной ограде празднующие в экстатических песнях и танцах достигали состояния общения с душами предков (Гуревич Л.Л., 1983, с. 32). Таким образом, в традициях кафиров Гиндукуша представления о времени-Годе и душах предков связаны с образом небесной крепости типа Вары, имеющей радиально-круговую конструкцию.

Одной из особенностей индоиранской традиции, нашедшей отражение в «Авесте», является то, что представления о Варе и ее творце Йиме не связаны с культом предков. Вместе с тем в «Авесте» имеется специальный яшт («Фравардин-яшт»), который посвящен фравашам – душам умерших предков. Этот яшт является одним из древнейших в «Авесте». Фравашаи продолжают загробное существование и покровительствуют

своему роду или общине. Фравашам посвящен первый месяц «зороастрийского» календаря – Фравардин (21 марта – 20 апреля) и последняя декада года (10–20 марта), включающая пять предновогодних дней, не причислявшихся к месяцу (Авеста в русских переводах, 1998, с. 321–322). Таким образом, в зороастрийском календаре 360 дней, пять оставшихся дней до начала года являются днями поминания душ предков. В посвященную им декаду Хамаспатмаэдая (10–20 марта) фраваша приходят из своих обителей и бродят десять ночей: «Добрым, сильным, святым / Фраваша праведных поклоняемся, / Которые в свои дома прилетают / Во время Хамаспатмаэдая, / Которые здесь [в этом мире] проводят / Десять ночей, / Осведомляясь [о родственниках]» (Фравардин-яшт, 49). Кто встречает их с яствами, одеяниями в руках и восхвалениями, тот получает вознаграждение: «Пусть будет здесь, в доме / Животных стадо и люди, / Пусть будет быстрый конь / И прочная колесница...» (Фравардин-яшт, 52). Следует также отметить, что как в древности, так и в настоящее время в зороастрийской традиции Новый Год и предверие Нового Года считаются наиболее почитаемыми праздниками. Эти дни сопровождаются множеством различных церемоний, направленных на обеспечение плодородия природы и благополучия жизни, которые зависят, по иранским представлениям, прежде всего от благосклонности предков (Дорошенко Е.А., 1982, с. 70–73). Вероятно, существовало представление о фравашах как о божествах-демиургах (Авеста в русских переводах, 1998, с. 322). В строфах 57–58 «Фравардин-яшта» говорится, что они привели в движение небесные светила (и, по-видимому, время – ?): «Добрым, сильным, святым / Фраваша праведных поклоняемся, / Которые звездам, луне, Солнцу, / Первоначальному свету / Путь указывают, праведные; / Которые прежде здесь, на одном месте / Долго стояли неподвижно... / А теперь они вращаются по пути / С далеким поворотом, / Стремящиеся к повороту, / Обновляющие, добрые». Совпадение праздника, посвященного фравашам – душам предков, с окончанием старого годового цикла и началом нового, с наступлением весны, свидетельствует о том, что именно с предками связывалось ежегодное обновление и возрождение жизни.

На основании индоиранских аналогий можно предположить, что синташтинская традиция создания погребальных сооружений с радиально-круговой конструкцией имела отношение не только к погребальной обрядности, но и к церемониям, связанным с поклонением душам предков при переходе к новому годовому циклу. Данное предположение подтверждается не только архитектурно-планировочным решением этих сооружений, но и тем, что в отправлении культов значительная роль отводилась стихиям огня и воды, которые в индоиранской традиции были связаны с творением мира. В могильнике Восточно-Курайли-I каменная оградка была окружена кольцевым рвом, шириной до 2 м и глубиной до 1 м. Погребальный комплекс кургана №25 Большекараганского могильника был окружен широким и достаточно глубоким рвом. Большой Синташтинский курган, где зафиксированы следы кострищ, представлял собой, по мнению Д.Г. Здановича (1995, с. 53), ритуальное сооружение, связанное с почитанием огня и, вероятно, предков. Постепенно происходит накопление фактов, свидетельствующих о связи погребальных сооружений, имеющих радиально-круговую конструкцию, с отправлением культа предков. Определенный интерес представляют поминально-родовые жертвенники кургана №25 Большекараганского могильника, располагавшиеся двумя дугами на южной периферии комплекса. В ходе изучения этих жертвенников Д.Г. Здановичу удалось выяснить, что они были сооружены в весенний

период. Это позволило исследователю высказать предположение об их связи с сезонными обрядами почитания предков (Зданович Д.Г., 1995, с. 51). Вероятно, в пользу данного предположения свидетельствует также расположение жертвенников на южной периферии комплекса. В ведийской традиции существовали представления о южном и северном путях солнца. Южный принадлежал предкам, тогда как северный – богам (Семенцов В.С., 1981, с. 147). Обряды, связанные с почитанием предков, могли иметь различные формы проявления. Представляет интерес замечание, высказанное М. Бойс относительно этимологии авестийского названия предков *фравашии*. Она считает, что это слово может происходить от того же корня *-вар-*, что и *хам-варэти* – «доблесть», и первоначально оно обозначало душу усопшего героя, т.е. того, кто больше всего может помочь своим потомкам и защитить их (Бойс М., 2003, с. 35). В таком случае вполне вероятным становится предположение, что погребения, совершенные в центре радиально-круговых конструкций, могли принадлежать людям неординарного статуса, которым поклонялись как героям-предкам и обращались к ним с просьбами о защите от различных несчастий, бедствий или о помощи. Возможно, к подобному культу имел отношение курган из могильника Восточно-Курайли-I. По мнению В.В. Ткачева (1992, с. 160–162), умерший, захороненный в центре радиально-круговой конструкции, исполнял жреческие обязанности, о чем свидетельствуют бронзовое тесло и два ножа, которые исследователь рассматривает как орудия для совершения жертвоприношений. Вопрос, связанный с интерпретацией данного захоронения как погребения жреца, достаточно спорен, но, вероятно, следует согласиться с мнением автора о неординарном статусе погребенного, что, в свою очередь, не исключает почитания и поклонения ему как предку. Д.Г. Зданович (1995, с. 46) отмечает особый статус людей, погребенных в двух центральных ямах (9 и 10) кургана №25 Большекараганского могильника, что подтверждается богатством погребального инвентаря, среди которого есть «престижные вещи» (например, булава), и крупными размерами погребальных камер.

Таким образом, погребальные памятники эпохи бронзы с радиально-круговой планировкой, вероятно, были связаны с представлениями о Колесе Времени (Жизни) и с ритуалами почитания предков на стыке старого и нового годов.

Библиографический список

- Авеста в русских переводах (1861–1996). СПб.: Журнал «Нева»; Летний Сад, 1998. 480 с.
- Авеста: Избранные гимны; Из Видевдата: Пер. с авест., предисл., примеч. и словарь И. Стеблин-Каменского. М.: Дружба народов; КРАМДС – Ахмед Ясави, 1993. 207 с.
- Бойс М. Зороастрийцы: Верования и обычаи. СПб.: Азбука-классика; Петербургское востоковедение, 2003. 352 с.: ил.
- Генинг В.Ф., Зданович Г.Б., Генинг В.В. Синташта: Археологические памятники арийских племен Урало-Казахстанских степей. Челябинск: Южно-Урал. кн. изд-во, 1992. Ч. 1. 408 с.
- Грантовский Э.А. Иран и иранцы до Ахеменидов. М.: Восточная литература, 1998. 343 с.
- Гуревич Л.Л. Авестийская «Вара» (О взаимоотношениях мифопоэтического образа и формы сооружения) // Бактрия-Тохаристан на древнем и средневековом Востоке. М.: Наука, 1983. С. 31–32.
- Дорошенко Е.А. Зороастрийцы в Иране: (Историко-этнографический очерк). М.: Наука, 1982. 133 с.
- Елизаренкова Т.Я., Топоров В.Н. О ведийской загадке типа *brahmodya* // Из работ московского семиотического круга. М.: Языки русской культуры, 1997. С. 303–338.
- Залеман Г.К. Очерк древнеперсидской литературы // Всеобщая история литературы / Под ред. В.Ф. Корша. СПб., 1880. Т. 1, ч. 1.
- Зданович Г.Б. Аркаим. Арии на Урале или несостоявшаяся цивилизация // Аркаим: Исследования. Поиски. Открытия. Челябинск, 1995. С. 21–42.

- Зданович Д.Г. Могильник Большекараганский (Аркаим) и мир древних индоевропейцев Урало-Казахстанских степей // Аркаим: Исследования. Поиски. Открытия. Челябинск, 1995. С. 43–53.
- Йеттмар К. Религии Гиндукуша. М.: Наука, 1986. 524 с.: ил.
- Костюков В.П., Епимахов А.В., Нелин Д.В. Новый памятник средней бронзы в Южном Зауралье // Древние индоиранские культуры Волго-Уралья (II тыс. до н.э.). – Самара: Самар. пед ун-т, 1995. С. 156–207.
- Кузьмина Е.Е. Происхождение индоиранцев в свете новейших археологических данных // Этнические проблемы истории Центральной Азии в древности (II тыс до н.э.). М.: Наука, 1981. С. 101–125.
- Лелеков Л.А. Отражение некоторых мифологических воззрений в архитектуре восточноиранских народов в первой половине I тыс. до н.э. // История и культура народов Средней Азии. М.: Наука, 1976. С. 7–18.
- Лелеков Л.А. Ранние формы иранского эпоса // Народы Азии и Африки. 1979. №3. С. 173–188.
- Лелеков Л.А. Вара // Мифы народов мира. М.: Рос. энциклопедия, 1997а. Т. 1. С. 215.
- Лелеков Л.А. Йима // Мифы народов мира. М.: Рос. энциклопедия, 1997б. Т. 1. С. 599.
- Медведев А.П. Авестийский «Город Йимы» в историко-археологической перспективе // Комплексные общества Центральной Евразии в III–I тыс. до н.э.: региональные особенности в свете универсальных моделей. Челябинск: Челяб. гос. ун-т, 1999. С. 283–287.
- Михайлов Ю.И. Авестийская Вара и архитектурная композиция Большого Синташтинского кургана // Пятое историческое чтения памяти М.П. Грязнова. Омск: ОмГУ, 2000. С. 90–92.
- Пьянков И.В. Аркаим и индоиранская вара // Комплексные общества Центральной Евразии в III–I тыс. до н.э.: региональные особенности в свете универсальных моделей. Челябинск: Челяб. гос. ун-т, 1999. С. 280–283.
- Ригведа. Мандалы I–IV. М.: Наука, 1999. 767 с.
- Ригведа. Мандалы V–VIII. М.: Наука, 1999. 743 с.
- Семенцов В.С. Проблемы интерпретации брахманической прозы. М.: Наука, 1981. 181 с.
- Сотникова С.В. Символика колеса в ритуальной практике индоиранского населения (эпоха бронзы–ранний железный век) // Древние и средневековые кочевники Центральной Азии. Барнаул: Азбука, 2008. С. 86–88.
- Стеблин-Каменский И.М. Арийско-уральские связи мифа об Йиме // Россия и Восток: проблемы взаимодействия. Челябинск: Челяб. гос. ун-т, 1995. Ч. V, кн. 1. С. 166–167.
- Ткачев В.В. Погребение жреца в Актюбинской области (к вопросу о социальной структуре арийского общества) // Древняя история населения Волго-Уральских степей. Оренбург: Оренбург. пед. ин-т, 1992. С. 156–165.
- Топоров В.Н. Питары // Мифы народов мира. М.: Рос. энциклопедия, 1997. Т. 2. С. 316.
- Членова Н.Л. Проблема прародины иранцев и древнейшие городища Южного Урала и сопредельных территорий // Россия и Восток: проблемы взаимодействия. Челябинск: Челяб. гос. ун-т, 1995. Ч. V, кн. 1. С. 177–184.
- Jettmar K. Fortified «Ceremonial Centres» of the Indo-Iranians // Этнические проблемы истории Центральной Азии в древности (II тыс до н.э.). М.: Наука, 1981. С. 220–229.

К.А. Руденко

Национальный музей Республики Татарстан, Казань

**УЗДЕЧНЫЙ НАБОР АНАНЬИНСКОГО ВРЕМЕНИ:
ПРОБЛЕМЫ РЕКОНСТРУКЦИИ
(по материалам IV Мурзихинского могильника IX–VII вв. до н.э.)**

IV Мурзихинский могильник расположен на восточной окраине бывшего села Мурзиха в Алексеевском районе Татарстана, на краю надлуговой террасы левого берега Камы, которая интенсивно размывается водохранилищем.

В 1964–1966 гг. на этом месте были зафиксированы следы могильника, получившего название I Мурзихинского, и собран подъемный материал (Халиков А.Х., 1977, с. 84, рис. 38.-В, 2–5). Материал из разрушенных погребений на этом месте был зафиксирован в 1970 – начале 1980-х гг. (Беговатов Е.А., 1989).

В 1984 г. на побережье, где были обнаружены частично разрушенные захоронения, археологической экспедиции Государственного музея ТАССР (сейчас Национальный музей РТ) и Марийского университета были проведены раскопки. На площади 692 кв. м исследовано 15 захоронений, из которых четыре были ананьинские, остальные – мусульманские XII–XIII в. (Беговатов Е.А., Марков В.Н., Патрушев В.С., 1991). Во 2-й половине 1980-х гг. новых захоронений на месте этого некрополя не выявлено, что дало основание считать могильник исчерпанным.

В 1991 г. примерно в 50 м к востоку от раскопа 1984 г. в обрыве берега вновь обнаружались разрушающиеся погребения. Экспедицией Казанского университета на этом месте был разбит раскоп общей площадью 297 кв. м. Было вскрыто 28 погребений и семь жертвенных комплексов (Руденко К.А., 1991). В 1992 г. работы были продолжены на трех раскопах, площадью 207 кв. м*. В 1993–1996 гг. работы на памятнике велись экспедицией Главка охраны памятников Министерства культуры Татарстана.

Часть материалов из раскопок 1991 г. была опубликована (Беговатов Е.А. и др., 1993, с. 126–157; Руденко К.А., Чижевский А.А., 1994, с. 119–121; Руденко К.А., 2002, с. 23–29).

Особенностью могильника является достаточно большое количество инвентаря и хорошая сохранность материалов, в том числе из дерева и кожи. Это позволяет реконструировать часть погребального инвентаря, в том числе и уздечки. Рассмотрим это на материалах погребения №7.

Погребение №7 (рис. 1 и 2). Глубина – 85 см. Могильная яма подпрямоугольной в плане формы (175x76 см) зафиксирована на глубине 70 см в материковой глине. Заполнение – темно-серая супесь. Погребение ориентировано по линии ЮВ–СЗ. Дно могильной ямы плоское, стенки отвесные. При расчистке зафиксирова-

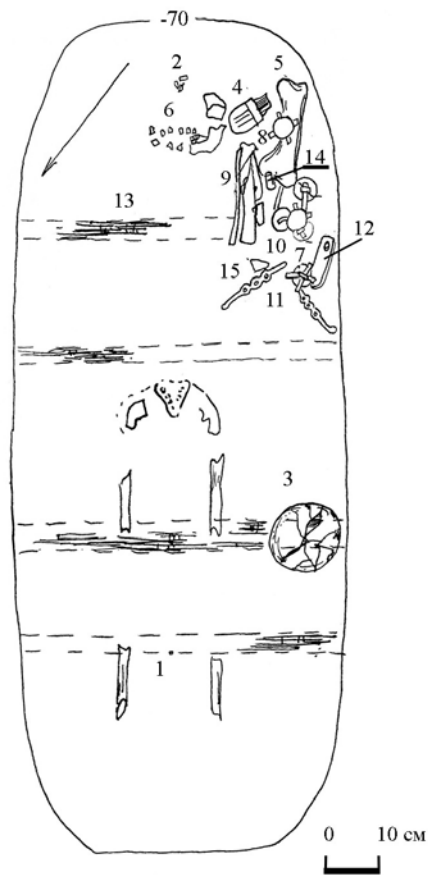

Рис. 1. Погребение №7. План:
1 – бронзовая пронизка; 2 – фрагмент бронзовой пластины; 3 – развал глиняного сосуда; 4 – бронзовый кельт; 5 – кость животного; 6 – череп человека; 7 – бронзовые блины; 8 – бронзовый наконечник дротика; 9 – кожаный ремень; 10 – железный предмет; 11 – бронзовые псалии; 12 – каменное точило-подвеска; 13 – древесный тлен; 14 – костяное изделие; 15 – кусок кварцита

* Коллекция находок хранится в фондах Национального музея Татарстана. КП, №23461; В-19004.

ны следы перекрытия, состоявшего из обугленных жердей толщиной до 5 см. Дно погребения по всей его поверхности покрывает древесный тлен мощностью до 2 см.

На глубине 85 см от уровня современной поверхности зафиксированы остатки костяка плохой сохранности, ориентированного головой на юго-восток. Незначительная часть костных элементов находится в сочленении, остальные в анатомическом соответствии. В анатомическом сочленении лежат элементы левой плечевой кости. В анатомическом соответствии к ним находится череп и нижний отдел конечностей. Череп практически весь распался, за исключением остатков нижней челюсти и зубов. Скелет располагался по центру могильной ямы.

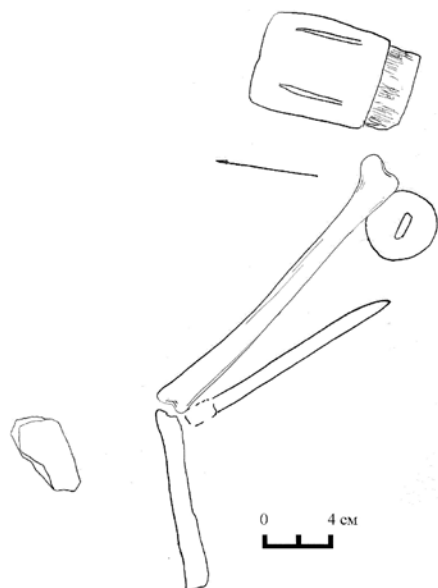

Рис. 2. Погребение №7. Расположение предметов у левой плечевой кости.
Деталь

В засыпи могильной ямы у левого колена найден округлодонный сосуд, орнаментированный по шейке гребенчатым штампом в виде вертикального зигзага и ямочными вдавлениями (рис. 5). Он был поставлен вверх дном. Между коленями погребенного лежали бронзовая пронизка длиной 1 см и фрагменты бронзовых пластинок. Аналогичные пластины отмечены возле теменной части черепа*.

Основная масса находок из данного погребения концентрируется в южной части. Там были зафиксированы бронзовый кельт (рис. 3.-2), бронзовый наконечник дротика (рис. 3.-1), ориентированный острием на юго-восток, и плечевая кость животного под которой и рядом располагались остатки конской узды: бронзовые бляхи (7 экз.) (рис. 4) и две трехдырчатые бронзовые псалии (рис. 3.-3). Над наконечником копья и у блях сохранились кожаные ремешки, из которых была сделана узда (рис. 2).

Рядом с псалиями найдены кусок кварцита и точильный камень (рис. 3.-4, 6). Кроме того, в погребении обнаружена костяная поделка конусовидной формы (рис. 3.-5) и железный нож с остатками деревянной рукоятки. Последний лежал под костью животного. Острием нож был ориентирован на юго-восток, к голове погребенного.

Интерпретация. Захоронение совершено в неглубокой могильной яме, перекрытой настилом, лежавшим на четырех слегах, опиравшихся на края котлована. Настил был сделан, вероятно, из коры или какого-либо другого аналогичного материала. Следов обжига не зафиксировано. Судя по наличию бронзовых изделий, умерший был положен в могилу в одежде и в головном уборе. Рядом с головой (слева) была оставлена сопроводительная пища. После этого могильная яма была закрыта перекрытием и на него положены копье с бронзовым наконечником, топор с бронзовым наконечником-кельтом и расправленная, кожаная уздечка с бронзовыми псалиями, украшенная круглыми бляхами. Скорее всего, тут же находился и пояс с подвешенным небольшим мешочком с походными принадлеж-

* Пластины и пронизки были в момент расчистки в состоянии трухи и рассыпались.

ностями (нож, кусок кварцита). Устье мешочка затягивалось с помощью костяной втулки. К поясу подвешивалась подвеска-точило.

На перекрытие («в ногах погребенного») был поставлен вверх дном глиняный горшок. Расположение вещей в одной части могилы может косвенно свидетельствовать о том, что остальная часть перекрытия была занята или закрыта другими, не сохранившимися вещами.

Положение костяка – на спине. Положение рук точно установить невозможно. Левая рука, вероятно, была вытянута вдоль туловища. Костные останки, обнаруженные в могильной яме, принадлежали женщине 30–40 лет (*Adultus II*). Отметим, что набор вещей в погребении больше характерен для мужских захоронений.

Инвентарь*. *Кельт* (рис. 3.-2) – бронзовый, литой, втульчатый, шестигранный. Высота – 6,5 см, ширина – 5–5,5 см, толщина – 2 см, внутренний диаметр втулки – 1,5 см. Орнамент с двух сторон разный. Слицевой стороны изображены две линии в виде зигзага (плохо отлитые), чуть ниже – прямоугольник из двух спаренных линий, с торцевой стороны которого (на боковых гранях) примыкают равносторонние треугольники, образованные такими же спаренными линиями. Вниз от нижней части прямоугольника отходят пять вертикальных приостренных лучей длиной около 3,3 см. Рисунок на оборотной стороне аналогичный, за исключением лучей, которых здесь шесть, причем если боковые изображены вертикально, то остальные – по два расходятся к окончаниям боковых лучей, образуя тем самым три треугольные фигуры. Во втулке находились остатки дерева – штыря-фиксатора для крепления в рукояти. Сохранилось дерево внутри втулки и 2–2,5 см выше (рис. 2).

Наконечник дротика (рис. 3.-1) – бронзовый, литой, втульчатый, с листовидным симметричным пером круглого и ромбического сечения. Общая длина наконечника – 16,5 см, длина втулки – 6,5 см, диаметр втулки – 3 см, длина пера – 10,5 см, ширина – 5 см, толщина – 0,5–2 см. На лопастях имеются сквозные отверстия – следы литейного брака. Верхняя часть дротика с обеих сторон украшена рельефным узором. По втулке, почти до окончания пера, изображена вертикальная линия, раздваивающаяся в нижней части.

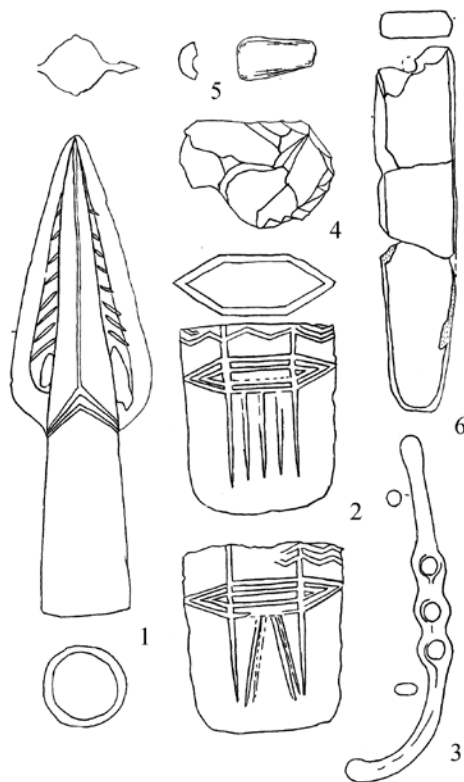

Рис. 3. Погребение №7. Инвентарь:
1 – наконечник дротика; 2 – кельт;
3 – псалия; 4 – кварцит; 5 – пронизка (?);
6 – подвеска-точило (1, 2, 3 – бронза;
4, 6 – камень; 5 – кость)

* В настоящее время комплекс этого погребения находится в постоянной экспозиции Национального музея Республики Татарстан.

Окончания ее смыкаются по бокам с аналогичными окончаниями на оборотной стороне. Этот сюжет подчеркнут еще одной линией, повторяющей контур предыдущей. На лопастях имеются косые выпуклые насечки, создающие композицию в виде «елочки».

Втулка (рис. 3.-5) – костяная, конусовидная, высотой 2,7 см, диаметром 1–1,5 см.

Подвеска-точило (рис. 3.-6) – каменная (песчаник (?)), подпрямоугольная, с чуть приостренным закругленным окончанием, прямоугольного сечения. Длина – 12,7 см, ширина – 2–3 см, толщина – 1 см. Верхняя часть подвески обломана на уровне сквозного отверстия-ушка диаметром 0,5 см.

Камень (рис. 3.-4) – кварцит, обколотый. Размеры – 4х5х2,5 см.

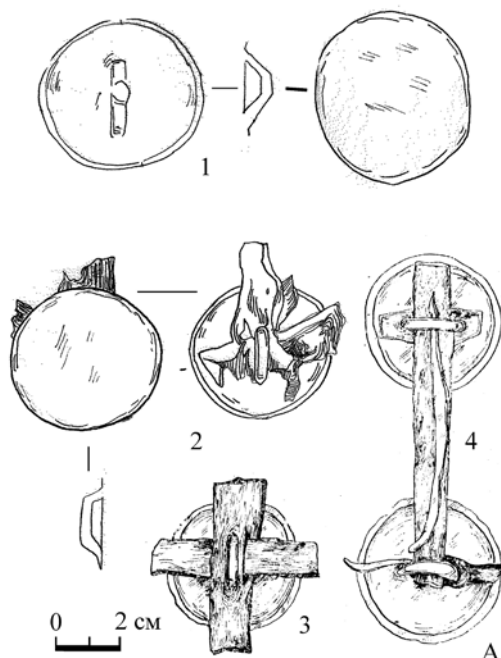

Рис. 4. Погребение №7:
1–4 – детали уздечки (бронза)

Бляхи №1–6 (рис. 4.-1–4) – бронзовые, литые, круглые, диаметром 4 см, уплощенные, без орнамента, с петелькой на внутренней поверхности. Несколько отличается по размерам одна бляха диаметром 4,5 см (рис. 4.-1).

Реконструкция уздечки. Сохранившиеся кожаные ремешки шириной 1,3–1,5 см позволяют предполагать, что уздечка была сделана из одинарных ремней длиной не менее 14 см. Уздечка состояла из налобного, затылочного, двух нащечных и наносного ремней (Тишкин А.А., Горбунова Т.Г., 2004, с. 30–31). Нащечные (чуть поуже – шириной около 1,3 см) и наносный (шириной 1,5 см) ремни скреплялись круглыми бляхами таким образом, что ремешок поуже проходил через петельку в отверстие и в прорез в верхнем ремешке (рис. 4.-3), который, в свою очередь, фиксировался в петельке посредством специально сделанного отверстия (рис. 4.-2). Длинные нащечные ремни с бля-

Сосуд (рис. 5) – чашевидный, с примесью органики и толченой раковины, диаметром до 28 см. Имеет прямой венчик, с прямым срезом. Шейка и плечики орнаментированы. В верхней части снаружи сделаны круглые вдавления диаметром 0,5 см, нанесенные с интервалом в среднем 2 см. Пространство между ямками и чуть ниже украшено оттисками крупного гребчатого штампа в виде уголков, образующих орнамент горизонтальной «елочки».

Уздечный набор. *Псалии* (рис. 3.-3) – бронзовые, литые, стержневидные, круглого и прямоугольного сечения, трехпетельчатые, с загнутым одним окончанием и прямым вторым. Длина – 12 см, ширина – 3,5 см; диаметр петель – 1,2 см (внутренний – 0,65 см), диаметр стержня – 0,6 см, размер уплощенной части – стержня в месте изгиба – 0,8х0,4 см. Литые, судя по имеющимся следам литейных швов, осуществлялось в двусторонней форме. Оба псалия идентичны по размерам и деталям, что позволяет предполагать их отливку в одной форме. Следов потертостей и утрат не имеется.

хами имели изнутри дополнительное крепление кожаным шнурком, не позволявшим бляхам двигаться по ремню (рис. 4.-4). Таким образом нащечные ремни скреплялись с наносным и налобным ремнями бляхами с перекрестным соединением (рис. 4.-3). Две промежуточные бляхи на нащечных ремнях и налобная бляха фиксировались шнурком. Поводья были сделаны из кожаных ремней толщиной до 1 см (0,7–0,8 см).

Данная уздечка интересна тем, что была положена в погребение практически целиком, в отличие от других захоронений и жертвенно-поминальных комплексов, где найдены или фрагменты узды, или только псалии. Причем стержневидные псалии встречены на этом могильнике только в погребении №7. Определенные затруднения вызывает реконструкция крепления псалий и гызла, поскольку следов кожаных ремешков здесь не выявлено. Можно предполагать, что основной ремень уздечки крепился узлом в верхних отверстиях, кожаные гызла – в средних, а повод – в нижних отверстиях. Вполне вероятно, что псалии были положены отдельно, только «намечая» место их реального расположения в уздечке. Также нельзя исключить и факт того, что это был набор уздечных принадлежностей не в целом виде, а, так сказать, разделенный на части.

Реконструкция узды, предложенная выше, вполне согласуется с близкими материалами из могильников скифского времени Алтая (Тишкин А.А., Горбунова Т.Г., 2004). По инвентарю погребение №7 может датироваться концом VIII–VII в. до н.э.

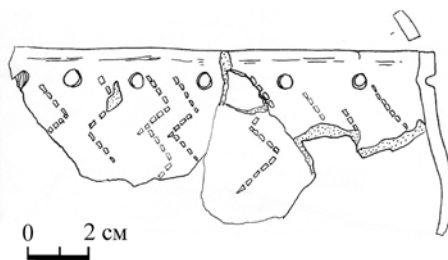

Рис. 5. Погребение №7.
Керамический сосуд

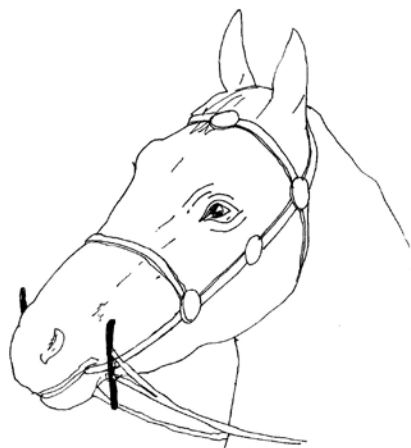

Рис. 6. Реконструкция уздечки

Библиографический список

- Беговатов Е.А. Биметаллический кинжал с зооморфной рукояткой из Мурзихинского могильника // Советская археология. 1989. №2. С. 247–249.
- Беговатов Е.А., Истомин К.Э., Марков В.Н., Руденко К.А., Чижевский А.А. Новые находки ананьинского времени с Мурзихинского могильника // Финно-угры России. Йошкар-Ола, 1993. С. 126–157. (Памятники с ниточно-рябчатой керамикой. Вып. 1).
- Беговатов Е.А., Марков В.Н., Патрушев В.С. Первый Мурзихинский могильник // Проблемы археологии Среднего Поволжья. Казань, 1991. С. 20–39.
- Руденко К.А. Остров «Мурзиха» и его окрестности. Хронологический атлас археологических коллекций НМ РТ (1991–1999 гг.): Опыт микрорегионального исследования: Каталог археологических коллекций НМ РТ. Казань: Школа, 2002. 208 с.: ил.
- Руденко К.А. Отчет о археологических работах в Татарии в 1991 г. Казань, 1991. (Архив ИА РАН. Р-1. №16337).

Руденко К.А., Чижевский А.А. Раскопки Мурзихинского могильника // Археологические открытия Урала и Поволжья. Йошкар-Ола, 1994. С.119–121.

Тишкин А.А., Горбунова Т.Г. Методика изучения снаряжения верхового коня эпохи раннего железа и средневековья: Учеб.-метод. пособие. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2004. 126 с.: ил.

Халиков А.Х. Волго-Камье в начале эпохи раннего железа (VIII–VI вв. до н.э.). М.: Наука, 1977. 263 с.: ил.

Ф. Мец

Естественно-историческое общество, Нюрнберг (Германия)

О ЗОЛОТОМ ПРЕДМЕТЕ ИЗ КУРГАНА ПЕРЕДЕРИЕВА МОГИЛА

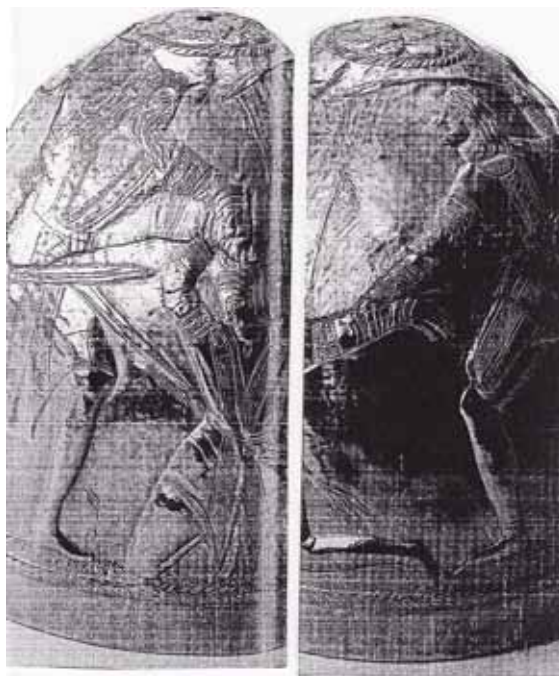
Одной из интересных находок, сделанных в скифологии за последние десятилетия, является золотой предмет полуяйцевидной формы, обнаруженный в кургане IV в. до н.э. Передериева Могила в Восточном Приазовье. Предмет изготовлен из массивного золотого листа, не имеет дна. На его поверхности изображена группа сражающихся воинов, имеющих типичные для скифов внешний облик, одежду и вооружение. На вершине располагается розетка с отверстием диаметром около 1 см. Высота изделия составляет почти 17 см, диаметр основания – около 18 см. Изображенные персонажи (высотой до 15 см) – самые крупные из известных до сих пор на предметах греко-скифской торевтики. Предмет из Передериевой Могилы уникален, обстоятельства находки (в насыпи кургана) не проливают свет на его функции, поэтому назначение его остается неясным (рис. 1; фото 5 на вклейке). С. Легранд (1988) включил его в ряд из 19 предметов, объединенных по принципу сходства конфигурации и материала. Они имеют более или менее усеченную конусовидную форму (иногда ближе к яйцевидной, иногда в виде колокольчика), на вершине отверстие диаметром 0,7–1 см, у всех – круглое основание. Почти все изготовлены из золота. Однако ряд этот достаточно четко распадается по форме изделий на три группы (яйцевидные, колоколовидные и в виде усеченного конуса), каждая из которых к тому же имеет отличные от других хронологию и ареал распространения. Это предполагает, что предметы каждой группы имели собственное предназначение и, отличные от других, специфические функции.

По форме предмет из Передериевой Могилы сближается с находками из Ставропольского клада, Курджипского кургана и кургана Ак-Бурун, среди которых ближе всего ему предмет из Ак-Буруна – ажурное изделие, украшенное растительным орнаментом. Только эти два предмета имеют совершенно округлую форму; остальные – более или менее усеченную, конусовидную. Кроме того, Передериева Могила – единственный случай, когда такого рода предмет найден в одном экземпляре; в остальных случаях – по три. Существует несколько гипотез относительно их назначения, однако можно согласиться с С. Леграндом, что это были, скорее всего, ритуальные атрибуты, использовавшиеся при совершении каких-то культовых действий. Против других предположений (головной убор, украшения горитов и колчанов, кисти, подвешивавшиеся к шее лошади) им были приведены достаточно серьезные контраргументы.

В дошедших до нас письменных источниках данных о подобных изделиях как будто бы нет, поэтому при попытках объяснения их функций можно опираться только на форму, размеры, декор и обстоятельства находки. Из предметов, близких по форме изделию из Передериевой Могилы, три (неорнаментированные) были найдены в составе Ставропольского клада, три, гораздо меньшего размера, происходящие из Курджипского кургана, обнаружены вне комплекса и три – из кургана Ак-Бурун, в том числе ажурный шлемовидный предмет с растительным орнаментом, находились в погребальной камере. Конструкция камеры и погребальный обряд (трупосожжение) несут несомненные следы греческого влияния, но инвентарь типично скифский. В Передериевой Могиле предмет был обнаружен в насыпи, но, хотя курган был ограблен, трудно предположить, как заметил С. Легранд, что грабители выбросили такую вещь. Разные обстоятельства находок, таким образом, допускают и разные варианты применения изделий и внутри выделенной группы. Так, различного размера и формы ажурные золотые пластины часто использовались (в том числе и в скифском мире) как накладки на сосуды из органического материала (см., например: *The Golden Deer...*, 2000, fig. 54–57, 63, 64; *Gold aus Kiew*, 1993, Kat.-Nr 26, 27; *Antiker...*, 2001, Kat.- Nr. 28). Но если такую функцию можно в принципе допустить для предмета из Ак-Буруна (хотя сосудов такой формы у скифов вроде бы и не известно), то для предметов из Передериевой Могилы и Курджипса это невозможно. Последние, значительно разнясь между собой в размерах, сближаются не только формой, но и наличием какого-то сюжетного изображения с участием скифских воинов. Такой декор допускает единственно возможный вариант размещения этих предметов в пространстве: строго вертикальное, отверстием вверх. А полая, полуяйцевидная форма (по существу – втулка или колпачок) предполагает их расположение на каких-то вертикальных шестах, столбах, древках, т.е. они могли быть использованы как своеобразные навершия. Отличаясь от наверший в привычном представлении размером, материалом изготовления, отсутствием скульптурного оформления, они тем не менее соответствуют ряду критериев, выделенных для их определения Е.В. Переводчиковой и Д.С. Раевским (1981). Это, в частности, возможность укрепления на вертикальных древках; употребление их в погребальном или ином ритуале; украшение мифологическими сценами. Относительно последнего критерия можно отметить следующее. На золотом изделии из Курджипса изображены два стоящих воина в скифской одежде, держащиеся за древко копья или дротика. У левого воина в руке меч, у правого – большая отрубленная голова, возможно, с серьгой в ухе (Булава Л.А., 1987, рис. 2.-А). Изображения отрубленных голов достаточно широко распространены в искусстве Евразии I тыс. до н.э. – начала I н.э. Обычно они рассматриваются как иллюстрации существовавшего в этот период в воинской среде обычая сохранять голову или скальп поверженного врага в качестве трофея. У скифов же этот мотив встречается в контексте, мифологичность которого сомнений не вызывает, например, на серебряном ритоне из Карагодеуашха (Блаватский В.Д., 1974), на золотых бляшках из Куль-Обы и пр. (Ильинская В.А., 1978). Мифологично, очевидно, и курджипское изображение. О том, что это не обычный повествовательный сюжет, а имеющий отношение к сакральному, говорит направленное наконечником вниз копьё, за которое держатся персонажи. Считается, что подобная ориентация оружия говорит о связи сюжета с потусторонним миром (Савостина Е.А., 1983).

А

Б

Рис. 1. Золотой предмет из кургана Передериева Могила.
(А – по: Jahrbuch..., 1995; Б – по: Schiltz, 1994). Без масштаба

А

Б

В

Рис. 2. Возможные параллели сюжету изображения на предмете из Передериевой Могилы: А – прорисовка изображения на «колпачке» из Курджипса (по: Булава, 1987); Б – пластина из коллекции Романовича (по: Ильинская, 1978); В – пластина из Сахновки (по: Онайко, 1984). Без масштаба

Предмет из Передериевой Могилы изготовлен из массивного золота, и уже одно это подчеркивает его сакральный характер и подразумевает мифологичность изображенных на нем сцен. Прямых аналогий этим сценам среди произведений греко-скифского искусства неизвестно. Зритель видит последовательное развитие сюжета, в котором участвуют три персонажа в богато отделанной скифской одежде. Один из персонажей, подчеркнуто пожилого возраста, с длинными волосами, усами и бородой, вооруженный акинаком, изображен в противостоянии двум молодым, безбородым воинам, один из которых упал на колени. В первой (?) сцене бородатый персонаж левой рукой как бы отстраняет щит, который второй молодой персонаж держит над припавшим к земле; в правой сжимает акинак. Стоящий молодой персонаж занес над головой копьё, направленное в «старика»; тот, который на коленях, пытается вытянуть свой акинак из ножен. Во второй (?) сцене «старик» также сжимает в правой руке акинак, левой же держит коленопреклоненного за волосы. Последний своей правой рукой пытается отвести руку «старика», за левую руку в области запястья его держит стоящий молодой персонаж с занесенным над головой копьем. В первом случае на торсе «старика» изображен какой-то предмет в виде двойного кольца, лежащий на его правом плече и пропущенный под левую руку. В другой сцене его нет. Трудно судить о назначении этой детали экипировки (предмет одежды – ?; веревка – ?; аркан – ?), но акцентирование ее выглядит не случайным.

Изобразительный сюжет предмета из Передериевой Могилы уникален, но некоторые точки соприкосновения его с сюжетами изображений на других произведениях греко-скифской торевтики, возможно, все-таки есть. Во второй (?) сцене на предмете показан «старик», схвативший коленопреклоненного противника за волосы. Подобная сцена – победитель, удерживающий стоящего на коленях противника за волосы и занесший оружие для последнего удара, была достаточно широко распространена в искусстве Древнего мира. Так изображались египетские фараоны начиная с Нармера (Schätze..., 2005, s. 26, 35; James T. G. H., 2002, s. 61), эта иконографическая схема представлена в вазописи, скульптуре и торевтике античной Эллады (Arias P.E., Hirmer M., 1960, bd. 20; Schefold K., Jung F., 1988, №229, 230, 333; 1989, №146, 207, 249, 257, 258; Leskov A., 1990, taf. 194; Mythen..., 1997, №39; Andrae B., 2001, taf. 98–102, 106–119; Fornasier J., 2007, s. 69, abb. 35), бытует она в искусстве этрусков (Cristofani M., 2006, s. 66–67, 165) и Древнего Рима (Krämer W., 1967, taf. 3, 4; Pompeji..., 2005, s. 366). В Северном Причерноморье мы видим ее на фрагментах известнякового рельефа из Тамани с изображением сражения между варварами, датируемого IV–III вв. до н.э. (Античная..., 1987, №124). Известны подобные сцены и в искусстве скифов. В многофигурной композиции на серебряной обкладке горита из Солохи показан среди прочих, по-видимому, молодой скиф, держащий в правой руке акинак, левой же схвативший за волосы и стаскивающий с коня (показанного подчеркнуто гротескно) пожилого, который пытается вытянуть свой акинак из ножен (Artamonov M., 1970, №160–161). На золотой ажурной пластине из коллекции Романовича, в левой ее части, изображен безбородый (если только борода не закрыта нашечниками шлема) скиф в панцирном доспехе. В правой руке он держит занесенный для удара меч, левой схватил за волосы, скорее всего, раненого противника, припавшего на правое колено и опирающегося на землю правой рукой. Последний бородат, на нем также панцирный доспех, и вооружен он луком. В правой части пластины показан лежащий обезглавленный труп

в скифском костюме, за ним, на заднем плане, – воздвигнутый трофей. Справа от трупа – идущий скиф без доспехов, уносящий отрубленную голову, насадив ее на меч или дротик, и поддерживающий ее правой рукой (Ильинская В.А., 1978, рис. 2.-Б).

Еще один случай связан с золотой пластиной из Сахновки. Многофигурная композиция на этой пластине состоит из ряда взаимосвязанных сцен, среди которых выделяются известные по другим произведениям торевтики сцена предстояния скифа с ритонном в руке перед сидящей на троне богиней с зеркалом и сцена, иллюстрирующая обряд вступления в побратимство. В целом сюжет трактуется как гадание на удачное царство, сопровождающееся жертвоприношениями и возлияниями (Онайко Н.А., 1984, рис. 2.-В). Крайняя слева сцена изображает двух персонажей, перед которыми находится баранья голова (иногда в ней видят подготовку к жертвоприношению барана). Однако в данном случае правильнее говорить о человеческом жертвоприношении. Оба крайних персонажа показаны коленапреклоненными (это, вероятно, вызвано требованиями исокефалии), а самый левый к тому же обнаженным до пояса и со связанными сзади руками; находящийся за ним бородатый скиф левой рукой держит направленный на переднего акинак, правой же держит его за волосы.

Сакральный характер предметов, на которых есть изображение данной сцены, бесспорен. Кроме того, пластины из Сахновки и коллекции Романовича считаются украшением головного убора, и эта связь сюжета с головой (т.е. с верхом) также не противоречит возможности использования предмета из Передериевой Могила в качестве навершия.

Как уже отмечалось, на пластине из коллекции Романовича изображены две сцены, и если их рассматривать как последовательное развитие одного сюжета, то у поверженного противника, которого соперник схватил за волосы, отрубалась голова. (Интересно, что и на оборотной стороне палетки Нармера также видны обезглавленные трупы; отрубленные головы есть и на рельефе из Тамани). Но если это так, то на предметах из Передериевой Могила и Курджипса (где показан держащий отрубленную голову воин) воплощены разные этапы развития одного сюжета и тогда они могли быть атрибутами одного и того же ритуала.

Любопытно отметить, что во всех случаях воин, схвативший соперника за волосы, вооружен только акинаком (способным обезглавить), и у него нет лука и стрел, этой скифской «визитной карточки», хотя соседние персонажи имеют лук или горит. Вряд ли это случайно. Не исключено, что это могло быть связано с широко распространенным в скифской среде культом оружия, одним из самых ярких проявлений которого было почитание меча (особенно железного, как обладавшего большей магической силой) и через него – с культом героев и вождей (Бессонова С.С., 1984).

И это направление поиска возможной интерпретации сцен на предмете из Передериевой Могила может оказаться достаточно перспективным. Учитывая, что он изготовлен из массивного золота, а курган, где он найден, отнюдь не относится к разряду рядовых, можно допустить, что сюжет изображений на нем каким-то образом связан с идеей происхождения царской власти, аналогично ряду широко известных произведений греко-скифского искусства. И в этом случае в тех, кто на нем изображен, можно видеть сыновей прародителя скифов Геракла-Таргитая. Но в отличие от куль-обского, воронежского или гаймановского сосудов и аттической чернофигурной амфоры, где обыгрываются моменты записанного Геродотом мифа, связанные с прохождением ими испытания на царство (натягивание тетивы на лук Геракла) и передачей символа

царской власти (того же лука) младшему из братьев, Колаксай (см.: Раевский Д.С., 1977; Алексеев А.Ю., 1981), на рассматриваемом предмете мог иллюстрироваться другой вариант мифа о происхождении царской власти у скифов, в котором присутствует мотив борьбы между братьями и убийства младшего брата старшим.

В данном контексте очень интересны соображения, высказанные болгарским исследователем И. Маразовым при анализе изображений на куль-обском сосуде. Он пришел к выводу, что эти изображения не просто иллюстрируют тот самый записанный Геродотом миф, но и подают его на разных уровнях: антропогоническом (появление первочеловека Геракла-Таргитая), социогоническом (трое сыновей Таргитая – Липоксай, Арпоксай и Колаксай – представители разных социальных функций скифского общества) и собственно региогоническом (выбор царя из среды связанных с определенными функциями братьев, который должен объединить это общество). Тексты индоевропейских мифологических традиций показывают, что социальная структура различных коллективов очень часто иерархически осмысливается в частях человеческого тела (которое является аллоформом космоса): голова отмечает жреческую функцию, грудь и руки – военную, гениталии и ноги – хозяйственно-экономическую. Это означает, что каждый из сыновей Таргитая, сохраняя свой целостный антропоморфный образ, должен воплощать соответствующую его социально-идеологической позиции часть тела: жрец – голову, воин – грудь и руки, земледелец (=скотовод) – ноги. При неудаче в испытании на царство жрец получает ранение в голову, земледелец – в ногу, поскольку они являются «головой» и «ногами» социального организма. А выиграть соревнование по натягиванию тетивы, требующее силы и ловкости рук, мог только воин, поскольку именно он является «руками» общества. Воином был младший брат, и именно он становится царем, объединяющим и олицетворяющим все слои скифского социума. Таким образом, тело царя символизирует все социоидеологические функции скифского общества, а его здоровье ассоциируется со стабильным существованием этого общества.

Согласно мифологическому мышлению, чтобы стать царем, претендент должен быть подвергнут испытанию (т.е. пройти ритуальную смерть). И будущий царь Колаксай, следовательно, также должен пройти через это. Но именно благодаря смерти или жертвоприношению первого царя (Пурушамедха) или коня (Ашвамедха) создаются условия для возникновения космоса (в том числе и социального). И очень показательно, что в скифской мифологии существовал также и тот вариант региогонии, в котором присутствовал мотив борьбы между братьями и убийства младшего брата старшим. Отголоски этого мифа дошли до нас в передаче Валерия Флакка (см.: Маразов И., 1988).

Анализ этого пассажа Валерия Флакка показывает, что убийству младшего брата предшествовала смерть его коня. Иллюстрацией этого мифа, возможно, является знаменитый золотой гребень из кургана Солоха с изображением стычки трех скифов – всадника и двух пеших, под одним из которых убита лошадь (Раевский Д.С., 1977, с. 117).

Однако иллюстрацией этого же мифа, возможно, являются и изображения на предмете из Передериевой Могилы. Если три показанных на нем персонажа по сути три брата – сыновья Таргитая, то вполне понятна их подчеркнутая возрастная оппозиция. В этом случае в стоящем на коленях логично видеть младшего из братьев, Колаксай, – победителя в испытании на царство и, следовательно, олицетворения всего скифского общества. И поза его может служить указанием на кризисное состояние

этого общества, о чем писал И. Маразов. Коленопреклоненное положение говорит о том, что исключены из активной жизни «ноги» социума (=скотоводы и земледельцы). В одной из сцен пожилой персонаж как бы отстраняет от коленопреклоненного щит, а в другой сцене последний уже не сжимает акинак, а пытается одной рукой оказать сопротивление пожилому; за другую руку его держит третий. Это означает «выключенное» состояние «груди» и «рук» общества (=воины). О роли волос, как вместилища жизненной силы человека, написано достаточно много (см., например: van den Boom H., 2001). И, удерживая стоящего на коленях за волосы, пожилой персонаж не только лишает подвижности голову жертвы (=«выключению» жрецов), но и лишает жизненной силы все тело, весь организм. Налицо картина полного кризиса, вывести из которого скифское общество может лишь прошедший ритуальную смерть царь. Этот ритуал, таким образом, не только структурирует социум, но и легитимизирует царскую власть. Поэтому пожилой персонаж, совершающий акт жертвоприношения, должен быть жрецом. В связи с этим стоит обратить внимание еще на один момент. Рассматривая сцены лечения травм на куль-обском сосуде, И. Маразов, следуя за Б. Линкольном, говорит о том, что врачевание у индоевропейцев – одна из форм проявления космогонии и антропогонии, а следовательно, социогонии и региогонии. Кроме того, существует связь между разными способами лечения и трехчастной идеологией индоевропейцев. Для представителей жреческой функции характерно лечение заговорами, для воинов – хирургией, для земледельцев и скотоводов – лечебными травами. И «жрец» на куль-обской чаше получил ранение именно в область рта; пострадал орган, которым он сам бы исцелял. Логично предположить, что и жертвоприношение, символизирующее деструктуризацию общества, и последующее восстановление космического порядка, будет проведено жрецом путем обезглавливания. И, таким образом, в позах и действиях персонажей, изображенных на предмете из Передериевой Могила, может быть закодирована информация о ритуальном жертвоприношении Колакская, как акта, завершающего процесс региогонии скифского общества.

Автором уже высказывалась мысль о том, что в античном искусстве своеобразные сцены-«клише» с изображением варваров (варвар, натягивающий тетиву на лук; пожилой варвар, передающий лук молодому; варвар, проверяющий на глаз прямизну стрелы) изначально могли иметь определенный мифологический подтекст (Metz F., 2007; Мец Ф., 2007). Если это так и если приведенные выше соображения содержат какое-то рациональное зерно, то не исключено, что и на других престижных золотых изделиях, найденных в Северном Причерноморье, где есть сцены убийства коленопреклоненной жертвы или отрубленной головы в руках держащих копье персонажей, мы имеем дело с иллюстрацией одного из вариантов скифского региогонического мифа.

К числу таких изделий относятся и пластины из Сахновки и коллекции Романовича, служившие, по всей видимости, налобными украшениями типа диадем. Ношение их, как известно, строго регламентировалось и было доступно лишь лицам самого высокого социального ранга. И сюжет, удостоверяющий легитимность власти владельца, которая восходит к первому царю, при их украшении вполне уместен. На пластине из коллекции Романовича может быть показан сам акт жертвоприношения и отрубленная голова, как свидетельство совершенности этого акта. Интересно, что в поднятой левой руке коленопреклоненного персонажа зажат лук. Оружие, совершенно бесполезное в данной ситуации, может служить указанием на личность победителя в царском испытании.

Удачно, как представляется, вписывается подобное толкование сцены жертвоприношения и в композицию декора пластины из Сахновки. Если сцены ее центральной и правой части показывают бракосочетание царя и богини (либо гадание на удачное царство) с возлияниями и музыкальным сопровождением, то логично считать, что начало композиции – сцена, удостоверяющая законность притязаний на царскую власть. В этой сцене обращает на себя внимание то, что приносимый в жертву обнажен до пояса и у него связаны сзади руки, т.е. мы, возможно, опять сталкиваемся с выраженной через «телесный» код картиной кризиса скифского общества. Не совсем понятно, правда, включение в композицию сцены побратимства, однако есть мнение, что в IV в. до н.э. (время изготовления пластины) этот обычай приобрел специфически аристократический, дружинный характер (см.: Хазанов А.М., 1972).

Что же касается предмета из Курджипса, то и на нем мог быть отражен тот же самый сюжет, но уже в виде конечного результата.

Предложенной трактовке изображений на находке из Передериевой Могилы соответствует и ее форма. Царь символизирует собой, помимо всего прочего, и идею плодородия в самом широком смысле, а наиболее характерным атрибутом культа плодородия всегда было изображение фаллоса. Но вертикально стоящие объекты с водруженными на них полуяйцевидной формы предметами, вроде изделий из Передериевой Могилы или Курджипса, приобретают ярко выраженный фаллический облик и по своему культовому значению могут быть сопоставлены со стоящими на пьедесталах каменными фаллосами в святилищах Диониса (см.: 100.000 Jahre..., 2003/2004, s. 22). Показательно и то, что в древности была известна практика увенчивания фаллических по характеру объектов изделиями из блестящего металла. Так, верхняя часть обелисков (пирамидионы), стоявших в египетских храмах, покрывалась золотом или медью (Die unsterblichen..., 2000, s. 10), золотую оправу в виде того же колпачка имели и так называемые оселки-амулеты, неоднократно зафиксированные в «царских» курганах скифов (Грязнов М.П., 1961; Раевский Д.С., 1983). Известно, наконец, и собственно навершие – бронзовый фаллос, найденное в Западной Сибири (Матюшенко В.И., 1973) и отлитое, скорее всего, в эпоху раннего железа. Эти данные также могут служить косвенными аргументами в пользу аналогичного использования рассматриваемого объекта.

Изделие из Передериевой Могилы было обнаружено в насыпи кургана, что подразумевает использование его в каком-то обряде уже после совершения похорон. И если это все-таки навершие, то мы имеем воздвигнутый на могиле лица явно высокого социального ранга фаллической формы монумент, связанный, возможно, и с культом оружия (меча). А если добавить к этому, что близкие по форме артефакты из Курджипса и Ставропольского клада были найдены вместе с золотой гривной, этим символом власти и богатства, то функции этого фаллического монумента можно сопоставить с функциями каменных изваяний. К числу их наиболее характерных атрибутов относятся акинак и гривна, а для них самих типичен ярко выраженный фалломорфизм. Считается, что каменные изваяния воздвигались по случаю смерти царя, которая воспринималась как падение связывавшего все зоны мироздания Мирового Дерева, временное торжество хаоса над космосом. Восстановление мирового порядка достигалось путем проведения обряда установления этого Мирового Дерева или его символа. Одним из таких символов и было каменное изваяние. В нем видели воплощение умершего царя и в то же время земное воплощение Таргитая, мифологического предка скифских царей (Раевский Д.С., 1983).

Одной из функций царской власти и, следовательно, царя было посредничество между миром богов и земным миром. Помимо Мирового Дерева связующим элементом между мирами выступала и Мировая Гора. Интересно, что такие ее символы, как омфалос (пуп Земли) эллинов и этрусков или Гебел Баркал, местообитание бога Аммона у набатеев, а в ряде случаев и алтари в вазописи тех же эллинов изображались в виде предмета полуяйцевидной формы (Die griechischen..., 1975, №12; Cristofani M., 2006, s. 126; Sudan..., 1996, Kat. 288; Aktseli D., 1996, s. 18–19, taf. 8.-3). Аналогичная символика могла быть закодирована и в форме рассматриваемого предмета*. Но попутно с ролью связующего звена между мирами объект фаллической формы мог иметь и другие функции. Широкий спектр данных этнографии, а также этологии высших обезьян говорят о том, что демонстрация мощного фаллоса не только акцентирует высокий социальный статус его владельца, но и является показателем физической мощи, призванной отпугнуть любого соперника. И в данном случае такой объект мог играть роль апотропея, охранителя могилы (см.: Joachim H.-E., 1974; Kimmig W., 1987, s. 291–292; Лихт Г., 2003, с. 181).

Разумеется, в настоящее время делать окончательные выводы о функциях и назначении загадочного золотого изделия из кургана Передериева Могила рано. Однако есть основания допускать, что этот несомненно ритуальный объект (и подобный ему из Курджипского кургана – ?) мог служить в качестве одной из разновидностей наверший и использоваться во время царских похорон, в ритуалах, направленных на восстановление Мирового порядка, утраченного после смерти правителя. Их смысл и содержание могли быть сходными с ритуалами установления каменных изваяний. В декоре же этого изделия, возможно, содержалась в закодированном виде информация, подтверждающая законность притязаний погребенного на верховную власть.

Библиографический список

- Алексеев А.Ю. Сцена вручения лука на аттической амфоре VI в. до н.э. // Сообщения Государственного Эрмитажа. Л.: Искусство, 1981. Вып. XLVI. С. 41–43.
- Античная скульптура из собрания Государственного музея изобразительных искусств имени А.С. Пушкина. М.: Изобразительное искусство, 1987. 231 с.
- Бессонова С.С. О культе оружия у скифов // Вооружение скифов и сарматов. Киев: Наукова думка, 1984. С. 3–21.
- Блаватский В.Д. Сцена инвеституры на карагодеуашском ритоне // Советская археология. 1974. №1. С. 38–44.
- Булава Л.А. К атрибуции золотого колпачка из Курджипского кургана // Советская археология. 1987 №1. С. 254–257.
- Грязнов М.П. Так называемые оселки скифо-сарматского времени // Исследования по археологии СССР. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1961. С. 139–144.
- Ильинская В.А. Золотая пластина с изображением скифов из коллекции Романовича // Советская археология. 1978. №3. С. 90–100.
- Легранд С. Загадочный золотой предмет из кургана Передериева Могила // Российская археология. 1998. №4. С. 89–92.
- Лихт Г. Сексуальная жизнь в Древней Греции. М.: ЗАО Центрполиграф, 2003. 430 с.
- Маразов И. К толкованию изображения на арибалле из кургана Куль-Оба // Вестник древней истории. 1988. №4. С. 103–109.
- Матющенко В.И. Некоторые новые материалы по самусьской культуре // Проблемы археологии Урала и Сибири. М.: Наука, 1973. С. 191–199.

* Есть данные, что на вершине дельфийского омфалоса находился бронзовый орел. Не объясняет ли это наличие отверстия на вершине предмета из Передериевой Могилы?

Мец Ф. Об одном сюжете аттической вазописи конца VI – начала V в. до н.э. // Вестник археологии, антропологии и этнографии. Тюмень: Изд-во ИПОС СО РАН, 2007. №8. С. 64–80.

Онайко Н.А. О сахновской пластине // Советская археология. 1984. №3. С. 18–27.

Переводчикова Е.В., Раевский Д.С. Еще раз о назначении скифских наверший // Средняя Азия и ее соседи в древности и средневековье (история и культура). М.: Наука, 1981. С. 42–52.

Раевский Д.С. Очерки идеологии скифо-сакских племен. М.: Наука, 1977. 216 с.

Раевский Д.С. Скифские каменные изваяния в системе религиозно-мифологических представлений ираноязычных народов евразийских степей // Средняя Азия, Кавказ и зарубежный Восток в древности. М.: Наука, 1983. С. 40–60.

Савостина Е.А. К символике изображения лука на Боспоре // Советская археология. 1983. №4. С. 45–50.

Хазанов А.М. Обычай побратимства у скифов // Советская археология. 1972. №3. С. 68–75.

Aktseli D. Altäre in der archaischen und klassischen Kunst: Untersuchungen zu Typologie und Ikonographie / Internationale Archäologie. Espelkamp: Verlag Marie Leidorf GmbH, 1996. 137 s., taf.

Andreae B. Skulptur des Hellenismus. München: Hirmer Verlag GmbH, 2001. 253 s.

Antiker Goldschmuck. Eine Auswahl der ausgestellten Werke. Mainz am Rhein: Verlag Philipp von Zabern, 2001. 95 s.

Arias P.E., Hirmer M. Tausend Jahre griechische Vasenkunst. München: Hirmer Verlag, 1960. 114 s., taf.

Artamonow M. Goldschatz der Skythen in der Hermitage. Prag; Leningrad: Artia, Iskusstvo, 1970. 155 s., taf.

Van den Boom H. Zur symbolischen Bedeutung des Kammes in der Vorgeschichte // Archäologisches Zellwerk: Beiträge zur Kulturgeschichte in Europa und Asien. Rahden / Westf.: Verlag Marie Leidorf GmbH, 2001. S. 181–196.

Cristofani M. Die Etrusker. Geheimnisvolle Kultur im antiken Italien. Stuttgart; Zürich: Belser Verlag, 2006. 255 s.

Die griechischen Museen. Delphi. Athen: Ekdotike Athenon S.A., 1975. 52 s.

Die unsterblichen Obelisken Ägyptens. Mainz am Rhein: Verlag Philipp von Zabern, 2000. 121 s.

Fornasier J. Amazonen. Frauen, Kämpferinnen und Städtegründerinnen. Mainz am Rhein: Verlag Philipp von Zabern, 2007. 119 s.

Gold aus Kiew. Wien: Kunsthistorisches Museum, 1993. 433 s.

100.000 Jahre Sex. Liebe und Erotik in der Geschichte. Stuttgart: Konrad Theiss Verlag GmbH, 2003/2004. 108 s.

Jahrbuch des Römisch-Germanischen Zentralmuseums Mainz. 38. Jahrgang. 1991. Teil 2. Mainz am Rhein: Verlag des Römisch – Germanischen Zentralmuseums, 1995. S. 465–823, taf.

James T. G. H. Ramses II. Der Große Pharao. Köln: Verlag Karl Müller, 2002. 320 s.

Joachim H.-E. Zur Deutung der keltischen Säulen von Pfalzfeld und Irlich // Archäologisches Korrespondenzblatt. 1974. Heft 3. S. 229–232.

Kimmig W. Eisenzeitliche Grabstelen in Mitteleuropa. Versuch eines Überblicks // Fundberichte aus Baden – Württemberg. Bd. 12. Stuttgart: E. Schweizerbart'sche Verlagsbuchhandlung (Nägele u. Obermiller), 1987. S. 251–297.

Krämer W. Der Fundort des sogenannten Ingolstädter Silberbeckers im Münchner Antiquarium // Bayerische Vorgeschichtsblätter. Jahrgang 32. München: C.H. Beck'sche Verlagsbuchhandlung, 1967. S. 23–28.

Leskov A. Grabschätzen der Adygeen. München: Hirmer Verlag, 1990. 198 s.

Metz F. Über ein Thema in der attischen Vasenmalerei Ende des VI. bis Anfang des V. Jh. v. Chr. // Jahresmitteilungen der Naturhistorischen Gesellschaft Nürnberg e. V. 2006. Nürnberg: Naturhistorische Gesellschaft, 2007. S. 85–99.

Mythen und Menschen. Griechische Vasenkunst aus einer deutschen Privatsammlung. Mainz am Rhein: Verlag Philipp von Zabern, 1997. 176 s.

Pompeji. Geschichte, Kunst und Leben in der versunkenen Stadt. Stuttgart: Belser Verlag, 2005. 416 s.

Schätze aus dem Reich der Pharaonen. Die Kostbarkeiten des Ägyptischen Museums in Kairo. Wiesbaden: White Star Verlag; 2005. 280 s.

Schefold K., Jung F. Die Urkönige, Perseus, Bellerophon, Herakles und Theseus in der klassischen und hellenistischen Kunst. München: Hirmer Verlag, 1988. 384 s.

Schefold K., Jung F. Die Sagen von den Argonauten, von Theben und Troja in der klassischen und hellenistischen Kunst. München: Hirmer Verlag, 1989. 429 s.

Schiltz V. Die Skythen und andere Steppenvölker: 8. Jahrhundert v. Chr. Bis 1. Jahrhundert n. Chr. (Universum der Kunst; Bd. 39). München: Verlag C.H. Beck, 1994. 473 s.

Sudan. Antike Königreiche am Nil. Tübingen: Ernst Wasmuth Verlag GmbH & Co., 1996. 425 s.

The Golden Deer of Eurasia: Scythian and Sarmatian Treasures from the Russian Steppes. N. Y.: Yale University Press, 2000. 303 p.

В.П. Семибратов, С.С. Матренин

Алтайский государственный университет, Барнаул

ИССЛЕДОВАНИЕ ПОГРЕБАЛЬНЫХ И ПОМИНАЛЬНЫХ ПАМЯТНИКОВ ТЮРКСКОЙ КУЛЬТУРЫ В ЗОНЕ СТРОИТЕЛЬСТВА АЛТАЙСКОЙ ГЭС В 2007 г.

Территория Северного Алтая на сегодняшний день в археологическом отношении изучена неравномерно. Наиболее хорошо исследованным является участок долины так называемой Средней Катунь, где начиная с 1980-х гг. проводятся систематические археологические изыскания различными научными учреждениями Барнаула, Горно-Алтайска и Новосибирска. Полученные в данном регионе материалы широко использовались для разработки культурно-хронологических схем, реконструкции этнокультурной и социальной истории, военного дела, мировоззрения населения Алтая от каменного века до средневековья. Это нашло отражение в целом ряде диссертаций и монографий сотрудников Алтайского государственного университета (Тишкин А.А., 1996, 2006, 2007; Кирюшин Ю.Ф., Тишкин А.А., 1997; Горбунов В.В., 2000, 2003, 2006а–б; Семибратов В.П., 2000; Степанова Н.Ф., 2000; Кирюшин Ю.Ф., Степанова Н.Ф., Тишкин А.А., 2003; Тишкин А.А., Дашковский П.К., 2003; Кирюшин Ю.Ф., Степанова Н.Ф., 2004; Кирюшин К.Ю., 2004; Тишкин А.А., Горбунов В.В., 2005; Матренин С.С., 2005; Эпоха энеолита и бронзы..., 2006; Суразаков А.С., Тишкин А.А., 2007; Кирюшин К.Ю., Кирюшин Ю.Ф., 2007; и др.). Среди имеющихся археологических источников пока достаточно слабо опубликованными остаются материалы эпохи средневековья, количество которых за последнее десятилетие увеличилось. В этой связи большую значимость приобретает издание результатов раскопок всех памятников данного периода, как уже давно известных, так и недавно изученных.

В июле–сентябре 2007 г. в ходе выполнения аварийных работ в зоне створа предполагаемой Алтайской ГЭС, к югу от с. Еланда (Чемальский район Республики Алтай), Катунской археологической экспедицией АлтГУ были произведены раскопки нескольких погребальных и поминальных объектов раннего средневековья на памятниках Бике-IV и Чобурак-I, расположенных на правом берегу Катунь (Кирюшин Ю.Ф. и др., 2007). В настоящей публикации представлена характеристика материалов, полученных из данных пунктов.

Бике-IV. Могильник находится в 5 км к юго-востоку от с. Еланда, в 1,5 км ниже устья р. Бийке, в 200 м к северу от некрополя Бике-III (Кубарев В.Д., 2001; Кубарев Г.В., 2005, табл. 147). Он состоит из шести каменных курганов и одной выкладки на

третьей террасе Катуня, рядом с горой, локализованных в основном цепочкой с юго-востока на северо-запад. В начале 1990-х гг. Алтайской экспедицией ИАЭТ СО РАН на этом памятнике был вскрыт курган бийкенской культуры (Кубарев В.Д. и др., 1992, с. 48).

К эпохе средневековья принадлежал раскопанный нами курган №1. Он располагался к востоку от самого крупного на этом могильнике погребального сооружения раннескифского времени. Курган имел задернованную мощную полусферическую насыпь, в центре которой отчетливо просматривалась грабительская воронка. После зачистки выявлена насыпь размерами 10x10,25 м, высотой от уровня древнего горизонта 0,75 м, сложенная преимущественно из рваных булыжников (рис. 1.-1). При ее разборке по внешнему краю зафиксирована кольцевая крепида размерами 7,3x6,65 м из массивных каменных глыб. В пределах кольца располагалась могильная яма овальной формы размерами 3,12x2 м, глубиной до 1,1 м, ориентированная продольной осью по линии ЮЗ–СВ (рис. 1.-2). Внутри ямы на отметках 0,65–1,05 м находилось разрушенное погребение в сопровождении двух лошадей (рис. 2.-1). В северной половине могилы обнаружена бедренная кость и фрагменты таза женщины. Животные размещались в южной части ямы и были уложены на живот, частично опираясь на «перегородку» из установленных на ребро плоских каменных плит. Для одной лошади установлена ориентация головой на юго-запад, лицевой частью в восточный сектор. После вынимания скелетов животных у северо-западной стенки ямы расчищен разрушенный костяк ребенка (рис. 2.-1). В своем большинстве его кости были в сочленении (череп, позвонки, длинные кости). Это, вероятно, связано с тем, что захоронение было потревожено еще в древности. Можно предположить, что ребенок первоначально лежал в северной части могилы, рядом с женщиной, вытянуто на спине, и был ориентирован головой на северо-восток. Несмотря на ограбление, в погребении найдены предметы конского снаряжения: два железных стремени, три железных обкладки от деревянной основы седла, одна железно-роговая подпружная пряжка (рис. 2.-2–4). Все эти вещи зафиксированы в проекции тазовых костей животных. Кроме того, на нижней челюсти ребенка и нескольких фалангах пальцев прослежены окислы бронзы от украшений.

Чобурак-I. Группа погребальных и ритуальных сооружений находится в 3,4 км к югу-юго-востоку от устья р. Тыткескень, к юго-западу от одноименного ручья. Памятник открыт в 1980 г., включен в отчет Н.Ф. Степановой и первоначально обозначен как могильник Еланда-II. В 1988–1990-х гг. исследования в этом пункте проводил А.П. Бородовский (1994), который дал ему название по ближайшему гидрониму (р. Чобурак), закрепившееся впоследствии в литературе. Осмотр памятника в 2007 г. показал, что количество объектов превышает ранее зафиксированное, при этом не все из них соответствуют определениям до раскопок (курган, кладка, ограда). В этой связи нами был снят новый тахеометрический план со сквозной нумерацией для разных типов построек и сохранением нумерации для ранее изученных конструкций. Раскопкам подвергнуто 12 ритуальных оградок тюркской культуры (шесть квадратных и шесть кольцевых) в разных частях данного комплекса.

Ограда №6 (рис. 3). Одиночный объект на восточном участке могильного поля (согласно плану А.П. Бородовского – курган №4), представлявший собой до раскопок сильно задернованную каменную конструкцию подквадратной формы размерами 5x3,5 м из рваных плит и гальки. После расчистки внутри ограды отчетливо прослеживалось прямоугольное сооружение размерами 2,75x2,5 м, основу которого составляли

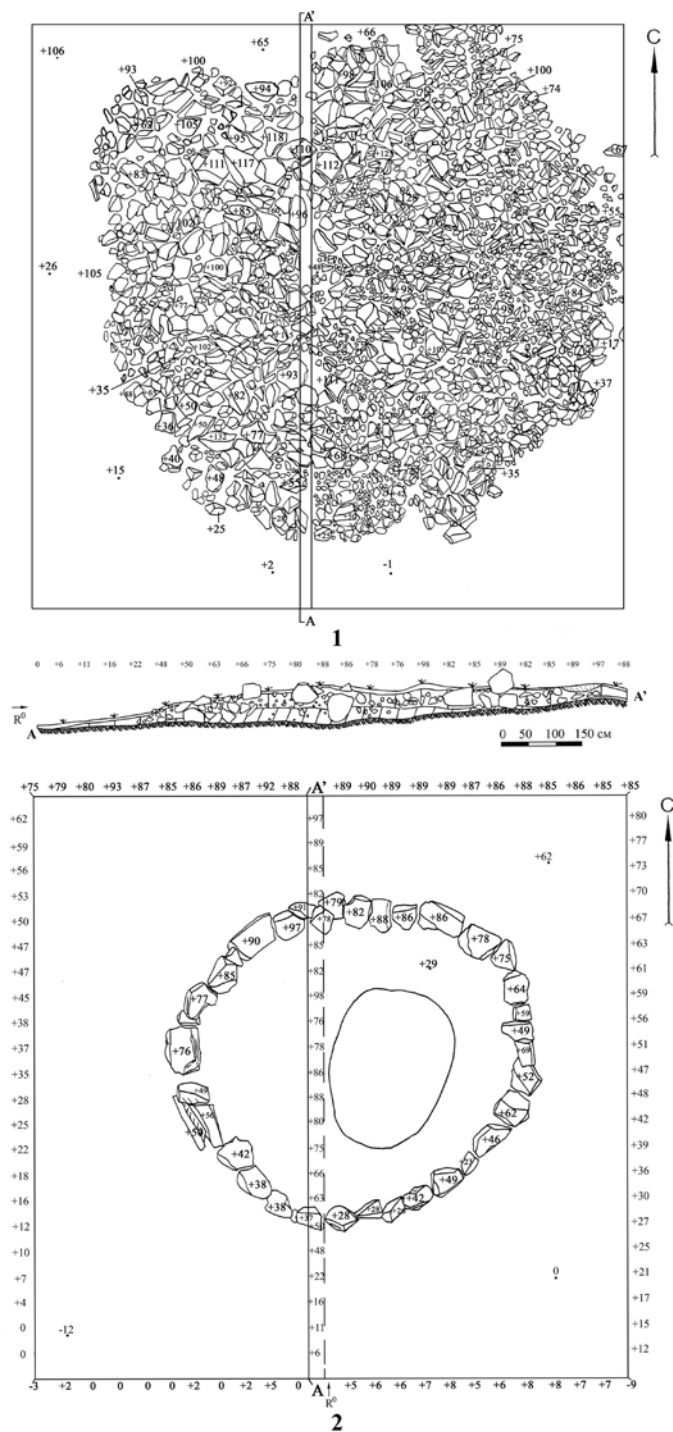

Рис. 1. Бике-IV, курган №1: 1 – план и разрез насыпи; 2 – план кольцевой крепиды

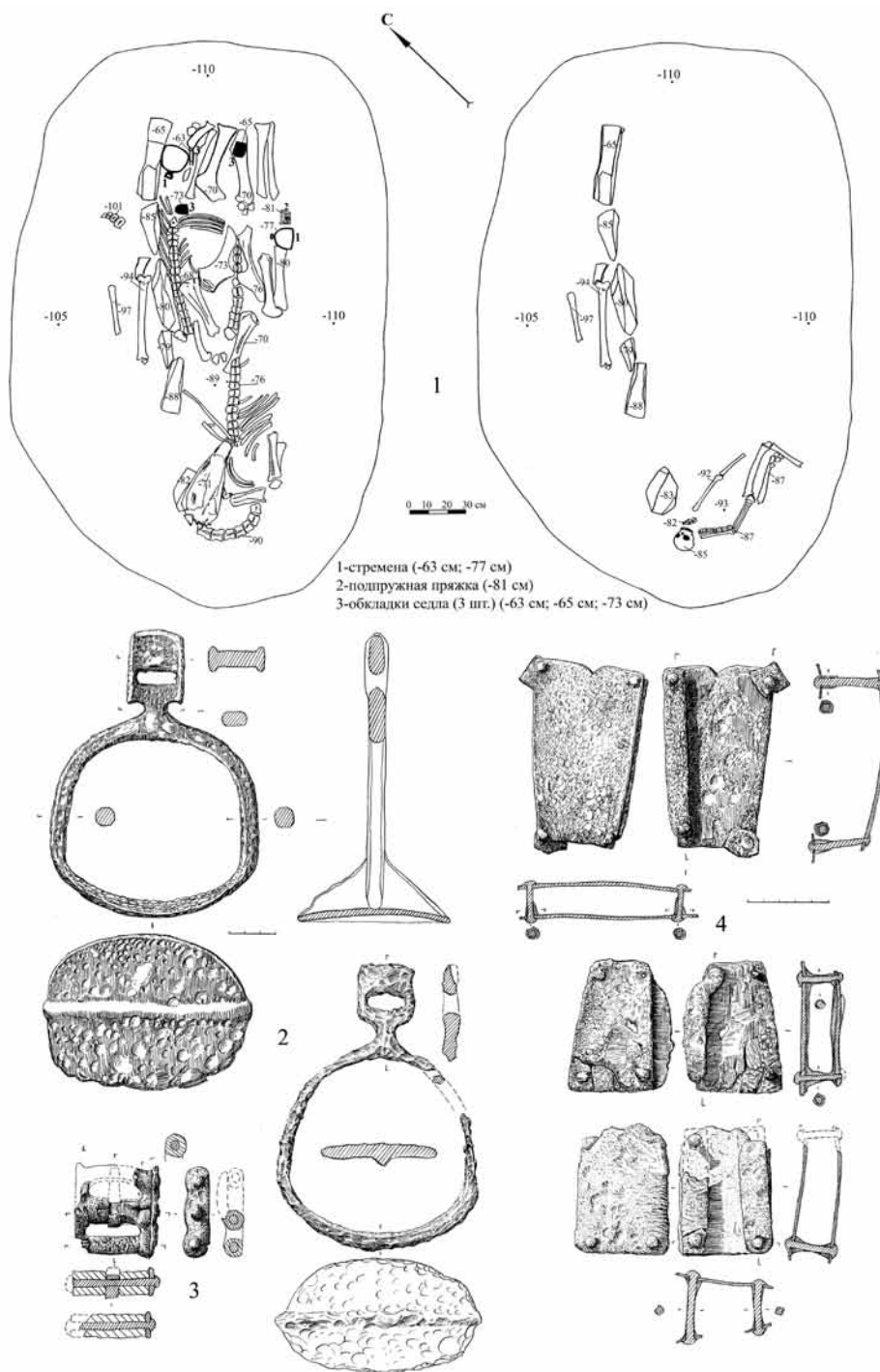

Рис. 2. Бике-IV, курган №1: 1 – план захоронения и обнаруженный в нем сопроводительный инвентарь; 2 – стремена; 3 – подпружная пряжка; 4 – обкладки лука седла

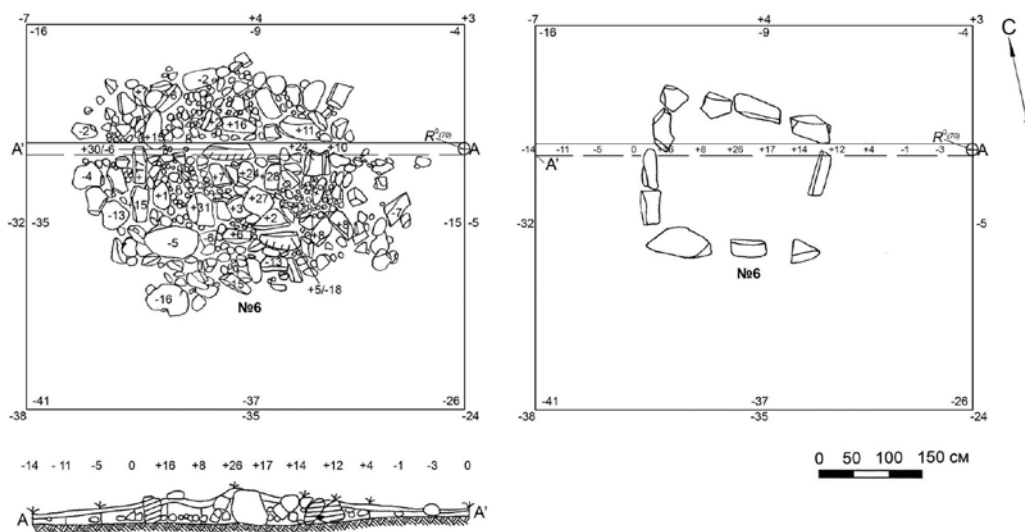

Рис. 3. Чобурак-I. Ограда №6

стенки из поставленных на ребро или уложенных плашмя плит, ориентированные по сторонам горизонта с небольшими отклонениями. Высота объекта от уровня древнего горизонта составила 0,4 м. С внешней стороны стенки ограда были забутованы более мелкими рваными камнями и галькой. Внутренняя часть объекта заполнена средними по размерам рваными камнями вперемежку с гумусированным грунтом. После удаления камней и зачистки этого пространства никаких дополнительных конструкций и археологических находок не обнаружено.

Ограды №7 и 8 (рис. 4). Рядом стоящие подквадратные сооружения, расположенные цепочкой с юга-юго-запада на север-северо-восток, располагались в 9,45 м к югу-юго-западу от ограды №6. После снятия дерна и зачистки выявлены каменные конструкции прямоугольной формы размерами соответственно 4,25x2,5 и 3,7x2,75 м, внутри которых хорошо просматривались массивные подработанные плиты (длиной 0,75–1,25 м), образующие стенки. С внешней и внутренней стороны они были забутованы более мелкими рваными камнями и галькой.

Ограда №7 имела размеры 3x2,2 м, высоту от уровня древнего горизонта 0,35–0,4 м. От первоначальной конструкции сохранилось шесть крупных плит, установленных на ребро. Ограда была ориентирована углами по сторонам горизонта. С ее восточной стороны обнаружена поваленная стена. После выборки заполнения из внутренней части в центре оградки зафиксирована яма диаметром 0,5 м, глубиной 0,48 м. Археологический материал в ней отсутствовал.

Ограда №8 после расчистки и удаления внешней забутовки представляла собой квадратное сооружение размерами 2,8x2,72 м, высотой от уровня древнего горизонта 0,4 м, ориентированное углами по сторонам горизонта. Стенки устроены из шести массивных сланцевых плит, установленных на ребро, и двух крупных рваных булыжников, уложенных плашмя. С восточной стороны вплотную к ограде находился вертикально

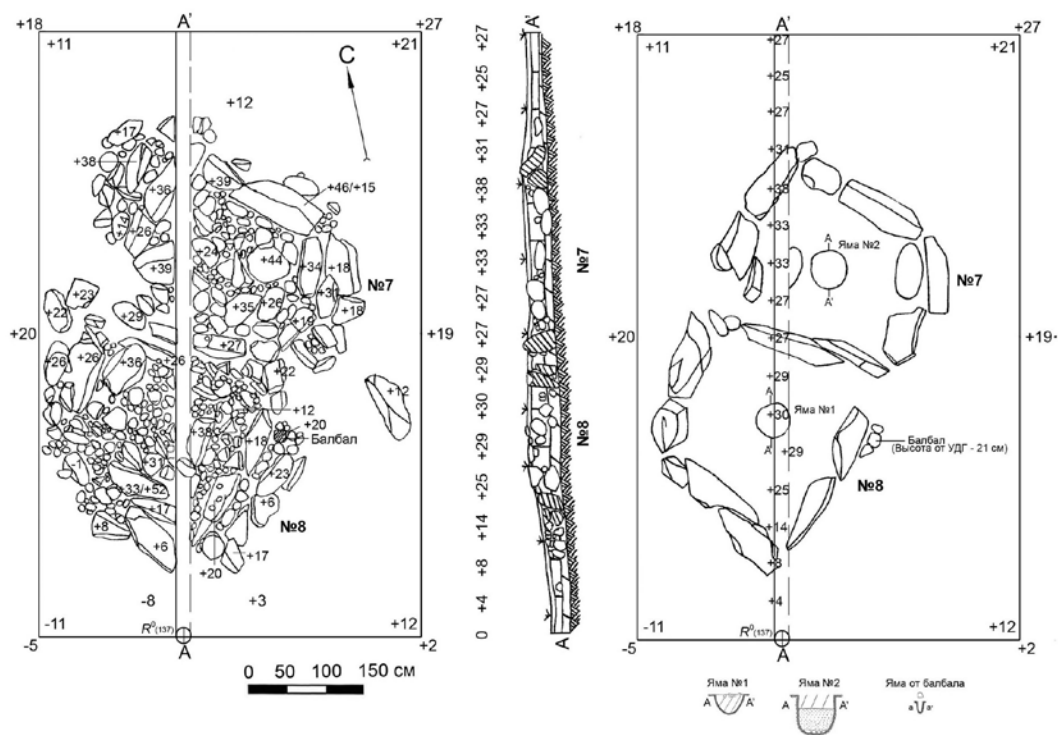

Рис. 4. Чобурак-I. Ограды №7 и 8

вкопанный балбал высотой 0,21 м от уровня древнего горизонта. В 1,5 м к востоку от объекта обнаружена плоская плита, являвшаяся, скорее всего, поваленной стелой. Внутреннее пространство ограды заполнено мелкой галькой и рваными камнями с включениями земляного грунта. После удаления камней и грунта в центре сооружения исследована яма диаметром 0,48 м, глубиной 0,35 м. Археологический материал в ней не обнаружен. При контрольном перекопе других конструкций и находок не зафиксировано.

Ограды №9 и 10 (рис. 5). Рядом стоящие ритуальные постройки подчетыреугольной формы, выстроенные цепочкой по линии ЮЗ–СВ в 14,4 м к югу от предыдущей пары сооружений.

Ограда №9 после зачистки имела размеры 3,45x3,15 м. После удаления мелких камней выявлена конструкция размерами 2,4x2,75 м, высотой от уровня древнего горизонта 0,35–0,4 м, направленное длинной осью по линии ЮЗ–СВ. Стенки ограды были из относительно небольших (до 0,5 м) рваных камней и плоских плит, уложенных плашмя, в некоторых местах в два слоя. Сооружение ориентировано углами по сторонам горизонта. Рядом с северным углом ограды собраны мелкие фрагменты керамики и отдельные кости лошади (зубы, фрагмент нижней челюсти). К востоку от сооружения зафиксировано основание сломанной стелы. В центре ограды находилась яма диаметром 0,55 м, глубиной от уровня древнего горизонта 0,43 м. В ней ничего не обнаружено. Еще одна яма диаметром 0,25 м, глубиной 0,18 м располагалась с внешней стороны объекта, в 0,25 м от западного угла. В этой яме сохранились фрагменты деревянного столбика плохой сохранности.

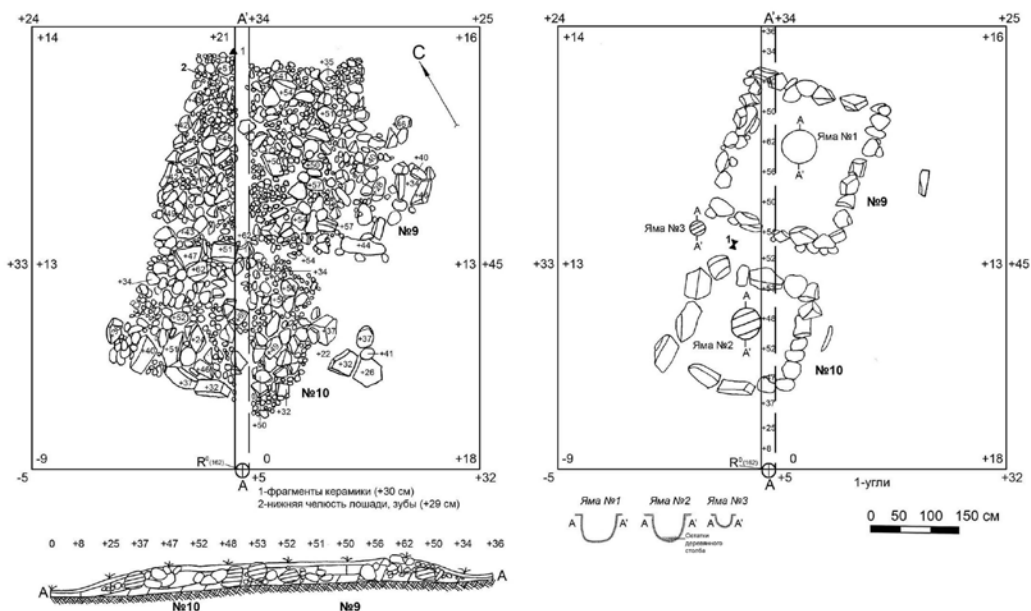

Рис. 5. Ограды №9 и 10

Ограда №10 после зачистки представляла собой каменную кладку размерами 3х2,8 м. При разборке мелкой галечной забутовки по периметру сооружения выявлена конструкцию размерами 2,25х2,25 м из относительно небольших плоских камней, уложенных плашмя. Сооружение находилось в 0,5 м к югу от ограды №9 (в этом пространстве найдено несколько углей) и было ориентировано углами по сторонам горизонта. К востоку от ограды зафиксирована вкопанная в землю плита высотой до 0,2 м, а также вертикально установленная галька, обложенная небольшими плоскими плитками. Каких-либо находок под ними не обнаружено. Внутренняя площадь ограды забутована галькой и рваными камнями вперемежку с земляным грунтом мощностью до 0,4 м. В центре ограды выбрана яма диаметром 0,56 м, глубиной от уровня древнего горизонта 0,45 м с остатками деревянного столба плохой сохранности. Других внутриоградных конструкций и находок не выявлено.

Ограда №11 (рис. 6) исследована в северной части памятника ближе к горе, к западу от кладки №1, раскопанной А.П. Бородовским (1994, рис. 1) в 1989 г. После расчистки выявлено квадратное сооружение размерами 2,8х2,9 м, высотой 0,22 м от уровня погребенной почвы, ориентированное углами по сторонам горизонта. Стенки ограды были изготовлены из тонких подработанных плит и плоских галек длиной до 0,5 м, установленных на ребро и немного заглубленных в грунт. Внутренняя часть ограды заполнена галькой и щебнем. В разных местах засыпки найдены угли, а рядом с северо-восточной стенкой – зубы лошади. После удаления внутренней забутовки обнаружено две ямы, одна из которых (№1) размерами 0,6х0,56 м, глубиной 0,3 м располагалась в центре, а другая (№2) размерами 0,6х0,47 м, глубиной 0,1 м, – у юго-западной стенки. Археологический материал в них отсутствовал.

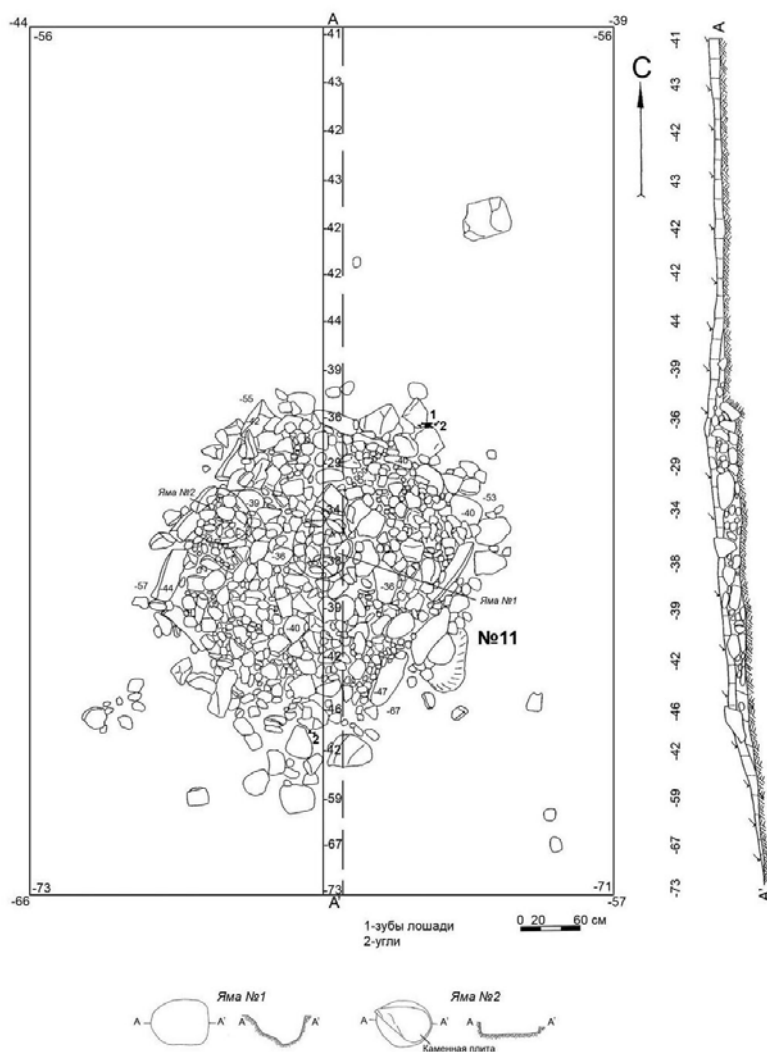

Рис. 6. Чобурак-I. Ограда №11

В западной части памятника изучено четыре рядом стоящих кольцевых ограды №15–18 (рис. 7). Они входили в состав цепочки, вытянутой с юга-юго-запада на север-северо-восток, к западу от самого крупного кургана на этом погребально-поминальном комплексе. По особенностям конструкции данные объекты совершенно одинаковые. До раскопок это были полусферические насыпи диаметром до 5,2 м, высотой не более 0,5 м, главным образом из рваного камня. После удаления мелких камней по периметру и из внутренней части насыпей зафиксированы ограды круглой и овальной формы размерами 2–3,25 м, в некоторых случаях с двухслойной кладкой. В ограде №15 сразу под камнями обнаружено современное захоронение жеребенка на правом боку, ориентированного головой на север. Каких-либо ям и находок внутри сооружений и за их пределами не выявлено.

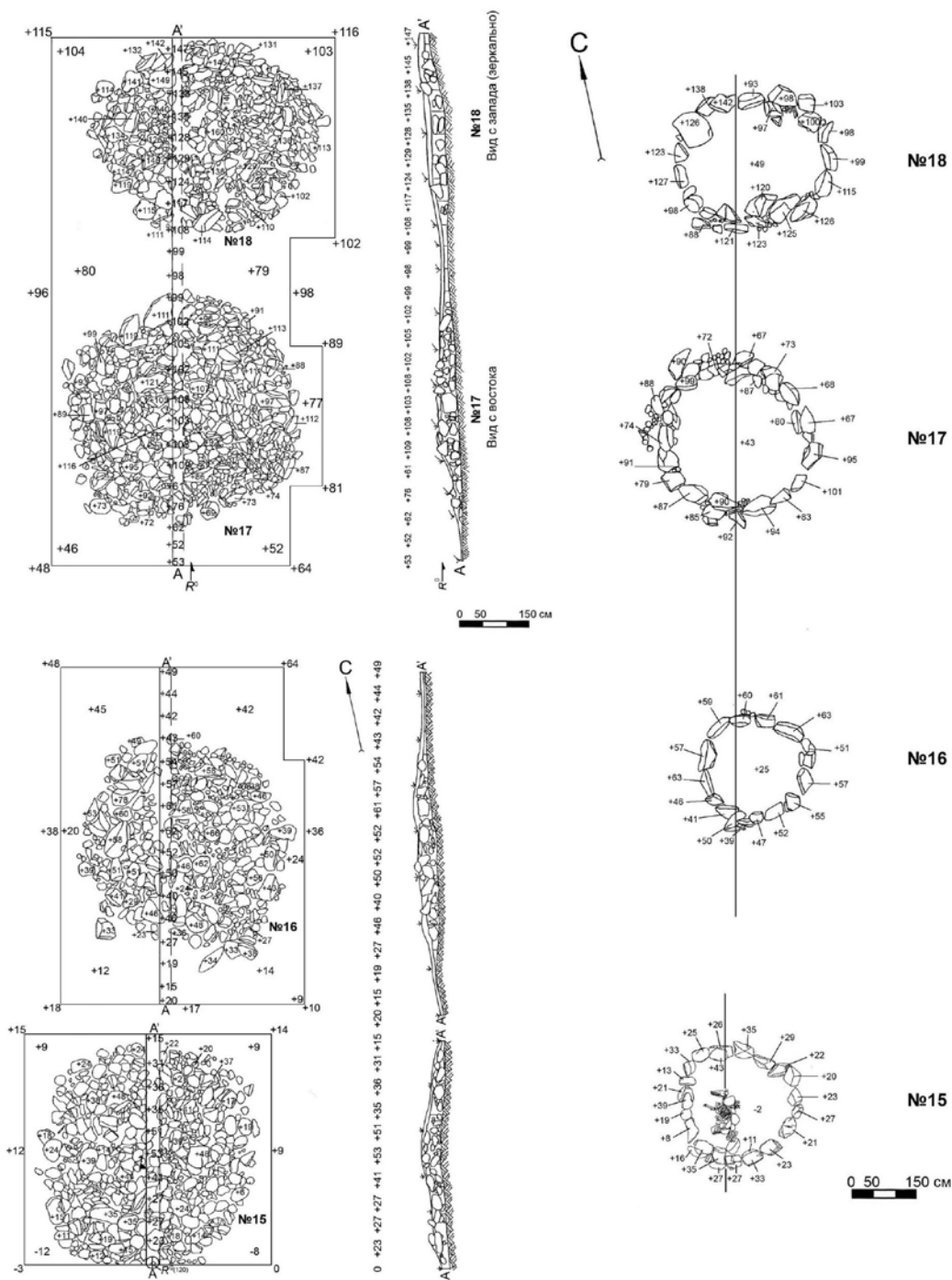

Рис. 7. Чобурак-I. Ограда №15–18

Еще две кольцевых рядом стоящих ограды (№21 и 22) изучены в 5,6 м к северу от ограды №11. По своему устройству и параметрам (диаметр 3–3,3 м, высота 0,3–0,5 м) они аналогичны предыдущей группе сооружений (рис. 8). Отличие состояло в том, что данные объекты располагались в линию с юго-востока на северо-запад. Кроме того, с северо-западной стороны ограды №21 находилась наклонно стоящая стела, высотой 0,85 м. Дополнительные внутриоградные конструкции и какие-либо археологические находки в них также не встречены.

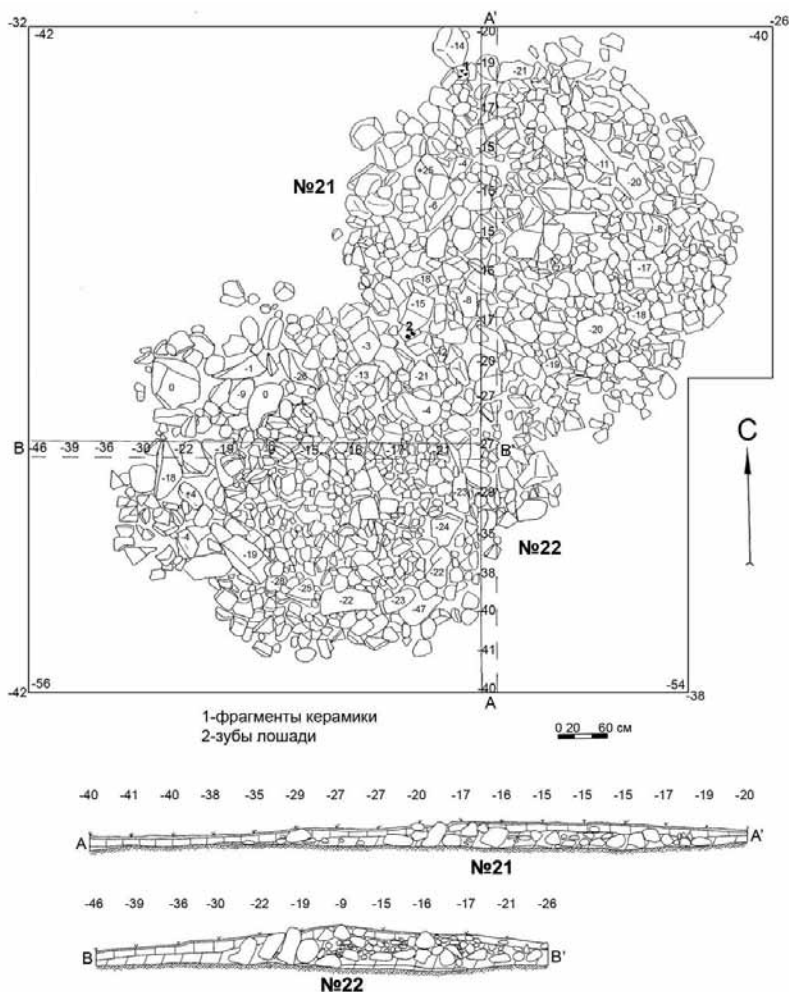

Рис. 8. Чобурак-I. Ограды №21–22

Исследованные погребальные и поминальные памятники, безусловно, принадлежат к тюркской археологической культуре. Ближайшие ранее изученные захоронения тюрков на правобережье Катуня происходят из некрополей Бике-I и Усть-Бийке-III (Кубарев В.Д., Киреев С.М., Черемисин Д.В., 1990, с. 54–58; Кубарев Г.В., 2005, табл. 147; Тишкин А.А., Горбунов В.В., 2005, с. 35, 58–70). Большая мощность насыпи раско-

панного нами кургана на могильнике Бике-IV, а также окислы бронзы на костях могут указывать в пользу высокого социального статуса покойных. Среди обнаруженного немногочисленного сопроводительного инвентаря интерес представляют находки железных изделий, являющихся обкладками деревянной основы седла. Длина центральной обкладки с резным верхним краем составляет 11 см, ширина в верхней части – 6,8 см, в нижней – 4,8 см. Две другие (концевые – ?) имели длину до 8 см, максимальную ширину 5,2 см. С оборотной стороны каждой обкладки располагалось по четыре штифта и две узкие пластины. Расстояние между лицевой и тыльной сторонами обкладок варьирует от 1,8 см до 3,2 см, что свидетельствует об их фиксации на толстую деревянную основу. Установить точное место крепления найденных предметов к деревянному каркасу невозможно по причине разрушенности захоронения. Точные аналогии таким обкладкам отсутствуют. Тем не менее в погребениях тюрок Саяно-Алтая иногда встречаются железные дугообразные оковки, повторяющие своей формой контур передней луки седла (Овчинникова Б.Б., 1990, рис. 45.-8, 9; Кубарев Г.В., 2005, с. 127). Данный элемент оформления лук седел часто встречается у тюркоязычных кочевников Саяно-Алтая в VIII–X вв. (Кубарев Г.В., 2005, с. 127).

Своеобразной по конструкции является подпружная пряжка с подвижным язычком. Она имела железную основу, помещенную в роговую оправу. Похожая по оформлению пряжка зафиксирована в Кузнецкой котловине в погребении конца X–XII вв. (Илюшин А.М., 1997, рис. 26.-4, с. 53). Что касается стремян, то близкие по морфологическим признакам элементы экипировки всадника составляют довольно массовую категорию находок на Саяно-Алтае. Они появляются уже с конца катандинского этапа (2-я половина VII – 1-я половина VIII вв.) тюркской культуры (Гаврилова А.А., 1965, табл. XXI.-54; Неверов С.В., 1998, с. 147; Кубарев Г.В., 2005, с. 131, рис. 37).

Опираясь на сравнение всего набора полученного инвентаря с имеющимися датированными комплексами, содержащими прежде всего железные обкладки седел (Овчинникова Б.Б., 1990, рис. 45.-8, 9; Кубарев Г.В., 2005, с. 127), время возведения кургана №1 на могильнике Бике-IV следует определить не ранее VIII в. н.э. Предварительно данный памятник можно датировать туэктинским этапом (2-й половина VIII – 1-я половина IX вв.) развития тюркской общности (Тишкин А.А., Горбунов В.В., 2005, с. 162). Для уточнения хронологии исследованного кургана был произведен отбор образцов для радиоуглеродного анализа.

Относительно хронологии ритуальных объектов, раскопанных на памятнике Чобурак-I, выскажем следующее. Кольцевые рядом стоящие оградки №15–18, 21, 22 встречаются на раннетюркских комплексах Горного Алтая (Кара-Коба-I, Верх-Чепеш-I, Чендек, Биченег, Ороктой-эке и др.) (Васютин А.С., 1983, с. 115; Соенов В.И., Эбель А.В., 1992, с. 19; Могильников В.А., 1994, с. 94–116, 257–280; Бородовский А.П., 2001, с. 176–179; Худяков Ю.С., 2001, с. 124–130; Худяков Ю.С., Борисенко А.Ю., Кыпчакова К.Ы., 2001, 2002, 2003), датировка некоторых из них уверенно определяется в рамках 2-й половины V–VI вв. (Могильников В.А., 1994, с. 100; Горбунов В.В., Тишкин А.А., 2002, с. 178–179; Матренин С.С., Сарафанов Д.Г., 2006, с. 207, 215). Исследованные нами кольцевые сооружения, очевидно, также относятся к обозначенному временному отрезку. Хронологию подквадратных оградок №6–11 можно установить пока в пределах 2-й половины V–X вв. Данные объекты принадлежат к наиболее многочисленным типам ритуальных построек тюрок Горного Алтая (Матренин С.С., Сарафанов Д.Г., 2006, с. 208–209, табл. 1).

Таким образом, исследованные Катунской экспедицией АлтГУ в 2007 г. погребальные и поминальные памятники расширяют серию археологических источников по эпохе раннего средневековья. Комплексное изучение этих материалов с учетом продолжения полевых работ на правобережье Катуня предоставит новые возможности для реконструкции этнокультурных процессов в тюркское время в Северном Алтае, а также уточнения хронологии ряда памятников.

Библиографический список

- Бородовский А.П. Исследование одного из погребально-поминальных комплексов древнетюркского времени на Средней Катуня // Археология Горного Алтая. Барнаул, 1994. С. 75–82.
- Бородовский А.П. Позднетюркский поминальник на нижней Катуня // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Барнаул, 2001. Вып. XII. С. 176–179.
- Васютин А.С. К истории исследования ритуальных памятников в Горном Алтае // Археология Южной Сибири. Кемерово, 1983. С. 113–117.
- Гаврилова А.А. Могильник Кудыргэ как источник по истории алтайских племен. М.; Л., 1965. 144 с.
- Горбунов В.В. Оборонительное вооружение населения Лесостепного и Горного Алтая в III–XIV вв. н.э.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Барнаул, 2000. 25 с.
- Горбунов В.В. Военное дело населения Алтая в III–XIV вв. Ч. I: Оборонительное вооружение (доспех). Барнаул, 2003. 174 с.: ил.
- Горбунов В.В. Военное дело средневекового населения Алтая (III–XIV вв. н.э.): Автореф. дис. ... докт. ист. наук. Барнаул, 2006а. 55 с.
- Горбунов В.В. Военное дело населения Алтая в III–XIV вв. Ч. II: Наступательное вооружение (оружие). Барнаул, 2006б. 232 с.
- Горбунов В.В., Тишкин А.А. Алтай как регион формирования тюркского этноса // Учение Л.Н. Гумилева и современность. СПб., 2002. С. 174–180.
- Илюшин А.М. Курган-кладбище в долине р. Касьмы как источник по средневековой истории Кузнецкой котловины. Кемерово, 1997. 119 с.
- Кирюшин К.Ю. Культурно-хронологические комплексы поселения Тыткескень-2: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Новосибирск, 2004. 23 с.
- Кирюшин К.Ю., Кирюшин Ю.Ф. Культурно-хронологические комплексы поселения Тыткескень-2 (итоги работ 1988–1994 гг.). Барнаул, 2007. 335 с.
- Кирюшин Ю.Ф., Сембратов В.П., Матренин С.С., Грушин С.П., Кирюшин К.Ю., Шмидт А.В. Исследования погребальных и поминальных комплексов в зоне строительства Алтайской ГЭС в 2007 году // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск, 2007. Т. XIII. С. 273–277.
- Кирюшин Ю.Ф., Степанова Н.Ф. Скифская эпоха Горного Алтая. Ч. III: Погребальные комплексы скифского времени Средней Катуня. Барнаул, 2004. 292 с.
- Кирюшин Ю.Ф., Степанова Н.Ф., Тишкин А.А. Скифская эпоха Горного Алтая. Ч. II: Погребально-поминальные комплексы пазырыкской культуры. Барнаул, 2003. 234 с.
- Кирюшин Ю.Ф., Тишкин А.А. Скифская эпоха Горного Алтая. Ч. I: Культура населения в раннескифское время. Барнаул, 1997. 232 с.: ил.
- Кубарев Г.В. Культура древних тюрков Алтая (по материалам погребальных памятников). Новосибирск, 2005. 400 с.
- Кубарев В.Д., Киреев С.М., Черемисин Д.В. Курганы урочища Бике // Археологические исследования на Катуня. Новосибирск, 1990. С. 43–95.
- Кубарев В.Д., Худяков Ю.С., Бородовский А.П., Черемисин Д.В., Мыльников В.П. Археологические исследования на Средней Катуня // ALTAICA. 1992. №1. С. 43–49.
- Кубарев В.Д. Бике-I, III: погребальные памятники скифской эпохи Средней Катуня // Древности Алтая: Известия лаборатории археологии. Горно-Алтайск, 2001. №7. С. 120–145.
- Матренин С.С. Социальная структура населения Горного Алтая хунно-сяньбийского времени (по материалам погребальных памятников булан-кобинской культуры II в. до н.э. – V в. н.э.): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Барнаул, 2005. 24 с.

Матренин С.С., Сарафанов Д.Г. Классификация оградок тюркской культуры Горного Алтая // Изучение историко-культурного наследия народов Южной Сибири. Горно-Алтайск, 2006. Вып. 3, 4. С. 203–218.

Могильников В.А. Культовые кольцевые оградки и курганы Кара-Коба-I // Археологические и фольклорные источники по истории Алтая. Горно-Алтайск, 1994. С. 94–116, 257–280.

Неверов С.В. Стремена Верхнего Приобья // Снаряжение верхового коня на Алтае в раннем железном веке и средневековье. Барнаул, 1998. С. 129–151.

Овчинникова Б.Б. Тюркские древности Саяно-Алтая в VI–X вв. Свердловск, 1990. 223 с.

Семибратов В.П. Раннеголоценовые комплексы среднего течения реки Катунь: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Барнаул, 2000. 24 с.

Соенов В.И., Эбель А.В. Курганы гунно-сарматской эпохи на Верхней Катуни. Горно-Алтайск, 1992. 116 с.

Степанова Н.Ф. Погребальные комплексы скифского времени Средней Катуни: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Барнаул, 2000. 26 с.

Суразаков А.С., Тишкин А.А. Археологический комплекс Кызык-Телань-I в Горном Алтае и результаты его изучения. Барнаул, 2007. 232 с.

Тишкин А.А. Культура населения Центрального и Северо-Западного Алтая в раннескифское время: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Барнаул, 1996. 28 с.

Тишкин А.А. Алтай в эпоху поздней древности, раннего и развитого средневековья (культурно-хронологические концепции и этнокультурная история): Автореф. дис. ... докт. ист. наук. Барнаул, 2006. 54 с.

Тишкин А.А. Создание периодизационных и культурно-хронологических схем: исторический опыт и современная концепция изучения древних и средневековых народов Алтая. Барнаул, 2007. 356 с.

Тишкин А.А., Горбунов В.В. Комплекс археологических памятников в долине р. Бийке (Горный Алтай). Барнаул, 2005б. 200 с. + вкл.

Тишкин А.А., Дашковский П.К. Социальная структура и система мировоззрений населения Алтая скифской эпохи. Барнаул, 2003. 430 с.

Худяков Ю.С. Раскопки поминальных сооружений в долине реки Ороктой // Древности Алтая. Горно-Алтайск, 2001. №6. С. 124–131.

Худяков Ю.С., Борисенко А.Ю., Кыпчакова К.Ы. Изучение древнетюркских поминальных комплексов в бассейне р. Эдиган // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск, 2001. Т. VII. С. 456–470.

Худяков Ю.С., Борисенко А.Ю., Кыпчакова К.Ы. Продолжение раскопок поминальника Биченег // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск, 2002. Т. VIII. С. 479–483.

Худяков Ю.С., Борисенко А.Ю., Кыпчакова К.Ы. Раскопки поминальника Биченег в 2003 г. // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск, 2003. Т. IX, ч. I. С. 510–515.

Эпоха энеолита и бронзы Горного Алтая / А.П. Погожева, М.П. Рыкун, Н.Ф. Степанова, С.С. Тур. Барнаул, 2006. Ч. I. 234 с.

ЗАРУБЕЖНАЯ АРХЕОЛОГИЯ

А.А. Тишкин, Б. Нямдорж, Н.Н. Серегин, Ч. Мунхбаяр

*Алтайский государственный университет, Барнаул;
Ховдский государственный университет, Ховд (Монголия)*

ПЛАНОВЫЕ АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ОБСЛЕДОВАНИЯ В ДОЛИНЕ БУЯНТА (ЗАПАДНАЯ МОНГОЛИЯ)

В настоящее время территория Ховдского аймака Монголии является в археологическом отношении одним из наименее изученных регионов Центральной Азии, хотя интерес к ней обозначился уже во 2-й половине XIX в. – начале XX в. В ходе экспедиций исследователи (В.В. Радлов, Г.Н. Потанин, Н.М. Ядринцев, И.Г. Гранэ и др.) фиксировали древние и средневековые памятники и интерпретировали их в рамках знаний того времени. Определенные результаты были получены во 2-й половине XX в. – в период работы Советско-Монгольской историко-культурной экспедиции (СМИКЭ), материалы полевых изысканий которой отражены в статьях и в монографиях В.В. Волкова, Э.А. Новгородовой, С.Г. Кляшторного и др. Археологическое изучение Ховдского аймака имеет небольшую историю, что изложено в монографиях Б. Батмөнха (2000, 2008).

В течение последних нескольких лет на территории соседнего Баян-Ульгийского аймака проводят работы совместные экспедиции разных государств Евразии. В них активно участвуют специалисты из Института археологии и этнографии СО РАН. Следует отметить крупные исследования в области изучения наскальных рисунков. Полученные результаты опубликованы в России, Монголии, Франции, США, Германии и других странах. Ранее в указанном регионе целенаправленно работали специалисты Института истории АН МНР и другие исследователи (Турбат Ц., 2008). Кроме всего, с 2005 г. в Баян-Ульгийском аймаке систематические обследования и раскопки проводятся Институтом исследования Монгольского Алтая (г. Улан-Батор) в рамках проекта «Историко-археологические памятники западной части Монгольского Алтая». В результате обнаружено около 10 тыс. памятников (Цоохуу Х., Турбат Ц., 2007; Турбат Ц., 2008). С 2008 г. такие работы по проекту стали планомерно осуществляться и в Ховдском аймаке. Они проводятся главным образом монгольскими специалистами из Улан-Батора. В мероприятиях по выявлению и фиксации археологических памятников участвуют представители Алтайского, Томского и Ховдского университетов. Важность археологического изучения Ховдского аймака заключается в том, что данный регион является своеобразным связующим звеном для нескольких культурно-исторических миров и может рассматриваться в качестве полигона для решения целого ряда проблем, касающихся взаимодействий народов в древности и средневековье на территории Азии.

Полевые исследования в Монголии, осуществленные Буянтской российско-монгольской археологической экспедицией Алтайского и Ховдского университетов в 2008 г., проводились в основном в долине Буянта, на левом и правом берегу реки, к юго-западу от г. Ховда. Они являются продолжением ранее начатых работ (Тишкин А.А., 2006, 2007; Тишкин А.А. и др., 2006). Географически изучаемая территория приурочена к восточным отрогам Монгольского Алтая. Долина реки на обследованном

почти тридцатикилометровой территории представляет собой широкую равнину, обрамленную невысокими хребтами и одиночными горками. В 2008 г. изыскания осуществлялись в три этапа (весной, летом и осенью). В них принимали участие все российские и монгольские участники проекта РГНФ–МинОКН Монголии «Комплексное изучение археологических памятников в долине р. Буянт (Западная Монголия)» (№08-01-92073е/G), а также приглашенные специалисты из России. Отдельно отметим участие студентов, магистрантов и аспирантов Алтайского государственного университета (г. Барнаул, Россия) и Ховдского государственного университета (г. Ховд, Монголия).

В мае 2008 г. долина р. Буянт осматривалась с целью выявления максимального количества археологических объектов на определенной площади. Для выяснения геоморфологических особенностей и обнаружения памятников заранее изучались космические снимки, размещенные в Интернете. Это позволило целенаправленно осуществлять запланированную работу, экономя время. Фиксация выявленных археологических комплексов производилась с помощью GPS-навигатора, а также в ходе инструментальной съемки. Все обнаруженные объекты сфотографированы и картографированы, часть из них подробно описана. Полученный довольно объемный материал требует значительного времени для всесторонней обработки. Стоит указать, что сведения о раскопках и сборах подъемного материала публикуются в настоящем сборнике. В данной статье представим результаты общего характера о проведенных обследованиях сначала на левом, а потом на правом берегу Буянта.

Ближайшее обследованное урочище **Бугатын узуур** (в переводе с монг. яз. – «Олений мыс») расположено в 5–7 км к юго-западу от г. Ховда. По дороге к нему, кроме нескольких археологических объектов, в 3,1 км от моста через р. Буянт был встречен отдельно стоящий херексур, а далее обнаружен ряд памятников разных исторических периодов (от эпохи камня до этнографической современности).

В указанной местности зафиксирована группа погребальных и поминальных сооружений, получившая обозначение Бугатын узуур-I. В начале комплекса располагаются четыре рядом стоящие тюркские оградки (их географические координаты такие: N – 47° 58.683'; E – 91° 34.047'). Кроме них нанесены на план, описаны и сфотографированы еще 32 объекта, большую часть которых представляют небольшие ритуальные выкладки. Выделяются своими параметрами обнаруженные херексуры. Отмечены остатки разрушенных строений современного типа. Памятник находится примерно в 7 км по дороге от моста через р. Буянт на юго-запад в сторону бывшей 3-й Бригады.

В 450 м к северу и северо-востоку от выявленных и позже раскопанных оградок найдено еще одно скопление из 15 археологических объектов, получившее обозначение Бугатын узуур-II. Координаты этого памятника следующие: N – 47° 58.935'; E – 91° 34.183'. Особенностью данного комплекса является обнаруженная серия оградок, в центре которых стояли стелы. К востоку от них находятся небольшие кольцевые выкладки. В ходе инструментальной съемки получен план памятника, и дано подробное описание каждого сооружения. На этом археологическом объекте раскопана одна оградка и пять жертвенников.

На окраине комплекса Бугатын узуур-II было обнаружено местонахождение нескольких стоянок эпохи камня. Собраны артефакты мустьерского времени, верхнепалеолитического облика, а также ряд предметов, которые можно отнести к раннеголоценовому периоду. Культурный слой не фиксировался. По всей видимости,

обнаруженные на склоне террасы археологические находки могут соотноситься с некогда существовавшим небольшим озером или протокой. Местонахождение находится в 6 км по дороге от моста через р. Буянт и соответственно обозначено как Бугатын узуур-III. Памятник нанесен на план и на карту. Он имеет следующие географические координаты: N – 47° 59.050'; E – 91° 34.220'. Собранные артефакты (всего 105 экз.) изучены, описаны и зарисованы. Вся коллекция передана в музей Ховдского государственного университета.

Еще один комплекс, состоящий из оградок, херексуров, стел и ритуальных выкладок, обнаружен к югу, в 470 м от выше представленного памятника Бугатын узуур-I. В начале его находится херексур, координаты которого следующие: N – 47° 58.443'; E – 091° 34.083'. Через лог, у подножия гор, выделяется еще один крупный херексур, имеющий следы неоднократного ограбления. Рядом с ним отмечено несколько объектов. Ниже по логу стоят курганы, оградки, выкладки и стелы. Памятник получил обозначение Бугатын узуур-IV. Инструментальная съемка его осуществлялась в сентябре 2008 г.

Следующий зафиксированный объект представляет собой крупный одиночный херексур диаметром 27 м, высотой 0,9 м. Его координаты такие: N – 47° 59.098'; E – 91° 34.594'. Высота над уровнем моря 1426 м. За памятником закреплено название Бугатын узуур-V. Херексур находится в 5,7 км к юго-западу от моста через р. Буянт.

Следует заметить, что существует перспектива выявления еще нескольких археологических комплексов в урочище Бугатын узуур, так как оно занимает обширную территорию, обрамленную горами. В ходе разведки была обследована только часть ее. Дальше маршрут пролегал к следующему урочищу. Полевая дорога ведет туда через небольшой перевал, на котором находится крупное обо, устроенное на специально подготовленной каменной платформе или на древнем сооружении (фото 6 на вклейке).

Урочище **Улаан худаг** (в переводе с монг. яз. – «Красный колодец») расположено в 8–11 км к юго-западу от г. Ховда, на левом берегу Буянта. Данная территория приурочена к отрогам хребта Хух-Сэрхийн-Нуруу Монгольского Алтая. Поверхность днища долины Буянта на рассматриваемом участке представляет собой слабоволнистую аллювиальную равнину миоцен-четвертичного возраста, перекрытую у подножия гор делювиально-пролювиальными шлейфами*. Широкое развитие в пределах долины имеют продукты эолового переветывания разрушенных гранитов, которые образуют на подветренных склонах мощные эоловые шлейфы, сливающиеся с делювиальными. По данным геологов, строение долины Буянта характеризуется многоярусностью. Нижний ярус обнажается выше по течению от урочища Улаан худаг и сложен преимущественно породами метаморфического комплекса: переслаивающимися гнейсами и мраморами. Гнейсы – биотитовые, серого цвета, мелкокристаллической структуры и полосчатой текстуры. Мраморы – белые и серые, крупнозернистой структуры, подвержены физическому выветриванию и рассыпаются на отдельные зерна. Белые мраморы – часто брекчиевой текстуры (что характерно для молодых деформаций). Верхний ярус долины Буянта представляет гранито-гнейсовый комплекс. Гранито-гнейсы – серого цвета, средне-крупнозернистой структуры, часто полосчатой текстуры. Граниты неоднородны по строению. Преобладают серые биотитовые крупнозернистые разно-

* Вся приводимая в статье краткая информация по геологии урочища предоставлена к.г.-м.н. С.Г. Платоновой (Институт водных и экологических проблем СО РАН, г. Барнаул, Россия), за что авторы выражают ей огромную благодарность.

видности, среди которых отмечены линзы (мощностью до 30 см) розовых гранитов. Часто встречаются ксенолиты метаморфических базитов в формы овалов и прослоев. В коренном залегании граниты и гранито-гнейсы образуют матрацевидную и плитчатую отдельности. Мощность плиток составляет от 10 до 30 см, **что делает граниты пригодными для использования при изготовлении стел, изваяний и при создании погребально-поминальных конструкций.**

Камни, из которых в основном сложены херексуры и другие курганы в урочище Улаан худаг, – валуны, взятые из аллювиальных отложений террасы Буянта ближнего сноса. Для оградок использовались граниты и гранито-гнейсы – красивый материал, с хорошо проявленной природной блочностью в виде плитчатой отдельности. Этот материал представлен на ближайших склонах и в коренных выходах в пределах днища долины (вдоль современной полевой дороги).

В ходе предыдущих обследований в урочище Улаан худаг были зафиксированы два археологических комплекса (Тишкин А.А., 2007). Один из них расположен на террасе, а другой – в пойме Буянта. Первый получил обозначение Улаан худаг-I. На снятом инструментальном плане памятника отмечено более 30 крупных сооружений, рядом с которыми и отдельно находятся многочисленные выкладки. В центре комплекса располагается херексур. Его координаты следующие: N – 47° 56.508' – E 91° 30.385'. К востоку от кургана обнаружен частично засыпанный «оленный» камень, который был изучен отдельно. Остальные объекты памятника являются типичными для Западной Монголии сооружениями эпохи бронзы, раннего железного века и средневековья. Среди них особый интерес представляют выделяющиеся на поверхности большие каменные ящики, предположительно датированные эпохой ранней бронзы. Нужно отметить, что подобный комплекс, но меньших размеров обнаружен неподалеку, на следующем памятнике Улаан худаг-II, который полностью изучен, описан и инструментально зафиксирован в полевой сезон 2008 г.

Кроме двух тщательно обследованных комплексов в рассматриваемом урочище имеется еще ряд памятников. Два из них картографированы, обозначены как Улаан худаг-III и IV и учтены для дальнейших работ.

В следующем урочище **Халзан узуур** (в переводе с монг. яз. – «Лисий мыс»), которое располагается вверх по течению Буянта, на левом берегу, примерно в 12,5–13 км (по карте) от Ховда, обследованы памятники, получившие одноименные обозначения. Один из них ранее уже осматривался и зафиксирован (Тишкин А.А. и др., 2006, с. 111). Основной особенностью второго является зафиксированная цепочка из трех полуразрушенных каменных ящиков (фото 7 на вклейке). Эти объекты аналогичны тем, что исследованы на памятниках Улаан худаг-I и II. Географические координаты данного комплекса, расположенного у дороги в 3-ю Бригаду, следующие: N – 47° 55.398'; E – 91° 27.560'. Высота над уровнем моря 1510 м. Кроме расположенных по линии ЮЗ–СВ ящиков, частично обложенных камнями, в том числе белого цвета, на территории изученного памятника имеются оградки, херексуры, выкладки и другие объекты. Некоторые из них находятся в аварийном состоянии из-за эрозии рыхлых террасовидных отложений.

После обследования указанных памятников левобережья Буянта, археологические изыскательские работы были перенесены на другой берег. В связи с тем, что много времени ушло на снятие планов и описание зафиксированных комплексов, удалось лишь осмотреть довольно обширную территорию и зафиксировать выявленные памятники

с помощью GPS-навигатора. Предварительные результаты и некоторые подробности данной работы изложим следующим образом.

В урочище **Хужиртын ам** (в переводе с монг. яз. – «Соленое место/соленый рот») обнаружено два памятника. Первый из них, Хужиртын ам-I, располагается почти напротив некогда существовавшей 3-й Бригады в местности Баян булаг. Он состоит из нескольких херексуров и выкладок. Археологические объекты располагаются по обеим сторонам дороги, ведущей из урочища в г. Ховд. Географические координаты одного из крупных курганов такие: N – 47° 54.632'; E – 91° 22.741'. Неподалеку, по той же дороге и вниз по течению Буянта, отмечено еще одно скопление древних сооружений, обозначенное как памятник Хужиртын ам-II. Один из курганов зафиксирован GPS-навигатором: N – 47° 54.567'; E – 91° 23.535'.

В следующем урочище **Баян улааны ам** (в переводе с монг. яз. – «Богатый красный рот/лог») обследовалась часть территории обширной горной долины с удобными местами для пастбищ и укрытия скота в непогоду. Зафиксирована серия разнообразных памятников, которые в основном состоят из оградок со стелами и выкладками-жертвенниками, а также из одного или нескольких херексуров. Дополнительное обследование урочища позволит это количество увеличить. Все пока условные обозначения обнаруженных памятников даны от названия местности и имеют следующие координаты: Баян улааны ам-I – N – 47° 53.213'; E – 91° 24.196', высота над уровнем моря 1661 м; Баян улааны ам-II – N – 47° 52.839'; E – 91° 23.903', высота над уровнем моря 1711 м; Баян улааны ам-III – N – 47° 52.776'; E – 91° 23.708', высота над уровнем моря 1735 м; Баян улааны ам-IV – N – 47° 53.553'; E – 91° 24.990', высота над уровнем моря 1614 м; Баян улааны ам-V – N – 47° 53.673'; E – 91° 25.441', высота над уровнем моря 1594 м; Баян улааны ам-VI – N – 47° 53.835'; E – 91° 25.653', высота над уровнем моря 1589 м.

В довольно обширном урочище **Хошоотийн зааг** (в переводе с монг. яз. – «Долина со стелами/граница из стел») сначала были зафиксированы археологические объекты, которые находятся несколько в стороне и отдельно, вокруг невысокой горной гряды. Они представляют собой традиционные для обследованной местности сооружения: отдельно стоящие стелы, выкладки-жертвенники, стелы в оградках, херексуры и др. Отметим хорошо сохранившееся средневековое изваяние в центре каменной оградки (фото 8 и 9 на вклейке). Эта скульптура уже зафиксирована и кратко опубликована (Батмөнх Б., Бямбасурен Х., 2008, зураг 2). Памятник в обобщающей монографии Б. Батмөнха (2008, т. 111, зураг 16–17) обозначен как Таван толгойн хун чулуу. Он имеет следующие географические координаты: N – 47° 53.682'; E – 91° 27.132' (высота над уровнем моря 1567 м). Обследованное в указанном урочище место не зря называется Таван толгой (в переводе с монг. яз. – «Пять голов»), так как представляет собой пять живописно выступающих скальных выходов, расположенных на одной линии.

Дальнейший осмотр территории долины позволил выявить серию разновременных памятников. Отметим лишь некоторые из них, а прежде всего группу из четырех крупных херексуров. Между северным крайним курганом этой цепочки и местностью Таван толгой, рядом с полевой дорогой, обнаружено разбитое тюркское изваяние (фото 10 на вклейке). Географические координаты места обнаружения средневековой скульптуры такие: N – 47° 53.525'; E – 91° 27.633'. Изваяние оказалось высотой 1,28 м, шириной 0,45 м и толщиной 0,15 м. После всесторонней фиксации оно было доставлено в музей Ховдского государственного университета. На самом южном херексуре

памятника, получившего обозначение Хошоотийн зааг-I, лежал «оленный» камень (фото 11 на вклейке), который всесторонне изучался отдельно. К западу от этого кургана обнаружен объект, имеющий своеобразные черты в оформлении конструкции (фото 12 на вклейке). Выше по урочищу и в других местах осмотрен целый ряд археологических памятников. В основном это были стелы, которые стоят в оградках и без них. Имеются херексуры. Урочище требует специального и сплошного обследования.

Следующий археологический комплекс зафиксирован в урочище **Цагаан эрэг** (в переводе с монг. яз. – «Маленький белый перевал»). Он состоит из нескольких курганов, расположенных вблизи строений 4-й Бригады Буянт сомона. Координаты херексура с платформой следующие: N – 47° 54.541'; E – 91° 28.051'. Высота над уровнем моря 1512 м. Памятник обозначен в соответствии с названием урочища Цагаан эрэг-I. Далее к востоку от него до самого г. Ховда в долине Буянта располагается серия разных археологических объектов. Среди них отмечены крупные херексуры. Отдельное внимание привлек довольно компактный комплекс из древних и средневековых каменных сооружений погребального и поминального характера. Среди них есть оградки, географические координаты одной из них такие: N – 47° 55.907'; E – 91° 32.439'. На этом памятнике зафиксировано раннесредневековое изваяние с отбитой головой.

Кроме указанных объектов отмечен еще ряд комплексов, которые предстоит изучить и полноценно зафиксировать в следующие годы. Проведенная работа демонстрирует хорошие перспективы для дальнейших археологических изысканий в выбранном районе. Обследование правобережной части долины Буянта от урочища Хужиртын ам до г. Ховда завершилось осмотром хорошо известного археологического комплекса **Баатар хайрхан** (в переводе с монг. яз. – «Гора-богатырь»), где, кроме погребально-поминальных объектов разных периодов, имеется значительный массив петроглифов и несколько надписей (Батмөнх Б., 2000, 2008). Несмотря на то, что памятник многократно обследовался монгольскими и российскими археологами, полное и подробное описание его с фиксацией всех объектов еще не предпринималось. Важно отметить, что имеющиеся на горе петроглифы подвержены разрушениям антропогенного и природного характера. В одной нише скалы имеется надпись. Вид данного комплекса напоминает своеобразный мини-храм.

Завершая обзор результатов проделанной работы, отметим, что на территории памятника Улаан худаг-II и поблизости в долине Буянта был собран подъемный материал, состоящий из нескольких фрагментов керамики, каменных орудий и сломанного металлического предмета (фото 13 на вклейке). В мае 2008 г. дополнительно была совершена экскурсионная поездка в местность, которая называется Гурван сонхэрийн агуй. Там осматривалась крупная пещера (фото 14 на вклейке), на входе в которую устроено обо. Географические координаты памятника следующие: N – 47° 20.824'; E – 091° 57.336'. У подножия горы на песчаной дюне были обнаружены два каменных орудия (фото 15 на вклейке). Кроме имеющихся пещер, существует перспектива выявления множества других археологических объектов в осмотренной долине реки Хойд-Цэнхэр-гол.

На третьем, заключительном, этапе экспедиции работы осуществлялись в сентябре 2008 г. В основном они были направлены на частичную музеефикацию раскопанных объектов эпохи ранней бронзы, а также на завершение начатых обследований. Стоит указать, что все раскопанные в рамках выполнения проекта сооружения полностью реконструированы. В результате в настоящее время почти рядом с г. Ховдом в

живописных местах имеется несколько демонстрационных площадок для проведения экскурсий с познавательными целями. Кроме указанных мерпорядков, еще осуществлялось целенаправленное выявление в долине Буянта тюркских изваяний и «оленных» камней. Часть из них сфотографирована и зарисована. С целью планирования дальнейших полевых исследований были дополнительно осмотрены урочища Халзан узуур, Ботгон хузуу и Баян булаг.

Таким образом, проведенные в 2008 г. археологические обследования позволили выявить и зафиксировать разные по времени памятники. Выполненная работа, а также осуществленные раскопки будут способствовать дальнейшей реализации программы изучения культуры древних и средневековых народов Западной Монголии и определения их места в истории так называемого Большого Алтая.

Библиографический список

Батмөнх Б. Ховд аймгийн нутаг дахь эртний туух соёлын дурсгал. Улаанбаатар, 2000. 160 т. (на монг. языке).

Батмөнх Б. Монгол Алтайн нурууны төв хэсгийн археологийн дурсгалууд. Улаанбаатар, 2008. 141 т. (на монг. языке).

Батмөнх Б., Бямбасурен Х. Монгол Алтайн нурууны төв хэсэгт шинээр олдсон хун чулуудын тухай // Алтай Соёны бус нутгийн экосистем, ард түмний туух, соёлын зарим асуудал. Улаанбаатар, 2008. Т. 5–12 (на монг. языке).

Тишкин А.А. Археологические обследования на Алтае и в Монголии // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2006. Т. XII, ч. I. С. 489–492.

Тишкин А.А. Обзор исследований в Западной Монголии и на Алтае // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2007. Т. XIII. С. 382–387.

Тишкин А.А., Нямдорж Б., Дашковский П.К., Нямсурен М., Мунхбаяр Ч. Археологические изыскания в Ховдском аймаке (предварительное сообщение) // Эколого-географические, археологические и социозтнографические исследования в Южной Сибири и Западной Монголии. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2006. С. 107–114.

Турбат Ц. Оленные камни Западной части Монгольского Алтая // Культуры и народы Северной Азии и сопредельных территорий в контексте междисциплинарного изучения. Томск: Том. гос. ун-т, 2008. Вып. 2. С. 223–233.

Цоохуу Х., Турбат Ц. Некоторые историко-археологические исследования, проведенные Институтом исследования Монгольского Алтая // Природные условия. История и культура Западной Монголии и сопредельных регионов. Горно-Алтайск: РИО ГАГУ, 2007. Т. I. С. 105.

А.Л. Кунгуров, А.А. Тишкин

Алтайский государственный университет, Барнаул

МЕСТОНАХОЖДЕНИЕ КАМЕННЫХ АРТЕФАКТОВ ОКОЛО г. ХОВДА*

На территории Северо-Западной Монголии известно около сотни разновременных палеолитических памятников. Они представлены стоянками различной мощности с культурным слоем поверхностного залегания и мастерскими, расположенными вблизи

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ–МинОКН Монголии в рамках проекта №08-01-92073е/G «Комплексное изучение археологических памятников в долине р. Буянт (Западная Монголия)».

выходов пригодного для обработки сырья (Деревянко А.П. и др. 1990, с. 109–301). Большинство местонахождений содержит минимальное количество артефактов – менее 30 экз. (свыше 70% памятников региона). Основной категорией объектов, судя по этим данным, являются небольшие кратковременные стоянки. Долговременных мест обитания и производственной деятельности выявлено немного (около 12%). На этом фоне местонахождение Бугатын узуур-III, выявленное А.А. Тишкиным в 2008 г. в ходе работы Буянтской российско-монгольской археологической экспедиции, относится к стоянкам средних размеров (105 артефактов).

Урочище Бугатын узуур (в переводе с монг. яз. – «Олений мыс») расположено в 5–7 км к юго-западу от г. Ховда, на левом берегу Буянты. Там зафиксировано несколько погребально-поминальных комплексов. На территории памятника Бугатын узуур-II были обнаружены свидетельства стоянок эпохи камня. Культурный слой не фиксировался. По всей видимости, обнаруженные на склоне террасы археологические находки могут соотноситься с некогда существовавшим, но высохшим небольшим озером, или протокой. Памятник получил обозначение Бугатын узуур-III (рис. 1). Он нанесен на план и имеет следующие географические координаты: N – 47° 59.050'; E – 91° 34.220'. Артефакты, собранные на площадке размерами примерно 100x70 м, после изучения переданы в музей Ховдского государственного университета.

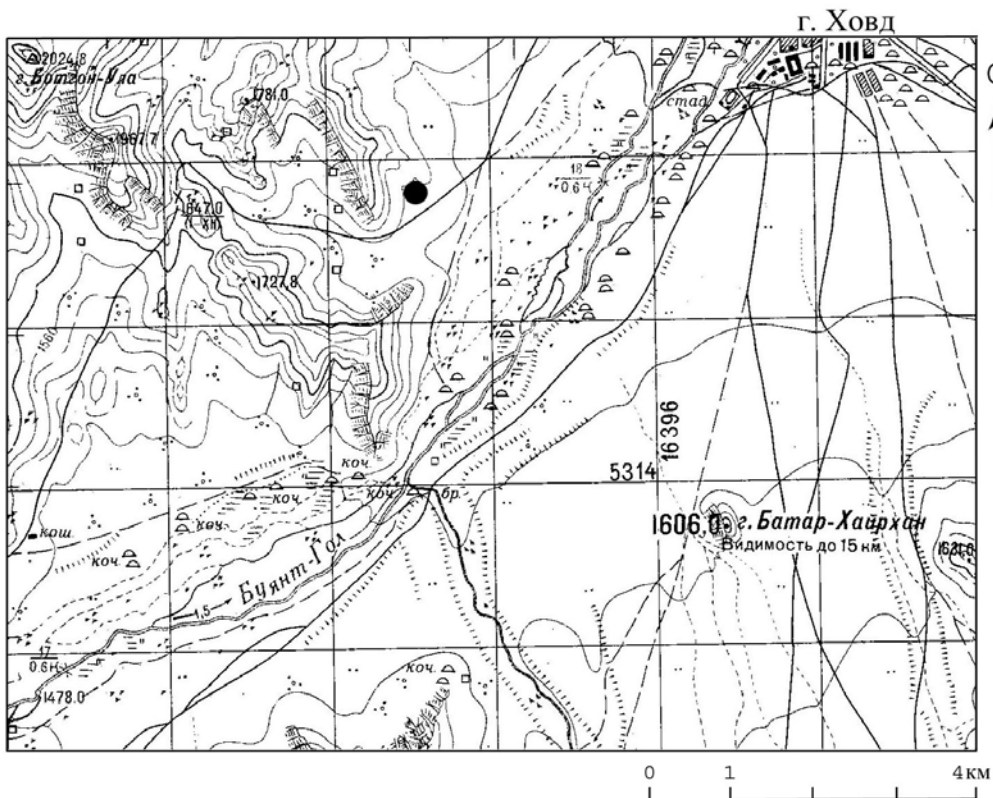

Рис. 1. Местонахождение Бугатын узуур-III

Изучаемая территория географически приурочена к восточным отрогам Монгольского Алтая. Долина реки Буянт на исследованном участке представляет собой широкую равнину, обрамленную невысокими хребтами и одиночными горками. Преобладающий тип рельефа горного обрамления долины – денудационно-тектонический с умеренно расчлененными хребтами низкогорья и среднегорья. Поверхность днища долины Буянта представляет собой слабоволнистую аллювиальную равнину миоцен-четвертичного возраста, перекрытую у подножия гор делювиально-пролювиальными шлейфами. Широкое развитие в пределах долины имеют продукты переэрозии разрушенных гранитов, образующих на подветренных склонах мощные эоловые отложения, сливающиеся с делювиальными. По данным геологов (информация предоставлена к.г.-м.н. С.Г. Платоновой, Институт водных и экологических проблем СО РАН, г. Барнаул, Россия), строение долины Буянта характеризуется многоярусностью.

Собранный археологический материал достаточно четко разделяется на неравнозначные группы с различной сохранностью поверхности, что характерно для основного количества материалов с поверхностным залеганием культурного слоя (Деревянко А.П. и др., 2002; Деревянко А.П., Зенин А.Н., 1998). Нами выделены пять групп артефактов, отличающихся по следующим позициям, исследованным на примере комплексов с поверхностным залеганием культурных слоев в юго-западных районах Алтайского края (Кунгуров А.Л., 2002; 2006; Грушин С.П., Кунгуров А.Л., 2006):

– сохранность поверхности, которая изменена в процессе химического выветривания и дефляции (ветровое «полирующее» воздействие); основные изменения цветности и поверхностной структуры субстрата определяет прежде всего химическое выветривание – комплекс химико-физических воздействий на артефакт, что приводит к образованию «патины»;

– механическая сглаженность поверхности, вызванная шлифующим механическим «коррадирующим» воздействием на артефакт в процессе водного, эолового и иного переноса мелких частиц вмещающих и подстилающих толщ;

– антропогенное воздействие; прежде всего реутилизация (переоформление) артефакта в более поздние периоды каменного века; данный процесс осуществляется несколькими способами – подновление «выветрелых» древних предметов (ретуширование, оббивка), использование более ранних артефактов по прямому назначению с образованием следов утилизации, расщепление более древних нуклеидных изделий в иной стратегии утилизации.

Сильнодефлированный выветрелый комплекс. Первая группа артефактов, имеющих поверхность, подвергшуюся сильному выветриванию и коррадированию, насчитывает 20 предметов (см. рис. 2 и 3).

Техника первичного расщепления реконструируется только по морфологии сколов и орудий. Сколы различных типов представлены 15 экз.: крупный первичный, треугольный (типа point), пять пластинчатых снятий различных размеров, два площадочных с продольным дорсальным ограничением (рис. 3.-5-6) и шесть отщепов и невыразительных сколов. Все перечисленные артефакты имеют краевую обработку и утилизацию (одно- и двусторонняя прерывистая и регулярная ретушь, мелкая немодифицирующая оббивка). Орудийный комплекс формируют разнообразные скребла (5 экз.). Основное количество изделий демонстрируют мустьерский радиальный способ утилизации сырья. Пластинчатые сколы также соответствуют этой стратегии первичного

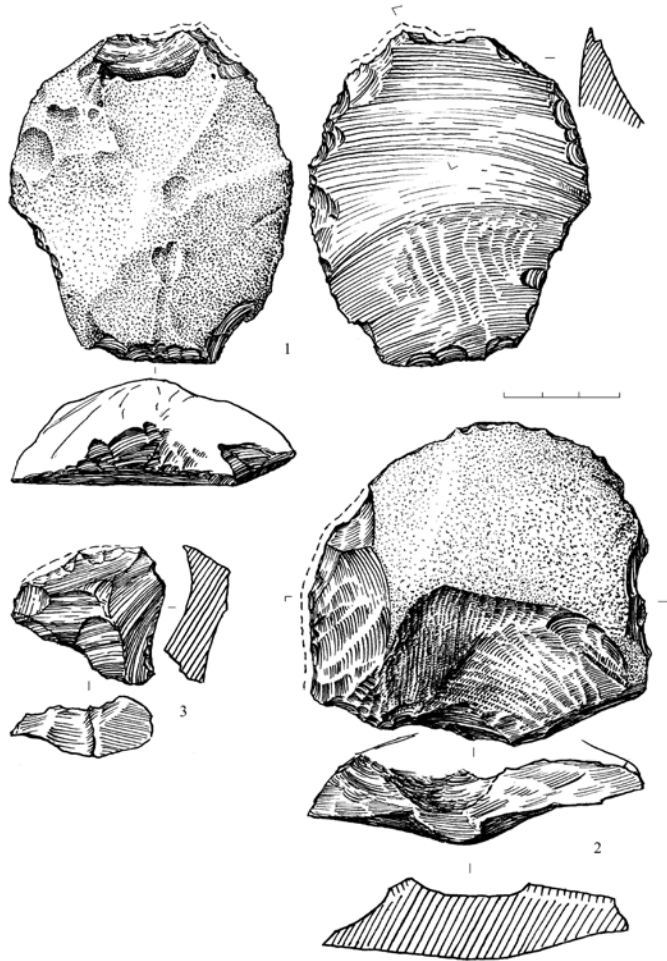

Рис. 2. Сильнодефлированный выветрелый комплекс

расщепления, так как имеют выраженную асимметричность, «толстую» проксимальную часть и выразительные остатки ударных площадок подтреугольных форм (рис. 3.-1–4, 7). Леваллуазская технология расщепления представлена одним невыразительным треугольным сколом и заготовкой, на которой оформлено скребло (рис. 3.-8).

Орудийный набор описываемого комплекса соответствует мустьерской «радиальной» традиции. Наиболее выразительной категорией артефактов являются скребла:

– крупное дорсальное из полупервичного скола с остатком фасетированной ударной площадки; рабочий край овальный, обработан уплощающими сколами (правая часть), разнофасеточной регулярной ретушью (рис. 2.-2);

– крупное дорсальное на первичном подовальном сколе; рабочий край охватывает практически весь периметр артефакта, за исключением остатка ударной площадки; обработка (разнофасеточная ретушь, микрооббивка) попеременно охватывает дорсальную и вентральную стороны скребла; часть дистальной кромки имеет

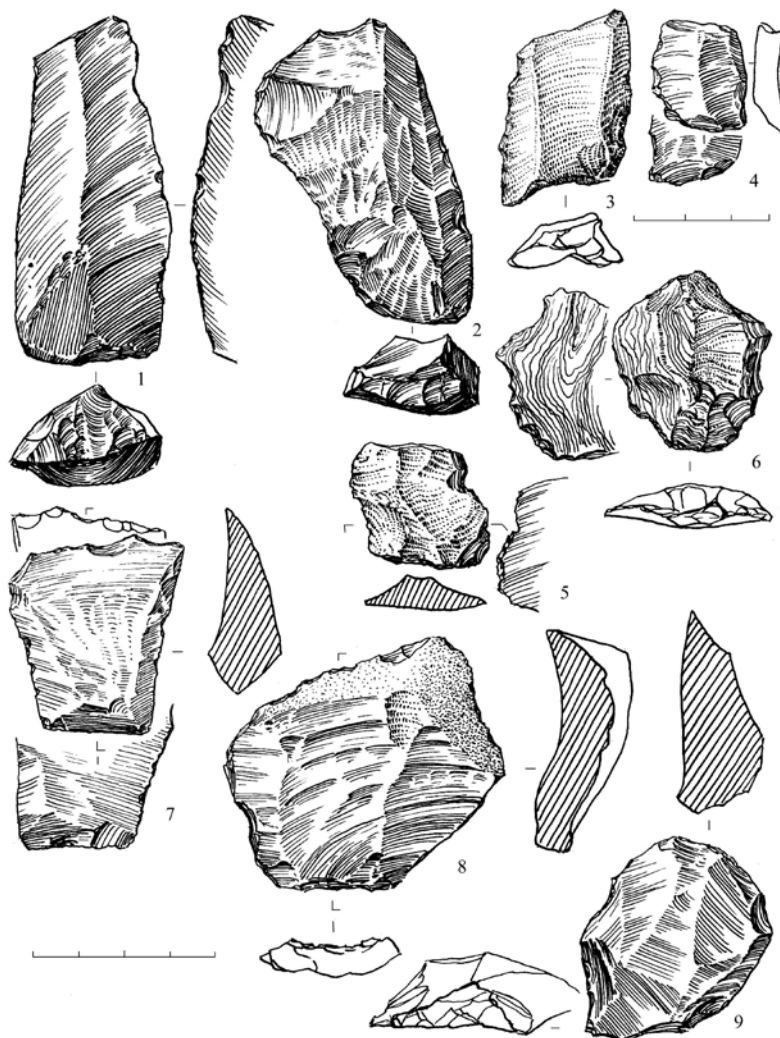

Рис. 3. Сильнодефлированный выветрелый комплекс

двустороннее модифицирование; абрис рабочего края фигурный с пологими выемками и уступом-«носиком» (рис. 2.-1);

– крупное дорсальное на леваллуазском «ромбическом» асимметричном сколе с остатком фасетированной ударной площадки; кромки обработаны по периметру (исключая проксимальную часть) двусторонней нерегулярной разнофасеточной ретушью (рис. 3.-8);

– изделие средних размеров подовальной формы дорсальное с остатком треугольной площадки; обработано прерывистой разнофасеточной ретушью по половине периметра (рис. 3.-9);

– мелкое дорсальное угловатое на подтреугольном площадочном сколе с разнофасеточной частично двусторонней обработкой кромки; часть рабочего края имеет свежие заломы (рис. 2.-3).

Среднедефлированный выветрелый комплекс насчитывает 36 артефактов (см. рис. 4–6).

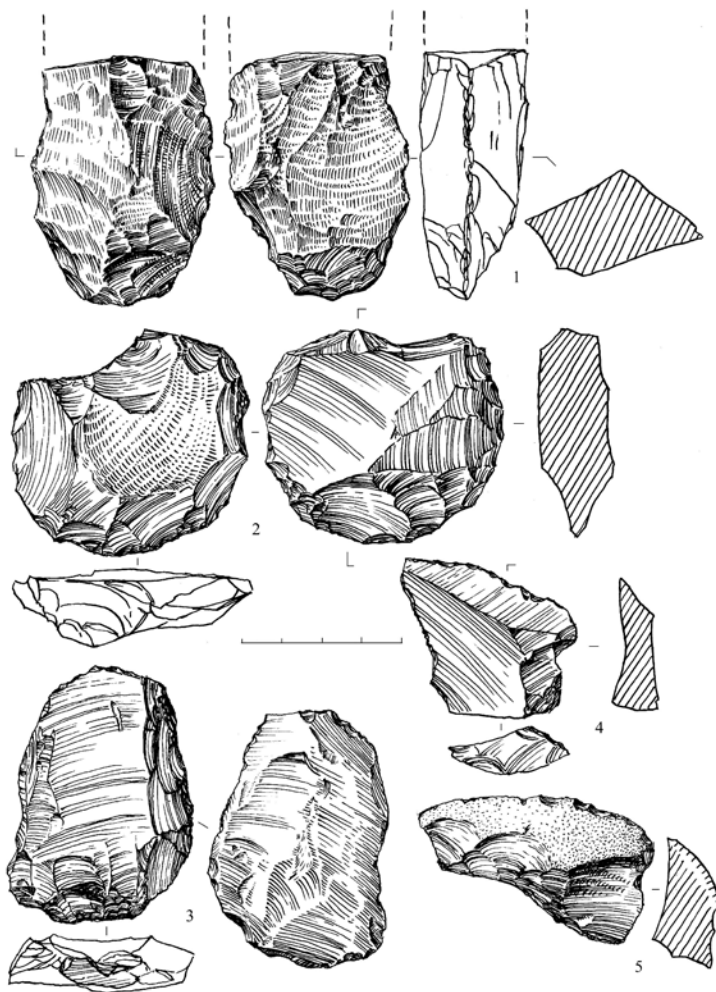

Рис. 4. Среднедефлированный выветрелый комплекс

Техника первичного расщепления представлена тремя нуклеусами торцового принципа расщепления (один фрагментирован) и нуклевидным изделием средних размеров (рис. 5.-4):

- торцовый нуклеус с обработанными латералими, килем и контрфронтом предназначен для снятия микропластин (рис. 5.-6);
- торцовый нуклеус на крупном сколе, одна латераль – вентральная сторона заготовки, вторая модифицирована оббивкой; возможно, исходный скол более ранний, так как необработанный «вентрал» патинирован, а часть сколов имеет более «свежий» вид и лишь дефлирована (рис. 5.-7);

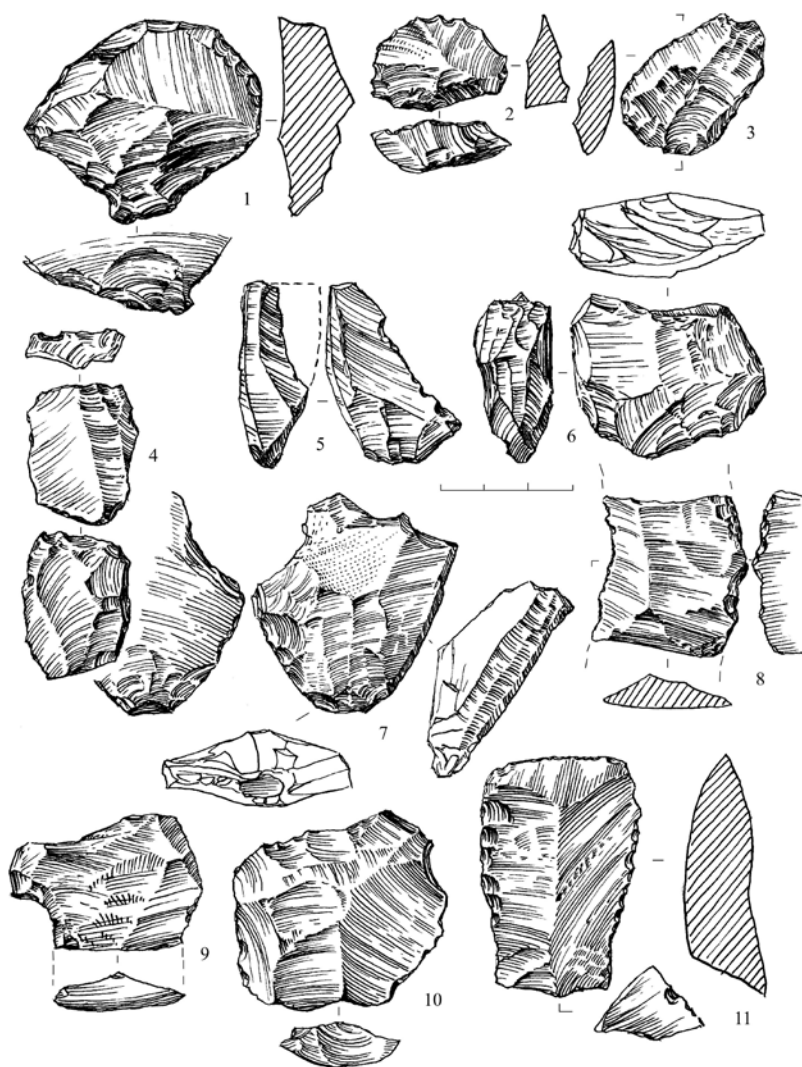

Рис. 5. Среднедефлированный выветрелый комплекс

– фрагмент торцового нуклеуса с частью кия и фронта скалывания, край расщепления ретуширован; видимо, изделие аналогично первому артефакту (рис. 5.-5).

Кроме указанных нуклеусов, технология призматического расщепления иллюстрируется 14 пластинчатыми сколами и снятиями с параллельным и субпараллельным ограничением дорсала. Наличие более архаичного «постлеваллуазского» сегмента технологии расщепления документируется массивностью сколов и присутствием остатков фасетированных ударных площадок характерных форм. Более рельефно указанные пережиточные явления демонстрируют напластинчатые сколы и отщепы различных размеров (7 экз.). На ряде артефактов огранка дорсальной стороны имеет радиальный характер.

Орудийный набор комплекса разнообразнее предыдущего и включает в себя скребла, скребки, бифасы, обработанные пластины.

Бифасиально обработанные орудия представлены двумя предметами:

– базальная часть бифаса крупных размеров ромбического сечения, обработан оббивкой и прерывистой разнофасеточной ретушью (рис. 4.-1);

– двусторонне обработанное орудие подовальной формы с искусственным обушком, который оформлен вертикальной оббивкой, рабочий край овальной формы сформирован уплощающими сколами и рельефной глубокой ретушью; данные элементы вторичной обработки структурировали профильную и фасовую микрозубчатость рабочего лезвия, характерную для режущих инструментов (рис. 4.-2).

Скребла (4 экз.) отличаются разнообразием:

– дорсальное с овальным рабочим краем, обработанным сколами и разнофасеточной регулярной ретушью, ударный бугорок стесан с вентральной плоскости, но остатки фасетированной ударной площадки фиксируются;

– продольное дорсальное с подовальной кромкой; левый край (дистальный угол) имеет зубчатый рабочий участок, оформленный с вентральной стороны, которая уплощена рядом сколов; фиксируется остаток двугранной площадки (рис. 4.-3);

– поперечное дорсальное скребло на массивном «полупервичном» сколе средних размеров сегментовидной формы с остатком фасетированной площадки (рис. 4.-5);

– угловатое плоское изделие средних размеров и асимметричных очертаний; рабочие кромки ретушированы двусторонне, однако дорсальная ретушь более акцентирована (рис. 4.-4), имеется остаток фасетированной площадки.

Скребки (2 экз.) для этого типа изделий имеют достаточно крупные формы и массивность. Их характеризует также некоторая аморфность морфологии. Первый изготовлен на сегментовидном сколе с радиальной огранкой и широким проксималом, имеющим остаток двугранной фасетированной площадки. Рабочий край инструмента овальный, обработан двусторонне (дорсальная часть кромки более выразительна и является основной) (рис. 5.-3). Второе изделие – дорсальный скребок на овальном асимметричном отщепе. На правой части дистального края имеется ретушная выемка (рис. 5.-3).

Сколы пластинчатых очертаний весьма разнообразны по пропорциям и размерам:

– крупный массивный с фасетированной площадкой, параллельной и радиальной огранкой дорсальной стороны; фиксируется вертикальный анкош, разнофасеточная прерывистая двусторонняя ретушь (рис. 5.-10);

– крупный двугранный скол с гладкой треугольной площадкой и «толстой» проксимальной частью, характерной для радиальных снятий; продольные края ретушированы разнофасовой мелкой прерывистой ретушью (рис. 5.-11);

– дистальная часть крупного скола с анкошем на левом крае и мелкой нерегулярной утилитарной ретушью (рис. 5.-9);

– «полупервичный» крупный скол с гладкой площадкой. Продольные края и дистальная кромка двусторонне обработаны прерывистой разнофасеточной ретушью (рис. 6.-1);

– боковой скребок на сегменте пластины средних размеров, овальный рабочий край высокой формы оформлен сколами и ретушью на левом дорсальном крае (рис. 6.-3);

– сечение крупной двугранной пластины с двусторонней ретушью по обоим краям, правый обработан более тщательно и имеет зубчатый абрис (рис. 5.-8);

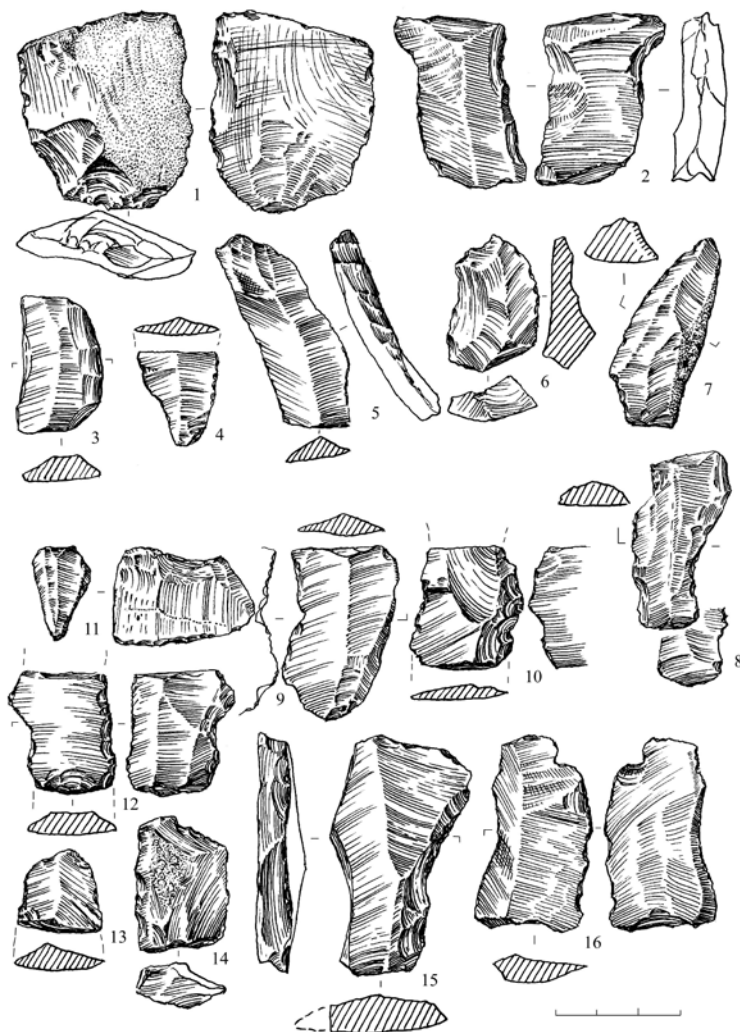

Рис. 6. Среднедефлированный выветрелый (1–8) и дефлированный (9–16) комплексы

– усеченная пластина крупных размеров с двусторонней ретушью, анкош и ретушняя выемка на вентральной плоскости выделяются цветом (участки, не подвергшиеся химическому выветриванию) и, возможно, нанесены на изделие позднее (рис. 6.-2);

– усеченные асимметричные пластины крупных размеров с двусторонней разнофасеточной краевой ретушью (рис. 6.-5, 7);

– пластинчатые отщепы средних размеров с краевой обработкой (5 экз.) (рис. 6.-52–53, 55).

Дефлированный комплекс отличается от ранее охарактеризованных отсутствием признаков химического выветривания. Тем не менее поверхность данной группы артефактов подвергалась существенному механическому воздействию, что привело к сглаживанию граней и поверхности. Всего к комплексу отнесен 31 предмет.

Техника первичного расщепления представлена четырьмя нуклевидными изделиями средних (2 экз.) и мелких (2 экз.) размеров, из которых выразительным оказался только нуклеус торцового принципа раскалывания с треугольным фронтом и радиально подправленными латералиями (рис. 6.-11). Остальные предметы невыразительны, хотя и демонстрируют призматическую стратегию утилизации сырья. Преобладание призматического расщепления документирует также характер пластинчатых сколов с единичными фасетированными площадками и заготовки, послужившие основой для оформления орудий.

Орудийный набор данного комплекса представлен обломком базальной части бифаса (рис. 7.-1), скребками, невыразительным обушковым орудием и ретушированными пластинчатыми и непластинчатыми сколами и отщепами.

Скребки (3 экз.) имеют небольшие размеры и случайную форму. Два оформлены на отщеповых овальных заготовках с рабочими краями по половине периметра. Обработка – регулярные мелкие сколы и ретушь (рис. 7.-3). Третий предмет изготовлен из пластинчатого асимметричного отщепа. Рабочий край сформирован крупной чешуйчатой и мелкой регулярной ретушью (основной – на левом, дополнительный – на правом). На дистальном конце выделен выступ-«носик» (рис. 7.-2).

Пластины крупных (2 экз.) и средних размеров обработаны достаточно разнообразно. Крупные имеют выделенные обушки и эпизодическую обработку двусторонней разнофасеточной ретушью рабочего края (рис. 6.-15–16). Средние пластины фрагментированы (два проксимальных обломка, три сечения), продольные края двусторонне ретушированы, имеют зубчатые и выемчатые кромки (рис. 6.-9–10, 12–14).

Недефлированный комплекс представлен 11 артефактами. Все они отличаются относительно хорошей сохранностью поверхности, хотя эоловое полирующее воздействие в слабой степени присутствует. На некоторых предметах присутствует карбонатная корка, свидетельствующая о возможном наличии стратифицированного культурного слоя голоценового времени.

Техника первичного расщепления имеет выразительный призматический характер. Выразительный нуклеус подпризматического типа в сильной степени сработанности всего один (рис. 7.-4), однако остальные артефакты соответствуют отмеченной стратегии, за исключением галечного зубчато-выемчатого орудия (рис. 7.-10).

Орудийный набор комплекса невыразителен – скребки (2 экз.), обломок небольшого нуклевидного бифаса, фрагментированные ретушированные пластинчатые сколы (2 экз.) (рис. 7.-6–7) и мелкие вторичные отщепы (4).

Более выразительными предметами являются скребки и бифас. Наиболее крупный скребок оформлен на площадочном сколе и имеет регулярную обработку крупным и мелким ретушированием дистальной части и правого края. На проксимальном конце выделен небольшой «череноподобный» выступ (рис. 7.-9). Второй скребок средних размеров, боковой, сформирован на нуклевидном дефлированном сколе. Ретушь правого края заготовки и шипообразный выступ на левом углу дистальной части выделяются отсутствием заглаженности поверхности (рис. 7.-5). Бифас небольших размеров, оформлен на нуклевидном изделии или сколе (радиальной формообразующей оббивкой информативные элементы исходного изделия удалены). Дистальный кончик изделия обломан, однако достаточно уверенно реконструируется. Скорее всего, изделие представляет собой наконечник дротика (рис. 7.-8).

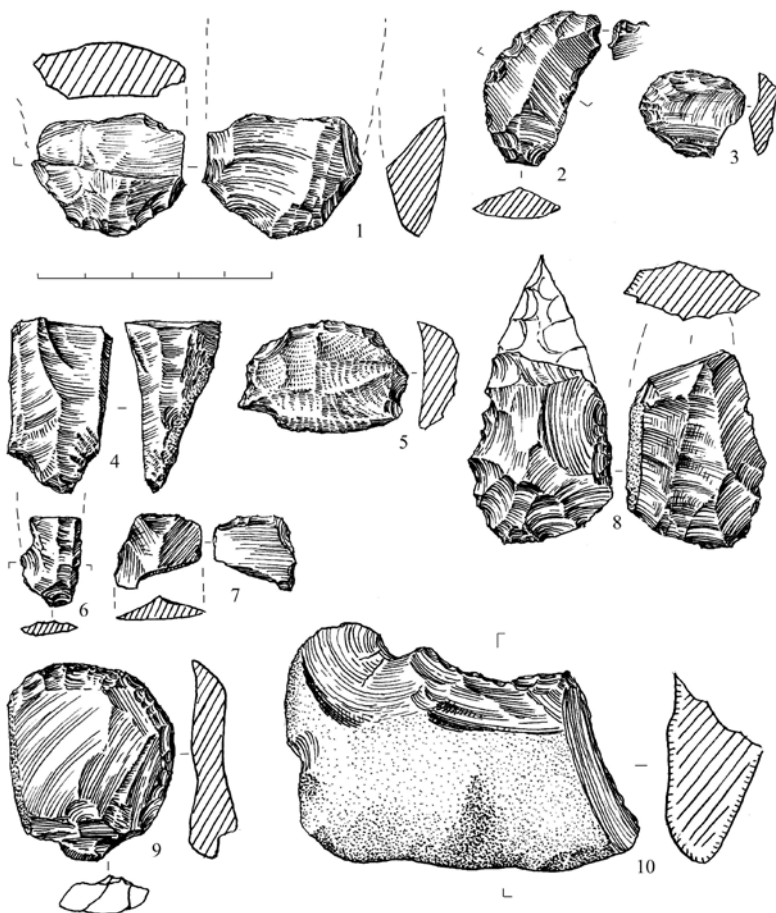

Рис. 7. Дефлированный (1–3) и недефлированный комплексы

Изделия, полученные из более древних сколов (реутилизированные) (8 экз.). Для изготовления этих артефактов, представляющих собой скребловидные орудия, зубчато-выемчатые и нуклевидные формы, использовались подобранные древние изделия. Каждый из указанных предметов подвергся поздней модернизации по-своему:

– наиболее крупный скребловидный предмет оформлен из крупного скола «сильнодефлированного выветрелого комплекса» посредством дорсальной оббивки регулярными мелкими сколами и ретушью по периметру (исключая участок остатка фасетированной ударной площадки) (рис. 8.-1);

– дорсальное выемчатое изделие сформировано на левом крае крупного сильнодефлированного выветрелого подтреугольного лаваллуазского скола. При этом практически все детали древнего изделия сохранились без изменения (рис. 8.-2);

– скребло со сходящимися рабочими краями оформлено на сколе, аналогичном по сохранности предыдущим; поздней обработкой значительная часть артефакта модифицирована, сохранились только отдельные участки вентральной и дорсальной сторон; участок с возможной площадкой также оббит (рис. 8.-4);

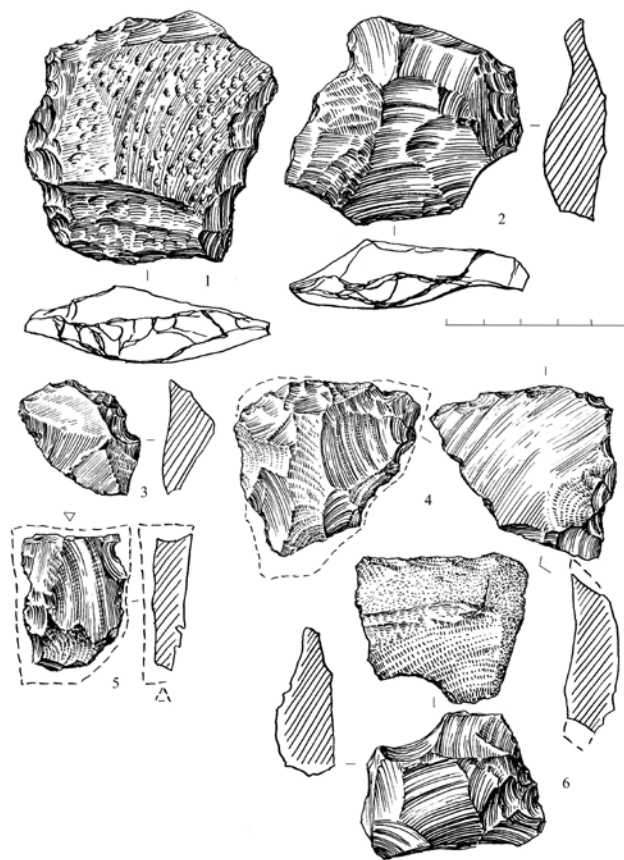

Рис. 8. Изделия с реутилизацией более древних сколов-основ

– два изделия средних размеров с выемками и участками зубчатых рабочих краев получены из более древних выветрелых сколов посредством почти полного переоформления всех поверхностей и кромок; об исходном артефакте свидетельствуют только отдельные небольшие участки (рис. 8.-3, 5);

– три крупных (2 экз.) и среднее нуклеидные аморфные (бессистемные) изделия с оббивкой одного фаса; противоположная фронту сторона сохраняет выветрелые фасетки изначальных древних орудий.

Датировка и определение культурной принадлежности комплексов, подобных местонахождению Бугатын узуур-III, – дело неблагоприятное и ненадежное. Слишком маленькие орудийные выборки и недостаточность материала для уверенного описания других элементов материальной культуры делают все выводы очень предварительными.

Первый, наиболее древний орудийный комплекс может быть отнесен к кругу позднемустьерских объектов Монгольского Алтая. Возможно, особенностью этого материала является сочетание мустьерского и леваллуазского площадочного способов первичной утилизации сырья (при явном преобладании первого). Среднедефлированные выветрелый комплекс по своим параметрам предварительно может быть отнесен к ранней поре верхнего палеолита. Дефлированный комплекс содержит верхнепалеолитические материалы,

а недефлированный – артефакты мезолита или неолита. Наличие на территории памятника материалов разных исторических периодов спровоцировало древних обитателей региона на переиспользование (реутилизацию) найденных древних артефактов крупных размеров. Это облегчало как поиск пригодного для расщепления сырья, так и предварительный технологический этап оформления преформ. Подобные наблюдения над материалом многослойных объектов археологии осуществляют регулярно (Кунгуров А.Л., 2002).

Библиографический список

Деревянко А.П., Зенин А.Н., Олсен Д., Петрин В.Т., Цзвэндорж Д. Палеолитические комплексы Кремневой долины. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2002. 218 с.

Деревянко А.П., Зенин А.Н. К проблеме изучения палеолитических комплексов Монголии с поверхностным залеганием артефактов // Палеоэкология плейстоцена и культуры каменного века Северной Азии и сопредельных территорий. Новосибирск: Изд-во ИАЭ СО РАН, 1998. Т. 2. С. 227–235.

Деревянко А.П., Дорж Д., Васильевский Р.С., Ларичев В.Е., Петрин В.Т., Девяткин Е.В., Малаева Е.М. Каменный век Монголии: Палеолит и неолит Монгольского Алтая. Новосибирск: Наука, 1990. 646 с.

Кунгуров А.Л. Каменный век Рудного Алтая. Ч. 1: Палеолитические памятники. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2002. 176 с.

Кунгуров А.Л. Новый тип палеолитических местонахождений Рудного Алтая // Полевые исследования в Верхнем Приобье и на Алтае. Барнаул: Изд-во БГПУ, 2006. Вып. 2. С. 63–67.

Грушин С.П., Кунгуров А.Л. Результаты археологической разведки 2005 года в Рудном Алтае // Изучение историко-культурного наследия народов Южной Сибири. Горно-Алтайск: АКИН, 2006. Вып. 3, 4. С. 14–32.

А.А. Тишкин, С.П. Грушин, Ч. Мунхбаяр

*Алтайский государственный университет, Барнаул;
Ховдский государственный университет, Ховд (Монголия)*

АРХЕОЛОГИЧЕСКОЕ ИЗУЧЕНИЕ ОБЪЕКТОВ ЭПОХИ БРОНЗЫ В УРОЧИЩЕ УЛААН ХУДАГ (ХОВДСКИЙ АЙМАК МОНГОЛИИ)*

Исследования в Монголии, осуществленные в рамках работы Буянтской российско-монгольской археологической экспедиции (БРМАЭ), проводились в долине Буянта (Ховдский аймак Монголии), на левом берегу реки около г. Ховда. Предпринятые раскопки являются продолжением ранее осуществленных изысканий (Тишкин А.А., 2006, 2007; Тишкин А.А. и др., 2006; Тишкин А.А., Эрдэнэбаатар Д., 2007; и др.).

Урочище Улаан худаг (в переводе с монг. яз. – «Красный колодец») расположено в 8–11 км на юго-запад от г. Ховда, на левобережной террасе Буянта (рис. 1). Дополнительное обследование ранее выявленного в урочище археологического комплекса (Тишкин А.А. и др., 2006) позволило обозначить несколько памятников. Один из них (Улаан худаг-I) расположен на террасе, два других (Улаан худаг-II и III) – в пойме Буянта. На двух комплексах проведены археологические раскопки. На снятом плане памятника Улаан худаг-I зафиксировано более 30 крупных сооружений, рядом с которыми и отдельно находились многочисленные выкладки. В центре комплекса располагается херексур, который может быть датирован раннескифским временем. Остальные

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФНФ–МинОКН Монголии в рамках проекта №08-01-92073e/G «Комплексное изучение археологических памятников в долине р. Буянт (Западная Монголия)».

объекты памятника являются типичными для Западной Монголии древними и средневековыми сооружениями. Среди них особый интерес представляют выделяющиеся на поверхности большие каменные ящики, предположительно датированные периодом ранней бронзы (Тишкин А.А. и др., 2006; 2007). Предварительные результаты их исследований будут кратко представлены в данной статье.

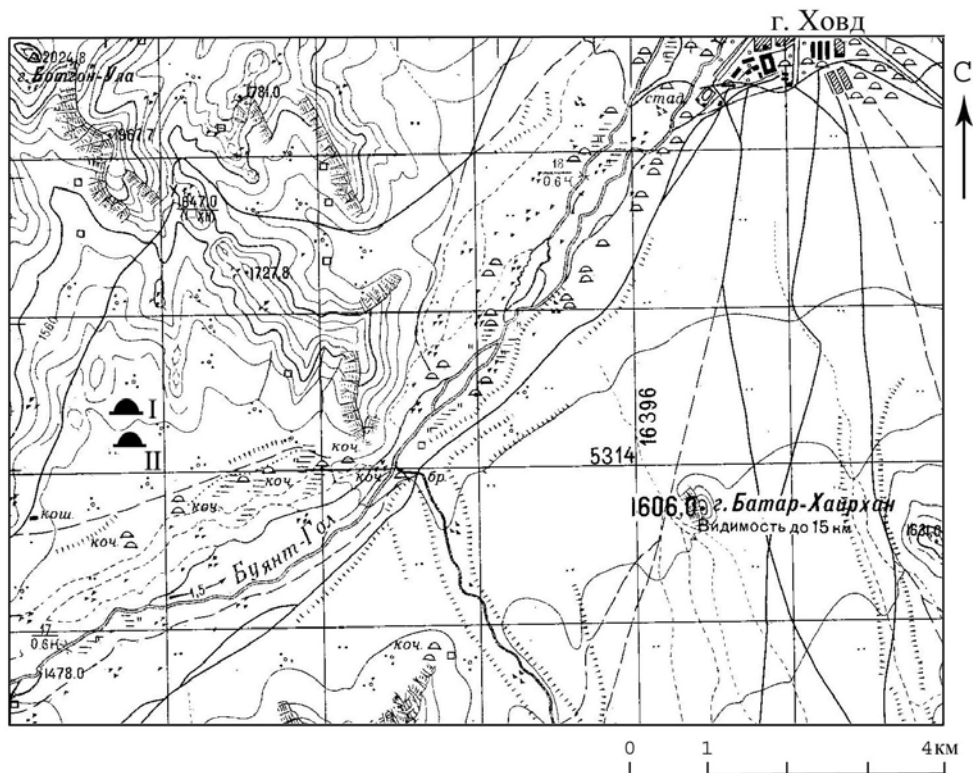

Рис. 1. Месторасположение археологических комплексов Улаан худаг-I, II

Раскопанные объекты эпохи бронзы на памятнике Улаан худаг-I

Курган №1. Его географические координаты по GPS-навигатору следующие: N – 47°56.500' и E – 91°30.671'. Высота над уровнем моря 1481 м. На поверхности зафиксированного объекта лежали крупные каменные плиты от перекрытия погребального ящика. Кроме этого, выделялись плиты вертикальных стенок. Они выступали над поверхностью на 0,3–0,5 м и составляли четырехугольный ящик размерами 2x1,75 м, вытянутый по линии ЮВВ–СЗЗ. Вокруг ящика и внутри него находились разные по размерам камни, представлявшие собой в основном гальки и валуны, взятые из аллювиальных отложений террасы р. Буянт ближнего сноса.

После зачистки насыпи выявлены следующие характеристики кургана. Он представлял собой уплотненную куполообразную насыпь овальной формы из окатанных галек средних и крупных размеров. Насыпь имела размеры 9,4x7 м и была вытянута по линии ЮВВ–СЗЗ. Высота ее без учета ящика составила 0,3–0,5 м от уровня древней поверхности.

К югу-юго-востоку от насыпи была обнаружена и зачищена четырехугольная конструкция (фото 16 на вклейке) из камней, аналогичных по размерам и форме из наброски. Она примыкала вплотную к краю кургана и представляла собой квадрат, выложенный по периметру камнями в два ряда, расстояние между которыми составляло 0,3 м. Общие размеры конструкции – 5,9x5,9 м. В центре квадрата зафиксирована прямоугольная выкладка размерами 2,3x0,6 м из подогнанных друг к другу камней. Данная выкладка была ориентирована длинной осью по линии ЮВВ–СЗЗ, т.е. имела ту же ориентацию, что и ящик в основной насыпи. В северо-западной половине рассматриваемой внутренней конструкции обнаружена каменная стела со следами подработки. Ее размеры оказались следующими: ширина у основания – 0,3 м, высота – 0,9 м. В центре и к северу отмечены небольшие кусочки угля и кальцинированные косточки.

В заполнении центральной камеры самого кургана отмечены обвалившиеся обломки каменных плит – детали погребального ящика, камни из насыпи. Там были встречены небольшие фрагменты окрашенной ткани и стекловидные обломки позднего происхождения. Кроме этого, зафиксированы разрозненные фрагменты костей животных, скорее всего, мелкого рогатого скота. Дно ящика фиксировалось на глубине около 1,8 м. Ящик был сооружен из вертикально поставленных плит подчетыреугольной или овальной формы со средними размерами 1,6x0,4 м, толщиной до 0,1 м, вплотную подогнутыми друг к другу (фото 19 на вклейке). Больше ничего в нем обнаружено не было. После завершения раскопок и всестороннего изучения первоначальный вид кургана восстановлен.

Курган №12. Расположен в 0,5 км к северо-востоку от кургана №1. Координаты объекта по GPS-навигатору такие: N – 47°56.629', E – 91°30.769'. Диаметр насыпи по линии Ю–С составлял 8,5 м, по направлению З–В – 8,1 м. Насыпь была сложена из крупных галек и валунов, имела округлую форму, но сильно фрагментирована (фото 17 на вклейке). Камни насыпи отсутствовали в южной, юго-западной части кургана, а также в северо-западной и северо-восточной. В северо-западном секторе сооружения в ходе зачистки насыпи был обнаружен фрагмент каменного сосуда (придонная часть).

Ящик, стоявший в центре кургана, ориентирован по линии ЮВ–СЗ и завален камнями, взятыми, вероятно, из насыпи. Длина ящика по линии ЮВ–СЗ составляет 3 м, по линии ЮЗ–СВ – 1,6 м. Глубина – 1,31 м. Ящик был сложен из крупных гранитных, частично разрушенных плит разной длины (до 1,5 м) и ширины. Толщина их колеблется в пределах 0,1–0,12 м. Плиты перекрытия были свалены вовнутрь ящика. Одна плита лежала в северной части ящика, где после зачистки обнаружены останки детского скелета, расположенного на глубине от 0,65 до 0,7 м от нулевой отметки. Ниже в этой части ящика была найдена углистая прослойка мощностью до 10 см (глубина ее залегания – 0,68–0,69 м). По линии ЮВ–СЗ, на глубине от 1,19 до 1,21 м, в ящике лежала еще одна плита перекрытия. Ее длина составляет 1,85 м, ширина 0,55 м. После поднятия плиты в ящике найдены фрагменты каменного сосуда, который орнаментирован по венчику поясом треугольников, опущенных вершиной вниз (рис. 2.-1; фото 21 на вклейке). Там же зафиксированы и другие находки: копыто лошади, фрагмент керамики, фрагмент ребра и каменный отщеп. В юго-западной части ящика был найден плохо сохранившийся скелет взрослого человека, лежавший в анатомическом порядке, но без костей ног (фото 20 на вклейке).

Костяк ориентирован по оси Ю–С с небольшими отклонениями. Предплечье частично разрушено. Тазовые кости залегали ниже. Около костяка лежал фрагмент черепа. Рядом

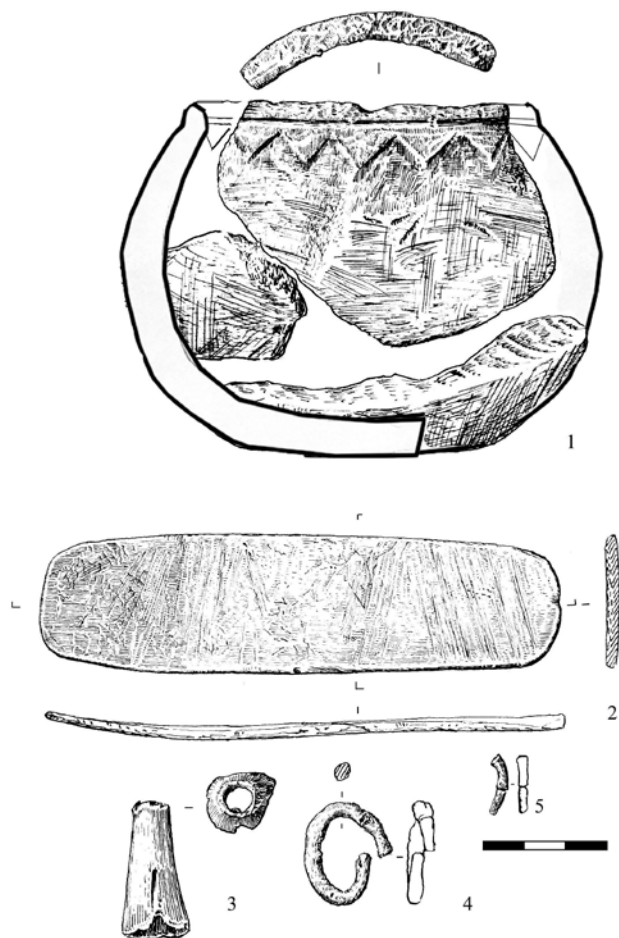

Рис. 2. Находки из кургана №12 комплекса Улаан худаг-I (1) и кургана №3 памятника Улаан худаг-II (2-5): 1 – каменный сосуд; 2 – костяная пластина; 3 – костяная трубочка; 4, 5 – свинцовые серьги

найжены кости ноги овцы и развал керамического сосуда (рис. 3.-1; фото 22 на вклейке). В западной половине ящика фиксировалась грабительская яма, которая значительным образом прорезала первоначальное дно ящика. В ее заполнении обнаружены разрозненные кости человека и несколько фрагментов от каменного сосуда, по которым он может быть реконструирован, так как полностью восстанавливается стенка (рис. 2.-1).

При исследовании заполнения каменного ящика в кургане №12 обнаружены следующие человеческие кости*. Впускное погребение представлено фрагментами черепа, зубами и длинными костями конечностей ребенка. Возраст определен по зубам и составляет 5,5–6 лет. Основное захоронение дало такие сохранившиеся материалы: фрагменты черепа,

* Все половозрастные определения антропологического материала с памятников Улаан худаг-I и II выполнены приглашенным специалистом – заведующей кабинетом антропологии ИФ АлтГУ, к.и.н. С.С. Тур (г. Барнаул, Россия).

верхней и нижней челюсти, зубы, а также части костей посткраниального скелета (плечевые, локтевая, лучевая, ребра, позвонки, лопатки, ключицы, крестец, грудина). Судя по ним, пол умершего – мужской, а возраст по стертости зубов – около 25 лет. Кроме этого, найдены части посткраниального скелета еще одного ребенка (фрагменты верхней и нижней челюсти, подвздошной и бедренных костей). Возраст определен в пределах 1,5–2,5 года.

***Результаты исследований кургана №3 эпохи бронзы
на памятнике Улаан худаг-II***

Координаты объекта по GPS-навигатору следующие: N–47°56.388', E–91°30.703'. Высота над уровнем моря 1477 м. Диаметр насыпи по линии Ю–С составлял 9 м, а по оси З–В – 7,2 м. Насыпь оказалась сложена из крупной гальки и валунов (фото 18 на вклейке). После зачистки она имела размеры 7x7 м (без учета выкладки, обнаруженной с восточной стороны). В южном секторе полы кургана найдена стенка керамического сосуда (рис. 3.-2; фото 24 на вклейке) и три альчика (таранные кости овцы), которые, вероятно, первоначально располагались внутри целого сосуда (фото 23 на вклейке). В некоторых местах насыпь была частично разрушена. Высота кургана колеблется от 0,45 до 0,8 м. В центре сооружения находился ящик из крупных гранитных плит. Он был ориентирован по линии ЮВ–СЗ с отклонением к западу и востоку. Плиты перекрытия оказались внутри конструкции, длина которой составила 2,05 м, ширина – 1,5 м. Внутренние размеры погребальной камеры такие: длина 1,85 м, ширина 1,25 м, высота – 1,35 м (в среднем – 1,2 м). Полученные в ходе раскопок наблюдения позволяют реконструировать процесс сооружения каменного ящика и всего кургана. Сначала вырывали прямоугольную яму, а затем устанавливали плиты, по всей видимости, так, чтобы каждая последующая подпирала предыдущую. Затем существующие пустоты между плитами и ямой забутовывались камнями для придания сооружению устойчивости. Вероятнее всего, строительство каменного ящика начиналось с восточной стороны. Там установили две плиты, которые затем были зафиксированы с юга и с севера аналогичными камнями. Потом конструировалась северная продольная стенка, состоявшая из трех плит. К ее краю перпендикулярно приставлялась большая фиксирующая плита. Далее формировалась южная стенка, а в самом конце перпендикулярно ей втискивалась последняя десятая плита, окончательно завершая прямоугольную конструкцию. Плиты устанавливались в яму примерно наполовину своей длины. После того, как ящик был готов, вокруг него сооружалась обкладка, подпирающая стенки ящика с внешней стороны. Вокруг этого сооружения на некотором расстоянии устраивалась выкладка-«ограда» из уложенных в 2–3 ряда камней. По всей видимости, между этой выкладкой и ящиком, обложенным камнями, существовала «дорожка». Завершением всего комплекса стало сооружение из одного слоя камней, примыкавшее с восточной стороны.

При изучении заполнения ящика внутри его, у западной стенки, была зафиксирована часть грудной клетки взрослого человека, а восточнее, под слоем гальки, найден скелет ребенка, положенного на спину головой на север-северо-запад. В погребальной камере обнаружены следующие изделия (фото 25–27 на вклейке): костяная пластина со следами сработанности (рис. 3.-2); свинцовая серьга (рис. 2.-4) и еще несколько обломков от аналогичного украшения (рис. 2.-5)*, а также полая трубочка из кости (рис. 2.-3).

* Состав металла, из которого были сделаны серьги, был определен по взятым пробам с помощью рентгенофлуоресцентного спектрометра ALPHA SERIES™ (модель Альфа-2000), который находится на кафедре археологии, этнографии и музеелогии АлтГУ (аналитик А.А. Тишкин).

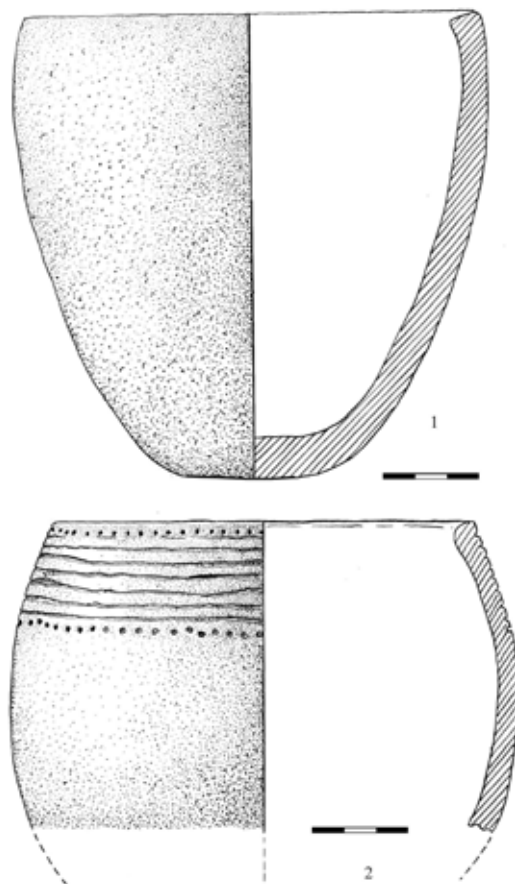

Рис. 3. Керамика: 1 – из ящика кургана №12 могильника Улаан худаг-I;
2 – из насыпи кургана №3 памятника Улаан худаг-II

В данном объекте были обнаружены следующие антропологические материалы:

1) кости посткраниального скелета ребенка (нижняя челюсть, фрагменты свода черепа, ребра, подвздошные кости); по длине бедренной, плечевой, большеберцовой и локтевой кости – возраст 0–2 месяца; на бедренной, большеберцовой и малоберцовой костях, а также наружной поверхности ребер, наружной поверхности подвздошной кости и на нижней челюсти – периостит;

2) тазовые кости, ребра, позвонки, фрагмент лобной кости и зубы; пол – мужской, возраст – 25–30 лет.

3) два зуба (верхний медиальный резец и верхний клык) с неполностью оссифицированной верхушкой корня, принадлежавшие индивиду юношеского возраста.

Как уже сказано, к востоку-юго-востоку от исследованного кургана с ящиком расположен частично разрушенный поминальник или жертвенник, сложенный также из крупной гальки. Его длина составляла 2,2 м, а ширина – 1,5 м. Хорошо сохранилась только часть выкладки. В центре сооружение представляло собой скопление камней.

Некоторые из камней выделялись размерами и продолговатой формой, а остальные напоминали своим расположением очаг.

Таким образом, в ходе выполнения работ БРМАЭ были раскопаны курганы №1 и 12 на могильнике Улаан худаг-I и курган №3 на памятнике Улаан худаг-II. В результате получен оригинальный археологический материал, включающий антропологические останки, обломки каменного сосуда, два развала керамических сосудов, две свинцовые серьги, костяные изделия.

Конструктивные особенности исследованных погребальных сооружений (устройство погребальной камеры, архитектура каменной насыпи), вещевой комплекс (свинцовые серьги, каменный сосуд) имеют аналогии в материалах ранней бронзы Центральной Азии, объединяемые в чемурчекскую культуру/общность (Ковалев А.А. и др., 2004; Ковалев А.А., 2005; 2007; Дашковский П.К., Самашев З.С., Тишкин А.А., 2007; и др.). Особо стоит указать, что выкладка, зафиксированная у кургана №1 памятника Улаан-худаг-I, имеет аналогии среди так называемых ритуальных памятников бронзы Южной Сибири (Савинов Д.Г., Рева Л.И., 1993).

Прямые аналогии находкам из могильников Улаан худаг-I и II можно найти в памятниках степного Обь-Иртышья и Южной Сибири. Свинцовые серьги обнаружены в комплексах елунинской культуры Телеутский Взвоз-I и Березовая Лука (Кирюшин Ю.Ф., Грушин С.П., Тишкин А.А., 2003; Кирюшин Ю.Ф., Малолетко А.М., Тишкин А.А., 2005). Каменный сосуд баночной формы, орнаментированный под венчиком рядом треугольников, оформленных вершинами вниз, находит параллели со случайной находкой у с. Лаптев Лог Угловского района Алтайского края (Кирюшин Ю.Ф., 2002, рис. 132–136). Серия каменных сосудов происходит из могильника Аймырлыг в Туве (Стамбульник Э.У., Чугунов К.В., 2006). Таким образом, есть определенные основания отнести полученные материалы к эпохе бронзы и датировать их концом III – 1-й половиной II тыс. до н.э. По фрагментам костей животных, найденных при исследовании кургана №1 памятника Улаан худаг-I, в Радиоуглеродной лаборатории Института истории материальной культуры РАН (г. Санкт-Петербург, Россия) получена радиоуглеродная датировка (Je-7952, 3430±130 л.т.н.; калибровочные данные – 1 sigma 1900–1600 гг. до н.э.; 2 sigma 2150–1400 гг. до н.э.), которая является лишь одним из хронологических показателей, требующих дополнительных подтверждений.

Возможным исключением всего комплекса является находка стенки сосуда в насыпи кургана №3 памятника Улаан худаг-II (рис. 3.-2). Имеющаяся орнаментация в целом не характерна для керамики ранней бронзы и может свидетельствовать о более позднем происхождении изделия.

В заключение отметим, что в долине Буянта, выше по его течению от урочища Улаан худаг, зафиксирована еще одна группа объектов с наличием хорошо фиксируемых на поверхности каменных ящиков. Все полученные при раскопках находки переданы в музей Ховдского университета, а исследованные конструкции полностью восстановлены.

Библиографический список

- Батмөнх Б. Ховд аймгийн нутаг дахь эртний туух соёлын дурсгал. Улаанбаатар, 2000. 160 т. (на монг. яз.).
- Дашковский П.К., Самашев З.С., Тишкин А.А. Комплекс археологических памятников Айна-Булак в Верхнем Прииртышье (Восточный Казахстан). Барнаул: Азбука, 2007. 96 с. + вкл.

Кирюшин Ю.Ф. Энеолит и ранняя бронза юга Западной Сибири. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2002. 294 с.

Кирюшин Ю.Ф., Грушин С.П., Тишкин А.А. Погребальный обряд населения эпохи ранней бронзы Верхнего Приобья (по материалам грунтового могильника Телеутский Взвоз-1). Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2003. 333 с.

Кирюшин Ю.Ф., Малолетко А.М., Тишкин А.А. Березовая Лука – поселение эпохи бронзы в Алейской степи. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2005. 288 с.

Ковалев А.А., Дашковский П.К., Самашев З.С., Тишкин А.А., Горбунов В.В., Грушин С.П., Варенов А.В., Омаров Г., Сунгантай С. Изучение археологических памятников в Восточном Казахстане // Комплексные исследования древних и традиционных обществ Евразии. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2004. С. 183–190.

Ковалев А.А. Чемурачский культурный феномен: его происхождение и роль в формировании культур эпохи ранней бронзы Алтая и Центральной Азии // Западная и Южная Сибирь в древности. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2005. С. 178–184.

Ковалев А.А. Чемурачский культурный феномен (статья 1999 года) // АВ: Сборник научных трудов в честь 60-летия А.В. Виноградова. СПб.: Культ-Информ-Пресс, 2007. С. 25–68.

Савинов Д.Г., Рева Л.И. К вопросу о ритуальных памятниках эпохи бронзы Южной Сибири (могильники Барлык-II и Узантал-IV) // Культура древних народов Южной Сибири. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1993. С. 45–51.

Тишкин А.А. Археологические обследования на Алтае и в Монголии // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2006. Т. XI, ч. I. С. 489–492.

Тишкин А.А. Обзор исследований в Западной Монголии и на Алтае // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2007. Т. XIII. С. 382–387.

Тишкин А.А., Нямдорж Б., Дашковский П.К., Нямсурен М., Мунхбаяр Ч. Археологические изыскания в Ховдском аймаке (предварительное сообщение) // Эколого-географические, археологические и социэтнографические исследования в Южной Сибири и Западной Монголии. Барнаул: Азбука, 2006. С. 107–114.

Тишкин А.А., Эрдэнэбаатар Д. Первые результаты Буянтской археологической экспедиции // Алтай-Саянская горная страна и история освоения ее кочевниками. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2007. С. 165–168.

В.В. Горбунов, А.А. Тишкин, Е.В. Шелепова

Алтайский государственный университет, Барнаул

ИССЛЕДОВАНИЯ РИТУАЛЬНЫХ КОМПЛЕКСОВ МОНГОЛЬСКОГО АЛТАЯ НА ПАМЯТНИКАХ БУГАТЫН УЗУУР-I и II*

Введение

В июне 2008 г. Буянтской российско-монгольской археологической экспедицией были продолжены работы в Ховдском аймаке Монголии. Изучались объекты, предположительно отнесенные к тюркской культуре. Исследования осуществлялись на левом берегу Буянта, в урочище Бугатын узуур (в пер. с монг. яз. – «Олений мыс»), где зафиксировано пять памятников. Раскопки проводились на комплексах Бугатын узуур-I и II (рис. 1). Четыре объекта раскопаны на первом и шесть на втором.

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ–МинОКН Монголии в рамках проекта №08-01-92073е/Г «Комплексное изучение археологических памятников в долине р. Буянт (Западная Монголия)».

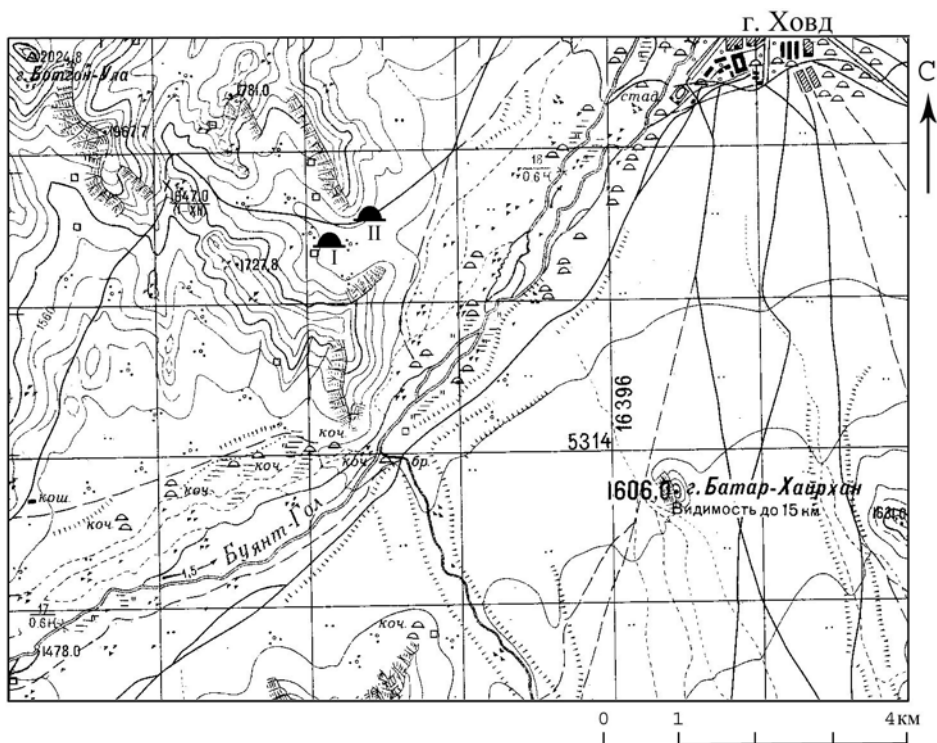

Рис. 1. Место расположения памятников Бугатын узуур-I и II

Методика раскопок

Намеченные для раскопок объекты представляли собой планиграфически связанные комплексы, которые исследовались общими раскопами. На памятнике Бугатын узуур-I так изучались оградки №1–4, а на памятнике Бугатын узуур-II – оградка №1 и кольцевые выкладки №2–6. Раскопы разбивались с учетом максимального охвата всех объектов. В них намечались линии разрезов через все сооружения. Нулевыми реперами выбирались самые южные отметки разрезов по линии А–А'. Нивелировка поверхности раскопов проводилась с помощью нивелира по разрезам через каждые 0,5 м. Помимо этого, отмечались также углы раскопов, уровни зачисток и важные конструктивные элементы (камни забутовки, стенки оградок и выкладок, изваяния, стелы-столбы, ямы). Высоты и глубины выставлялись от нулевого репера.

После разбивки раскопа производилось снятие очень маленького дернового слоя по всей его площади до материка с внешней стороны каменных объектов. В дальнейшем производились внутренняя выборка оградок и выкладок. Для всех объектов она осуществлялась в два приема. Сначала удалялся грунт и зачищались камни забутовки. Затем эти камни убирались, а внутренняя площадь оградки зачищалась по материкам. После изучения каменных конструкций оградок и выкладок выбиралось заполнение обнаруженных ям, в которых были установлены изваяния и стелы-столбы либо находились остатки прокалов. С изваяний, стел-столбов и ям снимались размеры и делались необходимые разрезы.

По окончании исследования всех объектов проводилась рекультивация раскопов с элементами музеефикации. Выбранные ямы засыпались до уровня материка. Изваяния и стелы-столбы устанавливались обратно в свои ямы, выравнивались, забутовывались и присыпались до уровня современной поверхности. Стенки оградок также выравнивались до своего первоначального положения. Заодно проверялся грунт под ними. Затем плиты стенок закладывались мелким камнем, после чего восстанавливалась забутовка оградок из крупных камней и плит. Последние в процессе раскопок складывались за пределами раскопа, отдельно для каждой оградки. В заключении внутренняя часть оградок и выкладок засыпалась землей и мелким камнем до уровня высоты стенок, а внешняя часть, вместе со всей площадью раскопа, присыпалась до уровня современной поверхности.

Результаты раскопок

Бугатын узуур-I, оградки №1–4 (рис. 2; фото 28–30 на вклейке). Выбранные для раскопок оградки образовывали ряд, ориентированный по линии Ю–С, с отклонением к ССВ и ЮЮЗ. Они исследовались единым раскопом прямоугольной формы, размерами 11х5 м. Структура раскопа прослежена по разрезу А-А': длина 11 м, глубина в точке А до уровня материка 0,2 м, в точке А' – 0,16 м. Разрез состоит из слегка гумусированного слоя песка серого цвета и материка – супесь светло-желтого цвета с вкраплениями гальки. В него попадают каменные конструкции четырех оградок. *Оградка №1*: длина в разрезе – 1,9 м, наибольшая высота – 0,35 м. В разрезе фиксируются две плиты от стенок оградки, углубленные в материк до 0,05 м. Между ними – крупные, средние и мелкие камни забутовки. *Оградка №2*: длина в разрезе – 2,3 м, наибольшая высота – 0,35 м. В разрез попадают две плиты-стенки, более северная из которых углублена в материк на 0,05 м. Между стенками – забутовка из крупных, средних и мелких камней. *Оградка №3*: длина в разрезе – 2 м, наибольшая высота – 0,32 м. В разрезе фиксируются две плиты от стенок оградки, углубленные в материк на 0,05 м. Расстояние между стенками заполняют крупные, средние и мелкие камни. Помимо этого, в разрез попадает яма, перекрытая забутовкой оградки и прорезающая материк. Ее длина по разрезу – 0,6 м, глубина в материке – 0,28 м. В яме находилось основание столба-стелы размерами 0,45х0,4 м. Стенки ямы наклонные, дно ровное. *Оградка №4*: длина в разрезе – 1,8 м, наибольшая высота – 0,3 м. В разрез попадают две плиты от стенок оградки, углубленные в материк на 0,05–0,1 м. Между ними – крупные, средние и мелкие камни забутовки.

Оградка №1 (рис. 2; фото 28–30 на вклейке) находилась в 0,5 м южнее оградки №2. До раскопок представляла собой частично задернованную каменную конструкцию подквадратной формы с четко выраженными стенками. Ее расчистка выявила сооружение, основу которого составляли стенки из вертикально установленных плит, ориентированные по сторонам света, с незначительными отклонениями. Южная стенка имела длину 2 м. Она включала две плиты размерами 1,2–0,75х0,37–0,4х0,1–0,12 м. Северная стенка имела длину 1,85 м. Она также состояла из двух плит размерами 1,1–0,75х0,38–0,4х0,1–0,12 м. Восточная стенка имела длину 1,75 м. Ее составляли две плиты размерами 1,12–0,6х0,38х0,15–0,2 м. Западная стенка имела длину 1,5 м. Здесь сохранилось две плиты размерами 0,56–0,35х0,3х0,08 м. Одной плиты в юго-западном углу оградки явно не хватало. Средние размеры оградки составляли 2,15х1,9 м. С внешней стороны стенки оградки были забутованы мелким камнем. Щели между плитами и по углам оградки также тщательно заделывались камнем. Внутреннее заполнение оградки состояло из крупных камней, уложенных плашмя на пол оградки

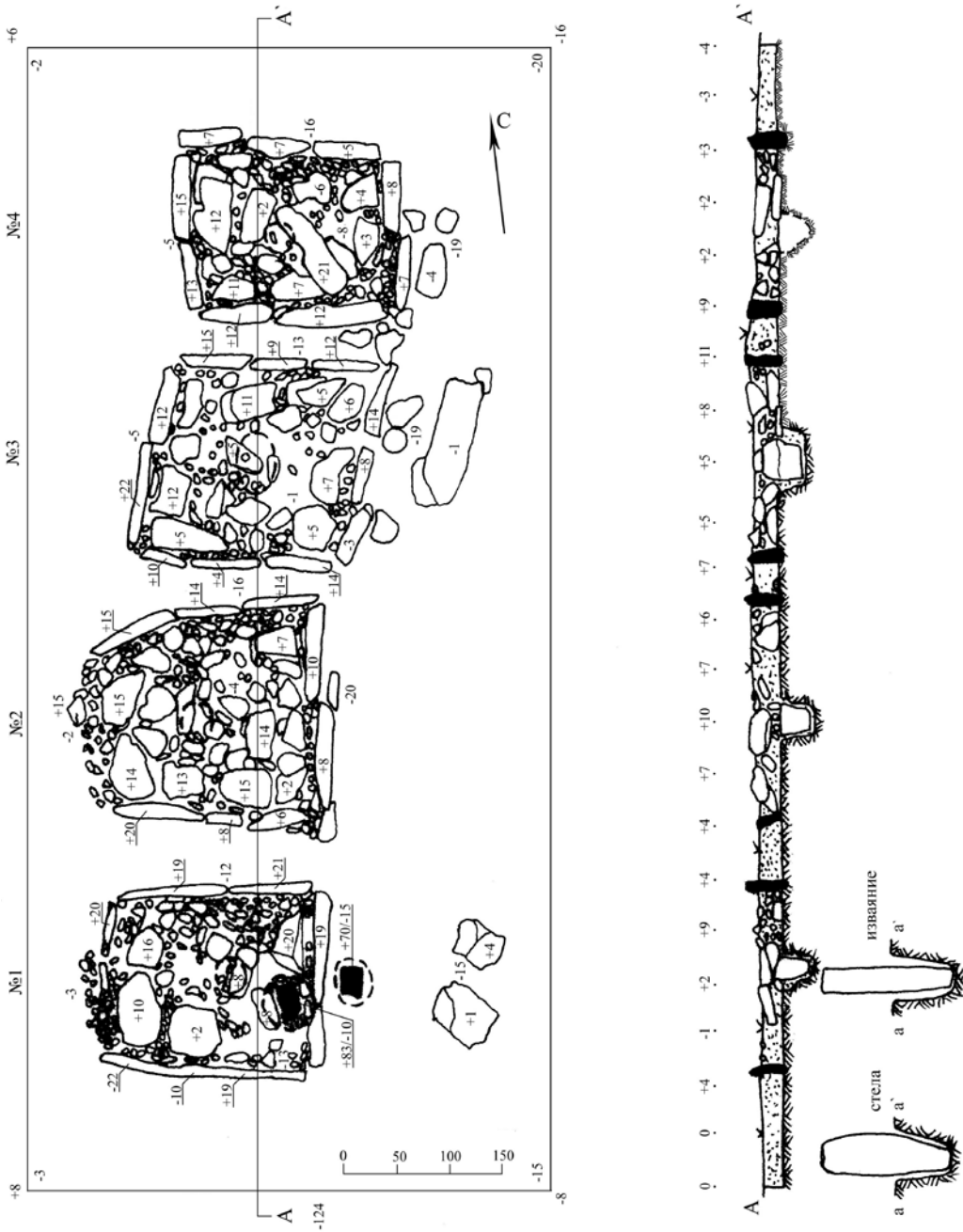

Рис. 2. Бугатын узуур-I. Оградки №1-4

или образующих второй (верхний) слой, крайние из которых подпирали стенки сооружения изнутри. Промежутки между ними заполнялись средним и мелким камнем. В юго-восточном углу оградки основная забутовка была разобрана. В центральной час-

ти сооружения также имелись незначительные нарушения заполнения. Здесь на уровне материка была зафиксирована яма с основанием каменного столба-стелы. Внутри у восточной стенки оградки выявлена яма с вертикальной стелой, а снаружи у этой же стенки находилось вкопанное изваяние. К востоку от оградки лежали два крупных камня, возможно, выброшенные из внутренней части.

Яма со столбом зафиксирована в центре оградки, на расстоянии 0,65 м от восточной стенки. Она имела округлую форму размерами 0,35x0,32 м, с углублением в материк до 0,3 м. В яме находилось основание столба-стелы размерами 0,38x0,2x0,15 м, нижняя часть которого была заужена, а верхняя обломана. Разрез ямы и столба по линии а-а': длина ямы 0,35 м, глубина 0,3 м, высота столба 0,38 м, наибольшая ширина 0,2 м. Стенки ямы наклонные, дно вогнутое. Южная часть ямы имеет уступ шириной и глубиной по 0,1 м. Заполнение ямы состояло из гумусированной супеси с примесью мелкой гальки и камней контрфорсов.

Яма со стелой зафиксирована у восточной стенки оградки. Она имела округлую форму диаметром 0,5 м, с углублением в материк на 0,55 м. В яме находилась вертикальная каменная стела, сделанная из подработанной плиты размерами 1,25x0,4x0,2 м. Широкой частью стела обращена одной стороной на восток, а другой – на запад. Велика вероятность того, что стела поставлена позднее и именно для ее установки была разобрана забутовка в юго-восточном углу оградки. Разрез ямы и стелы по линии а-а': длина ямы 0,5 м, глубина в материке 0,55 м, высота стелы 1,25 м, наибольшая ширина 0,4 м. Основание стелы заужено. Стенки ямы наклонные, дно ровное. Заполнение состояло из гумусированной супеси и камней контрфорсов.

Изваяние вкопано посередине у восточной стенки оградки, на расстоянии 0,15 м. Оно сделано из брусковидной каменной плиты со следами обработки и было вертикально установлено в яму овальной формы, размерами 0,45x0,35 м, углубленную в материк на 0,6 м, широкой частью параллельно стенке оградки. Параметры изваяния такие: высота 128 см, наибольшая ширина 26 см, наибольшая толщина 19 см. Разрез изваяния и ямы по линии а-а': длина ямы 0,2 м, глубина 0,5 м, высота изваяния 1,28 м, наибольшая ширина 0,19 м. Основание изваяния слегка заужено. Стенки ямы наклонные, дно ровное. Заполнение ямы состояло из гумусированной супеси с примесью мелкой гальки и камней контрфорсов.

Оградка №2. Находилась в 0,25 м южнее оградки №3. До раскопок представляла собой частично задернованную каменную конструкцию подквадратной формы с четко выраженными стенками. Ее расчистка выявила сооружение, основу которого составляли стенки из вертикально установленных плит, ориентированные по сторонам света, с незначительными отклонениями. Южная стенка имела длину 1,9 м. Она включала три плиты размерами 0,9–0,35x0,25–0,35x0,08–0,15 м. Две из них были наклонены наружу. Северная стенка имела длину 2,25 м. Она также состояла из трех плит размерами 0,85–0,65x0,4–0,41x0,1–0,15 м. Ее плиты образовывали дугу, уменьшавшую параметры оградки в западном направлении. Восточная стенка имела длину 1,85 м. Ее составляли две плиты размерами 1,05–0,8x0,35x0,15–0,17 м. В западной стенке плиты отсутствовали. Ее длина, судя по расстоянию до смежных стенок, должна была равняться 1,5 м. Средние размеры оградки составляли 2,2x2,05 м. С внешней стороны стенки оградки были забутованы мелким камнем. Щели между плитами и по углам оградки заделывались мелким и средним камнем. Внутреннее заполнение оградки выкладывалось

крупными, средними и мелкими камнями в один-два слоя аналогично предыдущему объекту. В центральной части оградки на уровне материка была зафиксирована яма с основанием каменного столба-стелы.

Яма со столбом зафиксирована в центре оградки, на расстоянии 1 м от восточной стенки. Она имела овальную форму размерами 0,4x0,3 м, с углублением в материк на 0,35 м. В яме находилось основание столба-стелы размерами 0,45x0,32x0,17 м, нижняя часть которого была заужена, а верхняя обломана. Разрез ямы и столба по линии а-а': длина ямы 0,4 м, глубина 0,35 м, высота столба 0,45 м, наибольшая ширина 0,32 м. Стенки ямы прямые. С небольшими заплечиками на глубине 0,1 м от уровня материка, дно ровное. Заполнение ямы состояло из гумусированной супеси с примесью мелкой гальки и камней контрфорсов.

Оградка №3. Находилась в 0,3 м южнее оградки №4. До раскопок представляла собой частично задернованную каменную конструкцию подквадратной формы с четко выраженными стенками. Ее расчистка выявила сооружение, основу которого составляли стенки из вертикально установленных плит, ориентированные по сторонам света, с незначительными отклонениями. Южная стенка имела длину 1,9 м. Она состояла из трех плит размерами 0,7–0,5x0,25–0,35x0,1–0,14 м. Северная стенка имела длину 1,9 м и тоже состояла из трех плит размерами 0,7–0,55x0,3–0,36x0,08–0,14 м. Восточная стенка имела длину 2,05 м. Ее составляли три плиты размерами 0,78–0,55x0,29–0,35x0,1–0,15 м. Западная стенка имела длину 1,8 м. Она была сооружена из двух плит размерами 1,03–0,75x0,34–0,44x0,1–0,16 м. Средние размеры оградки составляли 2,15x2 м. Стенки оградки соединялись не под прямыми углами и от этого вся конструкция приобретала немного ромбовидные очертания. С внешней стороны стенки оградки были забутованы мелким камнем. Щели между плитами и по углам оградки также заделывались камнем. Внутреннее заполнение оградки состояло из двух слоев крупных камней, уложенных плашмя на пол оградки и местами друг на друга. Промежутки между ними заполнялись средним и мелким камнем. В центральной части оградки забутовка местами была нарушена. Снаружи у восточной стенки оградки лежали крупные и средние камни. Среди них особо выделялась большая плита, имевшая размеры 1,25x0,4x0,15 м. В центре оградки зафиксирована яма с основанием каменного столба-стелы. Наружная плита могла быть частью этого сломанного столба, но она не подошла к его основанию, так же как и к основаниям столбов из трех других оградок. Данная плита могла служить изваянием оградки, которое устанавливалось с помощью контрфорсов в гумусированном слое, не углубляясь в материк.

Яма со столбом находилась в центре оградки, на расстоянии 0,8 м от восточной стенки. Она имела овальную форму размерами 0,6x0,35 м, с углублением в материк на 0,28 м. В яме находилось основание столба-стелы размерами 0,45x0,4x0,15 м, нижняя часть которого заужена и скошена, а верхняя обломана. Разрез ямы и столба приведен на общем разрезе раскопа. Заполнение ямы состояло из гумусированной супеси с примесью мелкой гальки и камней контрфорсов.

Оградка №4 – самая северная в ряду. До раскопок представляла собой частично задернованную каменную конструкцию подквадратной формы с четко выраженными стенками. Ее расчистка выявила сооружение, основу которого составляли стенки из вертикально установленных плит, ориентированные по сторонам света, с незначительными отклонениями. Южная стенка имела длину 1,8 м. Она состояла из двух плит раз-

мерами 1,1–0,7х0,32х0,2 м. Северная стенка имела длину 1,95 м. Она включала три плиты размерами 0,65–0,6х0,38–0,4х0,15–0,2 м. Восточная стенка имела длину 1,4 м. Ее составляли две плиты размерами 0,7х0,4–0,41х0,12–0,15 м. Западная стенка имела длину 1,5 м. Здесь было установлено две плиты размерами 0,8–0,7х0,31–0,34х0,12–0,16 м. Средние размеры оградки составляли 2,2х1,8 м. С внешней стороны стенки оградки были забутованы мелким камнем, таким же образом были заделаны щели между плитами и по углам оградки. Внутреннее заполнение оградки состояло из крупных, средних и мелких камней, аналогично предыдущим объектам. В центральной части оградки имелись нарушения заполнения. Снаружи у восточной стенки лежал один крупный и два средних камня, очевидно выброшенные из забутовки. В центре оградки на уровне материка была выявлена яма. Выше нее находился полностью вывернутый столб-стела. Его размеры 1х0,3х0,15 м. Основание столба заужено, в середине имеется выемка.

Яма от столба зафиксирована в центре оградки, на расстоянии 0,85 м от восточной стенки. Она имела округлую форму размерами 0,35х0,28 м, с углублением в материк до 0,3 м. Разрез ямы по линии а-а': длина 0,35 м, глубина 0,3 м. Стенки ямы наклонные, дно вогнутое. Заполнение ямы состояло из гумусированной супеси с примесью мелкой гальки и камней от контрфорсов.

Находок в раскопе не обнаружено. Весь комплекс сооружений реконструирован (фото 30 на вклейке).

Бугатын узуур-II, оградка №1 и выкладки №2–6 (рис. 3–4; фото 31–34 на вклейке). Выбранные для раскопок оградка и находящийся к северо-востоку от нее ряд выкладок объединены в раскоп Г-образной формы, ориентированный углами по сторонам света. Один прямоугольник этого раскопа, включал оградку и имел размеры 4,5х3,5 м. Перпендикулярно ему располагался другой прямоугольник раскопа, включающий ряд из пяти выкладок. Его размеры составляли 7х3 м. Структура раскопа прослежена по двум разрезам.

Разрез по линии А-А': длина 3,5 м, глубина в точке А до уровня материка 0,1 м, в точке А' – 0,09 м. Разрез состоит из гумусированного слоя серого цвета и материка – супесь светло-желтого цвета с вкраплениями гальки. В него попадают две плиты-стенки оградки, расстояние между которыми 1,8 м. Их высота над уровнем материка 0,12–0,14 м, углубленность в материк 0,05–0,07 м. Между стенками находятся отдельные камни забутовки из среднего и мелкого камня, а также яма с каменным основанием стелы-столба, каменными контрфорсами и основная часть этого столба, лежащая сверху. Ширина ямы в разрезе 0,7 м, глубина 0,5 м. Основание столба имеет ширину до 0,4 м, высоту 0,5 м. Размеры основной части столба, попадающей в разрез, 0,2х0,15 м.

Разрез по линии Б-Б': длина 7 м, глубина в точке Б до уровня материка 0,09 м, в точке Б' – 0,11 м. Разрез состоит из гумусированного слоя серого цвета и материка – супесь светло-желтого цвета с вкраплениями гальки. В него попадают каменные конструкции пяти смежных выкладок. *Выкладка №2*: длина в разрезе (между камнями) 0,75 м, наибольшая высота над уровнем материка 0,15 м. В разрезе фиксируются два камня от крепиды (один общий с выкладкой №3), лежащие на материке. Между ними находится яма от кострища. Ее ширина в разрезе 0,2 м, глубина в материке 0,05 м. Стенки ямы наклонные, дно неровное. *Выкладка №3*: длина в разрезе 0,8 м, наибольшая высота 0,2 м. В разрез попадают два камня от крепиды (общие с выкладками №2 и 4), лежащие на материке. Между ними фиксируется яма от кострища. Ее ширина в разрезе 0,15 м, глубина в материке 0,05 м. Стенки ямы наклонные, дно ровное. *Выкладка №4*: длина

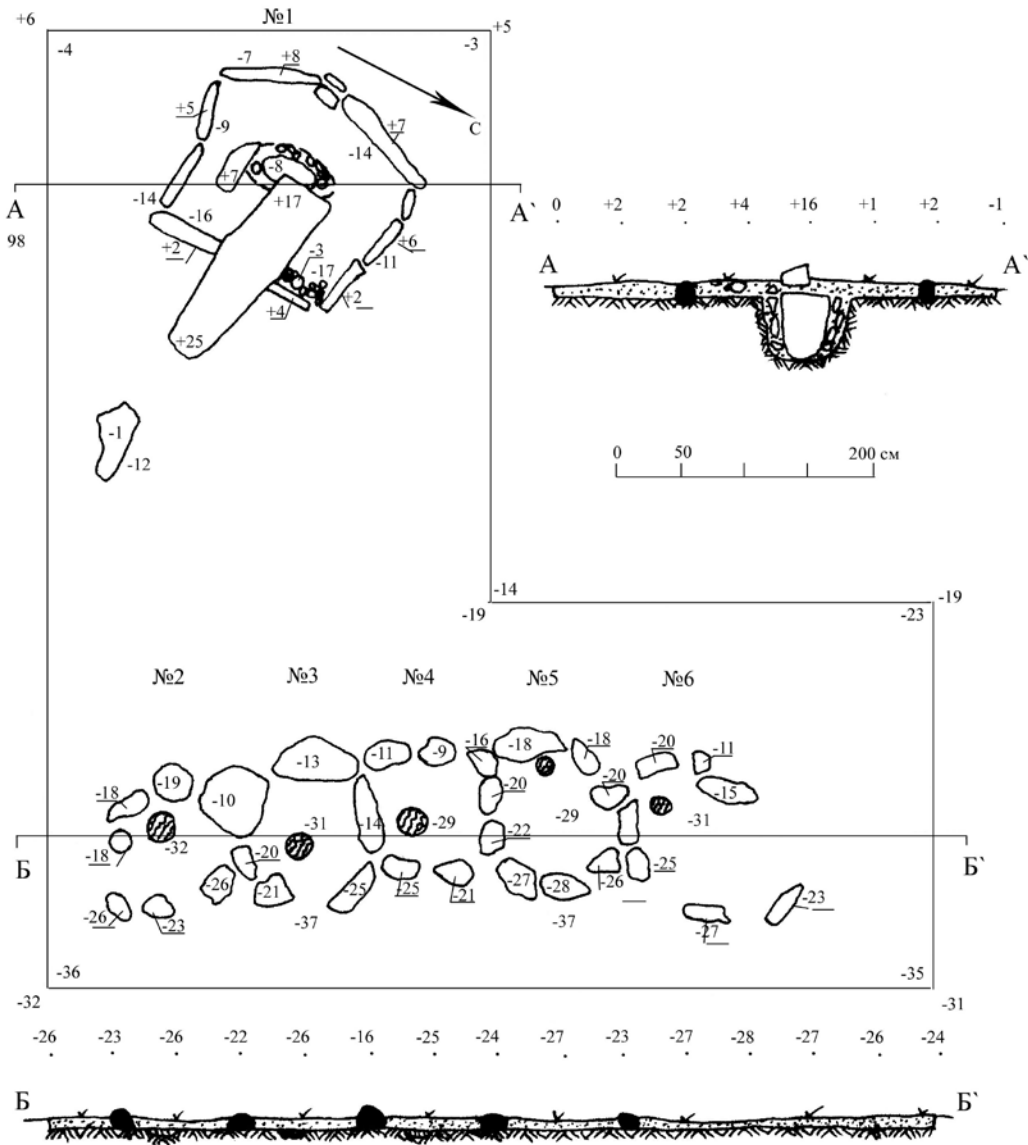

Рис. 3. Бугатын узуур-II. Исследованные объекты №1-6

в разрезе 0,75 м, наибольшая высота 0,2 м. В разрезе находятся два камня крепиды (общие с выкладками №3 и 5), лежащие на материке. Помимо этого, в разрез попадает яма от кострища, шириной 0,15 м, глубиной в материке 0,07 м. Стенки ямы наклонные, дно неровное. *Выкладка №5*: длина в разрезе 0,9 м, наибольшая высота 0,14 м. В разрез попадают два камня крепиды (общие с выкладками №4 и 6), лежащие на материке. *Выкладка №6*: длина по разрезу не фиксируется, наибольшая высота 0,14 м. В разрезе находится один камень от крепиды (общий с выкладкой №5), лежащий на материке.

Рис. 4. Бугатын узуур-II. Оградка №1. Каменная стена

Оградка №1. До раскопок представляла собой частично задернованную каменную конструкцию подквадратной формы с выраженными стенками. На ее восточной стенке лежала поваленная стела-столб. Расчистка выявила сооружение, основу которого составляли стенки из установленных на ребро плит, ориентированных по сторонам света. Южная стенка имела длину 1,1 м. Она включала две плиты размерами 0,6–0,5х0,2–0,22х0,1 м. Северная стенка имела длину 1,25 м. Она включала три плиты размерами 0,5–0,25х0,13–0,17х0,05–0,08 м. Восточная стенка имела длину 1,5 м. Она состояла из двух плит размерами 0,8–0,7х0,18–0,2х0,05–0,15 м. Западная стенка имела длину 1,85 м. Ее три плиты имели размеры 0,95–0,2х0,15–0,19х0,1–0,15 м. Средние размеры оградки составляли 1,7х1,7 м. Южная и западная стенки оградки были как бы выдавлены наружу, вероятно, в результате падения столба-стелы. С внешней стороны стенки оградки были заложены мелким камнем. Щели между стенками и по углам оградки также забутовывались. Внутреннее заполнение оградки почти отсутствовало.

Только в южной части сохранилось несколько разрозненных камней средних и мелких размеров и в северо-восточном углу оградки зачищена однослойная забутовка из мелкого камня. К востоку от оградки лежал крупный камень.

Стела-столб лежала посередине восточной стенки оградки (рис. 3). Она сделана из обработанного камня, близкого по объему к параллелепипеду. Размеры упавшей части: длина 170 см, наибольшая ширина 53 см, наибольшая толщина 29 см. Верхняя часть стелы немного скруглена, нижняя часть обломана. Стела широкой частью первоначально была обращена одной стороной к востоку (рис. 4), а другая – к западу. В центре оградки выявлена яма овальной формы, размерами 0,7х0,35 м, углубленная в материк на 0,5 м. Стенки ямы наклонные, дно неровное. В яме находилось основание стелы размерами 0,6х0,46х0,2 м (фото 32 на вклейке). Его нижняя часть слегка приострена, верхняя обломана, слом совпадает с упавшей частью стелы (рис. 4; фото 33 на вклейке). Заполнение ямы состоит из гумусированной супеси с примесью мелкой гальки и камней контрфорсов.

К северо-востоку от оградки на расстоянии 3,3 м располагался ряд из смежных выкладок, ориентированный по линии ЮВ–СЗ. Его общая длина составляла 5,6 м, максимальная ширина 1,55 м.

Выкладка №2 – самая юго-восточная в ряду, смежная с выкладкой №3. До раскопок представляла собой задернованную каменную конструкцию округлой формы, слитую с соседним объектом. Расчистка выявила сооружение, основу которого составляла крепида из восьми камней. Они образовывали неровное кольцо диаметром 1,2 м. В его центре, ближе к южному краю, на уровне материка зафиксирована яма с остатками прокала. Она имела округлую форму размерами 0,22х0,2 м и была углублена в материк на 0,05 м. Разрез ямы представлен на общем разрезе выкладок. Заполнение ямы состояло из золы, древесных углей и мелких фрагментов сырых и обожженных костей животного.

Выкладка №3 – смежная с выкладками №2 и 4. До раскопок представляла собой задернованную каменную конструкцию округлой формы, слитую с соседними объектами. Расчистка выявила сооружение, основу которого составляла крепида из шести камней. Они образовывали неровное кольцо диаметром 1,3 м. В его центре на уровне материка зафиксирована яма с остатками прокала. Она имела круглую форму диаметром 0,2 м и была углублена в материк на 0,05 м. Разрез ямы представлен на общем разрезе выкладок. Заполнение ямы состояло из золы, древесных углей и мелких фрагментов сырых и обожженных костей животного.

Выкладка №4 – смежная с выкладками №3 и 5. До раскопок представляла собой задернованную каменную конструкцию округлой формы, слитую с соседними объектами. Расчистка выявила сооружение, основу которого составляла крепида из восьми камней. Они образовывали неровное кольцо диаметром 1,2 м. В его центре, ближе к юго-восточному краю, на уровне материка зафиксирована яма с остатками прокала. Она имела округлую форму размерами 0,21х0,24 м и была углублена в материк на 0,07 м. Разрез ямы представлен на общем разрезе выкладок. Заполнение ямы состояло из золы и древесных углей.

Выкладка №5 – смежная с выкладками №4 и 6. До раскопок представляла собой задернованную каменную конструкцию округлой формы, слитую с соседними объектами. Расчистка выявила сооружение, основу которого составляла крепида из десяти камней. Они образовывали неровное кольцо диаметром 1,3 м. У юго-западного края выкладки, на уровне материка зафиксирована яма с остатками прокала. Она имела

круглую форму диаметром 0,15 м и была углублена в материк на 0,05 м. Разрез ямы по линии а-а': длина 0,15 м, глубина 0,05 м. Стенки ямы наклонные, дно вогнутое. Заполнение ямы состояло из золы и древесных углей.

Выкладка №6 – самая северо-западная в ряду, смежная с выкладкой №5. До раскопок представляла собой задернованную каменную конструкцию округлой формы, слитую с соседним объектом. Расчистка выявила сооружение, основу которого составляла крепида из семи камней. Они образовывали неровное кольцо диаметром около 1,3 м. Его северо-восточная сторона, видимо, была разрушена. Камней здесь явно не хватало. Ближе к южному краю выкладки, на уровне материка зафиксирована яма с остатками прокала. Она имела круглую форму диаметром 0,15 м и была углублена в материк на 0,05 м. Разрез ямы по линии а-а': длина 0,15 м, глубина 0,05 м. Стенки ямы наклонные, дно ровное. Заполнение ямы состояло из золы и древесных углей.

Инвентаря в раскопе не обнаружено. Весь исследованный комплекс реконструирован (фото 34 на вклейке).

Заключение

Исследованные объекты дополняют характеристику ритуальных сооружений Монгольского Алтая, которые могут быть отнесены к тюркскому времени. Так, на памятнике Бугатын узуур-I установлено сочетание изваяний у восточных стенок оградок со столбами-стелами в их центральной части. По всей видимости, каменные столбы использовались здесь аналогично деревянным в Горном Алтае, т.е. перед «закрытием» поминальника они специально ломались. В целом оградки Бугатын узуура-I очень близки комплексам рядом стоящих оградок с памятника Улаан худаг-I, раскопанных в прошлом году (Горбунов В.В., Тишкин А.А., Эрдэнэбаатар Д., 2007, с. 64–66). Только они имеют меньше разрушений и проникновений. Оградка с памятника Бугатын узуур-II по конструкции стенок, наличию высокого столба-стелы и характеру разрушения также весьма близка некоторым объектам Улаан худага-I (Горбунов В.В., Тишкин А.А., Эрдэнэбаатар Д., 2007, с. 66–68). Однако есть и отличия. Эта оградка одиночная, и, что более существенно, она имеет к востоку сопроводительный ряд из ритуальных кольцевых выкладок. Данный признак изредка фиксируется у тюркских оградок Горного Алтая (Кубарев В.Д., 1984, табл. XL). Стоит заметить, что схожие в определенной мере культовые комплексы Аргытал, раскопанные на Юстыде (Кубарев В.Д., Шульга П.И., 2007, с. 54–55, 193–195, рис. 53, 54.-1, 55.-1–3), указанные авторы склонны относить к скифскому времени, хотя и пишут, что достоверно установить хронологию этих объектов затруднительно. Действительно, отсутствие датирующих находок и незначительное количество обнаруженного материала для радиоуглеродного анализа (пережженные кости не годятся, так как в них нет коллагена) пока оставляют вопрос о культурной принадлежности и хронологическом определении открытым. Стоит надеяться, что дальнейшие исследования все же позволят прояснить ситуации, фиксируемые на Алтае, в Туве и Монголии.

Библиографический список

Горбунов В.В., Тишкин А.А., Эрдэнэбаатар Д. Тюркские оградки в Западной Монголии (по материалам раскопок на памятнике Улаан худаг-I)// Теория и практика археологических исследований. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2007. Вып. 3. С. 62–68.

Кубарев В.Д. Древнетюркские изваяния Алтая. Новосибирск: Наука, 1984. 230 с.

Кубарев В.Д., Шульга П.И. Пазырыкская культура (курганы Чуи и Урсула). Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2007. 282 с.

А.А. Ковалев

*Санкт-Петербургский государственный университет,
НИИ комплексных социальных исследований, Санкт-Петербург*

**ВЕЛИКАЯ ТАНГУТСКАЯ СТЕНА
(к интерпретации неожиданных данных
радиоуглеродного датирования)**

Одной из загадок истории Центральной Азии остаются оборонительные сооружения, во множестве зафиксированные исследователями в самом сердце пустыни Гоби – на юге современного Южногобийского аймака Монголии. Особое положение среди них занимает «длинная стена», протянувшаяся более чем на 850 км. Эта стена в соответствии с нашими данными начинается на западе близ горы Алаг уул на границе Китая и Монголии (Ноён сомон), проходит на восток, восток-северо-восток по территориям Ноён, Баяндалай, Хурмэн сомонов Монголии, затем поворачивает на восток-юго-восток и по территории Номгон сомона Монголии, по северным землям знамен (аймаков) Урад-хоуци, Урад-чжунци, Дархан-Муминган-ци Внутренней Монголии, оставляя с юга город Баян-Обо и поворачивая затем на юго-восток, достигает северной границы уезда Учунань. С начала 1960-х гг. это фортификационное сооружение стало предметом полевых исследований археологов Монголии и Китая (см.: Пэрлээ Х. 2001/1962, с. 273; Ли Ию 2001, с. 23). Усилиями советских специалистов сохранившиеся отрезки оборонительного вала были отображены на детальны́х топографических картах (Баасан Т., 2006, с. 32).

Несмотря на общеизвестность этого грандиозного сооружения, имеющего среди местного монгольского населения наименование «Чингисийн далан» («Вал Чингисхана») или «Хэрмэн дзам» («Стена-дорога»), его назначение и время постройки до последнего времени оставалось загадкой. С монгольской стороны систематических археологических исследований стены не проводилось вовсе (обзор исследовательских работ по монгольским длинным стенам приводится в работе Баасана Т. (2006)). Китайские же археологи, обследовавшие стену со своей стороны практически на всем протяжении, не проводили раскопок этого вала и связанных с ним сооружений, а также не добыли надежных топографических данных по пограничной зоне, что привело к ошибкам как в датировке, так и в дислокации стены. Дело в том, что в двух-сорока километрах южнее описываемой стены во Внутренней Монголии проходит еще один вал, заканчивающийся с востока практически в том же месте, что и «северный». С этой «южной» стеной планиграфически можно связать ряд крепостей (Ли Ию, 2001, с. 24–25), на одной из которых, Чаолукулунь (китайская транскрипция монгольского названия «каменная крепость» – «Чулун хэрэм»?), в Ульдзий сомоне Урад-хоуци аймака, в 1975 г. были проведены раскопки (Гай Шаньлинь, Лу Сысянь, 1981). Результаты исследования культурного слоя этой каменной крепости, расположенной всего лишь в 450 м. к юго-востоку от «южной» длинной стены, показали, что сооружение относится к ханьскому времени. Здесь были обнаружены фрагменты характерных только для Западной Хань черепичных дисков с круговой надписью «тянь цю вань суй» («тысячу осеней, десять тысяч лет») (см.: Шэнь Юйнянь, 2006, с. 94–96), монета «у-чжу», бронзовые наконечники арбалетных стрел с железными черешками, фрагменты железных пластин от доспехов (Гай Шаньлинь, Лу Сысянь, 1981, с. 27–28). Таким образом, появились археологичес-

кие доказательства для идентификации южной стены с «внешними укреплениями» гуанлу Сюй Чживэя, воздвигнутыми по приказу ханьского императора У-ди в 102 г. до н.э. По данным «Ши цзи», гуанлу построил оборонительную линию начиная от укреплений округа Уюань длиной «тысячу с лишним» ли вплоть до загадочного места под названием «Луцзюй» (видимо, транскрипция хуннуского топонима, как о том трактуют комментарии «Цзицзе» и «Соинь») (Ши цзи, 9, с. 2916; см.: Таскин В.С., 1968, с. 60). Географическая цзюань «Дили чжи» труда «Ханьшу» позволяет уточнить расположение «внешних укреплений гуанлу» («вай чэн»). На территории уезда Гуян ханьского округа Уюань, по словам «Дили чжи», «при выходе на север из [укрепления] Шимэнчжан [расположена крепость] Гуанлучэн, далее на северо-запад [крепость] Чжицзючэн, далее на северо-запад [крепость] Тоуманьчэн, далее на северо-запад [крепость] Хухэчэн, далее на запад – [крепость] Сулучэн» (Хань шу, 6, с. 1620). В переводе М.Е. Ермакова (Проблемы географии..., 2005, с. 72) дано: «за поселением Шимэнчжан», однако в данном случае необходимо следовать другому значению иероглифа «чжан» – «преграда» (см. ГХЮДЦД, с. 540), видимо, имеется в виду участок основной оборонительной линии («сай»). Танский трактат «Ко ди чжи» констатирует: «Это и есть линия укреплений и наблюдательных вышек вплоть до Луцзюй» (цит. по: Ши цзи, 9, с. 2916, комм. 3). Исходя из этих сведений, внешние укрепления гуанлу должны иметь длину около 500 км, пролегать в северо-западном и далее в западном направлении, начинаясь от основной оборонительной линии ханьского времени на севере тогдашнего уезда Гуян. Этому описанию полностью соответствует именно южный отрезок внешних стен, зафиксированный китайскими археологами почти на всем своем протяжении по территории Китая. Начинаясь в нескольких километрах севернее ханьской стены в современном уезде Учюань, этот вал идет строго на северо-запад вдоль границы уезда Гуюань, затем на северо-северо-запад по южной части Дархан-Муминган-ци аймака, а затем на запад по территориям Урад-чжунци и Урад-хоуци аймаков, имея общую длину на территории Внутренней Монголии, как пишет Ли Юю, 498 км (Ли Юю, 2001, с. 24; см. ЧГВУДТЦ НМГ, 1, с. 124, 130, 132, 268, 272). Однако китайские исследователи «продолжают» эту стену вплоть до соединения на территории Номгон сомона с вышеописанным монгольским «Валом Чингисхана», получая тем самым дополнительную длину в 300 километров на запад; северный же отрезок они направляют от монгольской границы на север, в сторону Баян-Овоо сомона (Ли Юю, 2001, рис. 2; ЧГВУДТЦ НМГ, 1, л. 268). Не имея дополнительных сведений о постройке северного и южного отрезков укреплений, китайские специалисты идентифицируют и тот, и другой в указанном виде с «внешними укреплениями гуанлу» (Ли Юю, 2001, с. 25–26).

Проведенное мною изучение космических снимков пограничья Монголии и Китая, размещенных на сайте системы «Google Earth», показало, что китайские археологи совершили принципиальную ошибку. Никакой стены, заходящей с китайской стороны на монгольскую территорию и идущей на север к Баян-Овоо, не существует. Монгольский «Вал Чингисхана», пересекая китайскую границу в точке с координатами 41°59.133' СШ и 105°52.559' ВД, непосредственно продолжается по линии исследованного китайцами «северного отрезка» внешних укреплений. Южная же китайская стена не заходит на монгольскую территорию вообще. Она имеет своим крайним пределом на западе точку с координатами 41°47.439' СШ и 105°57.165' ВД, что находится примерно в 7 км к северо-западу от раскопанной крепости Чаолукулюнь (координаты

ты – 41°44.021' СШ, 105°59.574' ВД). Таким образом, появляются надежные данные, для того чтобы считать «внешними укреплениями гуанлу» ТОЛЬКО ЛИШЬ «южный отрезок», имеющий соответствующие размеры и конфигурацию, а также связанную с ним крепость ханьского времени. Судя по вышеприведенным данным письменных источников, местность, где кончается на западе южная стена, можно отождествить с Луцзюй, что позволяет с гораздо большей детализацией реконструировать географию ханьско-хуннского пограничья в I в. до н.э.

Кому же принадлежит честь сооружения 850-километровой стены с севера от этих ханьских «внешних укреплений»? Возможно ли, что этот вал также построен в эпоху войн империи Хань с державой хунну? Ведь «Ши цзи» сообщает о разрушении внешних сооружений хуннскими войсками буквально сразу же после их сооружения (Ши цзи, 9, с. 2916), несмотря на то, что эта оборонительная линия функционировала после этого минимум полвека: в 51 году до н.э. шаньюй Хуханье просил у ханьского императора дозволения расположить свои кочевья около «укреплений гуанлу» (Хань шу, 11, с. 3798; см. Таскин В.С., 1972, с. 36).

С целью установления периода и целей сооружения северной стены Международная Центральноазиатская археологическая экспедиция под руководством А.А. Ковалева и Д. Эрдэнэбаатара провела детальное археологическое обследование пограничной полосы: в 2005 г. – на территории Баян-Далай и Хурмэн сомонов, в 2007 г. – на территории Номгон сомона Южногобийского аймака (см. отчеты экспедиции за 2005 и 2007 гг. в Центре научной информации АН Монголии). В ходе полевых исследований с юга от стены нами были обнаружены пять земляных крепостей (видимо, военных лагерей) размерами в плане от 80x80 до 160x160 м, с высотой вала до 1,5 м (две в Номгон сомоне, а три в Хурмэн сомоне). Еще одну такую крепость мне удалось обнаружить на самом западном отрезке стены на территории Баян-Далай сомона с помощью системы «Google Earth» (координаты 42°10.337' СШ, 102° 25.086' ВД). Одна из крепостей в Номгон сомоне (Шар толгойн хэрэм), обследованная Х. Пэрлээ (2001, с. 272–273) на территории «5-й бригады», около гор Шивээт уул, схожая по конструкции с вышеуказанными, также относится к этой оборонительной линии, если не является одной из обследованных нами. С севера от стены, на горах, в 2005 г. нам удалось найти ряд наблюдательных вышек, сложенных из камня. Эта конструкция оборонительной линии позволяет полностью отбросить фантастические допущения о сооружении стены правителями монголов (Баасан Т., 2006, с. 32), поскольку такая система пограничных укреплений явно предназначена для защиты от нападения с севера. Предпринятая нами шурфовка всех обнаруженных сооружений не выявила следов культурного слоя. Земляные валы крепостей не были усилены какими-либо дополнительными конструкциями, только лишь на крепости севернее горы Хэрэм ундэр в местности Шивээ хатавч в Хурмэн сомоне удалось обнаружить тонкие кольшки, воткнутые в вал (против кавалерии?) вертикально несколькими рядами. Сама стена на многих участках была только лишь намечена ее строителями. Скажем, в Номгон сомоне ее первоначальная высота не могла превышать и одного метра. Здесь она была сложена из земли, добытой из неглубоких ровиков по краям. В Хурмэн и Баян-Далай сомонах стена на ряде участков была построена из слоев саксаула и земли, либо, где позволяли условия местности, из камня на высоту до 3 м, однако таких отрезков было немного, на остальном протяжении это сооружение представляло весьма жалкое зрелище. Все это создает впечатление о том, что строители обо-

ронительной линии не смогли полностью реализовать свой замысел и вынуждены были оставить этот рубеж через несколько месяцев после начала работ.

С целью определения даты сооружения оборонительной линии нами для радиоуглеродного анализа в ходе экспедиции 2005 г. в Хурмэн сомоне были взяты образцы дерева, в том числе стволов саксаула, слагающих длинную стену, колышков из крепостного вала и вкопанных столбов в лагере-крепости Хэрэм ундэр, а также дерева из нижнего горизонта (на скальном основании) шурфа в каменной башне, построенной с севера от стены над горным проходом Шивээ хатавч. Все эти образцы были исследованы в радиоуглеродной лаборатории ИИМК РАН. Полученные результаты оказались совершенно неожиданными (см. табл.). При всей возможной неточности радиоуглеродного датирования оборонительные сооружения «Вала Чингисхана» должны быть теперь отнесены к средневековью. При этом обращает внимание разделение полученных восьми дат на две группы: к первой (Ле-7515, Ле-7984, Ле-7985, Ле-7986) относятся определения возраста коновязи (?) и колышков из крепости Хэрэм ундэр, остатков дерева из нижнего слоя форта Шивээ хатавч, а также ствола саксаула из длинной стены в 4 км западнее прохода Шивээ хатавч. Все эти образцы дали даты начиная с X по конец XIII в. По четырем образцам из второй группы – саксаулу из длинной стены близ двух вновь открытых нами крепостей в районе гор Хара шивэний хэц 12–20 км восточнее Шивээ хатавч – были получены четыре даты (Ле-7980, Ле-7981, Ле-7982, Ле-7983), полностью укладывающиеся в XIV в. Расхождение между двумя группами никак не может быть объяснено, исходя из периода жизни исследованного растения (в основном гобийского саксаула (*Haloxylon ammodendron*)), который составляет около 50 лет. Не подходит и предположение о «достройке» укреплений. Ведь за указанный период Южная Гоби неоднократно переходила из рук в руки. С XI в. эта территория входила в состав тангутского государства Си Ся. В начале XIII в. она была завоевана Чингисханом, вошла в состав Юаньской империи, после падения династии Юань в Китае в 60-х гг. XIV в. осталась под юрисдикцией Чингизидов, однако превратилась в арену постоянных военных столкновений между войсками династии Мин и монголами. Поскольку монгольским правителям Китая в XIII–XIV вв. не было никакого смысла строить заградительную линию от нападений с севера, «Вал Чингисхана» мог быть сооружен либо до уничтожения государства Си Ся (в этом случае он был построен тангутами для защиты от монголов), либо после падения юаньской династии (в этом случае его соорудили как передовую линию обороны от монголов правители династии Мин).

С точки зрения естественно-научной корректности и применимости данных анализа обеих групп образцов будет уместным вспомнить, что пустыня Гоби в XX в. подверглась массивированному воздействию наземных и воздушных ядерных (с 1967 г. – термоядерных) взрывов, проводимых Китаем на полигоне Лоб-нор с 1964 по 1980 г. За это время там были проведены 23 атмосферных испытания общей мощностью 20920 килотонн (что в три раза больше суммарного энерговыделения наземных взрывов СССР на Семипалатинском полигоне) (Ядерное разоружение..., 2001, раздел 2.-1). Последствия загрязнения при взрыве радиоактивными веществами образцов для радиоуглеродного анализа оценить достаточно сложно. Они зависят как от характера соответствующего ядерного устройства, так и от атмосферных условий в день испытаний и последующий период. Детальных исследований характера радиоактивного загрязнения территории Монголии пока не проводилось. Однако в любом

случае наибольшему воздействию продуктов радиоактивного распада должны были подвергаться объекты, находившиеся в 1964–1980 гг. на поверхности земли. Известно, что использование в хронометрии космогенных нуклидов может затрудняться нуклео-генным вкладом в исследуемый изотоп; такое воздействие исследовалось на примере ядерных реакций в радиоактивных природных примесях (Вагнер Г.А., 2007, с. 136), но последствия попадания радиоактивного вещества на поверхность мертвого дерева или иного органического образца не были предметом изучения. Однако можно предложить следующую модель. Выделяющиеся при ядерном взрыве продукты деления представляют собой сложную смесь более чем 200 радиоактивных изотопов 36 элементов (от цинка до гадолиния). Среди них с атмосферными осадками выпадает большое количество долгоживущих нуклидов ^{90}Sr , ^{137}Cs . Кроме того, в нижней части атмосферы, особенно после термоядерного взрыва, распространяются (и выпадают вместе с осадками) радионуклиды наведенной активности тяжелее воздуха (^{28}Al , ^{24}Na , ^{56}Mn , ^{59}Fe , ^{60}Co и др.), а также оставшиеся неразделившимися радиоактивные атомы урана и плутония (Василенко О.И. и др., 1996). При дальнейшем распаде этих радиоактивных изотопов, попавших на поверхность какого-либо органического объекта, выделяются нейтроны, при воздействии которых содержащиеся в органике атомы азота ^{14}N теоретически могут преобразоваться в радиоактивный изотоп углерода ^{14}C . Таким образом, процентное содержание изотопа ^{14}C в датированном образце должно увеличиваться, что приводит к омоложению даты. Приведенные рассуждения, естественно, вызывают серьезные сомнения в достоверности радиоуглеродных датировок тех памятников, которые находились, можно сказать, в эпицентре китайских ядерных взрывов – в пустыне Такла-Макан и соседних областях (сводку радиоуглеродных дат по Синьцзяну см.: Mei J., 2000, p. 172–174). Могильники и поселения эпохи бронзы–раннего железа в этих местах часто не перекрыты позднейшими отложениями; деревянные гробницы, устроенные на древней дневной поверхности (Гумугоу, Сяохэ), так и стояли открытые всем ветрам в период проведения термоядерных взрывов.

Воздействию выпадающих после термоядерного взрыва радионуклидов должны были в наибольшей степени подвергнуться образцы второй группы, давшие поздние даты, в пределах XIV в.: все они были отобраны из верхних слоев дерева «длинной стены» на высоте около 1–2 м от уровня современной поверхности. Образцы первой («ранней») группы должны были в указанный период находиться под землей: от вкопанных посреди крепости-лагеря Хэрэм ундэр двух столбов-«коновязей» сохранились только нижние части (Je-7515), то же самое можно сказать и об остатках деревянных колышков из стены этой крепости (Je-7985), дерево из форта Шивээ Хатавч извлечено из шурфа с глубины около 1 м (Je-7986), а взятый для анализа (Je-7984) ствол саксаула из длинной стены западнее Шивээ хатавч лежал в наносной глине практически на уровне современной поверхности: в этом месте стена была сильно разрушена или недостроена. Таким образом, радиоуглеродные даты второй группы, указывающие на постройку оборонительной линии в позднее – минское – время, не должны быть опорой для датирования. Более вероятным оказывается сооружение стены и крепостей тангутами в период войн с армиями Чингисхана. Но насколько это соответствует данным письменных источников?

В эру правления Хуньу (1368–1398 гг.) основатель империи Мин Чжу Юаньчжан вел постоянные войны против Чингизидов и других монгольских правителей и

полководцев, контролировавших территорию Ордоса, пустыню Алашань и горы Иньшань. Отдельные армии китайцев доходили вплоть до Каракорума и реки Орхон, однако о постройке минцами оборонительной линии в пустыне Гоби источники не говорят ни слова. Действительно, ведь в минскую эпоху китайские пограничные крепости и гарнизоны размещались гораздо южнее (Тун Яохуй, 2004, с. 48–54). Эти укрепления были устроены по северной границе нынешней провинции Ганьсу, затем шли на восток к Гуяюани (Нинся) и, продолжаясь вдоль нынешней северо-западной границы провинции Шэньси, достигали восточного отрезка излучины Хуанхэ, шли дальше на восток примерно по северной границе провинции Шаньси и далее, по южным отрогам гор Яньшань, проходили в 30 км севернее современного Пекина (где организован их туристический показ). Так что территория Китая в минское время никак не могла охватывать пустыню Алашань, находящуюся с юга от «Вала Чингисхана». Как мы видим, власть династии Мин не распространялась даже на пригодные для земледелия земли по северному берегу излучины Хуанхэ, которые осваивались китайцами начиная с конца IV до н.э., с завоевательных походов чжаоского Улин-вана (Ши цзи, 9, с. 2885). По границе тогдашней провинции Ганьсу, за укрепленной линией, имелись владения зависимых от Китая монгольских племен, в том числе Аньдин, Адуань, Цюйсянь, Чициньмэнгу, Шачжоу, Ханьдун, Хамэйли, однако власть этих владений распространялась на север не далее нынешних пределов Ганьсу, Цинхя и Нинся (Bretschneider E., 1888, p. 205–220; Покотилов Д.Д., 1893, с. 43). То же самое можно сказать и о монгольских гарнизонах Уцзин, Гаочан, Цзишань, Сыпин, Сыбаучи, Мэнгуцзюнь, Мэцзицзюнь (Serruys H., 1961, p. 265–266). Положение зависимых монголов в Ганьсу подробно разобрано Анри Серрюисом (Serruys H., 1961), который отмечает, что если до конца периода правления Хуньу шел процесс подчинения сохранявших свои земли пограничных монгольских и уйгурских племен и родов, то после стабилизации границы в начале XV в. независимое монгольское население, проживавшее с севера от пограничной линии, стало в массовом порядке переселяться на китайскую территорию, под защиту минских пограничных войск; частью эти монголы перемещались во внутренние земли Китая (Serruys H., 1961, p. 271–282). На востоке урянхайские и чжурчжэньские племена образовывали северный внешний заслон для защиты Бэйпина и Ляодуна; однако и здесь подвластные китайцам инородцы не могли селиться на западе далее современного Чжэнцзякоу (Покотилов Д.Д., 1893, с. 15; Francke W., 1945, p. 14–16). Таким образом, интересующая нас территория современного Автономного района «Внутренняя Монголия» от оз. Гашун-нур на западе до Чжэнцзякоу (Калгана) на востоке в эпоху династии Мин не находилась под контролем китайской державы. Тем более отсутствуют и сообщения о постройке здесь оборонительной линии (см. собрание сведений о постройке минских стен в Чанчэн вэньхуа цзыляо цзильюэ, 1981, с. 135).

Рассмотрим, возможно ли было создание оборонительной линии с севера от пустыни Алашань в ходе масштабных наступательных операций в гобийские пределы, предпринимавшихся минскими войсками в конце XIV–XV вв.

В 1372 г. западный отряд армии Сюй Да под руководством Пин Шэна и при участии Фу Юдэ в качестве начальника авангарда, разбив монгольскую армию в районе современных уездов Линчжоу и Юнчан провинции Ганьсу, дошел на севере до озера Гашун-нур, а на западе до уезда Аньси в Ганьсуском коридоре (Покотилов Д.Д., 1893,

с. 5; Francke W., 1945, p. 9). Как сообщает биография Пин Шэна (Мин ши, цз. 129), следом за разгромом монголов на Гашун-нуре (Ицзинайлу) этот полководец продвинулся в некие горы Бедушань, где от него сбежал начальствовавший там ци-ван Доэрчжибань, что позволило взять в плен 27 пинчжанов – юаньских чиновников, а также захватить богатую добычу: более десяти тысяч голов лошадей, крупного и мелкого рогатого скота. В то же время Фу Юдэ продвинулся по Ганьсускому коридору на запад – до Гуашачжоу, располагавшегося в современном уезде Аньси (Francke W., 1945, p. 9). Горы недалеко от Гашун-нура с многочисленным населением, стадами лошадей и даже крупного (!) рогатого скота мы можем обнаружить только на север от пустыни Алашань – в Южногобийском аймаке Монголии.

Несмотря на впечатляющую победу, китайцам не удалось закрепиться даже в районе р. Эдзин-гол и оз. Гашун-нур, где еще в ханьскую эпоху стояли имперские гарнизоны. Это подтверждается тем, что через восемь лет, весной тринадцатого года Хуньэ (1380 г.), минские войска под руководством западного пин-хоу Му Ина вновь выступили в Гоби для нападения на Ицзинайлу. Цзюань 337 «Мин ши», посвященная истории монгольских племен, ошибочно повествует о достижении Му Ином столицы Монголии – Каракорума (Хэлинь). Это утверждение, некритично воспроизведенное Д.Д. Покотиловым (1893, с. 9), опровергается текстом более объективных «хроникальных» источников: «Мин Тай-цзу шилу» (цз. 130), императорских анналов и биографии Му Ина из «Мин ши» (цз. 2, 126) (Francke W., 1945, p. 11). Исходя из наиболее подробного отчета об экспедиции Му Ина, приведенного в цзюани 130 «Мин Тай-цзу шилу» (с. 2074) и почти дословно переданного в цзюани 126 «Мин ши», армия Му Ина не позднее третьего месяца (апрель) вышла из Линчжоу (современный уезд Линьэ в Нинся, на правом берегу Хуанхэ), переправилась на западный берег Хуанхэ, перевалила горы Хэланьшань (на границе Нинся и Внутренней Монголии), в течение семи дней и ночей пересекла пустыню (Алашань?) «вплоть до ее (северной) границы». Затем, пройдя еще 50 ли и разделив войска на четыре части, Му Ин сумел разбить многочисленные войска монголов и пленить их руководителей Тохочи, Айцзу и других. Судя по тексту «Мин Тай-цзу шилу» и цзюани 2 «Мин ши», поход Му Ина завершился в районе Ицзинайлу (оз. Гашун-нур). На этом подвиги Му Ина на западе заканчиваются. Весной следующего года он принял участие со своими войсками в походе на восток Внутренней Монголии, предпринятый против монгольского пинчжана Наир-бухи (Найэрбухуа), при этом вышел «другим» (по сравнению с прошлогодним) путем на север за пределы укрепленной линии, захватил вражескую засечную линию в горах Гунчжишань, уничтожил здесь пограничную стражу, разгромил четыре племени (?) Цзюаньнин, переправился через реку Луцзюйхэ (Мин Тай-цзу шилу, цз. 137, с. 2162–2163, Мин ши, цз. 126), т.е. достиг на востоке как минимум реки Шара-Мурэн (Francke W., 1945, p. 11–12). Сразу же после этого Му Ин вместе со своей армией был под началом Фу Юдэ отправлен на юг для завоевания Юньнани (Мин ши, цз. 126).

Вновь мы встречаемся с попыткой вторжения китайских войск на территорию Южногобийского аймака только лишь в 1437 г. В это время большое беспокойство китайцам своими набегами на Ганьчжоу и Лянчжоу доставляли урянхайцы, переселившиеся с востока в район р. Эдзин-гол. Против этих монгольских аилов, которыми руководили Атай-ван и Доэрчжи(Дорж)-бо, в первом году эры правления Чжэнтун (1436 г.) выступил полководец Чэнь Мао, который разбил Доржа в Пинчуани и гнал его войска

до неких гор Суушань. Зимой второго года (зима 1437/1438 гг.) начальником похода против урянхайцев был назначен Ван Цзи, которому были приданы отряды Цзян Гуя и Чжао Аня, а также Жэнь Ли (Мин ши, цз. 327; см. неполное изложение событий: Покотилов Д.Д., 1893, с. 50). Весной 1438 г. объединенная армия выступила «за пределы укрепленной линии»; об этом походе подробно повествуют биографии Ван Цзи (Мин ши, цз. 171), а также Цзян Гуя, Чжао Аня и Жэнь Ли (Мин ши, цз. 155). Судя по этим источникам, Ван Цзи вышел в поход вместе с Цзян Гуем и Жэнь Ли, первую победу над отрядами Доржа они одержали по Шичэном (по-китайски – «каменная крепость», возможно, имеется в виду сооружение типа открытых нами в 2007 г. в горах на юге Номгон сомона (Булак, Хэрмэн цаган овоо) каменных крепостей-загонов для скота, которые в этом случае были построены урянхайцами в 1-й четверти XV в.). Как сказано в биографии Цзян Гуя, эта крепость Шичэн находилась в районе гор Ланшань («Волчьи горы», скорее всего, подразумеваются горы с тем же современным названием с северо-запада от излучины Хуанхэ). Дорж и Атай отошли в местность Улунай. Тогда Цзян Гуй во главе двух тысяч пятисот конников погнался за Атаем, за три дня и ночи достиг отступивших монголов и наголову их разбил. Ван Цзи вместе с Жэнь Ли другим путем прошли до Утунлинь и далее на Ицзинай (оз. Гашун-нур), где нанесли поражение урянхайцам. Где-то здесь с ними соединился Цзян Гуй; вместе они отогнали остатки монгольских аилов до Хэйцюань (по-китайски – «Черный источник»). Чжао Ань выступил отдельно: он выдвинул свои войска из Чаннина, дошел до Дяолигоу, где вступил в сражения с монголами. В целом, преследуя Доржа вплоть до его полного разгрома, войска, как сказано в биографии Ван Цзи, преодолели по пустыне «тысячу ли» (около 400–500 км). Местности, в которых проходили сражения, в основном не локализованы современными исследователями, однако, исходя из выступления войск Ван Цзи на горы Ланшань и последующего похода на оз. Гашун-нур, можно утверждать, что минские войска двигались с севера от пустыни Алашань: Ван Цзи и Жэнь Ли, по-видимому, напрямик, а Цзян Гуй в погоне за Атаем – с отклонением на монгольскую территорию; Хэйцюань, скорее всего, находился на землях Южногобийского аймака. Все отряды, судя по контексту, вернулись после похода на китайскую территорию.

Таким образом, можно заключить, что юг Южногобийского аймака Монголии и степные территории к северо-западу и северу от современных гор Ланшань во Внутренней Монголии не могли оказаться под военным контролем империи Мин в такой степени, чтобы это могло позволить китайцам соорудить укрепленную линию длиной 850 км. Спорадические военные походы китайцев приводили в лучшем случае к разгрому в этом районе тех или иных группировок монгольских войск, однако минские правители не смогли установить даже протекторат над местным монгольским населением.

Государство Си Ся, напротив, владело территорией к северу и северо-западу от гор Ланшань и пустыней Алашань. Монгольскими правителями Китая именно на землях тангутов, как подчеркнуто в «Юань ши» (см. запись под восьмым годом эры правления Чжюань (1271 г.) в 93 цзюани), был учрежден округ Улахай-лу, которому были подведомственны земли Алашаньских, Уратских аймаков и Бэйхэ (ЧГЛШДМДЦД, 1, с. 161). Правитель Си Ся Юаньхао еще в 1035 г. учредил по своим границам 12 военных управлений («цзюньсы»), среди которых мы находим Хэйшуй чжэньян, Байма цянчжэнь и Хэйшань вэйфу (Сун ши, цз. 485, Си Ся шу ши, цз. 12), занимавших именно эти земли

(см. ЧГВУДТЦ НМГ, 1, с. 44). Управление Хэйшуй чжэньянь располагалось в районе оз. Гашун-нур; его административным центром, скорее всего, был Хэйшуйчэн (Харахото), при династии Юань здесь образован округ Ицзинайлу (ЧГЛШДМДЦД, с. 2556). Еще в 987 г. Цициань – дед Юаньхао – использовал р. Хэйшуйхэ (совр. Эдзин-гол) в качестве базы для нападений на китайские округа на территории нынешнего Нинся (Си Ся шу ши, цз. 4). Военное управление Байма цяньчжэнь, скорее всего, распространило свою юрисдикцию на земли Алашаньского левого аймака Внутренней Монголии (ЧГЛШДМДЦД, 1, с. 771). Управление Хэйшань вэйфу охватывало, видимо, земли нынешних Уратских среднего и заднего аймаков (Улатэчжунци, Улатэхуоци) Внутренней Монголии (ЧГЛШДМДЦД, 2, с. 2554, Си Ся шу ши, цз. 12). Имеется мнение и о том, что имелись в виду другие горы Хэйшань и, соответственно, одноименное военное управление располагалось значительно южнее, в районе гор Луншоушань (уезд Шаньдань провинции Ганьсу) (Ван Бэйчэнь, 2000, с. 385; ЧГЛШДМДЦД, 2, с. 2554). Вопрос о расположении управлений Хэйшуй и Хэйшань подробно рассмотрен в статье Бао Туна, который приходит к выводу о локализации гор Хэйшань с севера от Хуанхэ, на юге Уратского среднего аймака; здесь он помещает также упоминаемую источниками крепость Улахай, которая, по мнению большинства исследователей, была административным центром Хэйшань вэйфу; Бао Тун предполагает, что Улахайчэн – это обнаруженная археологами в двух километрах к северу от волости Синьхужэ огромная крепость, добытый в пределах которой немногочисленный подъемный материал относится, по его мнению, к цзиньскому и юаньскому времени (Бао Тун, 1994). Обследования этой крепости, проведенные в 1970-х гг., показали, что она функционировала как минимум в эпоху Юань. Крепость имеет прямоугольную форму размерами в плане 800x850 м, высота земляных стен достигает 8 м, толщина – 10 м. С четырех сторон устроены проемы для ворот шириной 5 м, защищенные дополнительными стенами (Ли Юю, 1986, с. 97, ЧГВУДТЦ НМГ, 2, с. 626). Расположение крепости Синьхужэ как нельзя лучше соответствует источникам (Бао Тун, 1994, с. 67): она находится непосредственно с севера от гор в 30 км к югу от «Вала Чингисхана», защищая проход к Хуанхэ (на Уюань и Баотоу) одновременно от угрозы с севера (монголы) и с северо-востока (чжурчжэни); тем более, что, как предполагается, тангутское название *Qui-ga-sa* (кит. «Улахай») означает «проход в (длинной) стене» (Ван Бэйчэнь, 2000, с. 386). Наличие юаньского материала на территории крепости косвенно подтверждает эту гипотезу: ведь впоследствии монголами на территории Си Ся был организован округ Улахай-лу (см. выше). Кроме того, по размерам укрепление Синьхужэ явно превосходит уездные города и соответствует известным окружным («лу») юаньским центрам – Инчан-лу (650x800 м), Дэнин-лу (960x574 м) (Ли Юю, 1986, с. 106). Локализация укрепления Улахай в Уратском среднем аймаке соответствует также сообщению цзюани 60 «Юань ши» о том, что монголы прорвались в 1209 г. в Хэси по проходу «севернее Хэйшуйчэн (Хара-Хото) и западнее Улахая» (см. ниже). Этого никак нельзя было бы сказать при размещении Улахая прямо на юг от Хара-Хото, в горах Луншоушань. Придерживающийся «южной» локализации Улахая Ван Бэйчэнь обратил внимание на это обстоятельство, но предпочел поставить под сомнение достоверность сведений этой географической главы «Юань ши» (Ван Бэйчэнь, 2000, с. 390).

До наших дней дошли сведения о направлениях ударов монгольских войск в ходе нескольких кампаний против Си Ся, показывающих военную значимость рассматри-

ваемого рубежа. Как следует из «Юань ши» и компиляции У Гуанчэна, в 1207 г. нападение на Си Ся ограничилось захватом крепости Волохай (Улахай), где монголы оставались несколько месяцев (Юань ши, цз. 1, Си Ся шу ши, цз. 40). Весной 1209 г. монгольские войска вторглись на территорию Хэси: как сообщает «Юань ши», перед этим монгольские войска прошли через «пограничный проход», располагавшийся «к северу от Хэйшуйчэн и к западу от Улахай» (Юань ши, цз. 60: «Ю Хэйшуйчэн бэй Улахай си гуанькоу фан Хэси»); через месяц сдалась и крепость Улахай (Юань ши, цз. 1, Си ся шу ши, цз. 40). Весной 1226 г. монгольские войска «прошли через пустыню», вторглись в Хэси и взяли Хэйшуйчэн (Хара-Хото), затем отправились на летние пастбища в горы Хуньчуйшань в западной части Ганьсу (Си Ся шу ши, цз. 42). «Сокровенное сказание» повествует о том, что осенью этого года монгольские войска опять «взяли Улахай», а затем осадили Линчжоу (Юань чао биши, цз. 14). Напротив, в династийной истории «Юань ши» (расширенно – в компиляции «Сися шу ши») говорится о том, что летом и осенью монголы последовательно захватывали тангутские укрепленные пункты на западе Ганьсу, а затем, к декабрю, напали на Линчжоу (Юань ши, цз. 1, Си ся шу ши, цз. 42). Рашид-ад-дин в рассказе об этом походе говорит: «Когда Чингисхан прибыл в область Тангут, то прежде всего захватил такие города, как Гам-джиу, Су-джиу, Ка-джу и Урукай, а город Даршакай [Линчжоу. – А.К.] осадил и поджег» (Рашид-ад-дин, 1952, с. 231). Это подтверждает информацию «Сокровенного сказания» о взятии, в том числе и Улахая (в рукописях книги Рашид-ад-дина «Урукай», «Аруки»). Показательно, что Улахай помещен летописцем в конец списка городов, перечисляемых с запада на восток: Ганьчжоу, Сучжоу, Сячжоу. Согласно китайским источникам, именно в такой последовательности эти города и завоевывались Чингисханом осенью 1226 г. (Си Ся шу ши, цз. 42). В результате весь запад государства Си Ся оказался оккупирован монголами. Перед началом осады столицы – Линчжоу – Чингисхану необходимо было обезопасить себя от нападения с севера, т.е. взять Улахай и отрезать тем самым военные силы тангутов на северной границе. Сообщение о взятии Улахая после победного похода монгольской армии по территории Си Ся с запада на восток подтверждает справедливость мнения о локализации Улахая на северо-востоке тангутского государства.

Монголы, таким образом, регулярно проникали на территорию Си Ся именно через интересующий нас рубеж. Особое внимание обращает тот факт, что, как следует из приведенного сообщения цзюани 60 «Юань ши», между Хэйшуйчэн и Улахай, как раз по линии «Вала Чингисхана», имелся некий «гуанькоу» («пограничный проход», «пограничный пункт», «проход среди застав»), т.е. граница здесь была соответствующим образом обустроена.

Кроме этого, имеются и археологические свидетельства присутствия тангутов непосредственно на этом рубеже. В ходе археологических разведок на ряде крепостей в Уратских аймаках в районе «внешних стен» были обнаружены типичные тангутские артефакты: фрагменты фарфоровых сосудов с черной и желтой глазурью, что позволило китайцам сделать вывод об использовании этих укреплений государством Си Ся (китайские археологи исходят из убеждения о том, что все крепости, размещавшиеся вдоль двух линий «внешних укреплений», должны были быть построены в ханьское время, хотя там не найдено датирующих предметов). В атласе культурного наследия Внутренней Монголии приводятся следующие крепости, на территории которых был собран тангутский подъемный материал (названия даю в китайской транскрипции).

Уратский средний аймак (Улатэ-чжунци) – Ажихудугэ (квадратная со стороной 54 м, высота земляных стен до 1,5 м, ширина 3 м, проем для ворот устроен с южной стороны, расположена между «северной» и «южной» стенами в примерно в 5–10 км от «северной») (ЧГВУДТЦ НМГ, 2, с. 626). Уратский задний аймак (улатэ-хоуци) (ЧГВУДТЦ НМГ, 2, с. 618–619) – Уланьхушу (квадратная со стороной 120 м, высота земляных стен до 1 м, ширина 3 м, по четырем углам башни, с восточной стороны проем шириной 6 м, расположена примерно в 15 км к югу от обеих укрепленных линий, которые здесь практически смыкаются); Чаганьежи (квадратная со стороной 120 м, высота земляных стен 1,2 м, ширина 3,5 м, выделены башни по углам, с восточной стороны проем шириной 6 м, расположена с юга от крепости Уланьхушу); Угай (прямоугольная, с запада на восток 100 м, с севера на юг 82 м, каменные стены высотой 1 м, шириной 2,5 м, с южной стороны проход шириной 4 м, находится на северном склоне гор Иньшань, в 40 км к югу от внешних стен); Хунци (квадратная со стороной около 110 м, высота земляных стен 0,5 м, ширина 2 м, с восточной стороны проход шириной 7 м, расположена в пяти км южнее северной стены); Хажиусу (прямоугольная, с запада на восток 150 м, с севера на юг 100 м, высота земляных стен 0,5 м, ширина 3 м, с восточной стороны проход шириной 6 м, находится между северной и южной укрепленными линиями). Памятники с тангутским материалом найдены и на крайнем севере Алашаньского правого аймака, на землях Суньбужи сомона, непосредственно прилегающих к монгольской границе, на выходе из горного прохода, соединяющего пустыни Гоби и Алашань (ЧГВУДТЦ НМГ, 2, с. 634): Таланьбайсин (прямоугольная, в плане 45x25 м, высота каменных стен 2,5 м, толщина 1,2 м, в северо-западном углу каменный донжон в плане 15x15 м со стенами высотой 7,4 м, внутри устроен каменный пандус); Уланьбайсин (квадратная со стороной 20 м, каменные стены высотой 1 м, толщиной 1,2 м, с южной стороны проем шириной 2,8 м, в северо-западном углу каменный донжон 5x5 м в плане со стенами высотой 5 м, внутри донжона каменный пандус); Ухайсибо (квадратная с каменными стенами длиной по 200 м, высотой 1 м, толщиной 1,3 м, с южной стороны проем шириной 3 м). Необходимо отметить, что исследованная нами в Хурмэн сомоне сторожевая башня Шивээ хатавч, защищавшая с севера проход в гористую местность между Гоби и Алашань, также имела внутри широкий каменный пандус.

Обращает на себя внимание, что, в отличие от перечисленных, три крепости в Улатэхоу аймаке, размером примерно по 130x130 м и толщиной стен около 6 м, расположенные подряд с юга от южной укрепленной линии на расстоянии от нее в несколько сот метров, включая упомянутую в начале статьи Чаолукулунь, ханьское время сооружения которой неоспоримо, имеют внешние укрепления – изогнутую стену, защищающую ворота. Скорее всего, все они построены по одному плану с «укреплениями гуанлу» в ханьское время (хотя на двух из них имеется тангутский материал). Вместе с ними как ханьские нужно рассматривать и расположенную дальше на восток, также непосредственно у южной стены, крепость Улицзигаолэ. Это сооружение имеет размеры в плане также около 130x130 м, толщину стены 6 м. Далее на восток такая крепость обнаружена непосредственно у южной стены в Уратском среднем аймаке – это укрепление Ажихужэ также имеет размеры 130x130 м и внешнюю стену с восточной стороны от ворот, в 15 километрах к востоку от нее и в 250 м от той же стены расположена еще одна крепость размерами 135x135 м с внешней стеной, защищающей ворота – Во-бозрхужэ (ЧГВУДТЦ НМГ, 2, с. 626).

Итак, результатом полевых изысканий, лабораторных исследований и работы с историческими источниками стал вывод о принадлежности «Вала Чингисхана» – оборонительной линии, протянувшейся с запада на восток более чем на 850 км через гобийскую пустыню, – тангутскому государству Си Ся. Здесь проходила его северная граница, и именно здесь тангуты старались укрепить оборонительные рубежи в ожидании вторжения монгольских войск. Построенная в явной спешке, а в большинстве своем недостроенная оборонительная линия все же позволяла в случае военной угрозы быстро развернуть войска на подготовленных позициях. Тем более, что западная часть стены шла вдоль горных хребтов, что способствовало обороне. На горных кряжах с севера от вала были устроены наблюдательные вышки и сигнальные башни. Но и это не помогло. Армии монголов еще в 1209 г. прошли через заставы настолько стремительно, что тангутская армия не успела выдвинуться к границе, а в ходе решающей кампании 1226–1227 гг. Чингисхан обошел пограничный вал с запада, взял Хара-Хото и отрезал северный рубеж от основных сил тангутов. Монголы организованно и методично подавили сопротивление городов Си Ся, вырезали их население. В разгромленном государстве тангутов не осталось людей, способных донести до потомков историю постройки антимонольской великой стены. По иронии судьбы она получила в монгольском народе прозвание «Вал Чингисхана».

РАДИОУГЛЕРОДНЫЕ ДАТИРОВКИ СООРУЖЕНИЙ
ГОБИЙСКОЙ УКРЕПЛЕННОЙ ЛИНИИ
(по данным радиоуглеродной лаборатории ИИМК)

Памятник	Лабораторный индекс	Датируемый материал	14C возраст, ВР	Интервал калиброванного возраста (68,2%), AD	Интервал калиброванного возраста (95,4%), AD
Крепость Хэрэм ундэр, коновязь (?)	Le-7515	дерево	1135±20	890–905 915–960	880–990
Крепость Хэрэм ундэр, колья из стены	Le-7985	дерево	780±30	1220–1270	1210–1285
Форт Шивээ хатавч, шурф, штык 3	Le-7986	дерево	820±30	1185–1265	1050–1080 1150–1280
Длинная стена, в 4 км к западу от Шивээ хатавч	Le-7984	дерево	770±16	1225–1235 1240–1275	1220–1275
Длинная стена около крепости 2	Le-7982	дерево	690±16	1275–1295	1270–1300 1360–1390
Длинная стена около крепости 2	Le-7983	дерево	610±20	1300–1325 1340–1365 1380–1400	1290–1400
Длинная стена около крепости 3	Le-7980	дерево	620±25	1295–1325 1345–1370 1375–1395	1290–1400
Длинная стена около крепости 3	Le-7981	дерево	605±25	1305–1330 1335–1365 1380–1400	1290–1410

Библиографический список

- Баасан Т. Чингисийн далан гэж юу вэ? Улаанбаатар. 2006. 131 с.
- Бао Тун Улахай чэн диван хэ Чэнцзисыхань чжэн Си Ся цзюньши дили си (Локализация крепости Улахай и географический анализ военных кампаний Чингисхана против Си Ся) // Нинся шэхуй кэсюэ. 1994. №6. С. 63–70.
- Вагнер Г.А. Научные методы датирования в геологии, археологии и истории. М.: Техносфера. 2006. 575 с.
- Ван Бэйчэнь Чэнцзисыхань чжэнфа Си Ся дили као (Географическое исследование карательных походов Чингисхана против Си Ся) // Ван Бэйчэнь сибэй лиши дили луньвэнь цзи (Сборник статей Ван Бэйчэня об исторической географии северо-запада). Пекин, 2000. С. 384–390.
- Василенко О.И., Ишханов Б.С., Капитонов И.М., Селиверстова Ж.М., Шумаков А.В. Радиация. М., 1996 (Электронная версия <http://nuclphys.sinp.msu.ru/radiation/>).
- Гай Шанлинь, Лу Сысянь Чаогэ ци Чаолукулунь Хань дай ши чэн цзи ци фуцзиньдэ чанчэн (Каменная крепость ханьского времени Чаолукулунь в аймаке Чаогэ и длинная стена поблизости от нее) // Чжунго чанчэн ицзи дяоча баогао цзи (Сборник отчетов об обследовании остатков китайских длинных стен). Пекин, 1981. С. 25–33.
- Гу ханью да цыдянь (Большой словарь древнекитайского языка). Шанхай, 2002. 2614 с.
- Ли Юю Нэймэнгу Юань дай чэнчжэн гайкуан (Очерк юаньских крепостных укреплений Внутренней Монголии) // Нэймэнгу вэньу каогу. 1986. Т. 4. С. 87–107.
- Ли Юю Чжунго бэйфан чанчэн каои (Обзор исследований длинных стен Северного Китая) // Нэймэнгу вэньу каогу. 2001. №1. С. 1–51.
- Мин ши (История династии Мин) / Чжан Яньюй – авт. <http://www.hkedcity.net/project/newasia/resources/25/mingshi/>
- Мин Тай-цзу шилу (Записи событий эпохи царствования минского Тайцзу). Тайбэй, 1962. 3719 с.
- Проблемы географии и внешней политики в «Истории Хань» Бань Гу: исследования и переводы. М.: Вост. лит., 2005. 439 с. (Страны и народы Востока. Вып. XXXII: Дальний Восток. Кн. 4).
- Покотилов Д.Д. История восточных монголов в период династии Мин. СПб., 1893. 230 с.
- Пэрлээ Х. Өмнөговь, Өвөрхангай аймгуудын говь талын нутгаар эртний судлалын хайгуул хийсэн нь (1962 он) // Академич Х.Пэрлээ. Эрдэм шинжилгээний өгүүлүүд. Улаанбаатар, 2001. Т. I. С. 270–280.
- Рашид ад-Дин: Сборник летописей. М.; Л.: Изд-во АН СССР. 1952. Т. I, ч. 2.
- Си Ся шу ши / У Гуанчэн – авт. <http://www.guoxue123.com/biji/qing2/xxss/>
- Сун ши (История династии Сун) / То То и др. – авт. <http://www.xysa.net/a200/h350/20songshi/>
- Таскин В.С. Материалы по истории сюнну (по историческим источникам): Предисл., пер. и комм. В.С. Таскина. М., 1968. Вып. 1. 176 с.
- Таскин В.С. Материалы по истории сюнну (по историческим источникам): Предисл., пер. и прим. В.С. Таскина. М., 1973. Вып. 2. 171 с.
- Тун Яохуй Мин чанчэн цзи бянь вэй со чжидудэ шэчжи ю гуаньли (Учреждение и управление системой застав великой стены династии Мин) // Тан Яохуй. «Ва хэ цзи» – чанчэн яньцзю вэньлунь («Ва хэ цзи» – сборник статей о длинных стенах). Пекин: Кэсюэ чубаньшэ, 2004. С. 44–59.
- Хань шу (История династии Хань) / Бань Гу – автор. Янь Шигу – комм. 10-е изд. Пекин: Чжунхуа шуцзюй чубаньшэ, 1997. Т. 1–12. 4273 с.
- Чанчэн вэньхуа цзыляо цзюлюэ (Сокращенное собрание письменных сообщений о длинных стенах) // Чжунго чанчэн ицзи дяоча баогао цзи (Сборник отчетов об обследовании остатков китайских длинных стен). Пекин, 1981. С. 119–140.
- Чжунго вэньу дитуцзи. Нэймэнгу цзычжи цю фэнцэ (Атлас культурного наследия Китая. Автономный район Внутренняя Монголия). Чжунго вэньу цзюй (Управление культурного наследия Китая) – изд. Сиань: Сиань диту чубаньшэ, 2003. Т. 1. 440 с.; Т. 2. 650 с.
- Чжунго лиши димин да цидянь (Большой исторический словарь географических названий Китая) / Ши Вэйлэ – авт. Пекин: Чжунго шэхуй кэсюэ чубаньшэ, 2005. Т. 1–2. 255 с., 2990 с., разд. паг.
- Ши цзи (Записи историка) / Сыма Цянь – авт. Пэй Инь, Сыма Чжэн, Чжан Шоуцзэ – комм. 14-е изд. Пекин: Чжунхуа шуцзюй чубаньшэ, 1996. Т. 1–10. 3322 с., 56 с. прил.

Шэнь Юйнянь Чжунго гудай вадан яньцзю (Исследование древних черепичных дисков Китая). Пекин: Вэньу чубаньшэ, 2006. 340 с.

Юань чао биши (Секретная история юаньской династии) <http://www.hqhot.com/html/16/forumdisplay-fid-16-page-2.html>

Юань ши (История династии Юань) / Сун Лянь – авт. <http://www.yifan.net/yihe/novels/history/yuanssl/yuas.html>

Ядерное разоружение, нераспространение и национальная безопасность / И.А. Андрюшин, В.П. Варава, Н.П. Волошин, В.С. Захаров, С.А. Зеленцов, Р.И. Ильяев, В.М. Лоборев, В.Н. Михайлов, А.К. Чернышев, Ю.А. Юдин / Под ред. В.Н. Михайлова. М., 2001 (цит.: по электронной версии <http://www.iss.niit.ru/book-2>)

Bretschneider E. Mediaeval Researches from Eastern Asiatic Sources. Fragments towards the Knowledge of the Geography and History of Central and Western Asia from the 13th to 17th Century. Vol. II. 1888. 352 p. (Trübner's Oriental Series. T. 57)

Francke W. Addenda and Corrigenda // D. Pokotilov. History of the Eastern Mongols during the Ming Dynasty from 1368 to 1634 (Studia Serica. Monographs. Ser. A. No 5. Editors: Wen Yu and W. Francke). T. 1, 2. Chengdu/Peiping. 1949. T. 2. P. 1–80.

Mei J. Copper and Bronze Metallurgy in Late Prehistoric Xinjiang: Its cultural context and relationship with neighbouring regions. London, 2000. 187 p. (BAR Series 865)

Serruys H. The Mongols of Kansu during the Ming // Melanges Chinois et Bouddhiques. T. 10 (1955). 1961. P. 215–346.

РАБОТЫ МОЛОДЫХ ИССЛЕДОВАТЕЛЕЙ

К.К. Павленок

Иркутский государственный университет, Иркутск

НОВОЕ МЕСТОНАХОЖДЕНИЕ ПАЛЕОЛИТИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ ВЕРХНЕГО ПЛЕЙСТОЦЕНА В ЮЖНОМ ПРИАНГАРЬЕ – КОСТОМАХА

Местонахождение Костомаха открыто экспертно-разведочными работами в 2005 г. на правом («восточном») берегу Братского водохранилища в Усть-Удинском районе Иркутской области (рис. 1). Стационарные раскопные работы 2006 г. были спасательными. Они выполнялись НИЦ «Байкальский регион» Иркутского госуниверситета и финансировались по государственному контракту с ОАО «Восточно-Сибирская газовая компания».

История исследований

Первые археологические находки на территориях современных Усть-Удинского и Балаганского районов Иркутской области датированы июлем 1882 г. Н.И. Витковский во время прохождения маршрута от г. Иркутска до г. Енисейска на гребной лодке нашел артефакты на левом берегу Ангары (у речки Одиссы) и на правом (в окрестностях деревни Усть-Уды). В 1937 г. А.П. Окладников, А.Д. Фатьянов, А.Л. Мельников, следуя тем же археологическим маршрутом, обнаружили материалы разных археологических эпох. Древние погребения раскапывались в 1930-х гг. и в 1956–1960 гг. Братской археологической экспедицией ЛОИМК АН СССР. С 1964 г. в зоне размыва берегов Братской ГЭС работают археологи Иркутского государственного университета. За 30 лет там обнаружено большое число палеолитических объектов. С 1988 г. в Балаганском и Усть-Удинском районах работают специалисты Центра сохранения историко-культурного наследия Иркутской области. С 1992 г. в геoarхеологических изысканиях зоны размыва Братского водохранилища участвует коллектив Иркутской лаборатории археологии и палеоэкологии Института археологии и этнографии СО РАН.

В 2005 г. в зоне проектной полосы прокладки трубы газопровода «Ковыкта–Саянск–Иркутск» на участке транзита газопровода через акваторию Братского водохранилища были сделаны важные наблюдения на правом и левом береговых склонах Ангарской долины. На отметках 430–450 м от УМО по правому берегу зафиксированы стратифицированные ископаемые артефакты. Местонахождение получило имя Костомаха.

География, геоморфология и стратиграфия местонахождения Костомаха

Местность переброски трубы газопровода географически принадлежит району средней зоны Южного Приангарья. Она одинаково удалена от терминалов – Братских порогов, и от истока Ангары.

Территория находится в границах Средне-Сибирского плоскогорья, занимающего подавляющую часть континентального выступа Евразии, именуемого Восточно-Сибирской возвышенной равниной. Элементом геолого-геоморфологической организации плоскогорья она вписана в западную окраину Лено-Ангарского плато и находится в составе Удинского сопочного сегмента. Особенностью этого регионального

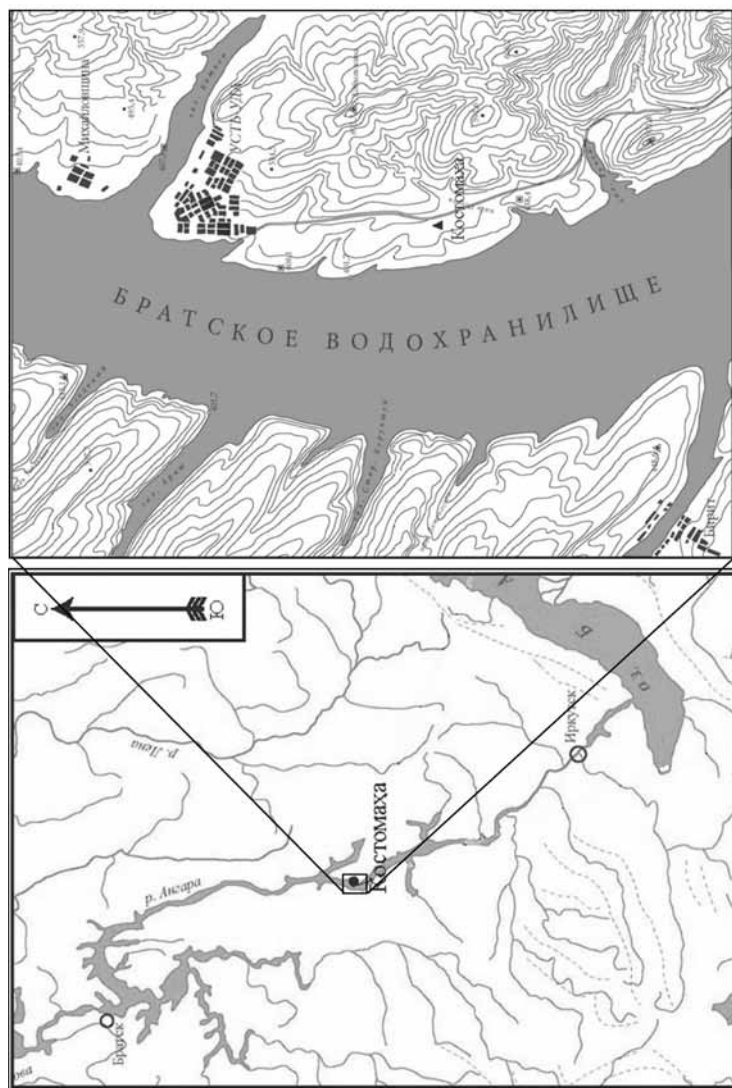

Рис. 1. Карта-схема месторасположения геологического объекта Костомаха

морфоструктурного образования является асимметрично-ступенчатое залегание крупных блоков алевролитов верхоленской свиты верхнего кембрия. Блоки вздыблены угловато на северо-запад, поверхности их падают с показателями более $3-6^{\circ}$ на юг-юго-восток, со смещениями и образованиями «карманов-уловителей» значительных размеров. Начиная от юрского времени в этих «карманах» формировались мощные толщи рыхлых отложений. Позднее заложение водотока Ангары – 15–12 тыс. лет от наших дней – способствовало организации склоновой плоскостной и селевой эрозии, которая уничтожила отложения на вздыбленных концах блоков и создала у подножий склонов, на выходах из падей, мощные конусы выноса. Возраст последних в основании геологических образований читается от нижнего плейстоцена.

В таких ситуациях археологический материал может быть подхвачен склоновыми процессами из любого стратиграфического подразделения вплоть до плиоцена, разнесен по палеоповерхностям и погребен в различных геологических отложениях субэарального генезиса. Артефакты могут быть обнаружены на разных гипсометрических уровнях склонов и на различных глубинах первичного отложения либо транспортированными в единичной, ореольной, коллекторной седиментации.

Геоморфология участка заложения раскопа 2006 г. определена указанными особенностями строения коренных пород: средние углы падения и неявно выраженная ступенчатость. Гипсометрия участка – 430–450 м над УМО. Комплекс субгоризонтально дислоцированных осадочных пород верхоленской свиты верхнего кембрия выполнен песчаниками и алевролитами. В кровле свиты фиксированы отдельные осадочные породы юры. Фрагменты юрских пород фиксируются и на вершинах местных высот с отметками 500 м и более от УМО. На коренных породах кембрия и фрагментах юрских отложений развиты рыхлые образования позднего кайнозоя – преимущественно четвертичные отложения: элювиальные, делювиальные, солюфлюкционные, эолово-пролювиальные – суглинки, супеси, пески, галечники. Отложения аллювиального генезиса отсутствуют.

Общий стратиграфический разрез рыхлых отложений участка можно описать в следующем виде (сверху вниз):

Отложения:

мощность, м

1. Дерново-растительный горизонт. Слой многолетних техногенных нарушений	0,15–0,3
2. Фрагменты голоценовой почвы, кровля срезана, подошва неровная (Н ₂)	0–0,3
3. Суглинки легкие желтовато-буро-коричневые, гумусные потемнения, пятна карбонатизации, пропластки алевролитовой крошки – остатки «раннеголоценовых лессов (Н ₁)	0,01–0,6
4. Белесые карбонатизированные, пылеватые, лессовидные суглинки со значительным содержанием мелкой гальки; частично – техногенно уничтожены (Sr ₄)	0,05–0,25
5. Суглинки желто-коричнево-серые, лессовидные, неяснослоистые, средние (Sr ₃ –Sr ₁)	0,6–0,8
6. Суглинки и супеси серо-бурые, зеленовато-бурые с прослоями тяжелых темно-коричневых суглинков (Sr ₁ –Kr ₂)	0,8–1
7. Суглинки и супеси серые, зеленовато-серые, серо-бурые (Kr ₂ –Kr ₁ ?)	1–1,2
8. Суглинки темно-коричневые, вязкие со щебнем, дресвой алевролитов и аргиллитов, пропластками голубовато-зеленых продуктов выветривания коренных пород	0,2–0,5
9. Разборные алевролиты и аргиллиты кровли. Видимая мощность	до 0,5

Вся толща рыхлых отложений, включая фрагменты юры и верхнекембрийского элювия, во все периоды геологической истории ее формирования была подвержена активной динамике движения. В наблюдаемых разрезах выражены соединенные усилия гравитации, тектоники и механики плоскостного сползания по склону. Вся толща рыхлого вещества быстро и резко на протяжении 25 м, к востоку-северо-востоку выклинивается на кровлю красноцветов верхоленской свиты и, наоборот, увеличиваясь в мощности, активно погружается на запад.

Планиграфическая ситуация на местонахождении Костомаха

Проблема распределения археологического материала Костомахи в плане, а также его организация в геологических отложениях требует отдельного подробного освещения. Археологический материал весьма архаичного облика с эоловой обработкой поверхностей залегает на глубинах 40–50 см от дневной поверхности. Археологический материал Костомахи в разных количествах артефактов заключен в техногенном горизонте, в остатках современной почвы и в верхнеплейстоценовых отложениях вплоть до муруктинско-каргинских суглинков и супесей. Материалы, зафиксированные в техногенном горизонте, механически перемещены из различных нижележащих отложений, дислоцированных выше по склону. Артефакты, выявленные на контакте голоценовых и плейстоценовых отложений, также перемещены природными склоновыми процессами из очагов их первоначального сосредоточения.

В техногенном горизонте получен разнохарактерный материал нескольких археологических эпох: 1) фрагменты глиняных сосудов железного века (2 экз.); 2) фрагмент сосуда бронзового века (1 экз.); 3) пластинчатые фракции, изделия, кластические фракции кремня, халцедона, куски обожженного крупнозернистого кварцита (105 ед.). Это подтверждает заключение о многократной переотложенности комплекса Костомахи.

Основная масса археологических предметов фиксирована в зонах контактов голоцен – плейстоцен и в кровле плейстоценовых отложений – 370 единиц находок. Общее число находок в верхнеплейстоценовых отложениях ниже кровли и до уровня среднего отдела верхнего плейстоцена (глубина залегания 1,76–2 м) – 23 единицы.

Ископаемый микрорельеф, документированный артефактами, взятыми инструментально *in situ* более согласовывался с особенностями строения разреза сартанской толщи и даже деталями границ каргинских отложений, чем с современным микрорельефом. Таким образом, артефакты демонстрируют свою собственную «дневную поверхность», несмотря на расстояние между ними в 0,2–0,5 м по вертикали, в котором они перемещались благодаря движениям гравитации, мерзлотным деформациям и тектоническим подвижкам много тысяч лет.

О том, что комплекс был перемещен по «условному древнему рельефу» свидетельствует и большое число коррадированных изделий в его составе. Поскольку и вперемежку с ними, и ниже этих коррадированных изделий по разрезу отложены те же формы, тех же пород, но нетронутые пескоструйными потоками пустыни, можно говорить о том, что перемещение предметов осуществлялось из участков, разрушенных экстремальными эоловыми процессами, и одновременно из тех останцов, которые не разрушил ветер пустыни, но денудировали более поздние – мерзлота, тектоника, склоновый разнос. Эти процессы обеспечили обеим группам разновременную экспозицию, но одно происхождение и многократное совместное перемещение вниз по склону. Такую ситуацию рисует и распределение предметов в плане. Находки как бы привязаны к месту «предварительного коллекторного сбора» на отметках диапазона 439 и 441 м от УМО, т.е. в наиболее выположенной поверхности, где горизонтالي палеорельефа максимально отстоят друг от друга. В то же время нет никакого намека на скопления, столь обычные для местонахождений каменного века, вскрываемых на площадях в 10–20 раз меньше, чем раскопная площадь на Костомахе. Этот факт может быть усилен наблюдениями по монтажу продуктов расщепления. Сборка элементов дебитаж горных пород показала, что они фиксированы в раскопе с рас-

стояниями до 50–60 м, тогда как на практике расстояния между монтирующимися продуктами ударной обработки не превышают обычно 5–10 м. Вероятно, тысячи лет спустя наиболее тяжелые фракции, быстрее двигавшиеся по склону, образовали гораздо больший разнос. Таким образом, раскоп 2006 г. на местонахождении Костомаха документирует натурно-дисперсную организацию транспортированных и переотложенных ископаемых артефактов.

Общее число находок составляет 497 предметов на 2600 м². Логично предположить, что вскрыта периферийная часть технологических отложений. С другой стороны, такой показатель свойственен практически для всех местонахождений Байкальской Сибири, возраст которых уходит ниже временной планки 28–30 тыс. лет назад. В мире известны археологические местонахождения большой древности – 100–300–500 тыс. лет от наших дней, где один предмет приходится на 2–3 м³.

Относительная немногочисленность предметной насыщенности отложений Костомахи, с одной стороны, – еще одно свидетельство возрастной отдаленности ископаемого материала. С другой – техноморфологические показатели ансамбля собранных материалов демонстрируют полноценность былого, хотя и неоднократно разрушавшегося местонахождения палеолитической культуры, сформированной в одном отрезке геологического времени.

Археологические материалы местонахождения Костомаха

На раскопной площади было зафиксировано 483 находки. Из них 436 – каменные артефакты, из которых 388 – сколы, отщепы и 88 изделий и их фрагментов. В составе 47 учтенных единиц ископаемых костных остатков: неопределимые фрагменты костей и остатки черепа бизона (*Bison pr.*).

В производство каменных изделий древние обитатели Костомахи вовлекали различные виды горных пород и в различном природном оформлении отдельностей этих пород: кварциты, халцедоны, сердолики, роговики, эффузивы, аргиллиты юрские, окремненные песчаники, диориты и т.д. Преимущественно использовали окатанные отдельности: валуны, гальки; конкреции, выпавшие или выбитые сознательно из обнажений скального цоколя нижнекембрийских доломитов или плитчатых отдельностей аргиллитовых пластов юрского массива.

На местонахождении Костомаха весь ансамбль собранных каменных артефактов подразделен на следующие группы:

I. Пластинчатые фракции: I.1. Фракции нуклеарного расщепления: I.1.1. Сколы овальных и треугольных модификаций; I.1.2. Сколы-пластины; I.1.3. Сколы-отщепы (случайных контуров); I.1.4. Фрагменты сколов. I.2. Фракции фасиальной обработки: I.2.1. Случайных контуров средних размеров; I.2.2. «Ногтевидные» мелкие; I.2.3. Микрофракции; I.2.4. Чешуйки, дебри.

II. Нуклеусы: II.1. Полифронты – многоплощадочные, полифронтальные, крупные, средние из галек кварцита; II.2. Монофронты – монофронтальные, двуплощадочные, с сопряженными площадками из галек кварцита; II.3. Монофронтальные, двуплощадочные с противолежащими (терминальными) площадками, одна из которых «корковая» из галек кварцита; II.4. Монофронтальные, одноплощадочные с полузамкнутым фронтом из кембрийского кремня; II.5. Терминально-краевого принципа расщепления на различных специальных преформах из сколов кварцита, кембрийского кремня, плиток аргиллита; II.6. Бифасы-микронуклеусы – преформы, выполненные

на сколах кварцита. II.7. Преформы нуклеусов терминально-краевого принципа расщепления на бифасах, с выделенными площадками.

III. Бифасы средних размеров и микроформы.

IV. Скребла: IV.1. Поперечные – на сколах различной модификации кварцита и кремня, средних размеров; IV.2. Скребла-дежетэ на крупных сколах кварцита.

V. Скребки: V.1. Концевые – лезвия скребков, выполненные на дистальных концах модифицированных сколов и пластин. Иных разновидностей скребков не зафиксировано.

VI. Резцы: VI.1. Резец угловой продольный, двойной терминальный, косоретушный. Экземпляр единственный. Но, судя по технологии резцового скола – стратегии «*хирсато*», индустрия резцов на местонахождении Костомаха имела широкую реализацию. Экземпляр коррадирован.

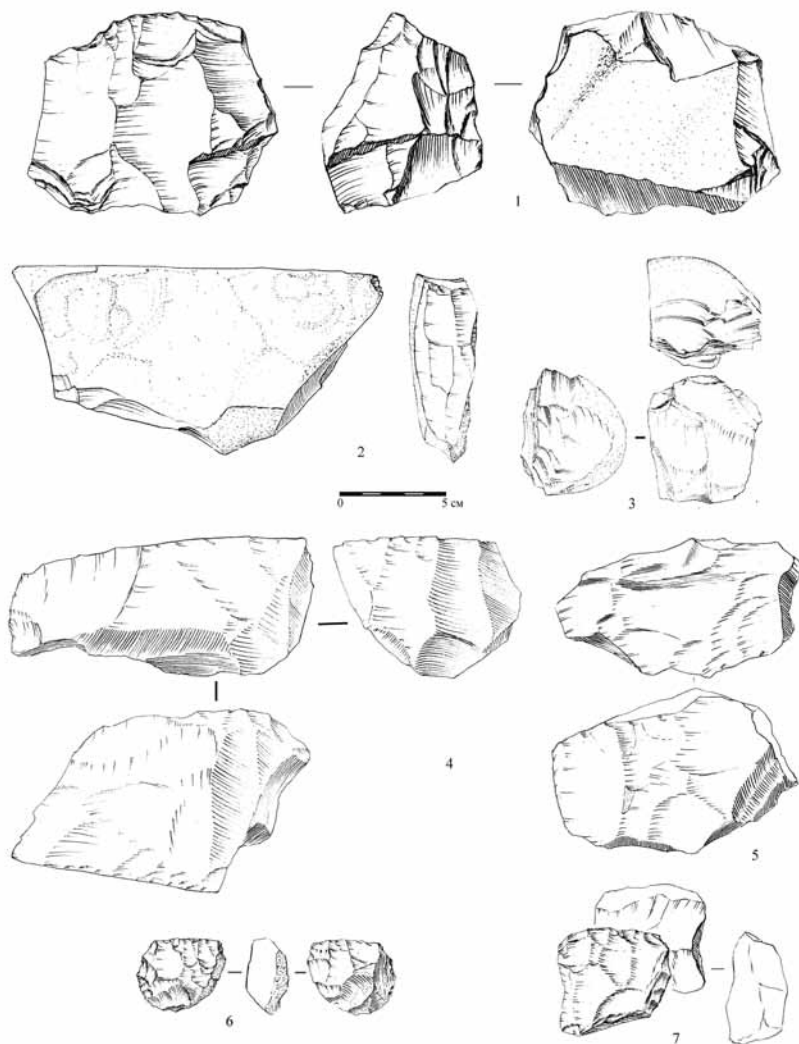

Рис. 2. Костомаха. Нуклеусы

VII. Микросколы ретушированные: VII.1. Треугольный скол с альтернативной ретушью, с бифасиальной подработкой – утончением тупого угла скошенного основания. VII.2. Микротранше, на обломанном конце ретушированного микроскола лезвие – поперечное, ровное, выполнено дорсальной микроретушью с вентрала, позволяющее отнести предмет к микропластинкам с прямым ретушированным концом. Противоположный конец обработан полукругом микроретушью с дорсала.

VIII. Чоппер: VIII.1. Чоппер ординарный, поперечный, однофасный, односторонний из гальки эффузива. Средней величины. Единственный экземпляр.

IX. Отбойники: IX.1. Отбойник, превращенный в ретушер, близкий к сферической форме из кремневого песчаника бурого-красного цвета. IX.2. Предмет в форме «усеченного конуса» из удлиненной гальки темно-серого кремневого песчаника, использовался в качестве ретушера.

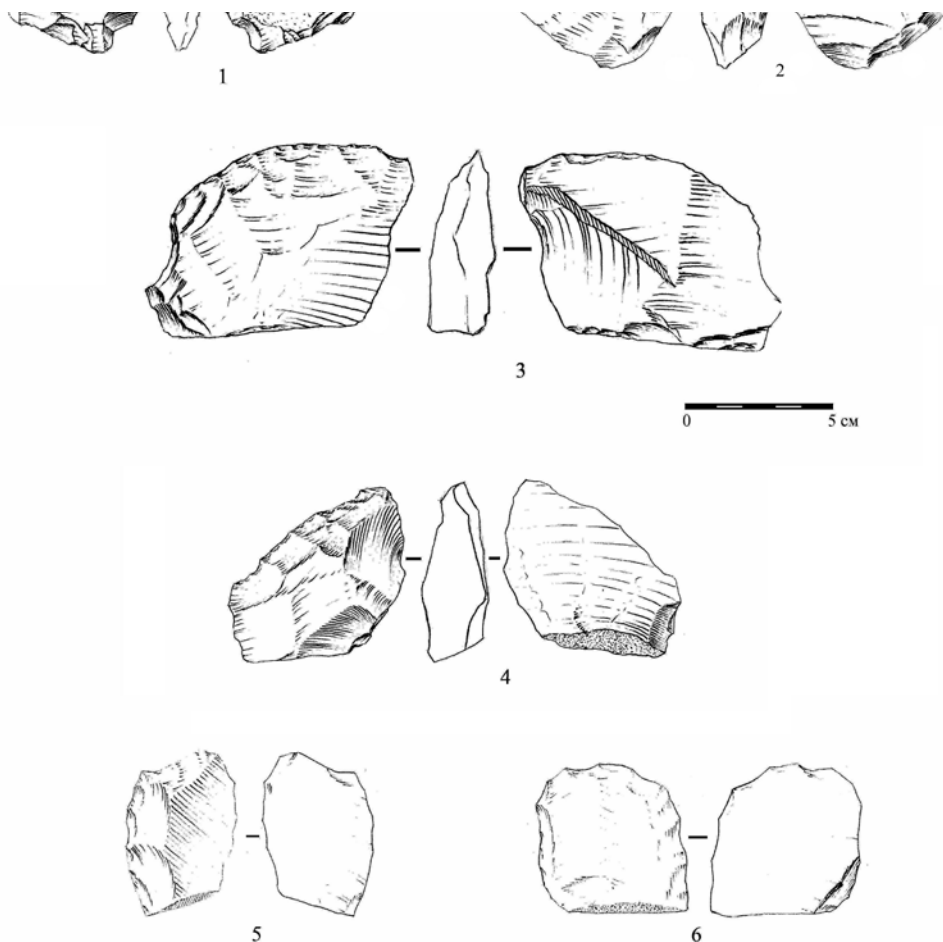

Рис. 3. Костомаха. Изделия из камня:
1–2 – бифасы, 3–4 – скребла, 5–6 – ретушированные сколы

Х. Крупные куски горной породы – эффузивы и фрагменты кварцитовых галек со следами искусственного расщепления и обработки.

XI. Мелкие кластические осколки – продукты процесса ударного расщепления горных пород.

Формы изделий в коллекции археологического материала имеют хорошо выраженный количественный баланс законченных форм изделий к составу находок, обычно именуемых археологами «техническими отходами». Соотношение «законченных» форм изделий к общему числу всех артефактов близко соответствует пропорции 1:10. Техноморфология изделий оригинальна. Некоторые формы изделий, зафиксированные в раскопе, – уникальны либо не встречены в других ансамблях каменного инвентаря, либо не были встречены в подобном сочетании, либо не имели стратиграфического и планиграфического обеспечения ранее.

В списке отдельных индексных форм числится 20 артефактов, отражающих наиболее яркие особенности техноморфологии каменного ансамбля Костомахи (рис. 2, 3). Подавляющая масса каменных изделий несет на искусственно обработанной поверхности выраженные следы пескоструйного воздействия пустынных обстановок. Судя по всему, этот материал пережил эпоху развития в Байкальской Сибири и в целом во всей Северной Азии, пустынной обстановки 90–70 тыс. лет от наших дней. Небольшое количество артефактов из кварцита, не имеющих на поверхности выраженных следов эолового воздействия, принадлежит стратиграфическим отделам рыхлой толщи наиболее глубокого погружения. Эти вещи могли попасть в определенные условия геологической «запечатанности» и не быть подвергнуты внешнему воздействию пустыни. В последние годы подобные ситуации были зафиксированы на объектах, имеющих обеспеченность надежным абсолютным датированием и убедительной геостратиграфией (Черемушник-1).

Собранный археологический ансамбль не имеет прямых аналогов в техноморфологических показателях уже известных местонахождений. Основой для культурно-исторических сравнений может служить комплекс Макарово-IV на р. Лене близ пос. Качуг и его «дочерние» проявления у пос. Жигалово и Знаменка. Костомаха, возможно, была особой фацией древнего «макаровского пласта» во времени, в географии и в литотехнологиях. В этом отношении местонахождение Костомаха документирует новую геoarхеологическую версию палеокультурного развития в околбайкальском пространстве начала верхнего плейстоцена.

Научный руководитель – д.и.н., профессор Г.И. Медведев (ИГУ)

Е.А. Тюрина

Алтайский государственный университет, Барнаул

ОПЫТ ИЗУЧЕНИЯ ОРИЕНТАЦИОННЫХ СИСТЕМ АФНАСЬЕВСКОЙ КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКОЙ ОБЩНОСТИ

Историография вопроса

Ориентация умерших по сторонам света часто является одним из важнейших культуродиагностирующих или хронологических признаков. Несомненно, она отражает представления древних о потустороннем, загробном мире, а следовательно, является

важным источником для мировоззренческих реконструкций. Характеристика погребального обряда немислима без фиксации особенностей ориентации, ведь в большинстве случаев она предусматривалась каноном (Генинг В.В., Генинг В.Ф., 1985, с. 136).

Отдельного изучения ориентационных систем населения афанасьевской культурно-исторической общности (далее по тексту – КИО) не проводилось. Анализ ориентации осуществлялся в рамках формирования общего представления об афанасьевской археологической культуре. С.А. Теплоухов (1927, с. 74–75; 1929, с. 42) в своих первых работах, посвященных интерпретации материалов Батеневского археологического микрорайона, сообщал, что «афанасьевцы» «покойников погребали... головой на ЮЗ». Однако довольно скоро выяснилось, что юго-западный сектор не был единственным направлением в афанасьевских захоронениях (Киселев С.В., 1948, с. 174–175; 1949, с. 28; 1951, с. 32). Увеличение числа изученных комплексов позволило выявить несколько тенденций в ориентации умерших на разных территориях распространения культуры. Материалы среднеенисейских могил по сравнению с алтайскими имели более унифицированные черты: большинство погребенных в Минусинской котловине уложено головой на юго-запад, в то время как ориентации костяков в захоронениях Алтая свойственна значительная вариабельность (Киселев С.В., 1948, с. 174–175; 1949, с. 28; 1951, с. 32).

С 1970-х гг. изучение ориентационных систем «афанасьевцев» проводилось в рамках двух основных подходов. Один из них отражен в работах ленинградских исследователей и связан с интерпретацией данных, полученных в ходе раскопок енисейских памятников (Грязнов М.П., Вадецкая Э.Б., 1968, с. 161; Иванова Л.А., 1970, с. 6; Вадецкая Э.Б., 1980, с. 83; 1986, с. 17). По мнению М.П. Грязнова и его учениц Э.Б. Вадецкой, Л.А. Ивановой, ориентация погребенных афанасьевской культуры связана с культом, почитанием солнца. Умершего укладывали лицом к востоку. Отклонения в южный и северный сектор объяснялись временем года, в которое совершалось захоронение. «...Основная масса захоронений, производимых в основных могилах, падает на летние месяцы (ЮЗ и ЗЮЗ), значительное число на август и до октября (запад). Зимняя ориентация (на ЗСЗ и СЗ) составляет немногочисленную серию и касается в основном дополнительных могил» (Вадецкая Э.Б., 1980, с. 89–90). Подробно остановившись на западной ориентации погребенных, Э.Б. Вадецкая не затронула восточное направление. Это объясняется тем, что ее изыскания основывались на материалах Минусинской котловины, где восточная ориентация представлена слабо. Необходимо отметить, что также не получили объяснения случаи, когда покойники укладывались головой на юг или север.

Несколько иной подход, базирующийся на анализе комплексов Горного Алтая, отражен в статьях М.Д. Хлобыстиной (1975, с. 19–30) и ряда барнаульских исследователей (Цыб С.В., 1980, с. 38–51; 1984, с. 11; 1988, с. 163; Степанова Н.Ф., 1991, с. 50; и др.). В нем реализуется попытка объяснить вариабельность ориентации хронологическими причинами. С точки зрения исследователей, положение костяка головой на восток характерно для ранних комплексов, а на запад – для поздних. Приведенная схема соответствовала представлению о синхронности минусинских афанасьевских объектов последнему этапу алтайского варианта культуры. Описываемая концепция была особенно популярна в 1980-е гг. (Суразаков А.С., 1987, с. 7–8; Абдулганеев М.Т., Ларин О.В., 1994, с. 27), но уже с начала 1990-х гг. начался ее пересмотр, вызванный фиксацией сочетания «ранних» и «поздних» черт в одних сооружениях (Кубарев В.Д., Киреев С.М., Черемисин Д.В., 1990, с. 86–87; Степанова Н.Ф., 1991, с. 50). Необходимо

отметить, что четкие признаки для хронологического деления афанасьевских памятников не сформулированы до сих пор, как и не прослежена явная взаимосвязь восточной ориентации погребенных и ранних периодов Афанасьевской КИО (Абдулганеев М.Т., Посредников В.А., Степанова Н.Ф., 1997, с. 84; Фрибус А.В., 1998, с. 13; 2002, с. 149).

Для большинства современных работ, в которых затрагивается рассматриваемый нами вопрос, характерно лишь приведение процентного соотношения могил с разной ориентацией и обозначение юго-западного направления в качестве преобладающей тенденции, прослеживаемой на всей территории проживания «афанасьевцев» (Владимиров В.Н., Мамадаков Ю.Т., Цыб С.В., Степанова Н.Ф., 1999, с. 34; Молодин В.И., 2002, с. 106; Фрибус А.В., 2005, с. 64; Степанова Н.Ф., 2005, с. 123). Между тем в ходе изучения отдельных комплексов сделаны наблюдения, которые могут способствовать интерпретации накопленных данных. Так, на памятнике Сальдьяр-I прослежена закономерность в расположении детских могил относительно захоронений взрослых: «...у основной массы объектов, где костяки уложены черепом в западном направлении, детские захоронения осуществлены с востока, то в погребении №2, где покойный был ориентирован головой на восток, ребенок погребен с западного направления...» (Ларин О.В., 2005, с. 36).

Таким образом, ориентационные системы «афанасьевцев» рассматривались в рамках двух основных направлений. На современном этапе результаты исследований ориентации сведены к описанию и фиксации тех или иных характеристик. Однако значительный объем материала позволяет перейти на интерпретационный уровень его изучения.

Система ориентации по сторонам света в погребальных комплексах «афанасьевцев» Южной Сибири

Стороны света являлись важнейшими координатами для ориентирования человека в окружающем пространстве. Две противоположные точки (восток и запад) были опорой для построения системы ориентации, которая использовалась как в быту, так и в ритуальной практике (Подосинов А.В., 1999, с. 19). Особенности движения солнца по небосводу повлияли на восприятие направлений: восток ассоциировался с рождением, новой жизнью; запад – со смертью. Анализ этого типа ориентационных систем является неотъемлемой частью изучения погребального обряда древних обществ. Мы остановимся на особенностях ориентации погребений и погребенных афанасьевской КИО. Материалы поселений в проводимом исследовании не использовались по причине их малочисленности и непредставительности. В общей сложности нами проанализированы данные 284 могил (известна ориентация 246 из них*), содержащих останки более чем 350 человек (достоверно зафиксирована ориентация 352 умерших). Исследуемые объекты происходят из различных районов Южной Сибири: 154 – с Алтая; 81 – из Минусинской котловины; 4 – с Тывы; 1 – из Казахстана; 6 – из Монголии. Территориально численность учтенных костяков распределилась следующим образом: 192 – с Алтая; 146 – из Минусинской котловины; 7 – с Тывы; 1 – из Казахстана; 6 – из Монголии. Алтайские комплексы изучались отдельно от среднеенисейских, объекты из остальных регионов использовались для сравнения.

Анализируя особенности ориентации афанасьевских захоронений и умерших, мы исходили из положения, что на нее оказывал влияние сезонный фактор. Схематичное описание данного воздействия приведено в статье Э.Б. Вадецкой (1980, с. 89–90). Она

* Не учитывалась ориентация могильных ям, в которых не удалось зафиксировать положение костяка. – Е.Т.

полагала, что погребения, ориентированные на юго-запад и запад-юго-запад сооружены летом, на запад – осенью, северо-запад и запад-северо-запад – зимой. Исследовательница не останавливалась на проблеме определения древними сторон горизонта. Между тем различные способы установления сторон света дают несхожие результаты (Кирюшин Ю.Ф., Тишкин А.А., 1997, с. 50–51; Тишкин А.А., Дашковский П.К., 2003, с. 138–139, 306). С помощью методики, разработанной В.В. и В.Ф. Генингами (1985, с. 136–152), мы попытались реконструировать приемы нахождения «афанасьевцами» точек горизонта. Таблицы 1 и 2 показывают распределение имеющихся выборок по сезонам. Известно, что наибольшая смертность фиксировалась зимой и весной. Если придерживаться положения, что покойных предавали земле сразу после их смерти, то максимальное число захоронений также должно отмечаться в данные времена года. Следуя этой логике, «афанасьевцы» хоронили головой в западный сектор, определяя стороны света по закату*. Данная ситуация кажется нам маловероятной. Самое большое количество погребений приходится на начало зимы (26% от общего числа алтайских объектов и 44% – от среднеенисейских), но устройство зимних могил связано со «сложностью выкапывания ямы в промерзшем грунте» неметаллическими орудиями (Вадецкая Э.Б., 1980, с. 89–90). Не исключено, что время похорон разнилось со временем смерти. Тем более, что на ряде памятников зафиксирован вторичный характер захоронений (Карасук-III, курган №2, м. 1; курган №13, м. 1; курган №14; Афанасьева Гора, м. 15). Ярким примером этому является могила-1 ограды №2 комплекса Карасук-III, где обнаружены скелеты, на останках которых фиксировались следы зубов животных (Грязнов М.П., 1999, с. 47). Вероятно, недостача некоторых костей или нарушенный анатомический порядок костяка могут объясняться не только деятельностью грызунов, но и тем, что тело погребали не сразу. Возможно, его клали на кору деревьев или оборачивали в саван (их следы иногда прослеживаются в могиле) и оставляли до срока совершения похорон, предусмотренного обычаем. Имели место и случаи расчленения трупа (Урускин Лог-II, курган №3).

Мы считаем, что «афанасьевцы» определяли стороны света по восходу солнца. Доля зимних захоронений была незначительна. Для подтверждения справедливости данного суждения нами проведен сравнительный анализ глубин ям. Выяснилось, что максимальная глубина предположительно летних захоронений на Алтае составляет 2,2 м, а на Среднем Енисее – 1,7 м; осенних и весенних – соответственно 1,9 и 1,6 м; и зимних – 1,6 и 1,4 м.

Так как время сооружения могилы могло не совпадать с моментом захоронения, то в первую очередь мы рассмотрим особенности ориентации погребальных камер. Учет процентного соотношения могил с различной направленностью показал следующие результаты. 85% погребений, раскопанных на Алтае, сооружено в летне-осенний период и лишь 8% – в зимний. Для Минусинской котловины данные показатели равны соответственно 75 и 18%.

Особо следует остановиться на объектах, длинная ось которых пролегает по линиям Ю–С (Ело-II, курган №1; Первый Межелик, курган №8; Сальдыр-I, ограда №29), ЮЮВ–ССЗ (Восточное, курган №1, м. 2; пещера Каминная) и ЮЮЗ–ССВ (Айрыдаш-I,

* Максимальное значение столбца «количество погребенных зимой и весной» в таблицах 1 и 2 соответствует западному направлению головы погребенных при определении сторон света по закату солнца.

курган №15; Афанасьева Гора, м. 28 и 38; Карасук-III, курган №3, м. 3 и курган №4, м. 3; Нижний Тюмечин-I, курган №15; Нижний Тюмечин-IV, курган №2; Семисарт-I, курган №1; Сыда-I, курган №5, м. 2; Усть-Куюм, м. 14 (восточная), м. 14 (западная); Хайыракан, курган №3; Чепош, курганы №2 и 2а). Вероятно, их направление не было случайным и объясняется несколькими причинами. Одна из них – ориентация умершего на юг и север, причины которой мы рассмотрим позже.

Что касается захоронений, вытянутых по оси ЮЮЗ–ССВ, то основной причиной их появления, по нашему мнению, была погрешность при выкапывании ямы. В половине этих могил погребенные лежали головой на юго-запад, что соответствует нормальной летней ориентировке. Чем объясняются особенности ориентации могил и костяков в таких объектах, как Нижний Тюмечин-IV, курган №2; Карасук-III, курган №3, м. 3; Айрыдаш-I, курган №15; Чепош-III, курганы 2 и 2а; Сыда-I, курган №5, м. 3; Афанасьева Гора, м. 38; Хайыракан, курган №3, еще предстоит решить.

Прежде чем перейти к анализу ориентирования умерших, необходимо заметить, что могилы могли устраиваться раньше, чем совершалось погребение. Известен 51 случай, когда ориентация костяка не совпадала с длинной осью ямы, из них 41 зафиксирован в одиночных захоронениях и групповых могилах, где костяки лежали в одном направлении. Несовпадение ориентации скелетов в коллективных (разнонаправленных) захоронениях не связано с сезонным фактором, а объясняется стремлением соплеменников подчеркнуть зависимый или жертвенный статус одних умерших по отношению к другим или желанием обособить в границах могилы различные типологические группы погребений (Тюрина Е.А., 2008, с. 104–105).

Отдельно остановимся на анализе ориентации умерших. Мы уже выяснили, что «афанасьевцы» определяли стороны света по восходу солнца. Население Алтая хоронило покойных как летом, так и весной (либо осенью), в то время как большинство минусинских объектов устраивалось в летний период. Среди ориентировок по основным и промежуточным сторонам света на Алтае преобладает западное направление (72%), но достаточно заметную долю составляют объекты, где погребенные ориентированы на восток (22%). Эти могилы, по нашему мнению, отражают факт противоречия распространенным обычаям. Погребения с восточной и западной ориентировками встречены в границах одних и тех же комплексов. На памятниках Бике-II, Ело-I, Кара-Коба-I, Кызык-Телань-I, Покровка-IV, Сальдьяр-I, Тогустан-IV объекты с восточной ориентацией включены в общую микроцепочку с оградами, где костяки направлены на запад. Обособление погребения, где умерший лежит головой на восток, от основного скопления объектов встречено только на Усть-Куюме. Данная особенность расположения может быть связана с обстоятельствами смерти похороненного мужчины: на это указывает его поза – на животе, лицом вниз. На могильнике Бике-I курганы с восточной ориентацией занимали восточную часть могильника, а с западной – западную. На Среднем Енисее традиции ориентации покойных носят более унифицированный характер: там доминирует западный сектор (83%).

Иногда умерших хоронили головой в северный или южный секторы. Большая часть погребенных на юг – дети. Отмечены случаи, когда костяки, ориентированные в указанные стороны, лежали в ногах остальных погребенных. Южное или северное направление некоторых захоронений было связано с тем, что умершие были уложены перпендикулярно ориентациям, преобладающим на могильнике, в микроцепочке курганов

или внутри ограды. Так, костяк мужчины, обнаруженный в м. 2 кургана №1 памятника Восточное, обращен головой на юг, в то время как скелеты взрослых в основной могиле – на запад-юго-запад. Ограда №8 могильника Первый Межелик, где погребенный ориентирован на юг, находится в одной микроцепочке с объектами №6 и 7, в которых зафиксированы останки детей, направленные в сторону юго-запада и запада-юго-запада.

Ориентация в данные сектора может сочетаться с нетрадиционной позой погребенного, как это отмечено в пещере Каминной, где женщина, лежавшая на левом боку, ориентирована головой на север-северо-запад. Ее лицо обращено к востоку-северо-востоку. Покойная тяжело болела при жизни, на костяке зафиксированы многочисленные наросты – следствия остеохондроза, туберкулеза (Ефремов С.А., 2006, с. 44–47). Не исключено, что поза и ориентация указывали на неполноценный статус умершего человека.

Проведенный анализ особенностей ориентации погребений и погребенных афанасьевской КИО позволяет сделать следующие выводы. Обряд перехода умершего из реального в потусторонний мир занимал продолжительный срок. Время совершения захоронений было определено обычаем: лето или весна (осень?). Зимой похороны проходили редко. В установлении сторон света важную роль играл восход солнца. Могильные ямы могли выкапываться раньше и некоторое время находиться пустыми. В афанасьевских комплексах преобладает ориентация покойников головой на запад, но среди алтайских объектов фиксируется направление в восточный сектор. Оба вида ориентации сосуществовали в рамках единой культурной традиции. Осевая линия «восток–запад» в ориентировке погребенных тесно связана с идеями смерти и возрождения. Положение костяка головой на запад можно трактовать и как «лицом к востоку» (и, наоборот, в случае, если покойник направлен головой в восточный сектор), на это указывают дополнительные конструктивные элементы погребальной камеры, фиксировавшие голову покойного в приподнятом состоянии (ступеньки, подсыпки, подушечки) (Шульга П.И., 2006, с. 49, 65, 67). Отмечены случаи ориентации умерших головой на юг или север, что, вероятно, объясняется их подчиненным положением в социуме.

Заметим, что монолитность черт погребального обряда – одна из отличительных характеристик афанасьевской культуры Минусинской котловины в сравнении с афанасьевской культурой Алтая. Специфика афанасьевских комплексов прочих районов Южной Сибири пока только определяется, что связано с малым числом изученных объектов на территории Тывы, Западной Монголии, Восточного Казахстана. В целом традиции ориентировки «афанасьевцев» указанных регионов схожи с алтайскими. Преобладают направления умерших на восток и запад (т.е. весенние или осенние). В Тыве раскопано одно зимнее погребение (Хайыракан, курган №5), где покойник уложен головой в северо-западный сектор. Могила в описанном случае, видимо, сооружалась раньше захоронения, в конце осени, и ориентирована по линии ЗСЗ–ВЮВ. Более подробный анализ территориальной специфики афанасьевских памятников будет возможен при расширении источниковой базы.

Библиографический список

Абдулганеев М.Т., Ларин О.В. Афанасьевские памятники Бойтыгема // Археология Горного Алтая. Барнаул, 1994. С. 24–26.

Абдулганеев М.Т., Посредников В.А., Степанова Н.Ф. Афанасьевские могильники на р. Ело // Источники по истории Республики Алтай. Горно-Алтайск, 1997. С. 69–90.

- Вадецкая Э.Б. Первые скотоводы Сибири // Археология Прииртышья. Томск, 1980. С. 79–93.
- Вадецкая Э.Б. Археологические памятники в степях Среднего Енисея. Л., 1986. 179 с.
- Владимиров В.Н., Мамадаков Ю.Т., Цыб С.В., Степанова Н.Ф. Раскопки афанасьевского могильника Первый Межелик-I в Онгудайском районе // Древности Алтая. Горно-Алтайск, 1999. №4. С. 32–41.
- Генинг В.В., Генинг В.Ф. Метод определения древних традиций ориентировок погребенных по сторонам горизонта // Археология и методы исторических реконструкций. Киев, 1985. С. 136–152.
- Грязнов М.П., Вадецкая Э.Б. Афанасьевская культура // История Сибири. Т. 1: Древняя Сибирь. Л., 1968. С. 159–165.
- Грязнов М.П. Афанасьевская культура на Енисее. СПб., 1999. 136 с.
- Ефремов С.А. Погребение афанасьевского времени в пещере Каминная // Погребальные и поселенческие комплексы эпохи бронзы Горного Алтая. Барнаул, 2006. С. 44–47.
- Иванова Л.А. Опыт выделения и палеоэтнографической характеристики афанасьевской культуры Среднего Енисея: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Л., 1970. 15 с.
- Кирюшин Ю.Ф., Тишкин А.А. Скифская эпоха Горного Алтая. Ч. 1: Культура населения в раннескифское время. Барнаул, 1997. 232 с.
- Киселев С.В. К вопросу о культуре древнейшего европеоидного населения Сибири // ВДИ. 1948. №1(2). С. 228–243.
- Киселев С.В. Древняя история Южной Сибири // МИА. 1949. № 9. 364 с.
- Киселев С.В. Древняя история Южной Сибири. М., 1951. 643 с.
- Кубарев В.Д., Киреев С.М., Черемисин Д.В. Курганы урочища Бике // Археологические исследования на Катунь. Новосибирск, 1990. С. 43–95.
- Ларин О.В. Афанасьевская культура Горного Алтая: могильник Сальдьяр-1. Барнаул, 2005. 208 с.
- Молодин В.И. Горный Алтай в эпоху бронзы // История Республики Алтай. Горно-Алтайск, 2002. С. 97–125.
- Подосинов А.В. Ex oriente lux! Ориентация по сторонам света в архаических культурах Евразии. М., 1999. 720 с.
- Степанова Н.Ф. К вопросу об относительной хронологии памятников афанасьевской культуры Горного Алтая // Проблемы хронологии и периодизации археологических памятников Южной Сибири. Барнаул, 1991. С. 50–53.
- Степанова Н.Ф. Некоторые итоги статистического анализа признаков погребального обряда афанасьевской культуры Горного Алтая // Западная и Южная Сибирь в древности. Барнаул, 2005. С. 121–125.
- Суразаков А.С. Афанасьевские памятники Горного Алтая // Проблемы истории Горного Алтая. Горно-Алтайск, 1987. С. 3–22.
- Теплоухов С.А. Древние погребения в Минусинском крае // Материалы по этнографии. Л., 1927. Вып. 2. С. 57–112.
- Теплоухов С.А. Опыт классификации древних металлических культур Минусинского края // Материалы по этнографии. Л., 1929. Т. 4, вып. 2. С. 41–62.
- Тишкин А.А., Дашковский П.К. Социальная структура и система мировоззрений населения Алтая скифской эпохи. Барнаул, 2003. 430 с.
- Тюрина Е.А. Половозрастной состав афанасьевских погребений // Этнокультурная история Евразии: современные исследования и опыт реконструкций. Барнаул, 2008. С. 104–105.
- Фрибус А.В. Происхождение афанасьевской культуры: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Кемерово, 1998. 26 с.
- Фрибус А.В. Погребальный обряд и относительная хронология афанасьевских памятников Алтая // Первобытная археология. Человек и искусство. Новосибирск, 2002. С. 147–150.
- Фрибус А.В. Некоторые локальные особенности афанасьевского погребального обряда // Археология Южной Сибири: идеи, методы, открытия. Красноярск, 2005. С. 63–66.
- Хлобыстина М. Д. Древнейшие могильники Горного Алтая // СА. 1975. №1. С. 17–53.
- Цыб С.В. Ранняя группа афанасьевских памятников и вопрос о происхождении афанасьевской культуры // Древняя история Алтая. Барнаул, 1980. С. 38–51.
- Цыб С.В. Афанасьевская культура Алтая: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Кемерово, 1984. 19 с.

Цыб С.В. Относительная хронология погребальных памятников афанасьевской культуры Южной Сибири // Хронология и культурная принадлежность памятников каменного и бронзового веков Южной Сибири. Барнаул, 1988. С. 162–164.

Шульга П.И. Погребения эпохи энеолита – бронзы в долине Сентелека // Погребальные и поселенческие комплексы эпохи бронзы Горного Алтая. Барнаул, 2006. С. 47–72.

Научный руководитель – д.и.н., профессор Ю.Ф. Кирюшин (АлтГУ)

Н.А. Сулягина

Государственный Эрмитаж, Санкт-Петербург

ИСТОРИЯ ИЗУЧЕНИЯ ПАМЯТНИКОВ КУЛЬТУРЫ ШАЦЗИН (провинция Ганьсу, КНР)

Изучение археологических памятников Северо-Западного Китая началось более ста лет назад. На протяжении XX столетия исследования этого региона проводили представители разных стран, менялись цели и задачи, методика полевых исследований. Процесс познания истории и культуры этого региона представляет собой интересный материал и требует специального изучения. Отдельные вехи этого процесса можно проследить на примере культуры Шацзин.

Начало полевым исследованиям памятников культуры Шацзин было положено шведским ученым Й.Г. Андерссоном. В 1923 г. экспедиция под его руководством проводила археологические исследования на северо-западе Китая, в Монголии и Тибете (Andersson J.G., 1943, с. 12–15). Перед исследователем стояла задача: найти и раскопать на западе Китая памятники, аналогичные Яншао. Такие находки подтвердили бы предположение ученого о контактах населения северных территорий Китая с населением Ближнего Востока (Andersson J.G., 1943, с. 9–14). Во время поездки одного из сотрудников экспедиции Пэй Вэньчжуна в Ланьчжоу поступила информация о находках керамики и других предметов в районе оазиса Чжэньфань (совр. уезд Миньцин). Он посетил деревню Шацзин с целью лично ознакомиться с обнаруженными вещами. Найденные предметы относились к широкому временному промежутку от периода правления династии Хань до династии Сун. В следующем 1924 г. на этой территории были проведены археологические исследования нескольких памятников, в том числе форта Люхутун и могильников Шацзин S (южный) и Шацзин E (восточный). На основании полученных материалов был выделен одноименный этап (Шацзин) в развитии традиции изготовления керамики на территории провинции Ганьсу (так называемый ганьсуский вариант Яншао). Одновременно исследования проводились в уезде Юнчан (Andersson J.G., 1943, с. 197–215).

Первые результаты исследований Й.Г. Андерссона были опубликованы уже в 1925 г. (Andersson J.G., 1925). Основное внимание исследователь уделил вопросам хронологии и периодизации открытых им памятников. Анализ собранных материалов позволил ему выделить шесть этапов в развитии данного региона от позднего неолитического до раннего бронзового века. Основными критериями в определении культурной принадлежности памятников были топография, характерные особенности изготовления керамики, элементы погребального обряда, наличие металлических изделий. Сопоставление исследованных памятников с известными культурами Греции

и Скандинавии позволило Й.Г. Андерссону определить хронологические рамки этого культурного явления периодом 3500–1700 лет до н.э. Этап Шацзин был датирован временем 2000–1700 лет до н.э. (Andersson J.G., 1925, с. 23, 25–27).

Только в 1943 г. вышла обобщающая монография «Исследования по доистории китайцев» (Andersson J.G., 1943). Она представляет собой фундаментальное исследование, посвященное культурному развитию населения центральных и западных районов Китая. К этому времени Й.Г. Андерссон пересмотрел свои взгляды на хронологию раскопанных памятников. В результате время существования ганьсуского варианта культуры Яншао было определено 2500–500 до н.э., а время существования завершающего этапа было существенно «омоложено» до 700–500 лет до н.э. Основным аргументом в пользу этой даты служит отсутствие изделий из железа на памятниках этого этапа: «...Определение возраста этапа Шацзин предложено на основании отсутствия, насколько нам известно, изделий из железа в погребениях и ямах этого периода, в отличие от часто встречающихся аналогичных предметов в памятниках эпохи Хань на этой же территории» (Andersson J.G., 1943, с. 214, 291–295).

Таким образом, в период первоначального накопления материала были проведены полевые исследования на огромных территориях, открыто значительное количество памятников. Полевые исследования этого периода проводились на высоком научном уровне. Особое внимание уделялось методам фиксации материалов. В ходе работ были подготовлены топографические планы местности, планы исследуемых памятников, большое количество фотографий. Работы, проводившиеся в основном силами европейских исследователей, пробудили интерес и китайских ученых к этому историко-культурному региону, стимулировали продолжение работ силами китайских археологов.

К сожалению, в результате военных действий 1930-х гг. на территории Китая крупномасштабные археологические исследования были прерваны, пострадали коллекции исследованных памятников, а большая часть подготовленных картографических материалов была утеряна.

Одним из первых китайских ученых, который проявил интерес к культурам Западного Китая, был Пэй Вэньчжун. Свою научную деятельность исследователь начал в составе экспедиции Й.Г. Андерссона. В послевоенные годы он продолжил изучение начатых ранее тем, среди которых было и исследование памятников в провинции Ганьсу. На основании материалов этапа Шацзин (по Й.Г. Андерссону) Пэй Вэньчжун в 1948 г. выделил одноименную культуру, которую считал завершающей фазой в развитии культур расписной керамики данного региона (Пэй Вэньчжун, 1987, с. 259). По мнению исследователя, ее материалы демонстрируют определенную преемственность с местными памятниками более ранних эпох, одновременно она испытывала влияние со стороны ранних культур Центральной равнины (Пэй Вэньчжун, 1987, с. 272).

Начало следующего периода в изучении памятников культуры Шацзин можно отнести к 70-м гг. XX в. В это время начинаются масштабные полевые исследования, значительно увеличивается объем источников, появляются новые концепции, связанные с развитием данной территории. Исследователи начинают проявлять интерес не только к культурно-хронологическому развитию Западного Китая, но также к вопросам этнической истории этого региона.

В результате хозяйственной деятельности местного населения были открыты новые памятники культуры Шацзин. Сотрудники центрального музея провинции Ганьсу и краеведческого музея города Увэй провели разведывательные работы в этом районе, а в 1979–1981 гг. исследовали наиболее крупные некрополи. Одновременно был собран значительный подъемный материал, типологически близкий вещам, происходящим из погребальных комплексов. В последующие несколько лет в печати появились краткие сообщения об открытии и исследовании могильников Юйшугоу (уезд Юндэн), Хамадунь (уезд Юнчан), укрепление Саньцзяочэн (уезд Юнчан). Время существования этих памятников Пу Чаоба соотнес с ранним этапом периода Чуньцю (Пу Чаоба, 1981, с. 34–36; Пу Чаоба, Чжао Цзиньлун, 1984, с. 598–601). Особое внимание он уделил периодизации культуры Шацзин, в основу которой была положена динамика развития погребального сооружения: чем позже было построено погребальное сооружение, тем компактнее его конструкция (Пу Чаоба, 1989, с. 4).

Одновременно исследователи обращаются к письменным источникам, на основании которых Пу Чаоба связал происхождение культуры Шацзин с племенами юэцжи при определенном влиянии со стороны хунну и других северных племен (Пу Чаоба, 1981, с. 34–36; 1989, с. 8–10). Позднее Пу Чаоба и Пань Яосян частично пересмотрели свои выводы. Они пришли к заключению о принадлежности ее носителей только к племенам юэцжей. Границы распространения культуры Шацзин были расширены и охватили территории уездов Миньцин, Юнчан, Цзинчан, Шаньдань, Чжанье, Увэй, Тяньчжу, Юндэн, т.е. всю центральную часть провинции Ганьсу. Указанная территория совпала с территорией расселения племен юэцжи, приведенной в письменных источниках. Данный факт стал главным аргументом в пользу указанной этнической принадлежности памятников (Пу Чаоба, Пань Яосян и др., 1990, с. 231).

В период с 1979 по 1981 г. были исследованы еще несколько некрополей на территории уезда Юнчан. Однако материалы этих могильников – Сиган, Чайванган, Шантугоуган – были введены в научный оборот лишь спустя несколько десятилетий (Отчет... 2001, Сутягина Н.А., 2007, с. 253–255; 2008, с. 76–78; 2009).

В это же время на основе материалов перечисленных могильников были проведены антропологические исследования, получена серия радиоуглеродных дат, данные спектрального анализа (Пу Чаоба, Пань Яосян 1990, с. 236; Отчет..., 2001, с. 201–202; Хань Каньсинь, 2001, с. 235–245). Результаты междисциплинарных исследований расширили познавательные возможности в изучении этой группы памятников. Однако ограниченное количество этих данных позволяет использовать их весьма условно.

Одновременно с публикациями материалов продолжается работа, связанная с их анализом и систематизацией. Ли Шуйчэн выделила несколько этапов культуры Шацзин. В основу такого деления были положены локально-хронологические особенности предметного комплекса. Ранний этап, по ее мнению, представлен памятниками, сконцентрированными на территории уезда Миньцин, поздний – на территории уезда Юнчан. Время существования данной культуры исследовательница определяет в рамках 1-й половины I тысячелетия до н.э. – 1000–645 гг. до н.э. Она поддержала идею об автохтонности носителей культуры Шацзин, хотя отметила, что в определенный период развития сказалось влияние с севера. Ли Шуйчэн связывает эту культуру с отдельными группами жунов или цянов (Ли Шуйчэн, 1994, с. 511–512).

Третий этап изучения культуры Шацзин приходится на последнее десятилетие XX – начало XXI вв. В это время в научный оборот были введены материалы опорных памятников – могильников Сиган и Чайванган (Отчет..., 2001). В публикации предложены детальная классификация сопроводительного инвентаря, внутренняя периодизация памятников.

Одновременно происходит пересмотр вопроса этнической принадлежности населения, оставившего эти памятники. В настоящее время гипотеза Пу Чаоба о принадлежности культуры Шацзин юэчжам ставится под сомнение. Отдельные исследователи считают, что памятники могли быть оставлены предками юэчжей, пришедшим с запада, другие – одному из племен цянь-жунов Северо-Западного Китая (Отчет..., 2001, с. 199). Таким образом, вопрос этнической принадлежности носителей культуры Шацзин по-прежнему остается открытым.

Культура Шацзин не осталась незамеченной и в отечественной науке. Однако в большинстве случаев исследователи ограничивались лишь упоминаниями о ней в связи с какой-либо проблематикой (Васильев Л.С., 1976, с. 49–50, 154, 178; Ларичев В.Е., 1977, с. 6; Кучера С., 1982, с. 55; Семенов Вл.А., 2003, с. 82). Так, например, Ю.А. Заднепровский (1997, с. 76) уделит внимание могильнику Хамадунь в связи с поисками археологических памятников юэчжи на территории их прародины.

Таким образом, на протяжении третьего этапа произошла определенная эволюция взглядов на культуру Шацзин, ее хронологию, периодизацию памятников и их этническую атрибуцию. В настоящее время она занимает важное место в системе древних культур Северо-Западного Китая. Изучение этой культуры и проблемы взаимных контактов ее носителей с соседними и отдаленными регионами и племенами имеет принципиальное значение для изучения этнокультурных процессов на территории Центральной Азии в раннем железном веке.

Библиографический список

- Васильев Л.С. Проблемы генезиса китайской цивилизации. М.: Наука, 1976. 368 с.
- Заднепровский Ю.А. Древние номады Центральной Азии. СПб., 1997. 113 с. (Археологические изыскания. Вып. 40).
- Кучера С. Ранняя история Северо-Западного Китая (Ганьсу) // Информационный бюллетень МАИКЦА (ЮНЕСКО). 1982. Вып. 3. С. 42–73.
- Ларичев В.Е. От редактора // Т.И. Кашина. Керамика культуры Яншао. Новосибирск: Наука, 1977. С. 5–11.
- Ли Шуйчэн. Исследование материалов культуры Шацзин (Шацзин вэньхуа яньцзю) // Госюэ яньцзю. Пекин, 1994. Т. 2. С. 493–523 (на кит. яз.).
- Отчет о раскопках могильников Сиган и Чайванган культуры Шацзин в уезде Юнчан, провинция Ганьсу (Юнчан Сиган Чайванган: Шацзин вэньхуа муцзан фацзюэ баогао). Ланьчжоу, 2001 (на кит. яз.).
- Пэй Вэньчжун. Научный сборник по доисторической археологии (Шициань каогу сюэлунь вэньцзи). Пекин, 1987 (на кит. яз.).
- Пу Чаоба. Могильник Юйшугоу культуры Шацзин на территории уезда Юндэн провинции Ганьсу (Ганьсу Юндэн Юйшугоу дэ Шацзин муцзан) // Каогу ю вэньху. 1981. №4. С. 34–36 (на кит. яз.).
- Пу Чаоба, Чжао Цзиньлун. Исследование памятника Саньцзяочэн культуры Шацзин на территории уезда Юнчан, провинция Ганьсу (Ганьсу Юнчан Саньцзяочэн Шацзин вэньхуа и цунь дяоча) // Каогу. 1984. №7. С. 598–601 (на кит. яз.).
- Пу Чаоба. О культуре Шацзин (Шилунь Шацзин вэньхуа) // Сибэй шиди. 1989. №4. С. 1–11 (на кит. яз.).
- Пу Чаоба, Пань Яосянь. Памятники культуры Шацзин Саньцзяочэн и могильник Хамадунь в уезде Юнчан, провинция Ганьсу (Юнчан Саньцзяочэн юй Хамадунь Шацзин вэньхуа ицунь) // Каогу сюэбао. 1990. №2. С. 205–237 (на кит. яз.).

Семенов Вл.А. Суглуг-Хем и Хайыракан – могильники скифского времени в Центрально-Тувинской котловине. СПб.: Петербургское Востоковедение, 2003. 240 с.

Сутягина Н.А. Культура Шацзин скифского времени на территории провинции Ганьсу, КНР // Археология, этнология, палеоэкология Северной Евразии и сопредельных территорий. Новосибирск, 2007. С. 253–255.

Сутягина Н.А. Наборный пояс в культуре Шацзин (по материалам некрополей провинции Ганьсу, КНР) // Труды II (XVII) Всероссийского археологического съезда в Суздале. М.: ИА РАН, 2008. Т. II. С. 76–78.

Сутягина Н.А. Погребальный обряд как источник для изучения внешних связей культуры Шацзин // Труды Первого Всероссийского съезда историков-регионоведов. СПб., 2009 (в печ.).

Хань Кансинь. Антропологические исследования захороненных в погребениях культуры Шацзин (провинция Ганьсу, уезд Юнчан) (Ганьсу Юнчан Шацзин вэньхуа женьгу чжунюй янцю) // Отчет о раскопках могильников Сиган и Чайванган культуры Шацзин в уезде Юнчан, провинция Ганьсу (Юнчан Сиган Чайванган: Шацзин вэньхуа муцзан фацзюэ баогао). Ланьчжоу, 2001. С. 235–265 (на кит.яз.).

Andersson J.G. Preliminary report on archaeological research in Kansu. The Geological survey of China. Peking, 1925.

Andersson J.G. Researches into the prehistory of the Chinese. BMFEA, Stockholm, 1943. Bull. 15.

Научный руководитель – к.и.н., с.н.с. С.С. Миняев (ИИМК РАН)

Д.П. Шульга

Новосибирский государственный университет, Новосибирск

К ВОПРОСУ О СТИЛИЗОВАННЫХ ИЗОБРАЖЕНИЯХ ГРИФОНА (по материалам Алтая и прилегающих территорий Китая)

Практически во всех скотоводческих культурах скифского облика, распространенных в VI–III вв. до н. э. в степях Евразии от Дуная и до Китая, широко бытовали изображения фантастического существа – грифона (грифа) или мифического орла, определяемого исследователями как «символ воинской доблести», «божество», «дух загробного мира». Своеобразие этого образа, имеющего прямые аналогии в культурах земледельческих государств Греции, Передней и Центральной Азии, всегда привлекало археологов, историков и искусствоведов. Только в России вопрос о грифонах (грифах) затрагивался в сотнях публикаций. Грифоны (грифы) из пазырыкской культуры VI–III вв. до н.э. подробно рассматривались в работах С.И. Руденко, М.П. Грязнова, Л.Л. Барковой, В.Д. Кубарева, Н.В. Полосьмак, Л.С. Марсадолова и других исследователей (см. прилагаемый библиографический список). Однако до сих пор так и не сложилось общепринятой классификации изображений этих существ, сохраняется разноречивая терминология, нет единого взгляда на их семантику, не решен вопрос о времени появления этого образа на Алтае и его эволюции.

Настоящая работа посвящена малоисследованному вопросу о стилизованных изображениях «грифонов» на Алтае. В связи с этим цель работы – на основе принятой ранее автором классификации изображений «грифонов» выделить и рассмотреть некоторые сюжеты в далеко не однородной группе стилизованных изображений.

Несмотря на особое внимание в научной литературе к образу так называемого грифона или грифа, существует лишь одна сделанная Л.Л. Барковой (1987) дробная и достаточно хорошо обоснованная классификация образов пазырыкских орлиноголовых грифонов. Предлагаемая автором классификация во многом совпадает с предложенной Л.Л. Барко-

вой. Однако исследовательница почти не касалась вопроса появления в скифском мире и на Алтае образа грифона, наложившегося на уже существовавший здесь образ орла. Поэтому идущий с раннескифского времени образ хищной птицы без уха даже не был выделен в отдельную группу и ею не рассматривался. Необходимо учесть, что Л.Л. Баркова сознательно ограничилась только материалами из Больших курганов пазырыкской культуры, не рассматривая даже известные ко времени выхода статьи в 1987 г. материалы раскопок В.Д. Кубарева и других исследователей. Справедливости ради, не нужно забывать, что основная масса материалов, полученных В.Д. Кубаревым с верховий Чуи, тогда еще не была опубликована, а сенсационные раскопки новосибирских археологов на плоскогорье Укок еще даже не начинались. За прошедшие годы объем материалов существенно увеличился, что позволяет вновь обратиться к образу загадочных «грифонов».

Мы попытались классифицировать образы алтайских «грифонов» с учетом их эволюции с раннескифского времени и наличия у грифовых головок звериного уха. В результате получилась непротиворечивая классификация имеющихся изображений, разделенных предварительно на семь основных групп.

1. Орел. Полное изображение или головка хищной птицы без звериного уха (рис. 1.-1).

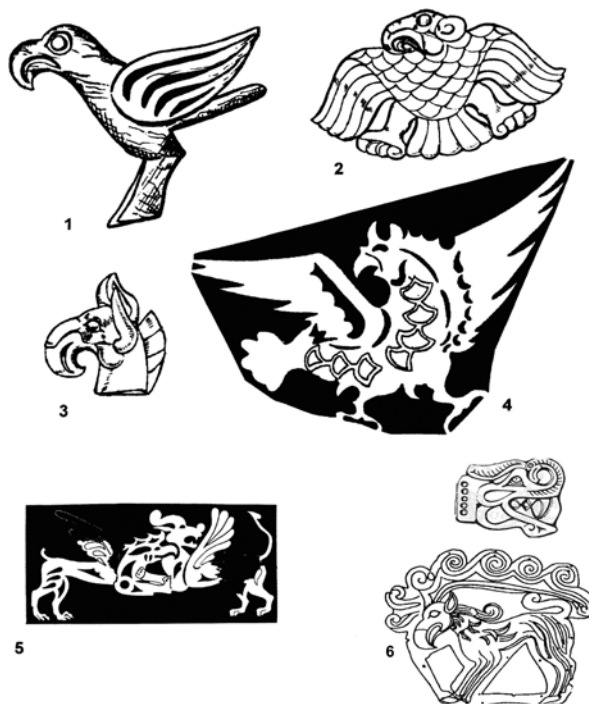

Рис. 1. Виды «грифонов» скифского звериного стиля по классификации автора: 1 – орел (Юстыд-ХII, по: Кубарев В.Д., 1991); 2 – мифический орел (Второй Башадарский курган, по: Руденко С.И., 1960); 3 – головка (Первый Туэктинский курган, по: Руденко С.И., 1960); 4 – орел-грифон (Первый Пазырыкский курган, по: Руденко С.И., 1953); 5 – орлиный и львиный грифоны (Первый Пазырыкский курган, по: Руденко С.И., 1953); 6 – синкретичные существа (могильник Объездное-1 по: Телегин А.Н., Бородовский А.П., 2007; Могильник Сигоупань М2, по: Ковалев А.А., 1999)

2. «Мифический» орел. Изображение хищной птицы со звериным ухом в полный рост или в виде головки (рис. 1.-2).

3. «Головка грифона». Изображение головки хищной птицы с ухом, хохолком и гребнем (последний иногда отсутствует) (рис. 1.-3).

4. «Орел-грифон». Полное изображение орла с ухом, хохолком и гребнем (рис. 1.-4).

5. Орлиные грифоны (рис. 1.-5).

6. Львиные грифоны (рис. 1.-5).

7. Синкретичные существа (часто в виде головки), сочетающие черты грифона с волком, лошадью или каким-то копытным животным, бараном (?), тигром и драконом (рис.1.-6) (см. работы С.И. Руденко, Л.Л. Барковой, В.Д. Кубарева и Н.В. Полосьмак).

Изучая указанные образы, мы пришли к выводу о необходимости выделения еще одной, ранее специально не рассматривавшейся, группы стилизованных изображений грифона. При этом основывались на убеждении таких ученых, как С.С. Сорокин, Е.Е. Кузьмина, А.С. Суразаков, Е.В. Переводчикова, В.Д. Кубарев и др. о том, что образ зверя у скифов выступает как знак-символ, обладающий определенным значением, а их искусство является своеобразным языком, который можно читать как текст (Переводчикова Е.В., 1994, с. 16). В представленной работе автор делает попытку **выделить** несколько символов в группе изображений, называемых «стилизованными головками хищной птицы или (грифона)» и «растительным орнаментом», а также предложить свой **вариант прочтения** некоторых из них.

Если понимать под стилизованным изображением «грифона» схематизированный (выполненный в условной манере) образ существа, то можно выделить десятки разновидностей. До недавнего времени считалось, что основное количество стилизованных изображений «грифона» на Алтае представлено головками без туловища. Однако в последние годы были выделены грифоны с хвостами (Шульга П.И., 1998), что позволило по-новому взглянуть на происхождение и содержание этих образов.

Некоторые из стилизованных изображений грифонов распознаются легко, другие – сложнее (рис. 2). На многих изображениях завитки грифоньих головок помещаются на концы рогов и хвостов, превращаются в «растительный орнамент» (рис. 2.-3–5) или в такие общечеловеческие символы, как спираль, свастика («сегнерово колесо») и др. (рис. 2.-4). Последовательность в переходах и превращениях (обычно называемых стилизацией) животных в растительные орнаменты и наоборот была отмечена С.И. Руденко и Н.В. Полосьмак на массовом материале из мерзлотных курганов Пазырыка и Укока (рис. 3; 5.-1–5). При этом Н.В. Полосьмак (1994, рис. 66) в своей первой обобщающей работе по Укоку хотя и не комментирует рисунок, но сам подбор изображений и порядок, последовательность их размещения на рисунке показывают направление мыслей исследовательницы.

По мнению многих ученых, стилизация – это процесс все большего упрощения реалистичного изображения. При этом приводятся многочисленные примеры, когда праобраз того или иного, уже не понимаемого (или трактуемого по-другому) стилизованного изображения (знака) давно забыт, а он продолжает воспроизводиться у разных народов сотни лет в орнаментах вышивок, ковров, росписей и т.д. (свастика, крест, розетка, пальметка, спираль, завиток и др.). Тогда на начальном этапе в искусстве должны фигурировать реалистичные изображения, а затем сменяться стилизованными. Однако в искусстве Пазырыка и Укока V в. до н.э. одновременно встречаются «реалистичные»

и стилизованные изображения одних и тех же существ. Аналогичная картина наблюдается в самых ранних курганах пазырыкской культуры – Башадара и Туэқты (Руденко С.И., 1953; 1960) и даже в раннескифских курганах VII вв. до н.э. на начальном этапе формирования скифо-сибирского звериного стиля (Шульга П.И., 1998). Здесь также сосуществуют «реалистичные» и предельно стилизованные изображения. К последним можно отнести изображение из могильника Цзяохэ из Синьцзяна, где проживали родственные пазырыкской культуры (рис. 5). Отсюда можно сделать предположение, что стилизованные образы есть не просто большая или меньшая степень схематизации изображений мифических или реальных существ. Перед нами намеренное создание каких-то образов. Возможно, под ними подразумевались божества, герои и силы природы.

Рис. 2. Пазырыкская культура. Виды стилизации «грифонов»

Рис. 3. Пазырыкская культура. Трансформация изображений лосей в растительный орнамент

Упрощение изображения, как правило, означало усложнение содержания образа. Например, посредством схематизации реалистичный образ лося может превращаться в трилистник (рис. 3). В трилистник или лотос переходит и грифон (рис. 5). Однако при этом предполагался и обратный процесс – превращение лотоса (цветка) в лося или грифона. По мнению моего научного консультанта П.И. Шульги, процесс изменения (превращения) некоторых образов в пазырыкском искусстве в ряде случаев было бы вернее называть не «стилизацией», «условной манерой изображения» (Руденко С.И., 1960, с. 267) или «переходом от реалистического изображения к орнаментальному» (Артамонов М.И., 1971), а трансформацией. Если проанализировать эти и другие стилизованные изображения, то выяснится, что, несмотря на тесную взаимосвязь между ними и хорошо заметную трансформацию, образующиеся промежуточные формы (например, различные варианты асимметричного листа, рис. 4.-9–10; 5) были стабильны и долго сохранялись.

Рассмотрим одну линию стилизации (трансформации) из курганов Укока V–IV вв. до н.э., опираясь на опубликованный Н.В. Полосьмак рисунок (рис. 5.-1–5).

Сначала мы видим головку мифического орла или орла-грифона с реалистично проработанными частями (шея, глаз, ухо, клюв, хохолок, гребень; рис. 5.-1), затем – изображение головки «хищной птицы» с гипертрофированными клювом, ухом и хохолком (рис. 5.-2); далее – два близких изображения (одно из которых (рис. 5.-4) находится на цветоложе), оформленных спирально-растительным орнаментом свернувшихся хвостатых грифонов с намеченным клювом и схематизированным обобщенным изображением уха или хохолка (рис. 5.-3–4); а в итоге – находящийся на цветоложе трилистник или лотос (рис. 5.-5). Таким образом, грифон превращается в лотос (цветок), и, наоборот, из лотоса рождается грифон, при этом образуются символы переходного типа – «грифано-лотосы». В искусстве «пазырыкцев» Алтая образы с одновременно присутствующими чертами лотоса (цветка) и грифона есть, например, во Втором Пазырыкском кургане, где по краю войлочного ковра на узорах чашелистики лотоса представлены двумя стилизованными головками орлов, т.е. орлы являются лоном для рождения божественного лотоса (рис. 5). Там же на одежде жрицы есть узоры из стилизованных гребней петуха, головок хищной птицы (орла?), барана и лотоса (рис. 5). Значительное число вариантов превращения стилизованного грифона в растительный орнамент или цветок имеется и на изображениях одних из самых ранних Башадарских и Туэктинских курганов пазырыкской культуры.

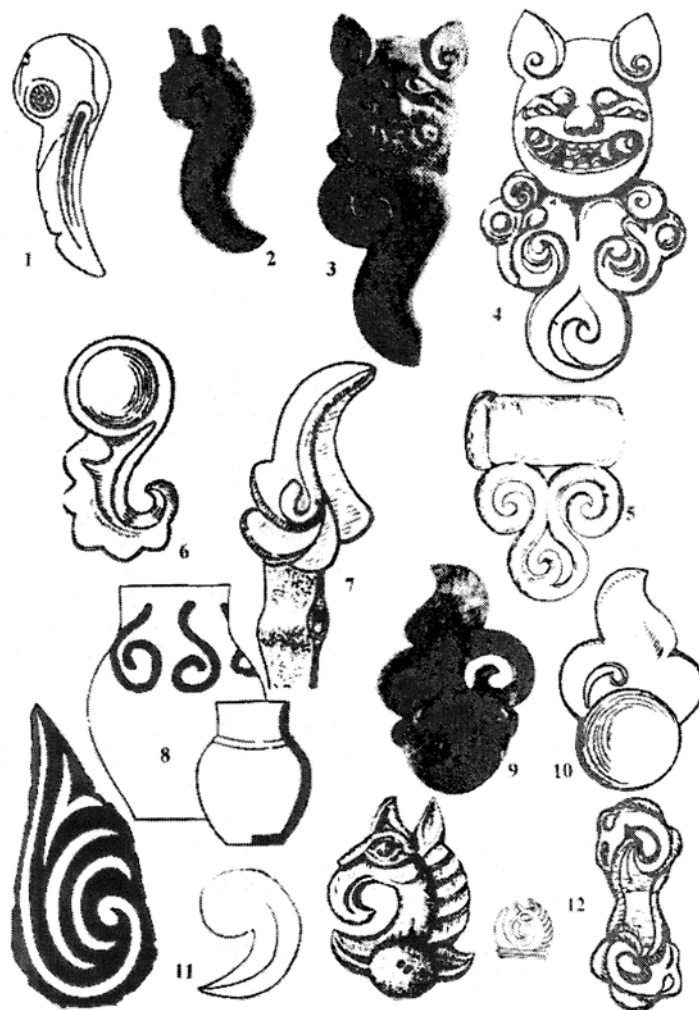

Рис. 4. Пазырыкская культура. Виды стилизации головки орла, хвостатого мифического орла, «запятой» и «асимметричного листка»

Имеются ли другие подтверждения этим предварительным выводам, сделанным на основании изображений из курганов пазырыкской культуры? В известных мне работах С.И. Руденко, В.Д. Кубарева и Н.В. Полосьмак и других археологов я не нашел комментариев по этому вопросу. На первый взгляд, связь между образами грозного бойца и стража грифона и нежного прекрасного цветка лотоса не прослеживается. Но, как часто бывает, первое впечатление ошибочно. Работая с энциклопедической литературой, мне удалось найти довольно много подтверждений близости этих образов в древности.

Так, символами Верхнего Египта являлись одновременно лотос (Мифы народов мира, 1997, т. 2, с. 71) и богиня-гриф Небхет (Ранние цивилизации..., 1994, с. 9). Оказывается, в культурах Востока лотос, как и грифон, олицетворял силу, принадлежность к богам и солнцу. О солярном значении орлов и грифонов говорилось

Рис. 5. Пазырыкская культура, культура Цзяохэ.
Трансформация головок грифона и лотоса. Аналогии

неоднократно. А относительно цветка лотоса нужно отметить, что розетка – изображение распустившегося лотоса или цветка – у многих народов являлась солярным символом, т.е. уподоблялась солнцу. Очень схожа функция грифона, как лошади богов, и лотоса, как ладьи богов. По мифам, ладья, которую Гелиос дал Гераклу для совершения одного из подвигов, была в форме лотоса (Мифы народов мира, 1997, с. 72). Более того, на Востоке лотос символизировал рождение, место зарождения жизни, бессмертие и воскресение. Так, бог Солнца с головой хищной птицы Ра в Египте родился, по некоторым мифам, из цветка лотоса. Сам творец Мира – индийский бог Брахма – также родился из лотоса (Бидерманн Г., 1996, с. 152). В буддийском раю, по некоторым легендам, люди, подобно богам, рождаются на цветке лотоса (Мифы народов мира, 1997, с. 71–72).

Таким образом, в нашем распоряжении имеется значительное количество данных, указывающих на близость, а иногда, возможно, и на совпадение образов грифона

и лотоса в верованиях и в искусстве «пазырыкцев». Теперь обратимся к двум промежуточным изображениям между грифоном и лотосом, представляющим собой два варианта широко распространенных стилизованных изображений свернувшегося в спираль грифона (орла), называемого асимметричным листком (рис. 5.-3–4). Эти спиралевидные варианты напоминают также зерно с пробившимся ростком (рис. 5.-3–4). Если исходить из общепризнанного понимания спирали как символа «прихода и ухода, рождения и смерти, восхода и захода, возникновения и умирания» (см.: Голан А., 1992, с. 70–71; Бидерманн Г., 1996, с. 259–260), то нельзя ли предположить, что располагающееся между образами грифона и лотоса (цветка) промежуточное изображение спирали-ростка символизирует фазу перерождения (превращения) грифона в лотос (цветок) и наоборот? В этом случае изображения 3 и 4 на рисунке 5 можно трактовать по направлению вправо как фазу исчезновения грифона и рождения лотоса, первоначально преобразующегося в семя с ростком (вспомним значение спирали). По направлению справа налево мы видим обратный процесс – исчезновение лотоса и возникновение грифона. Сохранились сведения о схожих представлениях в Египте, когда цветок лотоса служил своеобразным «телепортом», при помощи которого умершие перемещались из мира живых в западную загробную страну, «рождаясь» там из лотоса. Возможна и другая постановка вопроса. Не есть ли это способ рождения грифона из лотоса, и перед нами односторонняя трансформация? Ведь, как отмечалось выше, в Индии и в Египте лотос являлся символом рождения жизни из ила (из хаоса и неживой материи), символом духовного начала и искусства. Однако более предпочтительным представляется первое предположение о взаимной трансформации.

Работа над темой взаимопревращения образов грифонов, лотосов и других мифических существ и растений только начата, но имеющиеся материалы уже позволяют надеяться на ее завершение с положительным результатом.

Библиографический список

- Акишев А.К. Искусство и мифология саков. Алма-Ата, 1984. 176 с.
- Акишев К.А. Курган Иссык. Искусство саков Казахстана. М., 1978. 131 с.
- Алкин С.В. Энтомологическая идентификация хуншаньских нефритов (постановка проблемы) // III Годовая сессия Института археологии и этнографии СО РАН. Новосибирск, 1995. С. 14–16.
- Арсланова Ф.Х. Случайная находка бронзовых вещей в Семипалатинском Прииртышье // КСИА. М., 1981. №167. С. 54–58.
- Артамонов М.И. Скифо-сибирское искусство звериного стиля // Проблемы скифской археологии. М., 1971.
- Баркова Л.Л. Образ орлиноголового грифона в искусстве древнего Алтая (по материалам Больших Алтайских курганов) // АСГЭ. Л., 1987. №28. С. 5–29.
- Бидерманн Г. Энциклопедия символов. М., 1996. 335 с.
- Бонгард-Левин Г.М., Грантовский Э.А. От Скифии до Индии. Древние арии: мифы и история. М., 1983. 206 с., ил.
- Волшебные животные (Зачарованный мир). М., 1996. 144 с.: ил.
- Геродот. История в девяти книгах (пер. и прим. Г.А. Стратановского). Л., 1972. 600 с.
- Голан А. Миф и символ. М., 1993. 375 с.: ил.
- Даль В. Толковый словарь живого русского языка: В 4 т. СПб., М., 1881: Переиздание. Т. 1: А–З. М., 1978. 699 с.
- Доватур А.И., Каллистов Д.П., Шишова И.А. Народы нашей страны в «Истории» Геродота: Тексты, пер., комм. М., 1982. 456 с.
- Ковалев А.А. О связях населения Саяно-Алтая и Ордоса в V–III веках до н.э. // Итоги изучения скифской эпохи Алтая и сопредельных территорий. Барнаул, 1999. С. 75–82.

- Кубарев В.Д. Курганы Юстыда. Новосибирск, 1991. 189 с.
- Кубарев В.Д., Черемисин Д.В. Образ птицы в искусстве ранних кочевников Алтая // Археология юга Сибири и Дальнего Востока. Новосибирск, 1984. С. 86–100.
- Кубарев В.Д., Шульга П.И. Пазырыкская культура (курганы Чуи и Урсула). Барнаул, 2007. 287 с.
- Марсадолов Л.С. История и итоги изучения археологических памятников Алтая VIII–IV веков до н.э. (от истоков до начала 80-х гг. XX в.). СПб., 1996. 100 с.
- Мифы народов мира. Энциклопедия: В 2-х т. М., 1997. (Т. 1: А–К. 671 с.: ил.; Т. 2: К–Я. 917 с.: ил.
- Народы и религии мира: Энциклопедия. М., 2000. 928 с.: ил.
- Переводчикова Е.В. Язык звериных образов: Очерки искусства евразийских степей скифской эпохи. М., 1994. 206 с.
- Погребова Н.Н. Грифон в искусстве Северного Причерноморья в эпоху архаики // КСИИМК. 1948. Вып. 22. С. 62–67.
- Полосьмак Н.В. «Стережущие золото грифы» (ак-алахинские курганы). Новосибирск, 1994. 125 с.
- Полосьмак Н.В. Всадники Укока. Новосибирск, 2001. 336 с.: ил.
- Руденко С.И. Культура населения Горного Алтая в скифское время. М.; Л., 1953. 385 с., табл.
- Руденко С.И. Культура населения Центрального Алтая в скифское время. М.; Л., 1960. 350 с., табл.
- Суразаков А.С. К вопросу о семантике некоторых образов пазырыкского искусства // Материалы по археологии Алтая. Горно-Алтайск, 1986. С. 3–34.
- Телегин А.Н., Бороодовский А.П. Роговые украшения седла скифского времени с Приобского плато // Археология, этнография и антропология Евразии. 2007. С. 52–62.
- Уманский А.П., Шамшин А.Б., Шульга П.И. Могильник скифского времени Рогозиха-1 на левобережье Оби. Барнаул, 2005. 204 с.: ил.
- Фролов Я.В., Чекрыжова О.И. Изображение головы фантастического хищника из кургана №1 могильника Михайловский-VI и его параллели в искусстве народов Азии // Михайловский район: Очерки истории и культуры. Барнаул, 1999. С. 51–65.
- Чекрыжова О.И. Образ орлиноголового грифона в искусстве степей и предгорий Алтая // Историко-культурное наследие Северной Азии. Барнаул, 2001. С. 156–163.
- Черемисин Д.В. К ирано-тюркским связям в области мифологии. Богиня Умай и мифическая птица // Народы Сибири: история и культура. Новосибирск, 1997. С. 31–43. (Серия «Этнография Сибири»).
- Черников С.С. Загадка золотого кургана (где и когда зародилось скифское искусство). М., 1965. 185 с.
- Шульга П.И. Раннескифская упряжь VII – нач. VI вв. до н. э. по материалам погребения на р. Чарыш // Снаряжение верхового коня на Алтае в раннем железном веке и средневековье. Барнаул, 1998. С. 25–49.
- Шульга П.И. Могильник скифского времени Локоть-4а. Барнаул, 2003. 204 с.: ил.
- Шульга П.И. О происхождении и раннем этапе развития пазырыкской культуры // Сибирь в панораме тысячелетий. Новосибирск, 1998. Т. 1. С. 702–712.

Научный руководитель – к.и.н., доцент А.В. Варенов (НГУ)

Н.Н. Серегин

Алтайский государственный университет, Барнаул

ОПЫТ И ПЕРСПЕКТИВЫ РЕКОНСТРУКЦИИ СОЦИАЛЬНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ КОЧЕВНИКОВ ТЮРКСКОЙ КУЛЬТУРЫ САЯНО-АЛТАЯ

Определение уровня социального и политического развития кочевых обществ Центральной Азии является одним из важных направлений в номунологии. На сегодняшний день разработаны различные аспекты общественного устройства объединений

скотоводов раннего железного века (Социальная структура..., 2005). Гораздо меньше накоплено знаний о специфике существования социумов кочевников в период раннего средневековья. Тем не менее имеется определенный опыт и в плане изучения империй номадов 2-й половины I тыс. н.э. Его анализ позволяет обозначить перспективы дальнейшей работы в этом направлении.

Реконструкции общественного устройства кочевников тюркской культуры основываются в большинстве случаев на изучении письменных источников различного происхождения (китайские династийные хроники, рунические надписи, сочинения арабских и византийских авторов и др.). В ходе рассмотрения указанных материалов могут быть сформированы наиболее общие представления о социальной структуре и организации раннесредневековых номадов, что является важным этапом в ходе проведения палеосоциальных исследований (Ольховский В.С., 1995).

Первые наблюдения, связанные с определением специфики социальной дифференциации у средневековых кочевников Центральной Азии и отдельных районов Саяно-Алтая, были сделаны в XVIII–XIX вв. Отрывочные сведения о памятниках номадов Минусинской котловины приводятся в работах немецких исследователей (Борисенко А.Ю., Худяков Ю.С., 1997). К этому же времени относится первый опыт осмысления сведений о восточных тюрках, содержащихся в китайских династийных хрониках (Бернштам А.Н., 1946, с. 22–24).

Всплеск интереса к изучению различных аспектов истории номадов периода раннего средневековья в конце XIX – начале XX вв. был в значительной степени связан с дешифровкой тюркской рунической письменности в 1893 г. датским ученым В. Томсеном (Кляшторный С.Г., 1964, с. 6). Имеющиеся знания в области анализа китайских документов давали возможность для более развернутого рассмотрения широкого круга вопросов. Начиная с этого времени наибольший вклад в исследование общественного и политического устройства раннесредневековых кочевников Центральной Азии вносился отечественными востоковедами, что было обусловлено рядом известных факторов (Васютин С.А., Крадин Н.Н., Тишкин А.А., 2005, с. 10).

Большое значение для развития знаний об историко-культурных и социально-экономических процессах у номадов региона имели работы В.В. Бартольда, который коснулся ряда проблем изучения восточных тюрков. Исследования по различным вопросам «истории турецких народов Средней Азии» востоковед начал в конце XIX в. В общем виде концепция автора была изложена в известных лекциях, прочитанных в 1926 г. в Стамбульском университете (Кляшторный С.Г., 1964, с. 10). В.В. Бартольд (1993, с. 4) отметил, что важнейшим источником по многим аспектам существования восточных тюрков являются «исторические орхонские надписи». Данное обстоятельство, как справедливо подчеркнул исследователь, выгодно отличает источниковую базу по истории раннесредневековых номадов от кочевых народов предыдущего времени, изучение которых было возможно только на основе анализа китайских династийных хроник. Основываясь на рассмотрении рунических текстов и привлекая другие материалы, востоковед сделал несколько замечаний относительно уровня общественно-политического развития тюркских объединений.

В.В. Бартольд (1993, с. 7) подчеркнул, что памятники письменности номадов предоставляют значительный объем информации об устройстве тюркского государства, специфике структуры высших слоев управленческого аппарата, титулатуре и др. При этом

исследователь обратил внимание на возможную связь некоторых титулов и должностей с политическими традициями кочевых образований предшественников тюрков, прежде всего жужаней (Бартольд В.В., 1993, с. 8)*. Востоковед указал, что отличием тюркского государства являлось сосредоточение управления в руках одной династии, а не конкретного лица (Бартольд В.В., 1993, с. 5). При этом консолидация власти, изначально не характерная для общества скотоводов, может происходить при определенных обстоятельствах. Важнейшим из них В.В. Бартольд (1993, с. 6–7) считал сословную борьбу между знатью и рядовыми номадами, которая приводит к образованию кочевых государств.

Несмотря на то, что определенный период научной деятельности В.В. Бартольда пришелся на время утверждения и господства новой методологической парадигмы в советской исторической науке, взгляды исследователя не подверглись серьезному влиянию марксизма. По мнению С.Г. Кляшторного (1968, с. 15), это проявилось прежде всего в том, что возникновение сословного и имущественного неравенства востоковед объяснял выше упомянутыми чрезвычайными обстоятельствами, а не закономерностями развития общества номадов.

Итоги изысканий отечественных и зарубежных авторов 30–40 гг. XX в. подведены в обобщающей монографии А.Н. Бернштама (1946). В отличие от работ В.В. Бартольда, такое исследование было осуществлено в рамках марксистской методологии и схемы пяти формаций, согласно которой уровень развития кочевников средневековья соотнесен с феодализмом. Данное обстоятельство ни в коей мере не умаляет значимости конкретных результатов, полученных автором.

Важным достоинством монографии А.Н. Бернштама является тщательная проработка различных групп письменных источников, представлению которых посвящена отдельная глава. Помимо китайских династийных хроник и памятников тюркской рукописной письменности, автор учел информацию из арабских, византийских и персидских документов. На необходимость изучения данных материалов указывалось и ранее (Кляшторный С.Г., 1964, с. 8; 1968, с. 9), но столь тщательный анализ возможностей их использования при реконструкции социально-экономических процессов в тюркском обществе был проведен впервые. В ряде случаев А.Н. Бернштам (1946, с. 3) обращался и к вещественным источникам, полученным в ходе археологических исследований в Горном Алтае, Минусинской котловине и Монголии. Однако этот опыт нельзя назвать удачным, на что в свое время указывали отечественные специалисты (Кызласов Л.Р., 1979, с. 140). Безусловно, данное обстоятельство обусловлено, в первую очередь, объективными факторами. Ко времени написания монографии объем археологических материалов по периоду раннего средневековья Центральной Азии был весьма ограничен, еще более фрагментарными являлись результаты его анализа и интерпретации.

Изучение письменных источников позволило А.Н. Бернштаму (1946, с. 9–10, 145) определить общественный строй тюрков как раннюю форму сложения примитивных феодальных отношений. Исследователь подчеркнул значительное влияние на формирование государства раннесредневековых кочевников более развитых соседей – Китая

* Как известно, традиция проведения параллелей между центрально-азиатскими кочевыми народами различных исторических периодов имеет древние корни и отмечена еще в трудах китайских хронистов. Впоследствии вопрос о возможном существовании определенной преемственности между тюрками и объединением жужаней неоднократно затрагивался отечественными специалистами (Бернштам А.Н., 1946; Кычанов Е.И., 1997, с. 104; Худяков Ю.С., 2005, с. 354; и др.).

и Согда (Бернштам А.М., 1946, с. 10). Структуру тюркского социума А.Н. Бернштам обозначил исходя, в первую очередь, из особенностей политической организации номадов, отметив у кочевников стройную иерархию и разработанную титулатуру (Бернштам А.М., 1946, с. 106). Он выделил четыре основных слоя в обществе скотоводов, которые представляли каган с ближайшим окружением (катун, ябгу, шады), крупная родовая знать, рядовые кочевники, а также зависимое население, рабы. Весьма подробно были определены положение и функции представителей каждой группы.

Рассматривая роль рабства в тюркском обществе, А.Н. Бернштам (1946, с. 148) отметил его патриархальный характер, что в целом является традиционным для отечественного кочевниковедения. Более существенными представляются наблюдения востоковеда относительно специфики положения зависимых племен, включенных в состав тюркского государства. По мнению А.Н. Бернштама (1946, с. 127), они были обязаны не только выплачивать дань, но и участвовать в военных походах. В то же время у покоренных тюрками народов могла сохраняться политическая элита. По утверждению автора, в случае добровольного подчинения у зависимых объединений кочевников оставались свои каганы (Бернштам А.М., 1946, с. 113).

Обобщающая монография А.Н. Бернштама на долгое время закрыла основные аспекты изучения общественно-политического устройства тюрков по письменным источникам. Выводы исследователя использовались в целом ряде работ, нередко повторяясь без серьезных изменений (см., например: История Сибири..., 1968, с. 279–282).

В рамках обозначенной темы отдельно необходимо рассматривать книгу Л.Н. Гумилева «Древние тюрки», основанную на совершенно иных принципах. Наибольшее внимание в работе уделено представлению перипетий политической истории тюрков и народов, окружавших их. Рассматривая специфику общественного устройства раннесредневековых номадов, автор выразил несогласие с выводами А.Н. Бернштама об уровне социально-политического развития тюркской державы, подчеркнув, что она «стояла на стадии военной демократии» (Гумилев Л.Н., 2002, с. 72–73). Отметив, что в таком случае большое значение имеет военная организация, исследователь обратил внимание на наличие отборных частей кавалерии, а также конных стрелков, набираемых из покоренных народов (Гумилев Л.Н., 2002, с. 76, 80).

Интересным и неоднозначным представляется заключение Л.Н. Гумилева (2002, с. 91–92) об отличии культа предков, который был характерен для «вельмож», от «народной религии» основных слоев общества кочевников. В целом же, несмотря на яркость, оригинальность общей концепции истории номадов Центральной Азии, рассматриваемая книга почти не внесла нового в имеющиеся представления о специфике общественно-политического развития тюрков периода раннего средневековья. С другой стороны, была продемонстрирована возможность анализа кочевых обществ с позиций, отличавшихся от официальной парадигмы.

Основные выводы исследователей о существовании зависимых слоев населения в обществе восточных тюрков были обобщены и дополнены в работах С.Г. Кляшторного (1985, 1986). Помимо констатации существования разновидности патриархального рабства у раннесредневековых кочевников (Кляшторный С.Г., 1985, с. 162), тюрколог обратил внимание на неоднородность терминов рунических текстов, описывающих различные формы подчинения. По мнению С.Г. Кляшторного (1986, с. 336), личное рабство могло обозначаться в памятниках письменности тюрков так же, как и другие

проявления социальной зависимости. Рассматривая общие характеристики социально-политического устройства объединения номадов 2-й половины I тыс. н.э., исследователь подчеркнул существование многоступенчатой системы подчинения и жестких форм неравенства (Кляшторный С.Г., Султанов Т.И., 2000, с. 143–144; Кляшторный С.Г., Савинов Л.Г., 2005, с. 153). С.Г. Кляшторный (2005, с. 30–31) отметил, что государство тюрок являлось классическим воплощением имперской структуры верховной власти при сохранении этноплеменной общности.

В 1990-х гг. произошла определенная трансформация представлений отечественных исследователей по поводу характеристики политической системы номадов, а также непосредственно связанной с ней социальной организации кочевников (Васютин С.А., 2005, с. 216–217). Данная ситуация сопровождалась не только использованием новой терминологии, но и других методологических подходов к анализу специфики общественно-политического устройства объединений скотоводов. С другой стороны, необходимо признать, что подобное изменение не повлияло кардинальным образом на представления о специфике социальной организации восточных тюрок.

Одним из последних обобщений политической и социально-экономической истории кочевников Центральной Азии древности и средневековья является монография Е.И. Кычанова (1997). Основным положением данной работы являлось утверждение о том, что общество номадов было классовым, а имущественное и социальное расслоение свидетельствует о наличии у скотоводов государства (Кычанов Е.И., 1997, с. 5).

В одном из разделов монографии представлены основные сведения о политической и социальной организации объединения тюрок периода раннего средневековья. Е.И. Кычанов, опираясь на опыт отечественных и зарубежных исследователей, детализировал вопросы, связанные с происхождением титулатуры раннесредневековых номадов, а также кругом функций представителей высших звеньев администрации. Подчеркнув фрагментарность информации в письменных источниках о среднем и нижнем уровнях системы управления, исследователь предположил, что они были тесно связаны с комплектованием и организацией войска кочевников (Кычанов Е.И., 1997, с. 109, 111).

Важно отметить, что в работе Е.И. Кычанова социальная и политическая организация тюрок рассмотрена в сочетании с особенностями исторической ситуации в регионе. Более подробно динамичность подобных связей попытался представить Т.С. Жумаганбетов (2003). Отметив сложность изучения социальной структуры и организации тюркского общества, он выделил четыре хронологических периода в их развитии. Согласно логике исследователя, основные изменения в этом плане были связаны с присоединением новых народов, находившихся в подчиненном положении (Жумаганбетов Т.С., 2003, с. 167). В то же время, как и многие другие специалисты, Т.С. Жумаганбетов отметил существование у зависимых племен знати, стремившейся к родству с элитой тюрок. Также вполне традиционными являются наблюдения автора о структуре бюрократического аппарата управления и разветвленной титулатуре у раннесредневековых номадов (Жумаганбетов Т.С., 2003, с. 176–185).

Краткий и далеко не полный историографический обзор результатов анализа письменных источников при реконструкции социальной структуры и организации тюрок Центральной Азии позволяет сделать ряд наблюдений. С одной стороны, исследователями разных лет были высказаны общие замечания. Прежде всего к таковым относятся выводы специалистов о характере рабства в тюркском обществе и особен-

ностях положения зависимых слоев населения; представления о сложной титулатуре и властных полномочиях конкретных политических фигур и органов власти высшего аппарата управления. Также неоднократно отмечалась тесная связь социальной организации тюрок с особенностями комплектования войска.

В то же время имеющиеся письменные источники в ряде случаев позволяли авторам приходиться к совершенно противоположным выводам. Безусловно, подобная ситуация вполне возможна при характеристике частных аспектов социальной организации кочевников. Например, «отношение к женщине было подчеркнуто почтительным, рыцарским» (Гумилев Л.Н., 2002, с. 85) или «женщины у древних тюрок приравнивались к имуществу» (Кычанов Е.И., 1997, с. 111). Иначе следует относиться к существованию различных точек зрения об уровне развития раннесредневековых кочевников. Объединение тюрок, по мнению ряда специалистов, может быть охарактеризовано как развитое государство с присущей ему сложной социальной организацией и жесткими формами неравенства (Бернштам А.Н., 1946; Кычанов Е.И., 1997; и др.). Другая крайняя позиция представлена исследователями, которые считают, что общественное устройство раннесредневековых кочевников определяется как «усложненный вариант «доклассовых» архаичных социумов» (Васютин С.А., 2005, с. 220).

Серьезные разночтения существуют и в вопросах изучения мировоззренческих представлений и религиозной системы кочевников региона 2-й половины I тыс. н.э. (Бартольд В.В., 1993, с. 10–12; Гумилев Л.Н., 2002, с. 91–92; Жумаганбетов Т.С., 2006; и др.), учет которых необходим при характеристике различных аспектов развития общества кочевников.

Итак, картина, полученная в ходе работы с письменными материалами, не может являться полной и формировать четкое представление о социальной структуре и организации кочевников Саяно-Алтая. Подобная ситуация обусловлена несколькими обстоятельствами. Прежде всего упомянем специфику письменных источников, которая достаточно подробно охарактеризована в отмеченных выше работах отечественных авторов. Помимо особых черт, китайские хроники и тюркские тексты имеют и общие признаки. Среди них высокая степень политизированности, а также, что особенно важно в рамках нашего исследования, в указанных документах приведены сведения о событиях, происходивших преимущественно в ядре империй кочевников. Достаточно подробно представлены направления внешнеполитических контактов кочевников. Процессы, имевшие место на полупериферии и в более отдаленных районах, упоминаются крайне редко и информация о них фрагментарна. Необходимо также учитывать специфику политической и этнокультурной ситуации в различных районах Саяно-Алтая, что определяет необходимость их отдельного рассмотрения. Поэтому подчеркнем, что данные, полученные при анализе письменных источников, являются лишь общей характеристикой, начальным этапом работы. Использование указанных материалов весьма перспективно, если основой для социальных реконструкций выступают археологические памятники кочевников, наиболее информативными из которых являются погребальные комплексы.

Несмотря на значительный опыт интерпретации памятников кочевников раннего железного века и актуальность рассмотрения с подобных же позиций объектов периода раннего средневековья, знания о социальной организации тюрок Саяно-Алтая весьма ограничены. Одним из первых попытку реконструкции структуры тюркского общества на основе изучения погребальных комплексов предпринял С.В. Киселев

(1951, с. 530–544). Материалы, использованные исследователем, были достаточно немногочисленны, автор учел только раскопанные на тот момент погребения тюркской культуры на территории Горного Алтая. Однако ограниченность источниковой базы не помешала сделать достаточно обоснованные наблюдения. Важным представляется вывод С.В. Киселева о том, что социальная структура населения Алтая периода раннего средневековья может быть сопоставлена с тем устройством общества, которое представлено в письменных источниках и характерно для кочевников Центральной Азии. Известные автору погребения тюркской культуры, прежде всего из собственных раскопок, были разделены на три группы и скоррелированы с основными слоями социума кочевников (Киселев С.В., 1951, с. 530–544).

К первой группе курганов С.В. Киселев отнес небольшие по размерам объекты, при раскопках которых в большинстве случаев зафиксировано погребение человека с конем и стандартным сопроводительным инвентарем. Отметив скромность наборов вещей, в том числе редкость предметов роскоши и импорта, археолог обратил внимание на присутствие в могилах вооружения. По мнению исследователя, обозначенные погребения можно соотнести со свободными рядовыми кочевниками, обладавшими собственным хозяйством, имуществом и определенной самостоятельностью (Киселев С.В., 1951, с. 533).

При выделении второй группы объектов С.В. Киселев учитывал такие показатели обряда, как планиграфия могильников, параметры наземных сооружений, погребальный ритуал и состав сопроводительного инвентаря. По всем обозначенным признакам рассмотренные курганы были им соотнесены с зависимым населением, возможно, рабами (Киселев С.В., 1951, с. 535). Об этом, по мнению ученого, свидетельствовало подчиненное расположение небольших объектов вокруг крупных насыпей, редкость сопроводительного захоронения лошадей и «бедность» наборов вещей.

С.В. Киселев обратил внимание на то, что некоторые погребения представителей низших слоев общества кочевников Алтая совершались в наиболее «богатых» курганах. Подобные памятники были выделены археологом в третью группу. «Элитные» погребения отличались размерами наземных и сложностью внутримогильных конструкций, определенной спецификой ритуала и разнообразным инвентарем, включавшим различные категории вещей (Киселев С.В., 1951, с. 535). С.В. Киселев (1951, с. 544) предположил, что обозначенные признаки свидетельствуют о принадлежности курганов «алтайской знати».

Отметим, что исследователь подчеркнул культурную и хронологическую однородность рассматриваемых погребений. Таким образом, приведенные различия в обряде объяснялись исключительно прижизненным социальным и имущественным статусом умерших*.

Столь подробная характеристика результатов исследования С.В. Киселева целесообразна потому, что на сегодняшний день рассматриваемая работа остается единственным опытом комплексного анализа погребальной практики кочевников тюркской культуры для реконструкции социальной организации кочевников. Обратим внимание на то, что выделение трех групп в кочевом обществе было характерно для отечественной

* Иная точка зрения была высказана А.А. Гавриловой (1965, с. 88), предположившей, что в ряде случаев резкие различия в погребальном обряде объясняются не прижизненным положением покойных, а различной хронологической и культурной принадлежностью объектов. В настоящее время остается актуальным вопрос о полной публикации материалов раскопок С.В. Киселева и Л.А. Евтуховой, что будет способствовать более обоснованной интерпретации памятников.

археологии 2-й четверти – середины XX в. (Васютин С.А., Крадин Н.Н., Тишкин А.А., 2005, с. 14–15). Работа С.В. Киселева, отражая общие тенденции развития исторической науки, на тот момент являлась основой для дальнейшего, более подробного и детализированного изучения специфики устройства общества тюркской культуры Саяно-Алтая. Однако в последующие годы целенаправленных исследований в этой области не предпринималось. Только начиная с конца 1960-х гг. в специальной литературе начинают появляться замечания о том, что неоднородность погребального обряда кочевников тюркской культуры может объясняться причинами не только хронологического и этнокультурного характера, но также особенностями социальной и имущественного дифференциации в обществе кочевников (Длужневская Г.В., 1967, с. 57; Трифионов Ю.И., 1971, с. 122; 1975, с. 193). Активизации научных поисков в указанном направлении в значительной степени способствовали раскопки на территории Тувы и Горного Алтая, в ходе которых был накоплен значительный материал по периоду раннего средневековья.

Анализ исследованных памятников позволил археологам сделать ряд наблюдений о специфике погребальных сооружений 2-й половины I тыс. н.э. Наиболее последовательно была представлена точка зрения Б.Б. Овчинниковой (1983, 1984), выделившей из памятников тюркской культуры Тувы особую группу могил с подбоями. Кроме нестандартного устройства погребальной камеры, исследовательница отметила «богатый» по количеству и качеству сопроводительный инвентарь. Она предположила, что подобные объекты, являясь результатом уйгурского влияния, могли сооружаться для мужчин-воинов, занимавших высокое положение в небольшой племенной группе (Овчинникова Б.Б., 1983, с. 65; 1984, с. 220–221). Обратим внимание на то, что в данном случае было отмечено сложное влияние на погребальную обрядность этнокультурного и социального факторов.

Результаты анализа наборов вещей из памятников раннесредневековых кочевников были представлены в ряде публикаций Г.В. Длужневской (1976; 1980, с. 83–85). Для выявления различных характеристик половозрастной дифференциации в тюркском обществе исследовательница рассмотрела погребения, раскопанные на тот момент в Горном Алтае и Туве. Изучение сопроводительного инвентаря позволило Г.В. Длужневской выделить несколько групп объектов, включавших стандартные наборы вещей. Одним из основных признаков стало присутствие предметов вооружения. По мнению исследовательницы, в наибольшем количестве они представлены в погребениях мужчин-воинов, отнесенных к первой группе. В двух других группах оружия было мало или оно отсутствовало. При этом Г.В. Длужневская (1976, с. 197) подчеркнула, что некоторые могилы с незначительным количеством предметов вооружения не могут быть отнесены к рядовому населению, так как содержат другие вещи. В отдельную группу были выделены погребения женщин и девочек, в ряде случаев содержащих разнообразный сопроводительный инвентарь. В качестве дополнительных маркеров половозрастной дифференциации Г.В. Длужневская (1976, с. 199) назвала количество стремян, а также наличие в могиле каменного ящика. Важным является заключение автора о неоднородности выделенных групп, что демонстрирует сложность процессов дифференциации в тюркском обществе.

Дальнейшее рассмотрение социально-диагностирующих признаков погребальной обрядности кочевников тюркской культуры также основывалось на анализе сопроводительного инвентаря. При этом вопросы дифференциации в обществе кочевников затраги-

вались специалистами далеко не в первую очередь. Более важными для специалистов являлись проблемы хронологической и этнокультурной атрибуции предметов, реконструкция этнографического облика кочевников и др. Тем не менее в рамках традиционного вещеведческого подхода, в ряде случаев были сделаны весьма ценные наблюдения.

Развернутая характеристика социальной значимости пояса в обществе ранне-средневековых кочевников представлена В.Н. Добжанским (1990, с. 73–80). По мнению исследователя, престижность этой категории предметов в значительной степени определялась материалом, из которого были изготовлены бляхи-накладки и наконечники (Добжанский В.Н., 1990, с. 77). Не менее показательными являлись особенности декоративного оформления пояса. К примеру, изображения животных на наконечниках, являвшиеся показателем определенного статуса владельца, могли быть связаны с мифологическими представлениями номадов (Добжанский В.Н., 1990, с. 74; Кубарев Г.В., 1996). Интересным является наблюдение В.Н. Добжанского (1990, с. 79) о том, что в тех погребениях, где не зафиксированы поясные наборы, однако присутствует достаточно «богатый» инвентарь, могли быть похоронены представители чиновничьей аристократии, не занимавшиеся непосредственно военным делом.

Частные замечания были высказаны исследователями о престижности плетей и стеков (Кызласов Л.Р., 1951; Бородовский А.П., 1993), некоторых предметов вооружения (Худяков Ю.С., 1986; Овчинникова Б.Б., 1990; Кубарев Г.В., 2002; и др.), а также других сравнительно редких находок (Кубарев Г.В., 1998). Интересными представляются наблюдения С.П. Нестерова (1989) об особой роли стремян, которые могли являться дополнительным показателем социального статуса погребенного.

Определенные результаты в указанном направлении в последние годы получены барнаульскими археологами, рассматривавшими различные категории вещей. Комплексный анализ украшений конского снаряжения периода раннего средневековья, проведенный Т.Г. Горбуновой (2004), позволил сделать вывод о том, что они являлись одним из показателей социального статуса и имущественного положения человека (Горбунова Т.Г., 2003; 2004, с. 18). Отметив, что учитывались особенности погребального обряда номадов Алтая и видовой состав инвентаря, автор выделила три группы памятников, в которых зафиксированы украшения конской амуниции. Обозначенные объекты были соотнесены с такими слоями тюркского общества, как правящая и служилая знать и дружинники.

Определенные итоги изучения военного дела средневекового населения Алтая представлены в работах В.В. Горбунова (2003, 2006а–б, 2007). Помимо обобщения сведений письменных источников о военной организации тюрок, исследователь обозначил устойчивые наборы предметов вооружения из памятников указанного региона. В итоге было выделено семь групп погребений, сопоставленных с основными ступенями в иерархии раннесредневековых номадов. В ходе реконструкции военной организации тюрок Алтая, В.В. Горбунов учитывал также и общий состав сопроводительного инвентаря, что позволило более обоснованно продемонстрировать профессиональную и имущественную дифференциацию в обществе кочевников.

В рамках публикации материалов раскопок и анализа исследованных комплексов археологами были представлены дополнительные замечания о социальной значимости таких элементов обряда, как планиграфия некрополей (Кубарев В.Д., 1992), количество лошадей и их возможная замена на овцу (Нестеров С.П., 1990), отдельные

особенности ритуала (Кубарев В.Д., 1985), параметры погребальных конструкций (Васютин С.А., Васютин А.С., 2005). Учет этих и других показателей позволил поставить вопрос о выделении «элитных» объектов на различных территориях (Тетерин Ю.В., 1999; Кубарев Г.В., Кубарев В.Д., 2003).

Важно отметить, что приведенные выше наблюдения исследователей о специфике социальной структуры тюркского общества по данным археологии были сделаны, в основном, на основе анализа материалов раскопок в Горном Алтае и Туве. Особая ситуация сложилась при исследовании памятников указанной общности Минусинской котловины. В настоящее время наиболее последовательно представлена позиция Ю.С. Худякова (1979, 2004), который считает, что погребения тюрков на Среднем Енисее датируются VIII–IX вв. и их появление связано с известными событиями военной истории. Поздняя датировка в целом поддержана в статье С.П. Нестерова (1985, с. 119), однако археолог назвал иные причины миграции носителей обряда погребения с конем в Минусинскую котловину. Некоторые специалисты, полагая, что памятники тюрков на Среднем Енисее не столь однородны в хронологическом отношении, выделяют более ранние объекты VI–VII вв. (Гаврилова А.А., 1965, с. 59; Кляшторный С.Г., Савинов Д.Г., 2005, с. 232). Нет единой точки зрения и в определении статуса кочевников рассматриваемой общности на новой территории. Согласно концепции Ю.С. Худякова (2004, с. 94–95), логичной представляется потеря тюрками на Среднем Енисее своего привилегированного положения после крушения империи кочевников в середине VIII в., и их последующая ассимиляция в кыргызском обществе. При этом Д.Г. Савинов (2005, с. 234) отмечает, что в IX–X вв. некоторые этнокультурные группы, связанные с минусинскими тюрками, занимали высокое или даже доминирующее положение на рассматриваемой территории.

В целом изучение погребальных памятников позволило выделить социально-диагностирующие признаки обряда. К ним отнесены отдельные особенности планировки могильников, а также некоторые элементы погребального ритуала. Отметим важность определения маркеров среди предметов сопроводительного инвентаря. Существенным является заключение специалистов о том, что социальная дифференциация была тесным образом связана с этнической, что прежде всего отмечалось при изучении памятников Тувы и Минусинской котловины. При этом приходится констатировать, что в настоящее время в большинстве работ археологов представлены лишь отрывочные замечания, не позволяющие представить общую характеристику социальной структуры и организации раннесредневековых кочевников. Нередко различные территории распространения тюркской культуры рассматривались отдельно, что также не способствовало формированию цельной картины развития общества кочевников.

Недостаточное внимание исследователей к изучению вопросов социальной истории тюрков на основе анализа погребальных комплексов было обусловлено целым рядом обстоятельств. Важным моментом является то, что долгое время внимание специалистов было сосредоточено в большей степени на рассмотрении вопросов этнокультурной истории, определении хронологии погребальных памятников и построении периодизации развития культуры на различных территориях (Гаврилова А.А., 1965; Вайнштейн С.И., 1966; Кызласов Л.Р., 1969; Савинов Д.Г., 1984; Тишкин А.А., Горбунов В.В., 2002; 2005; и др.). Дискуссионность многих положений в рамках этой тематики определила приоритетность указанных направлений и отодвинула на второй

план другие вопросы. К тому же долгое время актуальной оставалась задача накопления материала, которая, впрочем, не снята и на сегодняшний день.

В значительной степени редкость обращения археологов к реконструкции социальной организации кочевников тюркской культуры была связана со спецификой источниковой базы. Ее отдельные характеристики отмечались исследователями (Васютин С.А., 2006, с. 403). К приведенным показателям добавим прежде всего слабую изученность поселенческих комплексов тюркской культуры Саяно-Алтая. Важно отметить ограниченный объем антропологических определений, что затрудняет осуществление палеосоциальных реконструкций по данным погребальной обрядности. Как это ни парадоксально, негативную роль сыграло наличие письменных источников, позволявших представить специфику общественного устройства раннесредневековых номадов почти без привлечения материалов раскопок даже в исследованиях археологов (Кызласов Л.Р., 1969).

Таким образом, на сегодняшний день многие вопросы, связанные с изучением социальной организации кочевников тюркской культуры, остаются открытыми. В то же время круг источников, которыми располагают исследователи, а также значительный опыт палеосоциальных реконструкций позволяют приступить к рассмотрению общественного устройства тюрок Саяно-Алтая на качественно новом уровне. Основные перспективы в указанном направлении связаны с применением комплексного подхода, в рамках которого будут учитываться сведения письменных источников, а также проведен всесторонний анализ погребально-поминальной обрядности кочевников тюркской культуры.

Библиографический список

- Бартольд В.В. Тюрки: Двенадцать лекций по истории турецких народов Средней Азии. Алматы: Жалын, 1993. 192 с.
- Бернштам А. Социально-экономический строй орхоно-енисейских тюрок VI–VIII ввек. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1946. 208 с.
- Борисенко А.Ю., Худяков Ю.С. Изучение социальной структуры средневекового населения Среднего Енисея немецкими учеными XVIII–XIX вв. // Социальная организация и социогенез первобытных обществ: теория, методология, интерпретация. Кемерово: Кузбассвуиздат, 1997. С. 65–68.
- Бородовский А.П. Плетки и стеки в экипировке раннесредневекового всадника юга Западной Сибири // Военное дело населения юга Сибири и Дальнего Востока. Новосибирск: Наука, 1993. С. 179–189.
- Вайнштейн С.И. Некоторые вопросы истории древнетюркской культуры (в связи с археологическими исследованиями в Туве) // СЭ. 1966. №3. С. 60–81.
- Васютин С.А. Общественная система кочевников в эпоху тюркских каганатов (VI–VIII вв.) // Социогенез в Северной Азии. Иркутск: Изд-во ИрГТУ, 2005. Ч. I. С. 215–223.
- Васютин С.А. Проблемы комплексного анализа социальной организации кочевников древнетюркской эпохи по данным погребальных памятников // Современные проблемы археологии России. Новосибирск: Изд-во ИАиЭ СО РАН, 2006. Т. II. С. 403–405.
- Васютин С.А., Крадин Н.Н., Тишкин А.А. Реконструкции социальной структуры ранних кочевников в археологии // Социальная структура ранних кочевников Евразии. Иркутск: Изд-во ИрГТУ, 2005. С. 10–38.
- Гаврилова А.А. Могильник Кудыргэ как источник по истории алтайских племен. М.; Л.: Наука, 1965. 146 с.
- Горбунов В.В. Военное дело населения Алтая в III–XIV вв. Ч. I: Оборонительное вооружение (доспех). Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2003. 174 с.
- Горбунов В.В. Военное дело населения Алтая в III–XIV вв. Ч. II: Наступательное вооружение (оружие). Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2006а. 232 с.
- Горбунов В.В. Военное дело средневекового населения Алтая (III–XIV вв. н.э.): Автореф. дис. ... докт. ист. наук. Барнаул, 2006б. 55 с.

- Горбунов В.В. Военное искусство алтайских тюрок в раннем средневековье // Вооружение и военное дело кочевников Сибири и Центральной Азии. Новосибирск: Новосиб. гос. ун-т, 2007. С. 85–98.
- Горбунова Т.Г. Социальная значимость украшений конской амуниции (по материалам сrostкинской культуры) // Социально-демографические процессы на территории Сибири (древность и средневековье). Кемерово: КемГУ, 2003. С. 109–113.
- Горбунова Т.Г. Украшения конского снаряжения как источник для историко-культурного изучения Алтая (эпоха раннего средневековья): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Барнаул, 2004. 23 с.
- Гумилев Л.Н. Древние тюрки. М.: Рольф, 2002. 560 с.
- Длужневская Г.В. Сопроводительный инвентарь и вопросы половозрастной дифференциации древнетюркского общества (по материалам погребального обряда) // Из истории Сибири. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1976. Вып. 21. С. 193–200.
- Длужневская Г.В., Овчинникова Б.Б. Кочевое население Тувы в раннем средневековье // Новейшие исследования по археологии Тувы и этногенезу тувинцев. Кызыл: ТНИИЯЛИ, 1980. С. 77–94.
- Добжанский В.Н. Наборные пояса кочевников Азии. Новосибирск: Наука, 1990. 162 с.
- Жумаганбетов Т.С. Проблемы формирования и развития системы государственности и права. VI–XII вв. Алмааты, 2003. 432 с.
- Жумаганбетов Т.С. Генезис государственно-религиозной идеологии в древнетюркских каганатах // ЭО. 2006. №4. С. 154–162.
- История Сибири с древнейших времен до наших дней. Т. I: Древняя Сибирь. Л.: Наука, 1968. 454 с.
- История Тувы. Новосибирск: Наука, 2001. Т. 1. 367 с.
- Киселев С.В. Древняя история Южной Сибири. М.: Изд-во АН СССР, 1951. 638 с.
- Кляшторный С.Г. Древнетюркские рунические надписи как источник по истории Средней Азии. М.: Наука, 1964. 216 с.
- Кляшторный С.Г. Предисловие / Бартольд В.В. Сочинения. М.: Наука, 1968. Т. V. С. 5–16.
- Кляшторный С.Г. Рабы и рабыни в древнетюркской общине (по памятникам рунической письменности Монголии) // Древние культуры Монголии. Новосибирск: Наука, 1985. С. 159–168.
- Кляшторный С.Г. Формы социальной зависимости в государствах кочевников Центральной Азии (конец I тыс. до н.э. – I тыс. н.э.) // Рабство в странах Востока в средние века. М.: Наука, 1986. С. 312–339.
- Кляшторный С.Г. Основные этапы политогенеза у древних кочевников Центральной Азии // Монгольская империя и кочевой мир. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2005. Кн. II. С. 23–31.
- Кляшторный С.Г., Савинов Д.Г. Степные империи древней Евразии. СПб: Филологический факультет СПбГУ, 2005. 346 с.
- Кляшторный С.Г., Султанов Т.И. Государства и народы евразийских степей. Древность и средневековье. СПб.: Ника, 2000. 320 с.
- Кубарев В.Д. Древнетюркские кенотафы Боротала // Древние культуры Монголии. Новосибирск: Наука, 1985. С. 136–148.
- Кубарев В.Д. Палаш с согдийской надписью из древнетюркского погребения на Алтае // Северная Азия и соседние территории в средние века. Новосибирск: Наука, 1992. С. 25–36.
- Кубарев Г.В. Изображение быка в поясной гарнитуре древнетюркского времени // Актуальные проблемы сибирской археологии. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1996. С. 78–81.
- Кубарев Г.В. Кочедык из скального древнетюркского погребения на р. Кадрин // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск: Изд-во ИАиЭ СО РАН, 1998. Т. IV. С. 266–269.
- Кубарев Г.В. Доспех древнетюркского воина из Балык-Соока // Материалы по военной археологии Алтая и сопредельных территорий. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2002. С. 88–112.
- Кубарев Г.В., Кубарев Д.В. Погребение знатного тюрка из Балык-Соока (Центральный Алтай) // Археология, этнография и антропология Евразии. 2003. №4. С. 64–82.
- Кызласов Л.Р. Резная костяная рукоятка плети из могилы Ак-кюна (Алтай) // КСИИМК, 1951. Вып. XXXVI. С. 50–55.
- Кызласов Л.Р. История Тувы в средние века. М.: Изд-во МГУ, 1969. 211 с.
- Кычанов Е.И. Кочевые государства от гуннов до маньчжуров. М.: Вост. лит., 1997. 319 с.

Нестеров С.П. Таксономический анализ минусинской группы погребений с конем // Проблемы реконструкций в археологии. Новосибирск: Наука, 1985. С. 111–121.

Нестеров С.П. Стремена Южной Сибири // Методологические проблемы археологии Сибири. Новосибирск: Наука, 1988. С. 173–183.

Нестеров С.П. Конь в культах тюркоязычных племен Центральной Азии в эпоху средневековья. Новосибирск: Наука, 1990. 143 с.

Овчинникова Б.Б. К вопросу о захоронениях в подбоях в средневековой Туве // Этногенез и этническая история тюркских народов Сибири и сопредельных территорий. Омск: ОмГУ, 1983. С. 60–68.

Овчинникова Б.Б. Древнетюркские захоронения в подбоях в Центральной Туве // Древний и средневековый Восток. История, филология. М.: Наука, 1984. С. 215–223.

Овчинникова Б.Б. Тюркские древности Саяно-Алтая в VI–X вв. Свердловск: Изд-во Урал. ун-та, 1990. 223 с.

Ольховский В.С. Погребальная обрядность и социологические реконструкции // РА. 1995. №2. С. 85–98.

Савинов Д.Г. Народы Южной Сибири в древнетюркскую эпоху. Л.: Изд-во ЛГУ, 1984. 175 с.

Социальная структура ранних кочевников Евразии: Монография / Под ред. Н.Н. Крадина, А.А. Тишкина, А.В. Харинского. Иркутск: Изд-во ИрГТУ, 2005. 312 с.

Тетерин Ю.В. Погребение знатного тюрка на среднем Енисее // Памятники культуры древних тюрков в Южной Сибири и Центральной Азии. Новосибирск: НГУ, 1999. С. 113–128.

Тишкин А.А., Горбунов В.В. Культурно-хронологические схемы изучения истории средневековых кочевников Алтая // Древности Алтая. Горно-Алтайск: Изд-во ГАГУ, 2002. №9. С. 82–91.

Тишкин А.А., Горбунов В.В. Комплекс археологических памятников в долине р. Бийке (Горный Алтай). Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2005. 200 с.

Трифонов Ю.И. Древнетюркская археология Тувы // УЗ ТНИИЯЛИ. Кызыл, 1971. Вып. 15. С. 112–122.

Трифонов Ю.И. Конструкции древнетюркских курганов Центральной Тувы // Первобытная археология Сибири. Л.: Наука, 1975. С. 185–193.

Худяков Ю.С. Кок-тюрки на Среднем Енисее // Новое в археологии Сибири и Дальнего Востока. Новосибирск: Наука, 1979. С. 194–206.

Худяков Ю.С. Вооружение средневековых кочевников Южной Сибири и Центральной Азии. Новосибирск: Наука, 1986. 268 с.

Худяков Ю.С. Древние тюрки на Енисее. Новосибирск: Изд-во ИАиЭ СО РАН, 2004. 152 с.

Худяков Ю.С. Особенности государственного устройства, военной и этносоциальной организации у кочевников Центральной Азии в период гегемонии сяньби и жужаней // Социогенез в Северной Азии. Иркутск: Изд-во ИрГТУ, 2005. Ч. I. С. 349–355.

Научный руководитель – д.и.н., профессор А.А. Тишкин (АлтГУ)

А.Ю. Куклин, И.М. Бердников, М.С. Сизова, А.С. Пержакова

Иркутский государственный университет, Иркутск

РЕЗУЛЬТАТЫ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ ТЕРРИТОРИИ ИРКУТСКОГО ОСТРОГА У ХРАМА СПАСА НЕРУКОТВОРНОГО ОБРАЗА

Иркутский острог и расположенное на его территории здание Спасской церкви находятся на правом берегу Ангары, недалеко от места впадения правого притока р. Ушаковки и напротив впадения ее левого притока р. Иркуты. Считается, что Иркутский острог основан в 1661 г., хотя время и место основания Иркутска до сих пор являются дискуссионными. По некоторым данным, годом основания Иркутска сле-

дует считать 1652 г., когда на острове Дьячем отрядом казаков под командованием Якова (Ивана) Похабова было построено укрепленное зимовье, названное Иркутским. И только позже было принято решение о строительстве на правом берегу Ангары острога (Кудрявцев Ф.А., Вендрих Г.А., 1958). Со дня основания в 1661 г. на протяжении XVII в. изменялись размеры деревянного Иркутского острога, он неоднократно перестраивался (Бубис Н., 2001). Спасская церковь является вторым каменным зданием Иркутска, основное здание храма было построено в 1706–1710 гг., а в 1758–1762 гг. в западной части храма возведено здание колокольни.

Первые археологические работы по изучению территории Иркутского острога проводил А.М. Станиловский (1912), вероятно, в 1902 г. Им отмечены погребения вдоль ограды Спасской церкви, погребенные были захоронены в гробах в виде колод. В 1928 г. группой членов бывшего Восточно-Сибирского отдела Русского географического общества под руководством профессора Иркутского госуниверситета (ИГУ) С.Н. Лаптева были проведены раскопки на месте бывшего острога (Манасеин В.С., 1936; Лаптев С., 2001). На глубине 25–30 см был обнаружен фундамент провинциальной канцелярии, а также основания некоторых других построек. Раскопана и часть кладбища, находившегося по восточную сторону острога. Вдоль восточной стороны острога на глубине около 50 см были вскрыты нижние концы тыновой ограды Иркутского острога. В 1967 г. сотрудниками Иркутского краеведческого музея и ИГУ проводились раскопки возле Спасской церкви в связи с началом реставрационных работ (А.М. Георгиевский, Н.А. Савельев, В.В. Свинин и др.). По заданию автора проекта реставрации Г.Г. Оранской, по периметру церковного здания вдоль ее фасадов были выкопаны траншеи шириной 1 м, глубиной 80–90 см, которыми обнажен исходный цоколь. Траншеями вскрыты захоронения XVIII в.

В октябре 2007 г. силами сотрудников кафедры археологии, этнологии, истории древнего мира ИГУ проведено предварительное обследование территории объекта «Иркутский острог» около здания памятника истории и культуры XVIII в. церкви во имя Спаса Нерукотворного образа. На исследуемом участке заложены две траншеи и два шурфа площадью 40 кв. м. У восточного фасада церкви в траншее обнаружено 36 погребений и фрагмент разрушенной кирпичной стены. У северного и западного – остатки острожных конструкций. К ним относятся остатки тыновой стены в траншее у северного фасада, имеющей отношение к острогу и являющейся, вероятно, стеной самой крепости, датировать которые пока не представляется возможным в силу плохой сохранности бревен. Также в шурфах у западного фасада зафиксированы деревянные конструкции из бревен. Последние располагались на дне ям, заполненных обломками кирпичей и залитых известковым раствором. В отличие от остатков тына эти конструкции хорошо сохранились и, по предварительным данным, полученным с помощью дендрохронологического анализа, их можно отнести к 1-й половине 50-х гг. XVIII в. Вероятнее всего, они являются частью деревянных элементов фундамента здания колокольни, пристроенной к основному зданию церкви в 1758 г.

В декабре–апреле 2007–2008 гг. на данном объекте проводились широкомасштабные спасательные работы, благодаря которым была получена возможность составления более полной картины. Несмотря на то, что большая часть нового материала еще находится в стадии обработки и изучения, уже можно подвести некоторые итоги раскопок.

Первоначально работы велись у восточной (алтарной) части церкви, где во время осенних работ и были обнаружены погребения. Далее были вскрыты площади у южного и северного фасадов. Вскрытие производилось по пикетам размерами 5х5 м. Общая площадь составила 330 кв. м. По геоморфологическим характеристикам изучаемая территория располагается на террасовидной поверхности с относительными отметками 5–7 м от уреза р. Ангары (Воробьева Г.А., Бердникова Н.Е., 2003). Возраст догородской толщи отложений: финал сартанского времени – голоцен ($sr^{3-4} - H1$) – от 14–12 тыс. л.н. до 1661 г. Рыхлые отложения были вскрыты на глубину от 1,8 до 2,5 м, включая кровлю галечника (Бердникова Н.Е., Воробьева Г.А., 2007). Культурный слой XVII–XVIII вв. перекрывает современная гравийная засыпка. Более поздние культурные слои не сохранились.

Зафиксировано 356 погребений конца XVII – 1-й половины XVIII в., из которых две трети составляют детские захоронения. Детские захоронения производились в колодах различной формы (трапециевидной, прямоугольной и ладьевидной), а взрослые и подростковые – в гробах прямоугольной и трапециевидной формы. Классификация внутримогильных сооружений здесь дается нами в соответствии с разработками известного исследователя русских погребальных традиций Т.Д. Пановой (2004, с. 70–73). Основная часть погребенных располагалась у восточной и южной стены церкви, у северной стены обнаружены единичные погребения. Ориентация погребенных головой на запад соответствует православному обряду, исключения составляют два детских погребения, которые ориентированы по линии Ю–С. Большая часть захоронений имеет неплохую сохранность, хотя встречаются погребения, в которых отсутствует средняя часть скелета.

У восточного фасада церкви вскрыты остатки городской каменной стены, которая, возможно, находится на месте деревянной стены острога 1693 г., что обозначено на старых планах Иркутска. Предположительно стена возведена в 1717 г. и разделяет кладбище на две части: внутреннюю (острожную) и внешнюю (вне острога). В пределах острожной части плотность погребений меньше, чем во внешней. Погребения здесь находились на глубине 1,3–1,5 м от дневной поверхности. Уровень закладки ям удалось проследить, так как верхние слои не были нарушены поздними захоронениями и реставрационными работами. Погребенные на этом участке имеют обычную ориентацию запад–восток с небольшими отклонениями, что, по-видимому, связано с сезонными колебаниями. Отдельно стоит отметить погребение в кирпичной гробнице. Погребенный мужчина захоронен в гробу, который был обложен кирпичом. Фрагменты верхней одежды плохо сохранились. Хорошую сохранность имеют 24 позолоченные пуговицы и кожаные сапоги с накладками, шитыми узором из золотых нитей. Приведенные характеристики свидетельствуют о высоком статусе погребенного. Кроме того, медный (?) нательный крест, обнаруженный в погребении, имеет очень интересную форму – это распятие, обрамленное рамкой в форме сердца. Датировать представленную часть кладбища сложно, однако наблюдения, сделанные на данном этапе исследований, позволяют предположить, что эти захоронения более ранние, конца XVII – начала XVIII вв., и, возможно, имеют отношение к кладбищу старой деревянной Спасской церкви, которая находилась неподалеку.

На других участках – у восточного фасада церкви с внешней стороны кирпичной стены и у южного фасада – погребения ориентированы параллельно зданию церкви, находились на небольшой глубине, обычно до метра, за редким исключением. Здесь

же отмечаются ярусные и коллективные захоронения: женщины с детьми в одной могиле или даже в одном гробу, совместные погребения детей в одной могильной яме. В данном случае имеет место достаточно большая плотность погребений. О времени существования указанной части кладбища можно говорить с определенной точностью. Прежде всего полезную информацию предоставляют монеты, всего 20 шт. Эти медные монеты достоинством деньга (12 шт.) и полушка (8 шт.), все, кроме одной, обнаружены в погребениях. Такие монеты чеканились в России с 1730 по 1754 г. (Рылов И.И., Соболин В.И., 1994). В одном из взрослых погребений, на крышке которого медной металлической лентой был выложен восьмиконечный крест, у плеча умершего обнаружена небольшая – около 5 см в диаметре – чаша китайского фарфора, которую удалось датировать, благодаря надписи китайскими иероглифами на дне. Эта чаша тонкой работы периода Юн Чжен (1722–1736 гг.), времени правления третьего императора Дай Цинской династии, при котором китайское искусство и, прежде всего производство фарфора, переживало очередной подъем. Представленный материал только подтверждает данные, полученные из письменных источников. Первоначально Спасская церковь являлась соборной и лишь в 1739 г. по инициативе епископа Иркутского Иннокентия (Иоанна) П Неруновича она была определена из соборной в приходскую (Мартос А., 1827). И начало погребальной практики на приходском Спасском кладбище можно связать именно с этим годом. Официально проводить захоронения на Спасском приходском кладбище прекратили в 1762 г. после выхода указа о запрете погребать у Спасской церкви и о погребении жителей Спасского прихода у Троице-Сергиевой (Крестовоздвиженской) церкви, построенной в середине XVIII в. (ГАИО. Ф. 276. Оп. 2. Д. 1. Л. 105). Принимая во внимание вышеперечисленные факты, можно с достаточной уверенностью определить временной отрезок существования данной части кладбища с 1739 по 1762 г., а говорить о более поздних захоронениях на этом участке нет оснований.

В большей части погребений обнаружены кресты-тельники, разнообразных форм и размеров (231 шт.), изготовленные из разных материалов: медных сплавов, олова, серебра, золота и даже дерева. Большинство крестов имеют довольно неплохую сохранность с хорошо читаемым рельефом и рисунком и пригодны для последующей реставрации.

Кроме уже указанных выше предметов, сопутствующий инвентарь представлен украшениями: кольцами, серьгами, подвесками. В некоторых погребениях сохранились элементы одежды, головных уборов, лент с кружевным каркасом из золотых или серебряных нитей, пуговицы, остатки кожаной обуви с фрагментами подошвы, берестяными вставками, хорошо сохранившимися деревянными каблучками и металлическими пряжками. Надгробных плит не найдено, что, возможно, объясняется уничтожением большей их части в 1-й половине XVIII в. по приказу наместника Архимандрита Синесия. «...Иркутской городской Спасской церкви священникам Гавриилу и Иоанну Стефановым... по получении сего повелевается вам священникам имеющиеся около оной церкви над погребенными мертвыми телесами сверху камня к сем принадлежательно будет исправить и привести с землею в равенство, чтоб несколько оные той земли не превозвышали, дабы оттого как пешеидущему тако и едущему на телегах народу никакого препятствия произойти не могло. Писано мая 18 день 1771 года» (ГАИО. Ф. 276. Оп. 2. Д.1. Л. 123).

Кроме упомянутого, у южного фасада церкви зафиксированы остатки деревянных опор галереи, построенной в 1769 г., фрагменты крыльца и часть фундамента – лист-

венничное бревно около 70 см в диаметре, уходящее под здание колокольни. Обнаружены фрагменты кирпичных кладок, на некоторых кирпичах сохранились клейма. Функциональное назначение последних конструкций неизвестно. У южной стены колокольни вскрыты остатки фундамента, состоящего из вертикально поставленных песчаных плит, пространство между которыми забутовано крупным галечником, сверху конструкция засыпана битым кирпичом и залита известковым раствором. Необходимо отметить, помимо прочего, что в результате работ обнаружены свидетельства догородского освоения данной территории. На восточной стороне в толще финальноплейстоценовых отложений в песчаной линзе найден призматический микронуклеус, также была зафиксирована яма в почвенном горизонте В (средний голоцен), где находился проксимальный фрагмент призматической кремневой пластины.

В заключение хотелось бы отметить уникальность материалов, полученных в ходе раскопок, и несомненную полезность фактов, добытых с помощью археологических методов для изучения Иркутского острога и истории Иркутска и Сибири в целом. Интерес к истории освоения Сибири со стороны археологов в последнее время возрастает и это обусловлено, в первую очередь, довольно недостаточной изученностью этого периода. Письменные источники зачастую дают противоречивую информацию, подтвердить или опровергнуть которую можно с помощью методик, применяемых в ходе археологических и междисциплинарных исследований. Дополнительные данные по особенностям погребальной православной практики, а также по уточнению хронологии захоронений можно будет получить после завершения антропологических исследований, обработки погребальных комплексов, инвентаря, одежды и внушительной коллекции нательных крестов с привлечением письменных источников. Работы по исследованию археологического объекта «Иркутский острог» продолжаются. Решаются вопросы о музеефикации деревянных конструкций острога, перезахоронении погребенных одного из первых кладбищ Иркутска и создании мемориала.

Библиографический список

- Бубис Н. Возникновение и основные этапы развития Иркутска // Земля Иркутская. 2001. №15. С. 2–7.
- Бердникова Н.Е., Воробьева Г.А. Новый этап исследований на территории Иркутского острога // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2007. С. 202–206.
- Воробьева Г.А., Бердникова Н.Е. Реконструкции природных и культурных событий на территории Иркутска: Научно-методические разработки междисциплинарных исследований городского культурного слоя. Иркутск: Изд-во ИрГТУ, 2003. 90 с.
- Кудрявцев Ф.А., Вендрих Г.А. Иркутск: Очерки по истории города. Иркутск: Иркут. кн. изд-во, 1958. 515 с.
- Лаптев С. К материалам по истории Иркутска // Земля Иркутская. 2001. №16. С. 13–17.
- Манасеев В.С. Иркутский острог: историко-археологический очерк // Известия Общества изучения Восточно-Сибирского края. Иркутск, 1936. Т. 1. С. 6–25.
- Мартос А. Письма о Восточной Сибири. М., 1827. 291 с.
- Рылов И.И., Соболин В.И. Монеты России и СССР: Каталог. М.: ПРУФ, 1994. 320 с.
- Станиловский А.М. О раскопках близ Спасской церкви в Иркутске // Труды ВСОРГО. 1912. №7. С. 178–181.
- Панова Т.Д. Царство смерти. Погребальный обряд средневековой Руси XI–XVI вв. М.: Радунница, 2004. 184 с.

Научный руководитель – с.н.с. Н.Е Бердникова (ИГУ)

Т.С. Ябыштаев

Горно-Алтайский государственный университет, Горно-Алтайск

О РОДОВОЙ ОСНОВЕ ВОЗРОЖДЕННОГО ЗАЙСАНАТА В РЕСПУБЛИКЕ АЛТАЙ*

Мы обратились к изучению данного вопроса по теме регионального проекта РГНФ «Институт зайсанства и его правовые основы в свете современных проблем возрождения в Республике Алтай» (№07-03-61304а/Т). Предметом изучения явился современный зайсанат, многогранный по своей сути, выступающий как социальный институт, как форма родового управления, как система старшинства и авторитета рода-сеока. Изучение его основывается на междисциплинарном методе исследования, когда используются достижения ряда научных направлений, названия которых объединяются формантом «этно-» – этносоциологии, этнопсихологии, этнолингвистики (Итс Р.Ф., 1989, с. 87–88).

Приступив к реализации проекта, мы освоили накопленный материал по изучаемой теме и выявили следующие основные положения. Во-первых, основой возрожденного зайсаната явилась родовая структура алтайского этноса, выступающего объектом исследования по теме. Во-вторых, сохранение в советское время основных родовых обычаев экзогамии, авункулата, сватовства, соблюдение их семейно-родственной среде вызвали возрождение зайсаната как символа рода-сеока постсоветского периода. В-третьих, современный институт зайсанства вызывает различные мнения о необходимости его существования, в чем проявляются особенности этнических процессов. Наблюдая и фиксируя в полевых условиях архаичные элементы традиционного социального института, каким является зайсанат, можно проникнуть в глубь бытования этнографического явления. Этот метод сравнительно-исторического анализа позволит реконструировать родовое управление зайсаната (Ябыштаев Т.С., 2007, с. 59–62).

Для освещения данной проблемы рассмотрим развитие этнической ситуации в регионе за последний период. В начале 1990-х гг. в Республике Алтай происходит поддержка общероссийского и международного движения по приоритетам коренных малочисленных народов. В 1992 г. была создана «Ассоциация северных алтайцев», целью которой явилось сохранение их этнического своеобразия и официальное применение диалектов. В том же году прошел съезд челканцев, на котором поднимались проблемы возрождения. Затем в начале 1993 г. Совет национальностей Верховного Совета РФ причисляет кумандинцев и шорцев к малочисленным народам Севера.

В те годы прослеживается объединение северных алтайцев на основе единых проблем возрождения – это утрата знания родного языка, особенно молодежью и подрастающим поколением, забвение родовых традиций, всеобщий стресс и алкоголизм, развившиеся еще в советское время. Не случайно через год в марте 1994 г. состоялся Первый съезд северных народов Алтая, на котором была принята Программа сохранения тюркских народов Северного Алтая и возрождения их этнической культуры. Кроме того, подчеркивалось законодательное закрепление за ними права собственности на землю, на родовые промысловые и охотничьи угодья.

* Исследование проведено при финансовой поддержке регионального проекта РГНФ «Институт зайсанства и его правовые основы в свете современных проблем возрождения в Республике Алтай» (№07-03-61304а/Т, рук. В.С. Иванова).

Сравнивая этническую ситуацию этнотерриториальных групп алтайцев, мы пришли к следующему выводу. Если у северных алтайцев период возрождения этнических традиций самоуправления развивается по административному пути, то у южных основывается на родовой структуре, бытующей в среде этнотерриториальных групп алтай-кижи и теленгит. Еще в начале прошлого века в условиях единой родовой структуры система управления была жизнеспособна. Тогда во главе крупных родов-сеоков стояла родовая элита, возглавляемая зайсаном (Радлов В.В., 1989, с. 123).

До наших дней термин «*жайсан*» сохранился как наследие ойратского периода (XVII–XVIII вв.), когда предки алтайцев пережили государственность в составе Джунгарского ханства. В то время власть зайсанов была наследственной, а их звания пожизненными. Как правило, старший сын наследовал светскую власть, а младший сын получал семейное имущество отца. Если у зайсана был единственный сын, то ему доставались и должностное звание, и родительское имущество. Исстари была известна традиция называть родовитого зайсана, как выходца из родовой аристократии, «*уктуу жайсан*» (Вайнштейн С.И., 1989, с. 580).

Результаты опроса современных зайсанов – Б.В. Кортина сеока «чапты», Н.Г. Юлукова сеока «алмат», И.А. Охрина сеока «тонжаан», А.А. Сельбикова сеока «иркит» – позволяют заключить следующее. До тех пор, пока из поколения в поколение будет сохраняться обычай передачи родовой принадлежности по патрилинейной линии в системе родства и связанное с этим соблюдение родовых обычаев таких, как экзогамия, авункулат, взаимопомощи «карындаш» и пр., будет жить в памяти народа институт зайсанства. В нем зайсан воспринимается как символ единства сеока (Тадина Н.А., Ябыштаев Т.С., 2007а, с. 63–66).

Утверждение о том, что возрождение зайсаната является лишь стремлением возврата традиции родового управления остается однобоким. Всем известно, что имеющийся опыт «реанимации» не дал ожидаемых результатов: старинная форма правления не ответила современным условиям развития этноса. Проведенный нами историко-сравнительный анализ (Тадина Н.А., Ябыштаев Т.С., 2007в, с. 160) показал, что в большей степени идея возрождения зайсаната отвечает современным внутриэтническим проблемам. Ни для кого не является секретом, что происходящие случаи нарушения родовых обычаев давно озадачили старшее поколение алтайцев южных групп (алтай-кижи и теленгитов), среди которых до сих пор сильно бытование родовых традиций.

Современный зайсанат считает возможным налаживание регулирования традиций сватовских расходов – это прозвучало в середине апреля этого года на V Курултае алтайского народа (Алтайдын Чолмоны. 2008. №74). Необходимость реформирования свадебных обычаев, влекущих непосильные сватовские расходы, обсуждалась и на предыдущих Курултаях, собиравшихся через каждые три года. Дело в том, что в Усть-Канском районе считается нормой назначение стороной невесты свыше 40 (а в последнее время 50–60) семей, к каждой из которой сторона жениха должна совершить сватовские визиты, что стало своеобразной мерой испытания сватов. Также зайсанат считает возможным реформирование норм авункулата, соблюдение которого преднамеренно забывается среди алтайцев Онгудайского района, у которых усиливаются настроения индивидуализма.

Сдругой стороны, актуализация родовых традиций силами зайсанов приводит к возврату престижа родовой элиты, авторитета старшинства по возрасту, родству, социаль-

ному статусу, что вызвало интерес среди населения как внутри республики, так и за ее пределами (Тадина Н.А., Ябыштаев Т.С., 2007б, с. 291). Сегодняшнее состояние возрожденного института зайсаната представляет собой результат эволюции, перспективы его интеграции и функционирования в современном правовом мире. Наблюдается деформация родового самоуправления как неизбежный итог адаптации к нынешним условиям развития алтайского этноса.

Зайсанат в роли института родового управления олицетворяет один из символов алтайских родов-сеоков. Если же для старинного зайсаната основными функциями были административные и судебные, то в наши дни зайсанат претендует на решение социальных проблем. К числу таких относится соблюдение родовых обычаев экзогамии и авункулата, сохранение авторитета старших по возрасту, сокращение размаха пьянства, решение проблемы безработицы и пр.

Следует подчеркнуть, что современный институт зайсанства является неправительственной организацией в республике. Этот статус определяет круг вопросов, входящих в его ведение, как-то: семейно-брачный кодекс алтайцев, традиционные нормы морали и этики, законы обычного права наследования и опеки, промысловое и договорное право и прочие проблемы.

Таким образом, основой возрожденного зайсаната остается родовая структура, о чем свидетельствует десятилетняя история его существования в современных этносоциальных условиях республики. Именно сохранение родовых традиций на уровне семейно-родственных отношений в течение советского периода позволило современным алтайцам выйти на очередной уровень этнического развития, характеризуемый как период возрождения этноса и этнической культуры.

Библиографический список

- Алтайдын Чолмоны. 2008 г. 8 апр. №74.
- Вайнштейн С.И. Примечания в книге «Из Сибири» В.В. Радлова. М., 1989.
- Итс Р.Ф. Введение в этнографию: Учеб. пособие. Л.: Изд-во ЛГУ, 1989.
- Радлов В.В. Из Сибири. М., 1989.
- Тадина Н.А., Ябыштаев Т.С. В.В. Радлов о статусе алтайских зайсанов в свете современной харизмы родового лидера // Материалы научной конференции с международным участием «Немецкие исследователи на Алтае», посвящ. 170-летию со дня рождения В.В. Радлова. Горно-Алтайск: Немецкий культурный центр ГАГУ, 2007а. С. 63–66.
- Тадина Н.А., Ябыштаев Т.С. О воспитательной роли старшинства рода и семьи (по материалам алтайской этнографии) // Этнопедагогика: теория и практика. Горно-Алтайск: РИО Горно-Алтайского госуниверситета, 2007б. С. 289–294.
- Тадина Н.А., Ябыштаев Т.С. О методике сбора этнографического материала на языке изучаемого этноса // Полевые исследования в Верхнем Приобье и на Алтае. 2006 г.: Археология, этнография, устная история. Барнаул: БГПУ, 2007в. Вып. 3. С. 159–163.
- Ябыштаев Т.С. Об опыте полевой работы по проекту «Институт зайсанства...» // Вестник молодых ученых. Горно-Алтайск: РИО ГАГУ, 2007. №4. С. 59–62.

Научный руководитель – к.и.н., доцент Н.А. Тадина (ГАГУ)

В.Е. Ларичев

Институт археологии и этнографии СО РАН, Новосибирск

МАРХИНСКИЙ ДРАКОН И ВРЕМЯ

(астрономический, календарный и космогонико-мифологический аспекты семантики небесного чудовища и зооантропоморфных фигур святилища Суруктах-Хая, верхняя композиция)

Столетию со дня рождения

А.П. Окладникова посвящая

Древнее искусство – самая напряженная и плодотворная по результатам сфера научной деятельности юбиляра. Оно захватывало его до самозабвения на всем протяжении полувекового, воистину каторжного (в подвижническом смысле) труда. И это свершалось при том, что в орбиту своих интересов он в ту же пору включал также иные, столь же весомой значимости культурологические подразделения бесписьменной истории народов Северной и Центральной Азии от древнекаменного века до средневековья. Изыскания в области археологического искусствознания А.П. Окладников вел при следовании установке, суть которой сводилась, коротко говоря, к следующему: познанное в ранних культурах должно уравновешенно отражать как *мир открытый* для глаз и ума археолога, а именно – *«вещный», материальный*, так и *мир «сокрытый»*, подвластный, не в последнюю очередь, оценкам воображения и фантазий разума – *мир интеллектуально-духовный, сакральный*. Источником раскрытия последнего и стали для него плоды художественного творчества прошлых веков и тысячелетий.

За три века исследований первобытного искусства Сибири определились нес-колько направлений изучения его. В основном они ориентированы на решение задач относительно простых, начальной стадии изыскания – описательства и классификационно-типологических разборок, установления хронологии, выяснения технологий и т.д. Что касается главной проблемы археологического искусствознания – *выяснения глубинных целей художественного творчества* соиздателей древних культур, то наиболее популярным остается, увы, прием сгребания в кучи таблиц предприимчивыми в имитационной науке лицами того, что было открыто другими, с целью поупражняться в «обобщениях», а вслед за тем, как водится, – в «поучениях» тех, кто занят делом «тривиальным» – увеличением источникового фонда. А.П. Окладников наследовал в изучении писаниц исследовательские традиции И.Т. Савенкова, одного из самых ярких личностей археологии России 2-й половины XIX и начала XX в. (они нашли отражение на страницах первого капитального археолого-искусствоведческого труда, опубликованного по решению XIV Археологического съезда в Чернигове (1908 г.); см.: Савенков И.Т., 1910). Он, следуя в работе направлению, проложенному И.Т. Савенковым (а суть его методики четко отражена в подзаголовке книги), и развивая далее исследовательские установки патриарха сибирской археологии, инициировал и совершил десятки экспедиций по отысканию наскальных изображений. В ходе поисков А.П. Окладников открывал, фиксировал, а затем оперативно издавал их, интерпретируя образы и знаки посредством подключения соответствующих материалов

по истории, археологии, этнографии и мифологии. Итог известен – к началу двух последних десятилетий XX в. ему удалось завершить беспрецедентно масштабный проект изучения святилищ, обнаруженных в долинах великих водных артерий севера Азии и русского Дальнего Востока – Ангары, Лены, Селенги, Онона, Шилки и Амура, а также в горно-степных и пустынных регионах Центральной Азии (подробности см.: Ларичев В.Е., 1970; там же литература вопроса). Свершенное им за полвека в искусствознании культур эпох палеолита, неолита, палеометалла и средневековья – научный подвиг. Повторить его едва ли кому удастся в обозримом будущем.

Вводные замечания. Изданные А.П. Окладниковым тома материалов по наскальному искусству превратились теперь в доступные всем *первоисточники*, продолжение изучения которых может подтолкнуть к разработке как традиционной ориентации исследовательских программ искусствоведения, так и направленности новаторской, позволяющей выявить в зафиксированном факте сокрытый (зашифрованный, тонко замаскированный) информационный контекст исключительной значимости. И тут уместно заметить, что самоотверженный собиратель источников по первобытному искусству Сибири *высоко ценил сам по себе археологический факт как неоспоримую в объективности реальность* и при введении его в научный оборот отдавал предпочтение именно ему, а уж потом семантическим истолкованиям, объясняя то неизбежной субъективностью оценок содержательности факта, априори предопределяющих переходящий характер гипотетических реконструкций. Как можно догадываться, его не вполне удовлетворяли семантические реконструкции, которые он сам предлагал в аналитических разделах публикаций, следуя общепринятым в археологическом искусствознании традициям начала века. Но выход за пределы их требовал разработки новых методик анализа художественных панно и перемен в самой методологии изучения так называемого первобытного искусства, на что у него постоянно не доставало времени при жесткой необходимости исполнения колоссального объема черновой работы.

Источниками по искусству, щедро предоставленными А.П. Окладниковым в наследство преемникам по изучению объектов художественного творчества, можно воспользоваться по-разному – полководчески рассекать карты стрелами, указующими направление миграционных потоков «идей и художественных влияний»; усердно клеить таблицы фигур разного вида животных, анализируя вариации их контуров и деталей; комбинировать так и эдак символы и знаки, пытаясь, уподобившись Сизифу, отыскать в них «сокровенный смысл»; датировать и передатировать писаницы; устанавливать границы «провинций»... Возможен, однако, иной, куда более сложный путь, следование по которому встретило бы, полагаю, наибольший интерес А.П. Окладникова: приложение усилий по извлечению из образов архаического искусства *неординарной информации*, т.е. выходящей за рамки установленного прежде, в согласии с давними традициями археологического искусствоведения, – использования в интерпретациях этнографо-мифологических аналогий (фиксация на каменных плоскостях святилищ изображений тотемов, мифических прародителей сообществ охотников, рыболовов и собирателей, а также фигур богов и духов, покровителей их или противников; отображение сцен колдовских действий, направленных на «овладение зверем», объектом промысла, а также ради обеспечения изобилия (плодовитости) его, гаранта выживания родового коллектива).

Понятно, что выявление нового в информационных контекстах источников невозможно без кардинальных перемен как в общем восприятии искусства (оценок пред-

назначения этого явления культуры), так и методов изучения его. Поскольку такие «поползновения» вызывают обычно негодующий протест сторонников корпоративно принятых установок тех, кто более всего озабочен сохранением на плаву своих концепций и привычного, без напряжений, продолжения деятельности на нивах наук однажды заведенным порядком, то необходимые для того обоснования должны подтверждаться соображениями не гуманитарного, а естественно-научного толка, отделаться от которых теоретикам, склонным к философическому праздномыслию, было бы не так то просто. Возможности для того предоставляет новая отрасль исторической науки – *астроархеология*. Именно она позволила впервые усмотреть в искусстве отражение *позитивных* знаний древнего человека о Природе и подтвердила то *доказательно*, посредством применения естественно-научного метода анализа источника, а не отыскания аналогий ему, не позволяющих избежать субъективности при интерпретациях фактов. Этого А.П. Окладников опасался, видимо, более всего, отдавая себе отчет в ограниченной ценности этнографо-мифологических сопоставлений. Ведь доказать оправданность использования их в реконструкциях никогда и никому не удавалось, и причина тому – хронологическая отдаленность культур, которые тем не менее продолжают упрямо встраиваться одна в другую авторитетами, любителями тех самых «обобщений» и «поучений».

Постановка проблемы и программная цель исследования. Самыми простыми для астроархеологической направленности «прочтений» источников из категории так называемого искусства, зафиксированных А.П. Окладниковым, представляются композиции, большую часть структур которых составляют ряды или скопления разных конфигураций элементарного вида знаков (пятен, линий) с вкраплениями зоо- и антропоморфных фигур. Как показали опыты интерпретаций подобных «панно», скопированных точно, ключ к пониманию символических текстов скрывается в *количественных их компонентах*, отражающих *временные* циклы (см., для примера: Ларичев В.Е., 2006а–б; 2007а–б). А.П. Окладникову посчастливилось обнаружить на островах среднего течения Ангары два уникальной сохранности святилища эпохи неолита. Художники экспедиции осуществили копирование композиций знаков и фигур так, что теперь удалось провести *целостные* «прочтения» числовых знаково-образных «записей». Это позволило не только *доказательно* определить истинное назначение такого рода писаниц, но и установить порядок функционирования святилищ в течение года, когда у подножий особо почитаемых ангарских скал проводились культово-обрядовые, сезонного характера действия (Ларичев В.Е., 2007в, 2008). Расшифровка информационного контекста писаниц засвидетельствовала высокий уровень астрономических и календарных знаний у тех, кто создавал в эпоху неолита скальные храмы.

Астральная религия предполагает существование соответствующего пантеона небесных божеств, а с ними и достаточно сложных представлений мировоззренческого порядка – о возникновении всего наблюдаемого в Природе, о базовых структурах окружающего мира и силах, добрых и злых, которые определяли судьбы и людей, и самого Мироздания, отнюдь не лишеного угроз уничтожения, как человек – смерти (Ларичев В.Е., 2003, 2004). А.П. Окладников обнаружил, зафиксировал и описал как отдельные, загадочного смысла образы, так и панно с небольшим числом фантастического обличья фигур. Они-то как раз и обусловили постановку столь фундаментальных проблем, а затем и решение задач, напрямую связанных с отысканием возможностей проникновения в наглухо, кажется, закрытый интеллектуально-духовный мир людей

каменного и бронзового веков (см.: Ларичев В.Е., 2003а–б, 2007а; Алексеев А.Н., Пеньков А.В., 2007). Упомянутые панно относятся к редкой разновидности источников. Таковым воспринимается, к примеру, драконообразное «чудище», которое вознамерилось проглотить то ли светило, то ли весь Мир (Окладников А.П., 1959а, рис. 39 на с. 98; 1959б, см. рис. 608 на табл. XXVI; уточнения см.: Мельникова Л.В., Николаев В.С., 2003, рис. на с. 6). Истолкование фантастического обличья существа и связанных с ним фигур засвидетельствовало, помимо прочего, факт отслеживания жречеством течения времени не только по годам, лунным и солнечным, но также в границах многолетних, определяющих выход на момент повтора затмений светил, ночного и дневного, явлений, которые издревле символизировали вселенского масштаба катастрофы (Ларичев В.Е., 2006в). Такой вывод, сделанный на основе «прочтения» всего лишь одной композиции, требует подтверждения, а лучшим для того стало бы отыскание в корпусе источников А.П. Окладникова изображения, сходного по виду существа и сопутствующих ему фигур того же информационного контекста.

Эта проблема оказалась решаемой, а цель реконструктивно-семантического поиска – достижимой.

Источник: святилище Суруктах-Хая. История открытия памятника. Первоначальные оценки его и связанных с ним наскальных изображений. Летом 1939 г. Институт языка, литературы и истории Якутии начал практическое исполнение программы работ сектора языка и литературы по отысканию «древнейших образцов местной письменности», для чего командировал этнографа А.А. Саввина в долину Средней Лены и ее притоков, с целью проверки расспросных сведений о наличии в тех местах писаниц (их собрал в 1921–1923 гг. Г.В. Ксенофонтов). В списке открытых и предварительно изученных А.А. Саввиным памятников первую позицию в его отчете о поездке, представленном Институту, значилась «Писаная Скала», Суруктах-Хая, обнаруженная по наводке местных охотников в долине р. Мархи, левого притока Лены (подробности см.: Окладников А.П., Запорожская В.Д., 1972; последующие цитаты заимствованы отсюда же).

Изучение Суруктах-Хая продолжили в 1941 г. сотрудники Ленской историко-археологической экспедиции Института истории материальной культуры АН СССР и Якутского Института языка, литературы и истории (руководитель экспедиции – А.П. Окладников). Как выяснилось, скала с писаницами, почитаемая таежными охотниками до сих пор, находилась на расстоянии около 100 км от впадения в Лену р. Мархи. Путь к ней пролегал по глухим таежным тропам и вдоль зажатого скалами русла, заваленного буреломом и поросшего густой, почти непроходимой стеной тальника. Проходы в тех местах были зачастую не просто затруднительными, а порой и смертельно опасными. Суруктах-Хая располагалась на правом берегу Мархи и представляла собой изолированный, живописных очертаний, массивный и высокий останец, напоминающий по очертаниям контура «крепостную башню» (рис. 1). «Фасадная» стена скалы была обращена в сторону Запада и русла реки. На ровных, беловатого цвета плоскостях ее размещалось множество рисунков, исполненных красной охрой. Высота расположения их над подножием была разной. Они находились даже около вершины останца, что озадачивало при размышлении о том, как они могли наноситься на поверхности известняковых пластов и зачем делалось это у почти недоступной вершины, если внизу можно было без труда отыскать подходящие для рисования плоскости?

Как показало обследование подножия скалы и полостей укромных трещин в камнях, она была в древности местом почитания, о чем свидетельствовали многочисленные

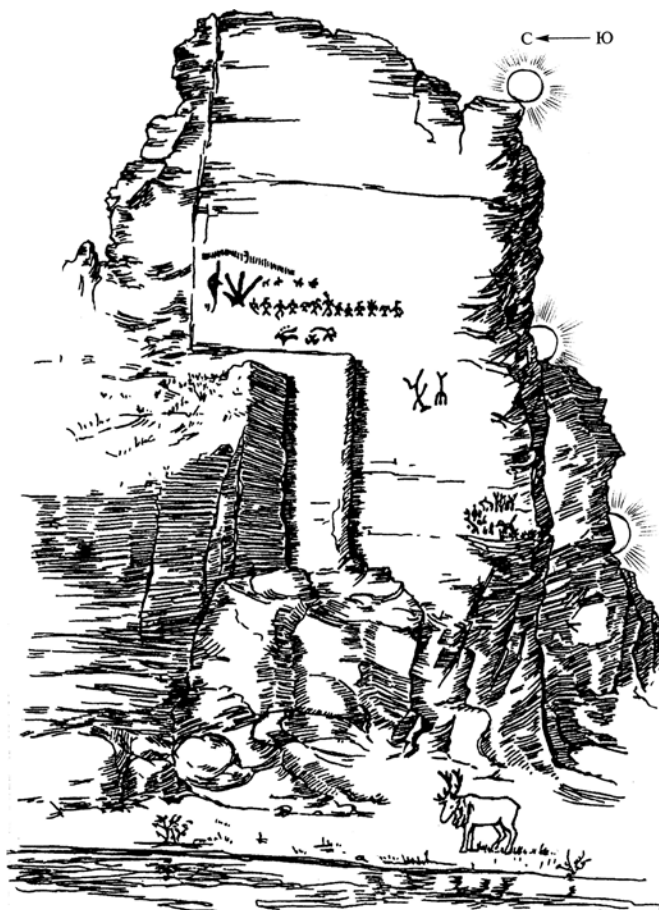

Рис. 1. Суруктах-Хая (по: А.П. Окладникову и В.Д. Запорожской).
Рисунок В.Д. Запорожской с дополнениями (диски Солнца)

жертвоприношения – разного рода вещи, большей частью орудия охотничьего промысла каменного, бронзового и железного веков. Жертвенники позволяли восстановить в общих чертах восприятие Суруктах-Хая охотниками той поры. Видимо, гора представлялась им обителью богов, духов, хозяев промысловых угодий таежной глухомани среднеленского левобережья, святилищем, местом почтительного приношения даров владельцам всего животного мира лесов и вод, без благосклонности которых бесполезно было надеяться на удачу в отыскании зверей и успешном преследовании их (для чего и приносились жертвы, что сопровождалось, наверно, исполнением соответствующих культово-обрядовых действий).

А.П. Окладников анализировал рисунки Суруктах-Хая в контексте именно такого понимания памятника. Вот почему в глазах его самая верхняя композиция из «антропоморфных фигур с птичьими головами» и двух животных, «напоминающих лосей», выглядела «со всей очевидностью сценой облавной охоты... с участием, по крайней мере, одного шамана, имеющего признак своего достоинства – бубен» (рис. 2; см среднюю

«полосу» знаков и фигур). А далее следовали уточнения: «Сцена охоты на мархинской Суруктах-Хая... не простая реалистическая сцена охоты в нашем [обыденном] смысле, а *магическое изображение колдовской погони охотников-шаманов за сохатым*». Отражение иных идей он усмотрел в том, что описал как «горизонтальные строчки знаков... – точки, пятна, прямые и косые палочки», а также «стилизованные фигурные знаки». В них ему виделись не «ловчие засеки», т.е. приспособления для загонной охоты, а нечто такое, чему дал «краткое, но очень выразительное определение Г.Ф. Ксенофонтов»: «*Все эти группы рисунков напоминают ребусы*» и *пиктографические изображения* (некое подобие римских цифр). А.П. Окладников, подбирая аналоги «*строчно-расположенным знакам*», обратил внимание на их *числовую компоненту* (для примера, на скале «Часовая» 11 строк составляют 111 знаков, а среди них одна фигура повторяется 21 раз; в Тойон-ары вертикально ориентированные «палочки» представляют элементы 18 строчек). «Выдержанность и устойчивость» позиционирования знаков в строчках заслуживала, по его мнению, нетривиального (положим, технического) объяснения, но какого – не пояснил. Примечательно, что, описывая «колдовскую погоню» за зверем шаманов Суруктах-Хая, он не интерпретировал «полосы» коротких, вертикально ориентированных «палочек» излюбленно, в привычном контексте – в качестве «ловчего забора» для зверей, а усмотрел в них «схематические изображения человеческих фигур или духов» (рис. 2; см. верхнюю «полосу знаков»). Что касается антропоморфных персонажей, то они воспринимались им в контексте деятельности «прародителей» (*первопредков? мифических существ?*), божеств, культурных героев или даже «исторических личностей».

Таковы в кратком изложении факты, которые позволяют составить общее представление о Суруктах-Хая, о связанных со святилищем наскальных изображениях и оценках значимости памятника при восприятии его в контексте *этнографо-мифологических аналогий и сопоставлений*. Опубликованные около полувека назад А.П. Окладниковым мархинские материалы – превосходного качества *источник* для продолжения интерпретаций как всего памятника – на удивление целостного объекта духовной культуры Ленского края, так и главной его информационной составляющей – знаково-образных «текстов» («записей»), именуемых писаницами. Но они, эти воистину уникальной ценности материалы, могут стать таковыми лишь при одном условии – использования в нетрадиционной направленности «прочтениях» художественного вида «текстов» естественно-научной методики изысканий, которая стала «оружием» новой, междисциплинарного характера науки – *астроархеологии*. Поскольку же в «художественных композициях» скрывается огромный объем информации, с трудом поддающийся расшифровке, то, приступая к семантическим реконструкциям «Писаний Скалы» Мархи, рационально ограничить первый этап исследования инвариантными истолкованиями памятника в целом, а из писаниц – верхней, близкой вершине композицией, оставив изыскания по остальным на будущее.

Астрономические аспекты топографии памятника. Особенности позиционирования наскальных изображений Суруктах-Хая. Судя по красочным описаниям А.П. Окладникова, башневидная «Писаная Скала» была настолько живописно впечатляющим памятником Природы, что уже вследствие одного вида своего он не мог не обратить на себя внимания человека эпохи первобытности, склонного одушевлять все и вся в окружающем мире. Но не только это обстоятельство стало причиной превращения Суруктах-Хая в мощный культовый центр, столь далеко отстоящий от долины

Лены и труднодоступный. В немалой степени способствовали тому редкой очевидности *астрономический и календарный контексты* его, которые благоприятствовали практическим наблюдениям за светилами и отслеживанию времени, что не могло не повысить благоговейного отношения к скальному «столпу» по соображениям, речь о которых пойдет далее. Пока же отмечу, что именно *время определяло проведение в святилищах культово-обрядовых празднеств*, связанных с особо значительными моментами года – переходами от одного сезона к другому, что связывалось с днями солнцестояний и равноденствий, а также межсезоний, равно отдаленных от солнцестояний и равноденствий. Календарного характера торжества фиксировали ритмику природных изменений, а также перемен в жизни животных и хозяйственной деятельности сообщества охотников, рыболовов и собирателей. Астрономичность и календарность Суруктах-Хая позволяли наглядно, воочию, наблюдать «порождающие время» светила – Солнце и Луну, и переживать все эти события наяву в соответствующие сутки.

Разъясняя изложенное, начну с оценки двух торцовых граней скалы, невидимых от реки (см. рис. 1). Плоскости их, лишённые рисунков, обращены на горизонт *астрономически значимо*: левая – *строго на Север*, в направлении на неподвижную в течение всей ночи Полярную звезду и обеих Медведиц, Большой и Малой, которые вращаются вокруг нее как на привязи; а правая – *строго на Юг*, где в полдень Солнце поднимается на самую большую высоту над горизонтом в любой день года. Иначе говоря, эти грани, по касательной (вдоль поверхностей) перпендикулярные к берегам реки, определяют кардинальное в астрономии направление – *линию небесного* (так называемого *истинного*) *меридиана*, связывающего точки двух сторон Света – Севера и Юга. Замечу к тому же, что на *дуге* того же меридиана размещается, кроме того, и *Зенит*, *наивысшая точка небесного купола*. Ясно, что находящийся на вершине Суруктах-Хая мог легко отыскивать, ориентируясь на грани, и неподвижную Полярную звезду на Севере, и противоположную ей точку Юга, над которой в полночь проплывала полная Луна, а во все ночные часы – южные созвездия.

Не менее (полагаю, в случае с «Писаной Скалой», – значительно более!) астрономически значимы ориентации широких плоскостей скалы – *лицевой*, с рисунками, обращенной в сторону реки, и *западного горизонта*, и *тыльной*, невидимой от реки, обращенной в сторону *восточного горизонта*. Важность этих направлений, ориентирующих взгляд еще на две кардинальные точки, соответственно – на Запад и Восток (*линия*, соединяющая эти точки, – равноденственная; она размещается в плоскости небесного экватора *перпендикулярно линии меридиана*), определяется не только тем, что *на скальных рисунки освещаются Солнцем лишь с началом послеполуденных часов*, когда оно после пересечения дуги небесного меридиана начинает смещаться в сторону Запада и к месту своего заката, т.е. захода за кромку видимой линии горизонта. Не менее интересно и значимо обстоятельство иное – при нахождении наблюдателя не на вершине, а напротив – у скалы, на берегу реки, в подходящем (заранее подобранном) месте дневное светило *после невидимого восхода на Востоке появлялось из-за правого края скалы, отчего создавалось впечатление, что оно находилось до того* (т.е. до восхода) *внутри ее и затем как бы «порождалось» святилищем*, своего рода каменным *утренним пристанищем* («Ковчегом») *Солнца*, кануна выхода его в небесное пространство (Мировая гора древних космологов). Поскольку же *выход светила в разные сезоны года определяют точки горизонта, удаленные от Севера и Юга на разные*

расстояния, то, естественно, оно появлялось из-за правого края скалы тоже на разной высоте от подножия (см. на рис. 1 возможное позиционирование дисков Солнца при восходе в разные сезоны). Благодаря такому обстоятельству для наблюдения восхода Солнца и сезонных сдвигов его по горизонту не нужно было взбираться на вершину Суруктах-Хая. Эти важные для отсчета времени «эволюции» дневного светила в течение года могли с тем же успехом отслеживаться по утрам от заранее выбранного места, расположенного поблизости от скального «столпа». В таком случае, первый луч восходящего Солнца наблюдался в той или другой точке (в зависимости от сезона) правого края «Писаной Скалы», заранее «пристрелянной» жрецами.

Такие же позиционные эволюции претерпевала при восходах полная Луна, но в течение не года, как Солнце, а двух с лишним десятилетий, когда она зимой то приближалась к Северу (летом в ту сторону смещалось дневное светило), то отдалялась от него, а летом свержала те же перемещения относительно точки Юга (в той стороне Солнце оказывалось, напротив, зимой). Согласно расчетам астрономов, полный цикл «пространственных колебаний» Луны охватывал 18,61 года, а зафиксировать начало и конец его можно было относительно легко и тем же, как в случае с Солнцем, способом – отслеживая год за годом ритмику смещения точек выхода из-за правого края скалы полного диска ночного светила то в верхней половине ее (зимой), то в нижней (летом). Этот многолетний период «колебаний», знание продолжительности которого восходит к эпохе древнекаменного века Сибири, использовался жрецами для предсказания (предвычисления ?) времени затмений лунных и солнечных, явлений, которые породили космический миф о чудовищном Драконе (Змие), возжелавшем проглотить небесные светила и повергнуть Мироздание в Хаос.

Если изложенное действительно учитывалось теми, кто приносил жертвы Суруктах-Хая и свержал у подножия ее культово-обрядовые церемонии, то можно без труда вообразить, сколь сильные чувства испытывали они по отношению к скале, из недр которой выплывали, следуя однажды заведенному порядку, Солнце и Луна, олицетворения высшего ранга богов, дарителей благополучия всему живому на Земле. Эффект наблюдаемого во много раз усиливался, если жрец, хорошо осведомленный в астрономии и приемах отсчета времени, заранее предсказывал (желая, положим, повысить свой авторитет среди соплеменников) – на какой высоте от основания скалы и в каком месте правого края ее следует (а это, повторюсь, *зависело от сезона*) ожидать появления первого луча утреннего Солнца, а зимним или летним вечерами – полной Луны (что зависело от порядкового номера года в многолетнем цикле ее смещений относительно Севера).

Но как доказать, что те, кто обустроивал Суруктах-Хая, размещая на западной плоскости ее рисунки, а затем священнодействовал около подножия горы в определенные дни сезонов и межсезоний, а также в особо значимые годы десятилетий, в самом деле учитывал обстоятельства, перечисленные выше, и был осведомлен в системах счисления времени по Луне и Солнцу в течение года и десятилетий? Подтвердить изложенное можно посредством практических наблюдений за выходами светил из-за правого края скалы с подходящих для того площадок, в результате чего выяснится, допустим, следующее:

а – три уступа на правом краю скалы отмечают места появления первого луча Солнца в соответствующий сезон;

б – на высоте двух уступов как раз окажутся плоскости с рисунками, что идеально подтвердило бы неслучайность позиционирования наскальных изображений (связь

их с точками восхода), как и искусственность (следствие преднамеренных выломов) коленчатого очертания правого края ориентированной на Запад плоскости.

Суть предложенной гипотезы отражена на рисунке 1 (см. диски Солнца), но проверить оправданность ее можно лишь оказавшись на берегах Мархи, чтобы или осуществить наблюдения в течение полугода (положим, от летнего до зимнего солнцестояния), или провести точную геодезическую съемку региона, а затем, наложив на нее соответствующие астрономические расчеты, отыскать подходящие места отслеживания восхода Солнца из-за скалы. Поскольку последствия катастрофического разгрома русской науки ельцинистами исключают осуществление подобных проверок, то предлагаю решить иную задачу, не требующую финансовых затрат. Воспользуемся бесплатными для государства услугами ума, направив усилия его на разгадку того, что Г.Ф. Ксенофонт назвал «*ребусами*» и «*пиктографическими изображениями*». Цель задуманного поиска состоит в предъявлении доказательств знания жрецами святилища Суруктах-Хая систем отсчета времени, скрытых от досужих глаз в «*пиктографических ребусах*» вершины горы.

Структурные части верхней композиции. Порядок размещения зоо- и антропоморфных изображений и особенности компоновки их. Методическая установка исследования. Знаки, символы и фигуры, составляющие композицию, образуют три горизонтально ориентированные «полосы» (зоны). Они размещаются одна над другой в тесном соседстве. В пределах верхней из «полос» представлены две разновидности элементарного вида знаков (см. рис. 2):

Рис 2. Верхняя композиция писаницы Суруктах-Хая. Верхняя «полоса» – «заборы» из прямых и серповидных линий, а между ними антропоморф. Средняя «полоса» – цепочка подтреугольных знаков, «птица», «корона» и зооантропоморфы.

Нижняя «полоса» – олень, лань и сопровождающие их знаки

а – правее антропоморфной, серповидно изогнутой фигуры располагается «частокол» коротких, прямых, вертикально или чуть наклонно ориентированных линий (черточек); величина их и массивность плавно увеличиваются по мере приближения к антропоморфу; в этом линейного вида «частоколе» отчетливо выделяются *две секции*: первая – *короткая*, с немногим числом линий на правом фланге его; вторая – *протяженная*, со значительно бóльшим количеством линий – на левом; секции разделены небольшим проемом; незначительное варьирование размеров линий и наклонов их, а также разноуровневое позиционирование концов линий создают впечатление легкой «волнистости» (зигзагообразности) верхнего и нижнего контуров «частокола»;

б – левее антропоморфа размещаются серповидно изогнутые, чуть склоненные влево линии; они опять-таки образуют подобие «частокола», но не столь «плотного»

(линии в нем располагаются разреженно); контуры его чуть волнистые, что обусловлено варьированием размеров знаков (они в целом постепенно уменьшаются по величине справа налево, а завершает их ряд подчеркнуто короткая прямая линия); серповидный «частокол» подразделяется на две секции *острым концом подтреугольного выступа ниже расположенной фигуры*, условно названной А.П. Окладниковым «птицей».

Центральное звено верхней «полосы» знаков – антропоморфная фигура с округлой головой, выставленной вперед, в сторону серповидных линий, рукой с двумя пальцевидными выступами и серповидным телом, обращенным выпуклой стороной вправо. Антропоморф – уникальный в композиции персонаж, позиционирован в месте примечательном – *смены одного вида знаков другими*, что никак не может быть фактом случайным.

Описание второй (средней), ниже расположенной «полосы» знаков и фигур следует начать с левого края и вот почему: размещенная при начале ее цепочка столь же простых, как и на верхней «полосе», знаков *по чисто формальному признаку представляет ту же категорию элементарного вида символов* и потому, возможно, относится к одной и той же информационной системе, представляя третью (после прямых и серповидных линий «частоколов») разновидность однообразного вида простейших знаков (малого размера, невысоких, треугольных очертаний, с приостренным нижним углом). Если так оно и есть, то цепочку треугольных знаков левого края средней «полосы» композиции следует воспринимать пятой секцией верхней «полосы», т.е. связующим звеном обеих «полос». Так ли оно в действительности – нужно доказать, и доводы тому будут представлены далее. А пока выскажу еще одно предположение – к той же информационной системе из элементарных в простоте знаков относится и «птицеобразная», *с тремя выступами фигура*, как бы завершающая цепочку треугольных знаков. Резон в том следующий: *верхний выступ фигуры подразделяет на две секции «частокол» из серповидных знаков верхней «полосы»*, что и может быть воспринято как намек на принадлежность «птицы» к той же информационной знаковой системе, представляя в ней *финальное звено*.

Продолжим формальное описание изображений, составляющих среднюю «полосу» композиции (см. рис. 2). Правее птицевидной фигуры располагается загадочного назначения конструкция с подтреугольным массивным основанием и четырьмя веерообразно исходящими из него столбчатого вида линиями значительной длины. Две средние из них – фаллосовидные, левая – острая на конце, шиловидная, а правая – подпрямоугольная, лишенная каких-либо деталей, с ровными сторонами и прямо срезанным верхним концом. А.П. Окладников усмотрел в этой конструкции изображение шаманской короны, увенчанной рогами животных. Основную же часть средней «полосы» составляет ряд антропоморфных и зооморфных фигур, примечательных разного рода деталями. Тела у них подтреугольные, ноги и руки широко расставлены, головы у большинства птицеобразные, повернутые клювом в правую сторону. Особого упоминания заслуживают фигуры с четко обозначенным фаллосом и с бубном в левой руке, с причудливой головой, превосходящий по размерам остальных, а также несколько персон, которые держат друг друга за руки (два – на правом конце ряда и три (?) – на левом).

Наличие среди фигур персонажа с бубном предопределило понимание А.П. Окладниковым цепи антропоморфов как участников сцены камлания, предвещающего начало охоты. В ней, этой колдовского характера пляске, он мыслил также участие множества духов, представленных прямыми и серповидными черточками верхней «полосы» и треугольными знаками средней, а кроме того, божества в образе антропоморфа

и птицеобразного существа, спутника шамана в его странствиях в Небе. Составляющие третью, нижнюю «полосу» композиции изображения оленя и лани, развернутых головами в противоположные стороны, логически четко завершают смысловое содержание всей сцены верхнего отдела писаницы Суруктах-Хая, как ее понял А.П. Окладников. Они олицетворяли то сокровенно желаемое, ради чего проводилось камлание.

Возможна, однако, иная трактовка каждой из «полос» композиции. Для осуществления ее воспользуемся постулатом пифагорейцев, который они пускали в ход всякий раз, когда сталкивались с решением особо сложной проблемы:

«Все существующее уподобляется числу»;

«Все происходит из числа и объясняется посредством числа».

«Полоса» из «вертикальных палочек» и серповидных линий, подразделенных на секции, а также цепочка из подтреугольных знаков подталкивают к тому, чтобы *воспользоваться числом для пифагорейского разъяснения «ребусов» и «пиктограмм»*, для чего-то запечатленных на скале. Неужто лишь для того, чтобы увековечить картину колдовской круговерти людей и духов, исполняемой ради магического «овладения зверем»? Стоило ли прилагать для того столько усилий, старательно выписывая кистью одну за другой каждую из множества черточек и фигур и присущие им детали?

Усомнившись в том, *«уподобим числу» все структуры композиции и попытаемся «объяснить посредством числа» каждую из них в отдельности.*

Числовой контекст рядов линейных и треугольных знаков. Количественные соотношения основных блоков. Тестирование чисел на предмет календарно-астрономической значимости. Вертикально ориентированные «палочки» и серповидные линии, размещенные в ряды и подразделенные на секции, а также цепочка треугольников легко воспринимаются в качестве *счетных элементов*. Подтвердим такое впечатление подсчетом количества знаков в каждой из секций, а затем протестируем результаты по отдельности и при суммировании чисел. На рисунке 3 представлены результаты подсчетов. Они составляют следующую последовательность при смещении по секциям сначала справа налево по верхней «полосе», а затем слева направо в начале «полосы» средней:

9 → 39 → 1 (антропоморф) → 10 → 13 → 7 → 3 («птица»).

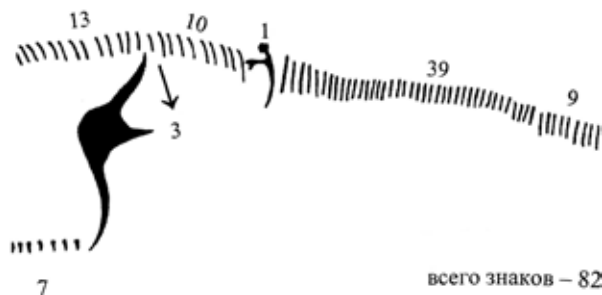

Рис 3. Изображение некоего существа, тело которого определяется разного вида знаками, а голова – птицеобразной фигурой. Числовой контекст изображения

До начала тестирования отмечу весьма знаменательную деталь, которая уже в самом начале анализа числовой составляющей знакового «текста» *первой в композиции информационной системы* (назовем ее так) не оставит сомнения как в точности ра-

боты копииста, который фиксировал на бумаге каждую ее деталь, так и в тщательной продуманности количественной компоновки знаков в секциях древнего художника:

– сумма знаков, расположенных левее антропоморфа и с учетом его самого ($1 + 10 + 13 = 24$), соотносится с суммой знаков, расположенных правее антропоморфа, но без учета его ($39 + 9 = 48$), в пропорции:

$$24 : 48 = 1/2 ;$$

– сумма знаков, расположенных между антропоморфом и «птицей» ($10 + 13 + 7 = 30$), соотносится с суммой знаков, расположенных правее антропоморфа ($39 + 9 = 48$), в самой гармоничной числовой пропорции – «золотого соотношения»:

$$30 : 48 = 0,625^*.$$

Теперь, в полной мере осознав значительность математического «текста», приступим к тестированию чисел каждой из секций, а также сумм их на предмет возможной кратности того и другого календарно-астрономическим периодам, ибо правомерность любого иного допущения доказать невозможно. За такие экспертные периоды изберем продолжительность *сидерического* (смещение Луны на фоне звезд; реальная длительность оборота светила вокруг Земли) или *синодического* (смещение Луны относительно Солнца; фазовые циклы ночного светила) *оборотов Луны*, соответственно 27,32 и 29,5306 сут. Нижеследующие результаты подтверждают справедливость избранного пути анализа чисел**:

$$9 \text{ сут.} : 27,32 \text{ сут.} = 0,3294 \approx 1/3 \text{ сид. мес.};$$

$$39 \text{ сут.} : 29,5306 \text{ сут.} = 1,3206 \approx 1 1/3 \text{ син. мес.};$$

$$(9 + 39) \text{ сут.} : 27,32 \text{ сут.} = 1,7569 \approx 1 3/4 \text{ сид. мес.};$$

$$(9 + 39 + 1) \text{ сут.} : 29,5306 \text{ сут.} = 1,6592 \approx 1 2/3 \text{ син. мес.};$$

$$10 \text{ сут.} : 29,5306 \text{ сут.} = 0,3386 \approx 1/3 \text{ син. мес.};$$

$$(9 + 39 + 1 + 10) \text{ сут.} : 29,5306 \text{ сут.} = 1,9979 \approx 2 \text{ син. мес.};$$

$$13 \text{ сут.} : 27,32 \text{ сут.} = 0,4758 \approx 1/2 \text{ сид. мес.};$$

$$(9 + 39 + 1 + 10 + 13) \text{ сут.} : 27,32 \text{ сут.} = 2,6354 \approx 2 2/3 \text{ сид. мес.};$$

$$7 \text{ сут.} : 27,32 \text{ сут.} = 0,2556 \approx 1/4 \text{ сид. мес.};$$

$$7 \text{ сут.} ; 29,5306 \text{ сут.} = 0,2370 \approx 1/4 \text{ син. мес.};$$

Трое суток – «птица»; календарно-астрономическая значимость этого числа следующая: в течение трех суток (но никогда более) продолжается *новолуние*, когда ночное светило не наблюдается на небосклоне; в течение трех суток глаз наблюдает *любую из трех фаз Луны* (две четверти и полнолуние), *не замечая видимых перемен в их очертаниях*.

Одни сутки, базовое подразделение при счете времени по фазам и месяцам, возможно, символизировал антропоморф и в том есть резон, учитывая фундаментальную важность такой единицы в календаре.

В заключение приведу самый впечатляющий результат тестирования – итоговый, связанный с выяснением календарно-астрономической значимости *общего количества знаков в «тексте»*:

$$(9 + 39 + 1 + 10 + 13 + 7 + 3) \text{ сут.} = 82 \text{ сут.};$$

$$82 \text{ сут.} : 27,32 \text{ сут.} = 3,0014 \approx 3 \text{ сид. мес.};$$

$$82 \text{ сут.} : 29,5306 \text{ сут.} = 2,7767 \approx 2 3/4 \text{ син. мес.}$$

Это означает установление фактов исключительной важности:

* Математически вычисленная «золотая пропорция» составляет величину, равную 0,618.

** Начиная с эпохи палеолита счисление времени по Луне велось с точностью до 0,02 – 0,03 суток.

а – правильности понимания подвергнутой тестированию части композиции в качестве *календарно-астрономических записей движения Луны* на фоне звезд и относительно Солнца;

б – точности подсчета знаков во всех секциях «текста» и рациональности подключения к ним еще четырех счетных единиц – антропоморфа (1) и «птицы» (3 выступа), что и позволяет установить истинные границы первой информационной системы композиции; все это дает возможность в очередной раз убедиться в точности работы того, кто копировал «текст», превратив его тем самым в достоверный источниковый документ;

в – преднамеренности включения в «текст» 82-х числовых элементов, *кратных одновременно и сидерическому, и синодическому оборотам Луны*, что есть свидетельство знания жрецами Суруктах-Хая соотношения $3 \text{ сид. мес.} = 2\frac{3}{4} \text{ син. мес.}$, позволяющего сверять два разнокачественных потока *лунного* времени.

Результаты тестирования открывают прямой путь к началу самого интересно-го этапа исследования – восстановлению систем отсчета времени в культурах эпохи бронзы Южной Якутии и выявлению образа и значимости существа, составленного из числовых элементов, объединенных в пять секций. Подразделение «текста» на секции позволяет предложить несколько вариантов «прочтений» его при смене начальных точек отсчетов и направлений счислений знаков.

Среди упорядоченных систем и способов счисления времени к малой продолжительности вариантам относятся календари беременности женщины, которым человек эпохи первобытности придавал особую значимость с древнекаменного века. Их роль была столь велика, что, согласно европейской календарной мифологии, вначале люди принимали длительность года, равной циклу роста плода в утробе матери, и лишь позже дополнили этот великий период еще двумя или тремя месяцами (Ларичев В.Е., 2001). С восстановления таких календарей, в знании которых женщинам культуры эпохи бронзы Южной Якутии отказать нет оснований, и следует начать. То были, конечно же, счетчики времени, связанные с Луной, в согласии с ритмами «эволюции» которой функционировал сам по себе женский организм, предназначенный для порождения потомства. Поскольку время по Луне считывалось в двух вариантах, *сидерическом* и *синодическом*, то представляю два возможных варианта отслеживания этого цикла разной протяженности.

Реконструкция календаря беременности женщины в сидерическом варианте счисления времени (см. рис 4). Отсчет 82 знаков следует вести от секций 3 → 7 → 13 и далее по всем остальным. После трехкратного прохода по такому маршруту в счетную

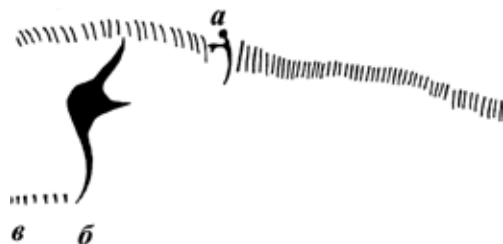

Рис. 4. Знаки, определяющие моменты завершения разного рода календарных циклов: *а* (антропоморф) – синодический цикл беременности женщины, Солнце, лунно-солнечный цикл, Сатурн, Юпитер, Марс, Меркурий; *б* («птица») – сидерический цикл беременности женщины, Луна, Венера; *в* – драконический год

систему нужно ввести *интеркалярный* (дополнение), считывая знаки в установленном порядке с повторным подключением знака «птицы» – 3 (т. е. 3 → 7 → 13 → 3). Это дополнение и позволит выйти на рубеж окончания цикла беременности женщины:

$$(82 \times 3) \text{ сут.} + (3 + 7 + 13 + 3) \text{ сут.} = 272 \text{ сут.};$$

$$272 \text{ сут.} : 27,32 \text{ сут.} = 9,956 \approx 10 \text{ сид. месяцев.}$$

Поясню законность разворота маршрута счисления в сторону 3 после прохода 13 знаков – острый конец верхнего выступа «птицы», разделяющий секции 13 и 10, позволяет сделать такой «маневр» в счислении, что и выводит к рубежу окончания 10 *сидерических* месяцев. «Птица», на знаках которой завершается счисление, возможно, символизирует плод, появившийся на свет.

Реконструкция календаря беременности женщины в синодическом варианте счисления времени. Алгоритм счисления остается почти таким же, но дополняется на финальном этапе не знаком 3, а секцией 10 и антропоморфом 1. В результате получим цикл, близкий продолжительности $9\frac{1}{2}$ *синодических* месяцев:

$$(82 \times 3) \text{ сут.} + (3 + 7 + 13 + 10 + 1) \text{ сут.} = 280 \text{ сут.};$$

$$280 \text{ сут.} : 29,5306 \text{ сут.} = 9,4816 \approx 9\frac{1}{2} \text{ син. мес.}$$

Антропоморф, на котором завершается счисление, мог бы в таком случае символизировать новорожденного.

Перейдем теперь к восстановлению календарей разной протяженности *годовых циклов* (см. рис. 4).

Реконструкция счисления сидерического года. Четырехкратный проход по всем 82 знакам выведет на рубеж окончания *сидерического* года:

$$(82 \times 4) \text{ сут.} = 328 \approx 327,84 \text{ сут.}$$

Если начать счисление от секции 10 и далее следовать по секциям 13 → 7 → 3 → 9 → 39, то завершение *звездного (сидерического)* года придется на антропоморфа. Он мог бы в таком случае символизировать звездный год. Но возможен и другой вариант, когда символизировать звездный год станет «птица». Для того счисление нужно начать от секции 7 и далее следовать по секциям 13 → 10 → 1 → 39 → 9 → 3. Ясно, что завершение *звездного* года тогда придется на три знака «птицы», что и превратит ее в символ самого короткого из годовых периодов. Какой из вариантов использовался жрецами Суруктах-Хая, установить невозможно.

Реконструкция систем счисления драконического года. Отсчет 82 знаков следует вести от секции 9 и далее через 3 → 7 к 13 → 10 → 1 → 39. После четырех проходов по такому маршруту в счетную систему нужно ввести *интеркалярный*, продолжая считывать знаки в установленном порядке – 9 → 3 → 7. Это дополнение позволит выйти на рубеж окончания *драконического* года:

$$(82 \times 4) \text{ сут.} + (9 + 3 + 7) \text{ сут.} = 347 \approx 346,62 \text{ сут.}$$

Позиционирование финала затмненного года с последним знаком секции 7, отделенной от верхней «полосы» *разрывом*, представляется знаменательным при мифологической связи явления затмения с отрубанием головы космического Дракона или Змия. Если так оно и есть, то тогда «птица» в реальности рогатая, с распахнутой пастью голова змееобразного чудовища, а секция 7 – его шея, по которой наносился удар при отделении головы от туловища.

Реконструкция счисления лунного года. Отсчет 82 знаков следует вести от секций 3 → 7 и далее по всем секциям верхней «полосы» – 13 → 10 → 1 → 39 → 9.

После четырех проходов по такому маршруту в счетную систему нужно ввести *интеркалярный*, считывая знаки в установленном порядке – 3 → 7 → 13, а затем «свернуть» к трем знакам «птицы» (разрыв между секциями 13 и 10 допускает такое изменение маршрута). Это дополнение позволяет выйти на рубеж окончания *лунного* года:

$$(82 \times 4) \text{ сут.} + (3 + 7 + 13 + 3) \text{ сут.} = 354 \approx 354,367 \text{ сут.}$$

«Птица», на трех знаках которой завершается цикл, могла в таком случае символизировать Луну.

Выравнивание течения *лунного* времени с временем *солнечным* могло производиться сразу, посредством подключения *интеркалярная* – 10 → 1:

$$(354 + 10 + 1) \text{ сут.} = 365 \approx 365,242 \text{ сут.},$$

или после счисления трех *лунных* лет по установленной схеме, посредством введения в счетную систему классической продолжительности *интеркалярная* длительностью 34 сут., который наличествует в информационной системе:

$$(354 \times 3) \text{ сут.} + (3 + 7 + 13 + 10 + 1) \text{ сут.} = 1096 \text{ сут.};$$

$$1096 \text{ сут.} : 365,242 \text{ сут.} = 3,0007 \approx 3 \text{ солн. года.}$$

Какой бы, однако, ни использовался вариант выравнивания, а финальные сутки выхода на рубеж *солнечного* года или трехлетия определял один и тот же знак – антропоморф. Он мог бы в таком случае символизировать Солнце.

Реконструкция системы счисления *солнечного* года. Отсчет 82 знаков следует вести от секций 3 → 7 и далее по всем секциям верхней «полосы» – 13 → 10 → 1 → 39 → 9. После четырех проходов по такому маршруту в счетную систему нужно ввести *интеркалярный*, считывая знаки в установленном порядке, с дополнительным подключением, в этом случае трех знаков «птицы» – 3 → 7 → 13 → 3 → 10 → 1. Это дополнение позволит выйти на рубеж *солнечного* года:

$$(82 \times 4) \text{ сут.} + (3 + 7 + 13 + 3) \text{ сут.} + (10 + 1) \text{ сут.} = 365 \approx 365,242 \text{ сут.}$$

Антропоморф, на котором завершается цикл, мог бы в таком случае символизировать Солнце.

Реконструкция системы счисления *лунно-солнечного* (майского) года. Отсчет 82 знаков следует вести от секции 7 и далее по всем секциям верхней полосы – 13 → 10 → 1 → 39 → 9 и → 3 средней. После четырех проходов по такому маршруту в счетную систему нужно ввести *интеркалярный*, считывая знаки в установленном порядке – 7 → 13 → 10 → 1. Это дополнение позволит выйти на рубеж окончания *лунно-солнечного* года:

$$(82 \times 4) \text{ сут.} + (7 + 13 + 10 + 1) \text{ сут.} = 359 \approx 360 \text{ сут.}$$

Антропоморф, на котором завершается усредненный *лунно-солнечный* годовой цикл, мог бы в таком случае символизировать «хозяйственный период», структура которого позволяла фиксировать моменты начала четырех *астрономических сезонов* и *четырёх межсезоний*, равно удаленных от соответствующих *солнцестояний* и *равноденствий*.

Запись 82 знаков структурирована столь рациональна, что позволяет предложить дополнительные алгоритмы систем счисления.

Алгоритмы систем счисления синодических оборотов «блуждающих звезд» – планет (см. рис. 4):

Сатурн: отсчет 82 знаков следует вести от секции 9 и далее налево до «птицы». После четырех проходов по такому маршруту в счетную систему нужно ввести *интеркалярный*, продолжая считывать знаки в установленном порядке – 9 → 39 → 1. Это дополнение позволит выйти на рубеж окончания *синодического* (относительно Солнца) оборота Сатурна:

$$(82 \times 4) \text{ сут.} + (9 + 39 + 1) \text{ сут.} = 377 \approx 378,1 \text{ сут.}$$

Антропоморф, на котором завершается цикл, мог в таком случае символизировать *Сатурн синодический*.

Юпитер: отсчет 82 знаков следует вести от секции 39 → 9 и далее, через 3 → 7, к антропоморфу. После четырех проходов по такому маршруту в счетную систему нужно ввести *интеркалярий*, продолжая считать знаки в установленном порядке (но с пропуском секций 3 и 7) – 39 → 9 ... → 13 → 10 → 1. Это дополнение позволит выйти на рубеж окончания *синодического* оборота Юпитера:

$$(82 \times 4) \text{ сут.} + (39 + 9) \text{ сут.} \dots + (13 + 10 + 1) \text{ сут.} = 400 \approx 398,9 \text{ сут.}$$

Антропоморф, на котором завершается цикл, мог в таком случае символизировать *Юпитер синодический*.

Марс: отсчет 82 знаков следует вести от секций 39 → 1 и далее, через 10 → 13 → 7 → 3 → 9. После 9 проходов по такому маршруту, в счетную систему нужно ввести *интеркалярий*, продолжая считать знаки в установленном порядке – 39 → 1. Это дополнение позволит выйти на рубеж окончания *синодического* оборота Марса:

$$(82 \times 9) \text{ сут.} + (39 + 1) \text{ сут.} = 778 \approx 780 \text{ сут.}$$

Антропоморф, на котором заканчивается цикл, мог в таком случае символизировать *Марс синодический*.

Венера: отсчет 82 знаков следует вести от секций 7 → 3 и далее, через 9 → 39 к начальной секции 7. После 7 проходов по такому маршруту в счетную систему нужно ввести *интеркалярий*, продолжая считать знаки в установленном порядке – 7 → 3. Это дополнение позволит выйти на рубеж окончания *синодического* оборота Венеры.

$$(82 \times 7) \text{ сут.} + (7 + 3) \text{ сут.} = 584 \approx 583,9 \text{ сут.}$$

«Птица», на знаках которой завершается цикл, могла в таком случае символизировать *Венеру синодическую*.

Меркурий: отсчет 82 знаков следует вести от секций 3 → 7 и далее, от 13 до секции 9. По завершении одного прохода по всем знакам счетной системы в нее нужно ввести *интеркалярий*, продолжая считать знаки в установленном порядке до антропоморфа:

$$82 \text{ сут.} + (3 + 7 + 13 + 10 + 1) \text{ сут.} = 116 \approx 115,9 \text{ сут.}$$

Антропоморф, на котором завершается цикл, мог в таком случае символизировать *Меркурий синодический*.

На этом приостановлю расшифровку и подведу предварительные итоги изложенным на предшествующих страницах интерпретациям, чтобы перейти затем к финальной части публикации – раскрытию смыслового содержания еще двух структурных «полос» верхней композиции Суруктах-Хая – правой части средней и двух фигур нижней. Сделать это стоит для создания целостного впечатления от оценок всего включенного в верхнюю «полосу» и левую часть средней «полосы» как по части числовой, так и художественной, т.е. образной. «Прочитанное» со всей очевидностью засвидетельствовало, что подвергнутый анализу «текст» есть *единая знаково-числовая, алгоритмического характера информационная система*. Она представляет собой выстроенный по определенным канонам (соблюдение должных пропорций и соотношений, в том числе «золотого») математический «текст», содержащий фундаментальной значимости сведения по ключевым аспектам *мироведения*, связанным с астрономией и календаристикой.

Но информационный контекст системы не ограничивается лишь числовой подосновой. В ней содержатся не только естественно-научные, запечатленные посредством

цифр позитивные знания о Природе жречества Южной Сибири эпохи палеометалла, но и религиозная, а также мифолого-философская, мировоззренческой ориентации составляющие. Они нашли эффективное воплощение в едином художественном образе, «выписанном» посредством числовых единиц, простейшего вида прямых, серповидных и треугольных знаков, объединенных в «секции» (отрезки, ряды), которые составляют, с одной стороны, арифметические компоненты естественно-научного «текста», а с другой – мелко рассеченные «полосы», представляющие миниатюрные части змееобразно извивающегося существа с «птицеобразной» головой, обращенной в сторону так называемой «Короны» и цепи зооантропоморфов, исполняющих кульговую пляску. Полагаю, не требуется сказочной мощи воображение, чтобы рассмотреть в этом существе Дракона, величайшей в космогонико-космологической мифологии народов Мира персоны. В нем обычно виделись две альтернативные ипостаси Вселенной – изначальной, *незримой, т.е. нерасчлененной*, вневременной, внепространственной, *внесубстанциональной, хаотической*, погруженной в беспросветную темень, и, напротив, – *преображенной* *расчленениями и, следовательно, материализованной*, т.е. зримой, осязаемой, упорядоченной числовыми пространственно-временными гармониями, полными света, излучаемого Солнцем, Луной и звездами, «блуждающими» и «неблуждающими». Дракон верхней композиции Суруктах-Хая и представляет, судя по всему, вторую ипостась Мироздания, как ее удалось реконструировать в ходе «прочтения» числового знакового «текста».

Если так оно и есть, то возникают два вопроса, поиски ответов на которые предопределят последующие шаги в исследовании: кто именно рассекает на части чудовище, материализуя и гармонизируя Вселенную, и что станет двигателем последующих событий в «проявленной» Природе? Ответы предлагаю такие: воплощение Хаоса преобразует, расчленив Дракона на числовые единицы, *антропоморф, по всей видимости, Творец реального мира*, обители человечества. Но чудовище, «мучимое жаждой» по возможности быстрого возвращения своего в исходное состояние, направляет все силы на уничтожение (пожирание) плода усилий Создателя, символически воплощенного, быть может, в том непонятном, что А.П. Окладников назвал «Короной шамана» (алтарь?; символ огня или Солнца?). Заглатывание этого загадочного объекта не призвано ли утолить те самые невыносимые «муки жажды» Дракона, восстановить столь желанный для него *status quo* беспредела? Иначе говоря, я предлагаю видеть в этой сцене подобие картины, обнаруженной А.П. Окладниковым в Шишкино и соответствующим образом истолкованной им (см. рис. 5; числовые интерпретации фигур см.: Ларичев В.Е., 2006в). Предложенная реконструкция – гипотетична, но она проведена в рамках известного сюжета космогонической мифологии Центральной и Восточной Азии и потому может быть принята с большим основанием, чем иные.

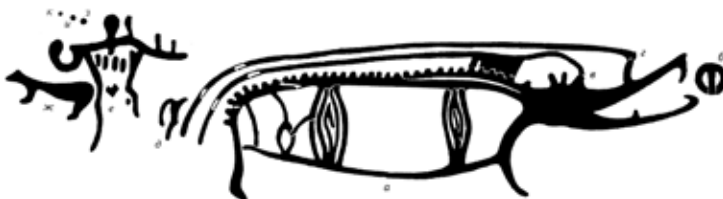

Рис. 5. Шишкинский Дракон, глотающий Мироздание, – аналог Дракона Суруктах-Хая

Уточнив и разъяснив достигнутое, приступим к завершающему этапу исследования. Позитивные результаты истолкования верхней и левой части средней «полос» композиции определяют способ, направление и ход «прочтения» остальных подразделений ее – знаков и зооантропоморфных фигур правой части средней «полосы» и двух животных нижней. В полной мере оправдавший себя пифагорейский постулат (анализ *числовой составляющей* «ребусов» и «пиктограмм» писаниц для разгадки их содержания) нацелим и теперь на считывание скрытой в цифрах информации, ибо нет никакого резона отказываться от естественно-научной методике семантических реконструкций.

Интерпретация «текста», представленного знаками «Короны» и зооантропоморфных фигур: записи лунно-солнечного многолетия и саросных периодов, лунных и солнечных. Правую часть средней «полосы» композиции составляет примечательное количество знаков и фигур – 4 («корона») + 14 (зооантропоморфы) = 18. Этому числу недостает 1, чтобы составить цикл, широко известный в древней календаристике Евразии – $18 + 1 = 19$ лет. Полагаю, что за недостающую единицу жрецы Суруктах-Хая принимали или дугу основания «Короны» (ее пятый элемент; из него как бы «вырастает» веер из четырех стержней), или (что мне кажется более вероятным) «птицу», т.е. голову Дракона. Если высказанная идея приемлема, то «прочтение» средней «полосы» следует представить в трех вариантах:

а – 18 лет + 1 год = 19 лет, что есть знаково-образная запись знаменитого в древней календаристике так называемого *цикла Метона, лунно-солнечного календаря, охватывающего 19-летие*, для которого примечательно чередование в определенном порядке лунных лет с 12 и 13 *синодическими месяцами* (подробности см.: Идельсон Н.И., 1975, с. 386–388). Суть этой специализированной (сакральной, тайной, жреческой) системы счисления времени состоит в знании великой календарной формулы – 19 солн. лет = 235 син. мес. = 6940 сут. (согласование целого числа суток, месяцев и лет, что позволяло ожидать явления знаменательного – *совпадения определенной фазы Луны с особо важным днем солнечного года*, допустим, полнолуния с летним солнцестоянием, праздника величайшего, который случается единожды в 19 лет);

б – 18 лет представляют $1/3$ *большого солнечного сароса*, 54-летнего периода повторения *дневного светила* в месте проведения астрономических наблюдений; знание такого цикла (18 лет \times 3 = 54 года) позволяло жрецам эпохи первобытности предсказывать (предвычислять) дату затмения, поражая соплеменников осведомленностью о событии ужасающем;

в – 18 + 1 год составляет часть *большого лунного сароса*, 56-летнего периода повторения *ночного светила* в месте проведения астрономических наблюдений (циклы чередовались по-разному, допустим, так: 19 лет + 18 лет + 19 лет = 56 лет; подробности см.: Хокинс Дж., Уайт Дж., 1984; Вуд Дж.Э., 1981).

Средняя «полоса» композиции, в которой каждый знак и фигура представляла собой символ совершенно определенного года в циклах 18 лет и 18 + 1 год, давала возможность отслеживать периоды, длительность которых превосходила половину века. Знание этих циклов восходит к древнекаменному веку и сохраняется до эпохи средневековья (см. на рис. 7 сцену «колдовской пляски» 18 + 1 персон, зафиксированной А.П. Окладниковым в Шишкино; она есть в сущности аналог «колдовской пляски» Суруктах-Хая; см. рис. 6).

Рис. 6. Символическая (знаково-образная) запись цикла 18 + 1 год

Рис. 7. Сцена культового танца средневековой эпохи, запечатленная на Шишкинских скалах. Участники кульново-ритуальной пляски символизируют цикл 18 + 1 год (ср. с рис. 6)

Интерпретация «текста», представленного фигурами оленя и лани нижней «полосы» композиции: записи разновеликих полугодий, определяемых равноденствиями (см. рис. 8). Числовую составляющую оленя определяет количество отростков рога и ухо, соответственно, $5 + 1 = 6$, что с наибольшей вероятностью означает количество месяцев в полугодии. Какое это было полугодие, позволяют уточнить три знака, размещенные ниже передней части животного. Если они символизируют сутки, которые следует подключить к полугодии, то оно будет периодом, близким длительности цикла от осеннего равноденствия до равноденствия весеннего:

$$(29,5306 \text{ сут.} \times 6) + 3 \text{ сут.} = 180 \text{ сут.}$$

Числовая составляющая лани иная: фигуру животного очерчивают шесть линий (символы месяцев), но число 7, выраженное посредством отрезков линий и штриха, размещенных ниже задней части животного, определит примерную длительность иного полугодия – от весеннего равноденствия до равноденствия осеннего:

$$(29,5306 \text{ сут.} \times 6) + 7 \text{ сут.} = 184 \text{ сут.}$$

Как видим, количество суток в обоих полугодиях оказалось близким длительности солнечного года:

$$180 \text{ сут.} + 184 \text{ сут.} = 364 \approx 365 \text{ сут.}$$

В счислении времени по равноденственным полугодиям скрыт великий сакральный смысл – *осеннее равноденствие* определяет начало охотничьего сезона и гона, периода зачатия главных промысловых животных, а *весеннее* – начало появления у них нового потомства. Все это, как и перемены в местах обитания охотников (ритмы перекочевок в течение года), соответствовали явлениям астрономическим – уходам Солнца в южную сферу Мироздания после *осеннего равноденствия* (умирание Природы) и возвращением его в сферу северную после *весеннего равноденствия*, когда начиналось возрождение Природы.

Рис. 8. Изображения оленя, лани и сопровождающие их знаки. Числовые составляющие фигур животных и знаков, позволяющие усмотреть в них записи равноденственных полугодий

Краткие итоги исследования. Допустимый объем публикации исключает детальное комментирование результатов поиска. Поэтому ограничусь констатацией главного. Святилище Суруктах-Хая представляло собой важнейший культово-религиозный центр долины Средней Лены эпохи палеометалла. «Писаная скала» была также хранительницей духовно-интеллектуального достояния творцов культур бронзового века Южной Якутии и Прибайкалья – их астральной мифологии и естественно-научных знаний. Если до сих пор археологи склонны объяснять проявление особо значимого в древних культурах аборигенов Сибири и Дальнего Востока влияниями цивилизаторов юга Евразии, то объясняется это просчетами в интерпретациях соответствующих источников, среди которых фундаментально значимы писаницы, «скальные книги». «Прочтение» (понимание) их останется в значительной части невозможным, пока изыскания будут вестись вне пифагорейских установок астроархеологии.

Библиографический список

- Алексеев А.Н., Пеньков А.В. Новые подходы к познанию духовной культуры таежных племен древней Якутии: пиктографические «тексты» на ленских писаницах бронзового века // Древности Якутии: Искусство и материальная культура. Новосибирск: Наука, 2006. С. 12–56.
- Вуд Дж.Э. Солнце, Луна и стоящие камни. М.: Мир, 1981. 268 с.
- Идельсон Н.И. История календаря // Этюды по истории небесной механики. М.: Наука, 1975. С. 308–411.
- Ларичев В.Е. Сорок лет среди сибирских древностей: Материалы к библиографии академика А.П. Окладникова. Аннотированная библиография. Новосибирск: Зап.-Сиб. кн. изд-во, 1970. 238 с.
- Ларичев В.Е. Ритмы лунного времени // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2001. Т. VII. С. 354–360.
- Ларичев В.Е. Всесокрушающее Время (семантика образа фантастического зверя и зурвано-зороастрийский аспект религии окуневской культуры) // Исторический опыт хозяйственного и культурного освоения Западной Сибири. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2003. Кн. I. С. 112–122.
- Ларичев В.Е. Парадоксы Времени (к проблеме характера религии тагарской культуры) // Евразия: Культурное наследие древних цивилизаций. Вып. 3: Парадоксы археологии. Новосибирск: Ред.-изд. центр НГУ, 2004. С. 113–141.
- Ларичев В.Е. Семантика образов человека, птицы и змеи в контексте календарно-астрономических записей в наскальном искусстве Забайкалья (реконструкция систем счисления времени в эпоху палеометалла Бурятии) // Сибирь на перекрестье мировых религий. Новосибирск: Ред.-изд. центр НГУ, 2006а. С. 70–72.
- Ларичев В.Е. Реконструкция систем счисления времени культуры плиточных могил Забайкалья и семантика образов художественного творчества эпохи палеометалла (по материалам знаково-символической композиции святилища Баин-Хара, Бурятия) // Теория и практика археологических исследований. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2006б. Вып. 2. С. 31–38.

Ларичев В.Е. Ленский Дракон и Время (астрономический, календарный и космогонико-мифологический аспекты семантики панно с чудовищем, которое вознамерилось проглотить Мироздание) // Древности Якутии: Искусство и материальная культура. Новосибирск: Наука, 2006в. С. 102–136.

Ларичев В.Е. «Вогол-Урась» ленских писаниц: мироведческий контекст (к методике интерпретаций и семантических реконструкций сложного вида фигур эпохи бронзы Якутии) // Археологические материалы и исследования Северной Азии эпох древности и средневековья. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2007а. С. 198–205.

Ларичев В.Е. Время, светила и мифология в образах искусства палеометалла Якутии (астральный аспект семантики наскальных изображений Средней Лены) // Проблемы общей и региональной этнографии. СПб.: Лема, 2007б. С. 202–210.

Ларичев В.Е. «Ловчие засеки» – записи лунного времени (интерпретации исполненных краской панно неолитического святилища Первого Каменного острова Ангары) // Теория и практика археологических исследований. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2007в. Вып. 3. С. 7–16.

Ларичев В.Е. Святилище Времени Второго Каменного острова Средней Ангары (реконструкция календарных систем эпохи неолита Прибайкалья и семантика зооморфных образов наскального искусства Восточной Сибири) // Сб. науч. тр., посвященный 100-летию со дня рождения Алексея Павловича Окладникова. Красноярск: Краеведческий музей, 2008.

Мельникова Л.В., Николаев В.С. Древнее искусство народов Сибири. I. Шишкинская писаница. Иркутск: Изд-во Центра по сохранению историко-культурного наследия Иркутской области, 2003. 18 с.

Окладников А.П. Шишкинские писаницы – памятник древней культуры Прибайкалья. Иркутск: Иркутское обл. кн. изд-во, 1959а. 210 с.

Окладников А.П., Запорожская В.Д. Ленские писаницы. Наскальные рисунки у деревни Шишкино. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1959б. 198 с.

Окладников А.П., Запорожская В.Д. Петроглифы Средней Лены. Л.: Наука, 1972. 270 с.

Савенков И.Т. О древних памятниках изобразительного искусства на Енисее. Сравнительные археолого-этнографические очерки // Труды XIV Археологического съезда в Чернигове в 1908 г. М., 1910. Т. I.

Хокинс Дж., Уайт Дж. Разгадка тайны Стоунхенджа. М.: Мир, 1984. 255 с.

Н.О. Миллер, Л.С. Марсадилов, А.А. Дементьева

*Главная астрономическая обсерватория РАН, Санкт-Петербург;
Государственный Эрмитаж, Санкт-Петербург*

ФОРМИРОВАНИЕ ПРЕДПОСЫЛОК РАЗВИТИЯ АСТРОМЕТРИИ У ДРЕВНИХ КОЧЕВНИКОВ АЛТАЯ

Астрометрия – одна из древнейших отраслей науки, изначально была тесно связана с повседневной и сакральной жизнью человека. В последнее время благодаря новым результатам археоастрономических исследований стало возможным отнести начало регулярных астрономических наблюдений к эпохе палеолита (Фролов Б.А., 1992; Ларичев В.Е., 1999; и др.). На протяжении всей истории своего существования человечество формировало и формирует свои представления об устройстве мира. Задачи астрометрии можно условно определить как задачи поиска своего места во Вселенной, поиска общей и индивидуальной «модели мира». Естественно, что по мере накопления научных знаний меняются задачи, которые приходится решать человеку в той или иной области знания, хотя при этом остается некоторая основополагающая проблема, которая рассматривается уже на новом уровне. Для того чтобы пользоваться полученной в результате наблюдений информацией и передавать ее другим, необходимо как-то ее сохранять. Поэтому

в процессе накопления астрометрической информации ее стали фиксировать сначала в виде карт или схем звездного неба, а затем в виде звездных каталогов.

Кроме того, когда речь идет о необходимости получения координат, сразу же возникает вопрос о методах, служащих для определения положений небесных светил.

Становление и развитие астрометрии тесно связано с пятью основными направлениями:

- 1) *накопление наблюдательных данных;*
- 2) *создание и совершенствование необходимого инструментария;*
- 3) *сохранение знаний в виде карт звездного неба и каталогов;*
- 4) *разработка методов наблюдений, их анализа и обработки;*
- 5) *построение все более сложных теорий, которые дают возможность решать задачи астрометрии данного исторического периода на уровне требуемых точностей.*

Астроархеология или археоастрономия – современное научное направление, объединяющее астрономию и археологию, изучает памятники древней культуры человечества и дает возможность восстановить уровни познания в астрономии в отдельные исторические периоды, начиная с эпохи палеолита.

Необходимость астрономических знаний. Для древнего человека астрономические явления являлись частью окружающей его среды, были тесно связаны со всей его деятельностью и вписывались в его мифологические представления. Сама сфера жизни людей и сфера жизни природы совпадали. Люди не занимались поисками причинно-следственных связей, а воспринимали себя как часть живого одухотворенного мира, который подчиняется космическим силам. Все происходящее рассматривалось ими как цепочка событий. Описание таких событий и их объяснение мыслились только как действие и принимали своеобразную форму, позднее названную мифом.

На первых стадиях развития это были мифы о сотворении и устройстве мира. Затем благодаря наблюдениям за изменениями звездного неба постепенно формировались такие представления об окружающем мире, которые реально помогали древним людям ориентироваться во времени и пространстве. В связи с этим постоянно формировались и уточнялись знания о движениях различных небесных светил, связанные с основными ритмами жизни первобытного общества.

Небесные светила, в первую очередь Солнце и Луна, а затем и звезды, были у многих народов составной частью культа Неба. Знание точного времени наступления начала года, сезона, того или иного события и праздника было необходимо для проведения и подготовки различных ритуалов, которые проводились с целью достижения максимальных результатов в том или ином виде деятельности. Отсюда у древних людей возникала потребность во все более тщательных наблюдениях, в поисках закономерностей движения светил и в согласовании своей жизни с их основными ритмами. Требовалась слаженность ежегодного и многолетнего хозяйственного цикла с основными моментами восхода и захода Солнца в дни весеннего и осеннего равноденствия, зимнего и летнего солнцестояния, а также с основными фазами высокой и низкой Луны. Кроме того, люди ориентировались по основным созвездиям ночного неба во время переходов на далекие расстояния, особенно в бескрайних степях или пустынях, где нет других надежных ориентиров (Марсадоллов Л.С., 2007, с. 9).

В результате естественным образом возникла потребность в создании календаря. Постепенно люди научились измерять время в течение суток по высоте Солнца, а длитель-

ность месяца и года по периоду обращения Луны и Солнца. Первым календарем у всех народов был лунный календарь, т.е. люди научились определять период, через который повторяются фазы Луны. «Лунный период считается самой древней календарной единицей» (Паннекук А., 1966, с. 19). Задача приспособления лунного календаря к солнечному году сыграла важную роль для развития астрономических представлений, так как способствовала регулярным наблюдениям за светилами. Отсюда возникла потребность в идентификации наблюдаемых объектов, в создании первых примитивных приспособлений для наблюдений за небесными объектами и в фиксации получаемых результатов.

Накопление наблюдательных данных. Одним из первых способов фиксирования наблюдаемых ритмов были насечки на различных изделиях палеолитического человека (на украшениях, орудиях, счетных бирках, пластинах). Всевозможные орнаменты являлись не просто украшением, а часто служили первыми отметками природных ритмов, выполняли функции календаря. Интересны исследования А. Маршака, Б.А. Фролова и В.А. Ларичева, основанные на изучении большого числа орнаментированных палеолитических предметов. Оказалось, что на стоянках от Байкала до Пиренеев довольно много предметов, которые могут быть знаковыми календарными системами. Есть основания предполагать, что с их помощью первобытные охотники определяли разнообразные природные ритмы – как астрономические, так и связанные с физиологическими ритмами людей, животных и растений.

Наличие древних календарей, содержащих циклы, совпадающие с важнейшими природными ритмами, свидетельствует о выполнении весьма тщательных наблюдений на протяжении длительного времени.

На Алтае было найдено большое количество археологических памятников, свидетельствующих о том, что еще в древности человек проводил астрономические наблюдения. Исследование древних святилищ Алтая показало, что почти все эти сооружения служили астрономическим и сакральным целям на протяжении многих столетий. Для определения времени сооружения культовых объектов наиболее важны обнаруженные там наскальные рисунки, среди которых имеются изображения, напоминающие звездное небо. Петроглифы из разных районов Алтая свидетельствуют о том, что почти все святилища возникли в эпоху бронзы, наиболее интенсивно использовались в «раннескифское время» и гораздо меньше в последующее периоды (Марсадолов Л.С., 2007, с. 41).

Таким образом, уже в древности человек не только наблюдал, но и сделал первые попытки фиксации различных астрономических закономерностей в виде насечек на предметах быта, украшениях и в наскальных изображениях.

Создание и совершенствование необходимого инструментария. Первые совсем простые инструменты для измерения времени и расстояний, различные приспособления для вычисления и запоминания природных ритмов, лунно-солнечные календари, судя по данным археологии, возникли еще в эпоху палеолита. «Современные исследователи относят архаические календари многих народов к одной категории со счетными бирками, характеризуя их как первоначальный этап развития научных инструментов» (Фролов Б.А., 1992, с. 97).

Позднее появились древние *стационарные астрономические наблюдательные пункты и обсерватории*, которые служили как для астрономических, так и для сакральных целей. Для того чтобы правильно выбрать место для святилища и установки деревянных или каменных реперов, необходимо было выполнить предварительные наблюдения, которые

решались с помощью различных типов переносных визиров, в чем-то близких найденным в Древнем Египте (рис. 1.-3). Эти первые астрономические приспособления использовались для ограничения угла зрения и для более точной ориентировки объектов.

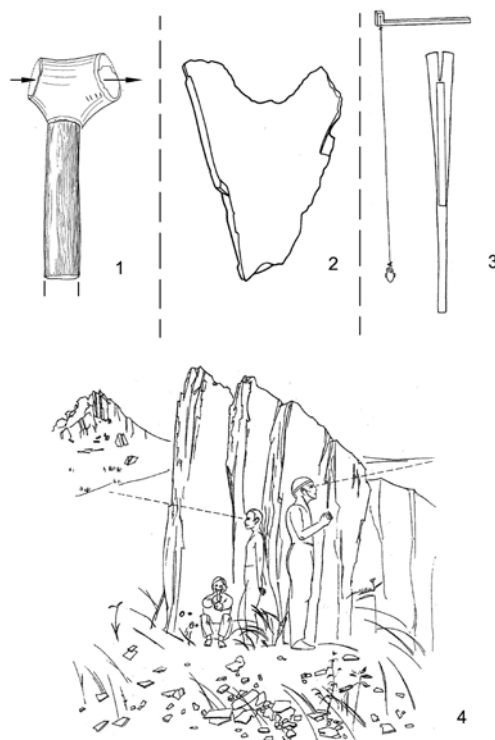

Рис. 1. Астрономические приспособления, использовавшиеся для ограничения «угла зрения» и более точной ориентировки объектов: 1–2 – Семисарт, Центральный Алтай; 3 – Египет; 4 – Семисарт, нижний стационарный наблюдательный пункт (реконструкция возможного процесса астрономических наблюдений из разных скальных ниш)

«Вероятно, первые переносные визиры появились в эпоху палеолита – это так называемые роговые «жезлы» вождей или жрецов с круглыми отверстиями или изгибами в верхней части. В кургане №4 на святилище Семисарт (Центральный Алтай, VIII–VII вв. до н.э.), кроме стационарных каменных визиров, было найдено два типа переносных – небольшой каменный визир «ψ»-образной формы с выступом-«мушкой» в центре, удобный по размерам для держания в руке при работе (рис. 1.-2), а также роговой визир, своеобразный *праобраз подзорной трубы и телескопа* (рис. 1.-1), который хорошо ограничивает поле зрения наблюдателя и позволяет легко ориентировать объекты по одной линии, а также наблюдать за звездами» (Марсадолов Л.С., 2001).

Еще в эпоху неолита или ранней бронзы появились первые *стационарные гигантские астрономические приборы* – каменные реперы – мегалиты. С их помощью отмечали места восходов и заходов светил, фиксировали основные даты солнечного года.

Мегалитические сооружения ныне обнаружены по всему миру – в Европе, Азии, Америке, Африке, Южной Сибири и на Алтае (<http://www.megalithics.com>).

В качестве примеров таких древних «обсерваторий» эпохи бронзы можно назвать хорошо изученные мегалитические памятники Великобритании – Нью-Грейндж (ок. 3000 г. до н.э.), Стоунхендж и Каллениш (2000–1500 г. до н.э.), а также многие другие объекты (Хокинс Дж., Уайт Дж., 1984). Наряду с вертикальными каменными стелами-визирами («стоунхенджами») для астрономических целей в древности во многих регионах мира использовались и деревянные столбовые конструкции – «вудхенджи» (Хокинс Дж., 1977; Потемкина Т.М., 2001).

Создание «храмов-обсерваторий» из огромных камней было распространенным явлением у разных народов. Один из таких мегалитических комплексов обнаружен в *Тархате*, около поселка Кош-Агач на Юго-Восточном Алтае (Соенов В.И. и др., 2000; Марсадолов Л.С., 2007). Начало сооружения объектов в Тархате относится к концу III – началу II тыс. до н.э. Конструкция этого комплекса напоминает другие древние обсерватории. По кругу диаметром около 60 м установлены как небольшие, так и гигантские камни, высотой более 4 м. На ряде камней были нанесены изображения различных животных и всадников. На одном из камней был обнаружен выбитый рисунок в виде квадрата с крестом в центре, близкий к рисункам в Ак-Бауре, Семисарте и на объектах из других святилищ Евразии. В Тархате, как и в Стоунхендже, есть свой «пяточный» камень, вынесенный за пределы кургана, а с Большим Салбыкским курганом в Хакасии их объединяют «врата» из вертикально установленных камней (Марсадолов Л.С., 2007, с. 13–16).

На Алтае известны также стационарные наблюдательные пункты, прототипы древних обсерваторий. Комплекс таких пунктов для астрономических наблюдений был найден в урочище Семисарт, у скалы Кара-Бом, около поселка Ело. Эти пункты расположены на склоне горы и ориентированы таким образом, что перед ними точно на юге находится середина противоположащей большой горы. Пункты состоят из трех-четырех находящихся рядом скальных ниш. Ниши имеют выровненные и подправленные человеком края и боковые стенки, на которых есть схематичные рисунки Солнца, Луны и лунок-созвездий. Функциональное назначение каждой ниши было строго специализировано и определено ее положением на скале. Например, из одной ниши можно наблюдать только точки восхода Солнца и Луны на востоке; из другой – только точки их захода на западе; из третьей – только южную часть горизонта и т.д. (рис. 1.-4). Имеются узкие ниши, из которых, сидя на ступеньке или стоя, можно наблюдать горизонтальное или вертикальное перемещение небесных тел (Марсадолов Л.С., 2001).

Иногда для астрономических наблюдений использовались естественные гроты или пещеры, особенно с отверстиями на потолке. Один из таких гротов находится в урочище Ак-Баур на Западном Алтае (Марсадолов Л.С., Самашев З.С., 2000). На потолке грота расположено округлое отверстие, размером около 90 см (1/2 кулаша) – постоянная точка для наблюдений за солнцем и ночным небом. «С восточной стороны на краю отверстия имеется «подтреугольный» выступ-мушка, вероятно, подправленный руками человека. Отверстие с мушкой использовалось и для фиксации движения основных созвездий ночного неба, вскоре после захода солнца» (Марсадолов Л.С., 2002).

Потребность в идентификации наблюдаемых небесных объектов привела к созданию первых приспособлений (приборов), визиров и стационарных пунктов для наблюдений за небесными светилами. Используя окружающий ландшафт, учитывая важные астрономические моменты (равноденствия и солнцестояния), были созданы древние святилища – «обсерватории», которые служили как астрономическим, так и сакральным

целям. Эти памятники функционировали на протяжении многих столетий. На их примере можно проследить, какие астрономические задачи решал человек того времени.

Сохранение знаний в виде карт звездного неба. Человек всегда стремился сохранить наиболее важные результаты своей деятельности на долгие времена, поэтому еще в эпоху камня появились первые наскальные подобиия карт звездного неба, хотя не исключается возможность существования в древности «карт» созвездий и из трудно сохраняемых органических материалов – кожи, дерева, кости и т.п.

Одни из первых зафиксированных результатов наблюдений дошли до нас в виде наскальных рисунков фрагментов звездного неба. Об этом свидетельствуют, например, изображения созвездий, найденные в Армении, которые, возможно, датируются III–I тыс. до н.э. (Парсамян Э.С., 1988, с. 136–147).

Следует отметить, что *изображения созвездий передавались по-разному – в виде точек-углублений, знаков и рисунков* животных и предметов, антропоморфных изображений и т.п. На Алтае зафиксированы все эти три способа фиксации реальных созвездий. Особенно многочисленны так называемые «чашевидные» углубления. По мнению некоторых исследователей, на горе в святилище Бийке (Северный Алтай) при помощи лунок отражен реальный участок неба, в который входило и созвездие Орион (рис. 2; Окладникова Е.А., 1984; Тишкин А.А., Горбунов В.В., 2005; Марсадолов Л.С., 2007).

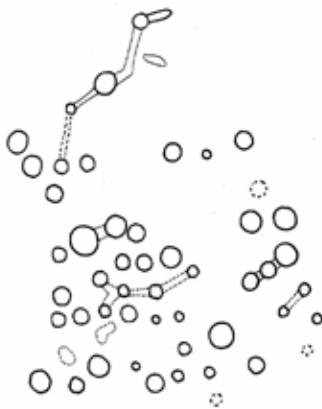

Рис. 2. Бийке, Северный Алтай. Прорисовка «чашевидных» углублений на северо-западной части скального выступа

«Композиция рисунков в виде знаков и фигур, выполненных красной краской на стене в гроте Ак-Баур (Западный Алтай), отражала реальный участок звездного неба, в который входили созвездия Большой Медведицы («ковш»), Дракона, Близнецов, Козерога и др. (рис. 3.-1). Отдельные звезды и их скопления-созвездия изображены в виде точек, линий, простых и сложных крестов, треугольников и других фигур» (Марсадолов Л.С., 2002). На наскальных рисунках из грота Ак-Баур и на горе святилища Бийке представлена карта не всего неба, а только его части, характерной именно для южной ориентации этих объектов. Рисунками и точками изображены не «неподвижные» реальные созвездия, а, скорее, их зрительно-образное восприятие, переданное путем геометрической разметки, своеобразное соединение мировоззренческих основ с математикой и астрономией в единое целое» (Марсадолов Л.С., 2002).

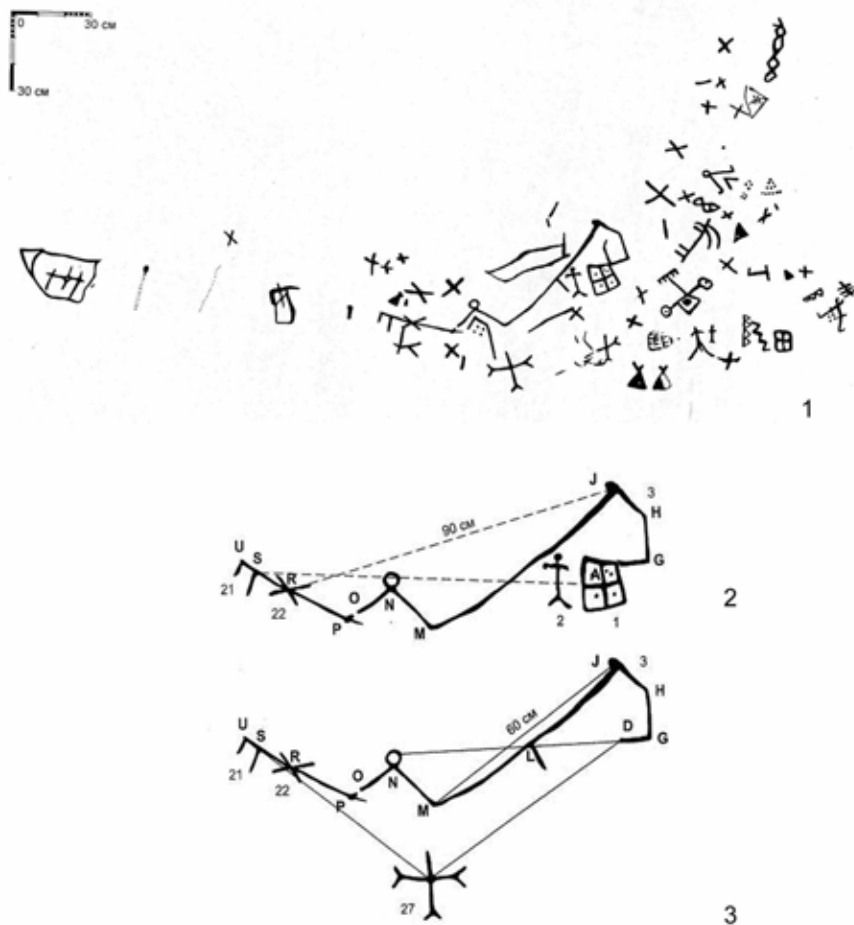

Рис. 3. Ак-Баур, Западный Алтай: 1 – прорисовка изображений на стене грота (вероятно, фрагмент древней карты звездного неба); 2–3 – реконструкция разметки изображений с помощью расстояний по 90 (2) и 60 см (3)

Начиная с древности все звездное небо было постепенно распределено на характерные группы, называемые созвездиями и каждому созвездию давалось свое имя. Положение этих созвездий запоминалось исходя из определенной повторяющейся картины звездного неба. Появились первые наскальные прототипы карт звездного неба.

Разработка методов наблюдений и их анализ. Сама задача выбора правильного места для древнего святилища достаточно сложна. Она требует представления не только о природных ритмах, но и об особенностях ландшафта и знаний обо всех сакральных обрядах племени. Для того чтобы найти такое соответствие, нужны были обширные знания и наблюдения на протяжении длительного времени. При этом не только результаты наблюдений должны как-то фиксироваться, но и сами моменты и способы наблюдений должны были передаваться от поколения к поколению. Одним из способов передачи информации можно считать ритуалы, которые повторялись с большой точностью и выполнялись со скрупулезной аккуратностью во всех мелких деталях.

Еще одним способом фиксации наблюдений можно считать сооружения различных древних культовых объектов. Правильные хорошо сориентированные сооружения древних святилищ, находящиеся там наскальные рисунки, в которых присутствуют определенные меры длины, дают нам возможность отметить еще один аспект методологии древних людей: *использование мер (модулей) времени и длины*. В качестве меры времени использовались различные астрономические циклы. Счет по фазам Луны или по сезонам требует астрономических наблюдений и применения чисел. На основе чисел позднее возникает арифметика и магические числа в разных регионах мира.

Потребность в единицах меры длины возникла еще в палеолитическую эпоху. Проблемы поиска измерительных модулей и используемых методических приемов постепенно решаются на примерах изучения четкого соблюдения метрических пропорций на палеолитических предметах (работы В.Е. Ларичева и В.И. Жалковского).

Обнаруженные археологами факты говорят о том, что при построении наскальных рисунков часто использовались определенные меры длины. Экспедицией Эрмитажа путем многочисленных замеров расстояний между лунками и знаками в Семисарте, Бийке, Ак-Бауре и на других святилищах Алтая была предпринята попытка найти метрические модули (рис. 3.-2–3) и последовательность нанесения рисунков (Марсадалов Л.С., 2001, 2002, 2005, 2007).

Измерения необходимы не только при наблюдении небесных объектов, но и при разметке и строительстве культовых, жилых и общественных построек; при определении расстояний между объектами; при сооружении погребальных памятников; при изготовлении орудий труда, посуды, украшений, оружия и особенно культовых предметов как эталонов для подражания и разметки.

По-видимому, именно эпоху палеолита можно считать истоком не только первого опыта получения и фиксации объективных данных об окружающем мире, но и некоторой методологии, которая совершенно необходима для выполнения наблюдений и передачи навыков последующим поколениям.

Построение все более сложных теорий. Астрометрия всегда была преимущественно эмпирической наукой. На основе наблюдательных данных возникает теория, главными задачами которой являются описание, объяснение и предсказание изучаемого явления. Можно сказать, что миф до возникновения астрометрии как науки практически играл роль теории. Он развивался, и вместе с ним менялись задачи древнего наблюдателя. Однако для древних периодов характерно то, что «связь между явлениями природы рассматривалась не как причина и следствие, а как примета и значение» (Паннекук А., 1966, с. 49).

Культовые сооружения с заложенными в них астрономическими аспектами были широко распространены в разных регионах мира и служили местом для выполнения важных ритуальных церемоний. Астрономическое назначение подобных сооружений было известно немногим посвященным – жрецам, которые передавали эти знания не только своим преемникам, но и соплеменникам. В древности ни одно сложное сакральное действие не выполнялось без соответствующих ритуальных церемоний. Считалось, что ритуал создает дополнительные преимущества для успешной деятельности людей. Жрецы стремились к укреплению своей власти, а для этого они должны были подвести некоторую ритуальную основу под имеющийся опыт и объяснить его с помощью мифологических представлений. В то же время для того, чтобы воздвигнуть

сложные и монументальные сооружения, нужна была помощь соплеменников. Когда большие группы людей осознанно участвовали в сооружениях различных культовых объектов из камня и дерева, то одновременно они получали навыки вписывания объектов в окружающую природную среду. Эти навыки до сих пор сохранились у кочевников при сооружении временных и постоянных поселков, расположении жилищ и юрт, ориентации в пространстве, использовании мер длины, связанных с человеческим телом: локоть, пядь, прямая сажень (кулаш), косая сажень (ша) и т.д.

Из проводимых в течение длительного времени наблюдений выявлялась повторяемость конфигураций звездного неба и по мере накопления и анализа полученной информации обнаруживалась цикличность различных небесных явлений. Эти знания использовались для проведения ритуалов и новых астрономических наблюдений, а также являлись основой метода познания и передавались от поколения к поколению в форме мифа и различных изображений.

Уже в эпоху палеолита можно увидеть проявление всех пяти основных направлений становления и развития астрометрии, которые позднее постоянно дополнялись и усложнялись.

Интересно было бы проследить закономерности возникновения, взаимосвязи и взаимовлияния практики и теории астрометрических исследований начиная с древнейшего периода и до античности, когда наряду с мифологией начинают формироваться общие предпосылки для развития науки. Вероятно, изучая древние объекты и анализируя содержащиеся в них астрономические данные, можно будет не только судить об уровне научных достижений предшествующих эпох, но и попытаться реконструировать выдающиеся астрономические явления, наблюдаемые в прошлом.

Библиографический список

- Ларичев В.Е. Мудрость змеи: Первобытный человек, Луна и Солнце. Новосибирск: Наука, 1989. 272 с.
- Ларичев В.Е. Заря астрологии: Зодиак троглодитов, Луна, Солнце и «блуждающие звезды». Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 1999. 320 с.
- Марсадолов Л. С. Комплекс памятников в Семисарте на Алтае. Материалы Саяно-Алтайской археологической экспедиции Государственного Эрмитажа. СПб.: Копи Р, 2001. Вып. 4. 49 с. + 118 рис.
- Марсадолов Л. Астрономический аспект грота Акбаур на Западном Алтае // Астрономия древних обществ. М.: Наука, 2002. С. 228–234.
- Марсадолов Л. С. Методические аспекты изучения древних святилищ Саяно-Алтая // Теория и практика археологических исследований. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2005. Вып. 1. С. 34–42.
- Марсадолов Л.С. Отчет об исследовании древних святилищ Алтая в 2003–2005 годах. СПб.: Изд-во Государственного Эрмитажа, 2007. 278 с. (Материалы Саяно-Алтайской археологической экспедиции Государственного Эрмитажа. Вып. 5).
- Марсадолов Л.С., Самашев З.С. Изучение археологических памятников Западного Алтая. СПб.: Копи Р, 2000. 32 с. + 42 рис. (Материалы Саяно-Алтайской археологической экспедиции Государственного Эрмитажа. Вып. 3).
- Окладникова Е. А. Петроглифы Средней Катуни. Новосибирск: Наука, 1984. 111 с.
- Паннекук А. История астрономии. М.: Наука, 1966. 592 с.
- Парсамян Э.С. Археoaстрономия в Армении // Историко-астрономические исследования. М.: Наука, 1988. №XX. С. 136–146.
- Потемкина Т.М. Энеолитические круглоплановые святилища Зауралья в системе сходных культур и моделей степной Евразии // Мировоззрение древнего населения Евразии. М.: Старый сад, 2001. С. 166–256.

Соенов В.И., Шитов А.В., Черемисин Д.В., Эбель А.В. Тархатинский мегалитический комплекс // Древности Алтая: Известия лаборатории археологии. Горно-Алтайск: Изд-во ГАГУ, 2000. №5. С. 7–15.

Тишкин А.А., Горбунов В.В. Комплекс археологических памятников в долине р. Бийке (Горный Алтай). Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2005. 200 с.

Фролов Б.А. Первобытная графика Европы. М.: Наука, 1992. 200 с.

Хокинс Дж., Уайт Дж. Разгадка тайны Стоунхенджа. М.: Мир, 1984. 242 с.

Хокинс Дж. Кроме Стоунхенджа. М.: Мир, 1977. 272 с.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АлтГУ – Алтайский государственный университет.

АН МНР – Академия наук Монгольской Народной Республики.

АН СССР – Академия наук Советского союза

БГПУ – Барнаульский государственный педагогический университет.

БНЦ – Бурятский научный центр.

ВСОРГО – Восточно-Сибирское отделение Русского географического общества.

ГАГУ – Горно-Алтайский государственный университет.

ГАИО – Государственный архив Иркутской области.

ГХЮДЦД – Гу ханью да цыдянь.

Д. – дело.

ИАиЭ – Институт археологии и этнографии.

ИГУ – Иркутский государственный университет.

ИИМК – Институт истории материальной культуры.

ИрГТУ – Иркутский государственный технический университет.

КемГУ – Кемеровский государственный университет.

КСИИМК – Краткие сообщения ИИМК.

Л. – лист.

МинОКН – Министерство образования, культуры и науки.

НГУ – Новосибирский государственный университет.

Оп. – описание.

РА – Российская археология.

РАН – Российская академия наук.

РГНФ – Российский гуманитарный научный фонд.

РИО – Редакционно-издательский отдел.

СА – Советская археология.

СО – Сибирское отделение.

СЭ – Советская этнография.

ТНИИЯЛИ – Тувинский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории.

УЗ – Ученые записки.

Ф. – фонд.

ЧГВУДТЦ НМГ – Чжунго вэньу дитуцзи. Нэймэнгу цзычжи цю фэнцэ.

ЧГЛШДМДЦД – Чжунго лиши димин да цидянь.

ЭО – Этнографическое обозрение.

Порядок оформления статей для очередных выпусков

Предполагаемая тематика разделов:

Теоретические и методические аспекты в археологии.

Использование естественно-научных методов в археологических исследованиях.

Зарубежная археология.

Результаты изучения материалов археологических исследований.

Социальные реконструкции в археологии.

История археологических открытий и исследований.

Рецензии, заметки, хроника и сообщения, библиографический обзор, персоналии.

ОБРАЗЕЦ ОФОРМЛЕНИЯ

А.А. Тишкин, С.В. Хаврин

*Алтайский государственный университет, Барнаул;
Государственный Эрмитаж, Санкт-Петербург*

ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ СПЕКТРАЛЬНОГО АНАЛИЗА ИЗДЕЛИЙ ИЗ ПАМЯТНИКА ЯЛОМАН-II (ГОРНЫЙ АЛТАЙ)*

Статья представляется на русском языке общим объемом до 12 страниц (кегель 14, интервал полуторный, шрифт Times New Roman, поля: верхнее 2 см, нижнее 2,5 см, левое 2,5 см, правое 2 см; сноски внутри статьи (Иванов С.В., 2001, с. 8, рис. 5.-6-8), отдельно прилагаются библиографический список, выстроенный по алфавиту, и подписи к рисункам. Возможна публикация нескольких качественно выполненных иллюстраций.

* Работа выполнена при поддержке РФФИ (проект №03-06-80384).

Образцы оформления библиографического списка

Для монографий: Давыдова А.В. Иволгинский археологический комплекс. Т. 2: Иволгинский могильник. СПб.: Петербургское Востоковедение, 1996. 176 с.: ил. (Археологические памятники сунну. Вып. 2).

Для статей: Боковенко Н.А., Засецкая И.П. Происхождение котлов «гуннского типа» Восточной Европы в свете проблемы хунно-гуннских связей // Петербургский археологический вестник. СПб.: Фарн, 2005. №3. С. 73–88.

Ефимов К.Ю. Золотоордынские погребения могильника «Олень-колодезь» // Российская археология. 2000. №1. С. 167–182.

Статьи для следующего выпуска **необходимо присылать до 1 июня 2009 г.** по электронной почте (tishkin@hist.asu.ru с пометкой «Теория и практика археологических исследований»), а также в конверте в распечатанном виде с оригиналами рисунков и с подписями авторов. Адрес: 656049, Алтайский край, г. Барнаул, пр-т Ленина, 61, Алтайский государственный университет, каб. 211 (кафедра археологии, этнографии и музеологии), Тишкину Алексею Алексеевичу.

Вопросы принимаются по телефону (3852)668158
Пожалуйста, соблюдайте правила оформления статей!

Научное издание

**ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА
АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ**

Выпуск 4

СБОРНИК НАУЧНЫХ ТРУДОВ

Редактор: Н.Я. Тырышкина
Технический редактор: А.А. Тишкин
Подготовка оригинал-макета: М.Ю. Кузеванова

Подписано в печать 17.12.2008. Печать офсетная.
Бумага офсетная. Формат 70х100/16. Усл. печ. л. 17,4.
Тираж 400 экз. Заказ _____

Издательство Алтайского государственного университета:
656049, Барнаул, ул. Димитрова, 66

Отпечатано в типографии ООО «Азбука»:
656099, Барнаул, пр. Красноармейский, 98а
тел. 629103, 627725
E-mail: azbuka@dsmail.ru